

Я. В. ГЛИНКА

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

россия в мемуарах

Вступительная статья, подготовка текста,
биографический словарь и комментарии
Б. Витенберга

Серия выходит под редакцией
А. Рейтблата

Оформление серии
Н. Песковой

Художник тома
Д. Черногаев

Федеральная программа книгоиздания России

Глинка Я.В.

Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б.М. Витенберга. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 400 с.

Дневник и воспоминания Я.В. Глинки (1870—1950) публикуются впервые. Их автор сыграл важную роль в деятельности Государственной думы начала XX в., фактически возглавляя её рабочий аппарат — думскую канцелярию. В книге читатель найдет яркие портреты ведущих политических деятелей эпохи, выразительные описания повседневной жизни Таврического дворца, подробности происходившего в кулуарах Думы, в которые Я.В. Глинка, ближайший сотрудник ее председателей, был посвящен как никто из его современников. Самостоятельной ценностью обладает включенный в книгу «Биографический словарь», подготовленный на основе документов из Российского государственного исторического архива.

ISBN 5-86793-123-4

Я.В. ГЛИНКА И ЕГО ДНЕВНИК

10 августа 1950 г. на 81-м году жизни в Ульяновске скончался старейший театральный художник Яков Васильевич Глинка. В некрологе, опубликованном 13 августа «Ульяновской правдой» и подписанном традиционно: «Группа товарищей», необычайно подробно для того времени говорилось и о жизненном пути, и о творчестве покойного:

«Свыше тридцати лет своей трудовой жизни Я.В. Глинка отдал советскому театру. С первых дней советской власти Яков Васильевич оставляет юридическую службу и с присущей ему неутомимой энергией отдается любимому делу. Он руководит постройкой театральных помещений и домов просвещения на Украине, работает художником в Житомирском театре, совмещая основную должность с работой помощника режиссера, машиниста сцены, администратора театра. С 1920 г. Я.В. Глинка работает ведущим художником в крупнейших городах Советского Союза — Москве, Ленинграде, Сталинграде, Киеве, Одессе, Новосибирске, Краснодаре, Алма-Ате, Севастополе, Воронеже.

В течение последних двенадцати лет Яков Васильевич Глинка плодотворно работал в Ульяновском областном драматическом театре главным художником, а затем художником-постановщиком. Он всегда гордился тем, что ему выпала честь жить и творить на родине великого Ленина.

Свыше 70 спектаклей оформил Я.В. Глинка на сцене Ульяновского театра, талантливо воплощая в художественном оформлении актуальные темы современности и русской классики. Его творчество всегда соединяло в себе глубину идейного замысла с простой и выразительной художественной формой».

Далее, уже вполне в духе эпохи, отмечалось, что «Я.В. Глинка, несмотря на свой преклонный возраст, до самой последней минуты своей жизни активно занимался общественной работой».

Безымянным авторам некролога не удалось избежать — не по своей воле, разумеется, — и вполне стереотипного его завершения: «Талантливый художник, полный творческой энергии, неутомимый общественник, прекрасный отзывчивый товарищ, кристально-чистой души советский человек, беззаветно преданный Родине, — таким был Яков Васильевич Глинка, таким и останется в сердцах товарищей»[1].

Лишь намеком в некрологе указывалось на характер дореволюционной деятельности покойного. Большего в то время сказать было просто нельзя. А между тем в годы Гражданской войны на совершенно новое для себя поприще театрального художника в уже весьма зрелом возрасте, почти пятидесяти лет от роду,

[1] Ульяновская правда. 1950. 13 августа. № 161. С. 4.

вступил человек, в недавнем прошлом отлично известный на всех ступенях государственной иерархии Российской империи. За плечами Я.В. Глинки к тому времени было действительно уже 22 года «юридической службы». И служба эта протекала в высших государственных учреждениях России — сначала в аппарате Государственного совета, а затем, на протяжении всех 11 лет его деятельности, в Канцелярии первого российского народного представительства — Государственной думы. Причем в Канцелярии Думы Глинка почти все это время занимал ведущие должности, а реальная роль, которую он играл в жизни нижней законодательной палаты, как нам еще предстоит увидеть, далеко выходила за рамки его должностных полномочий. В 1913 г. он получил «генеральский» чин действительного статского советника. А в апреле 1917 г. Яков Васильевич был назначен Временным правительством сенатором (о чем в некрологе, разумеется, предпочли умолчать, хотя Глинка и указывал это обстоятельство в анкетах советского времени). Октябрьская революция раз и навсегда поставила точку в его служебной карьере. И лишь после этого в разгар Гражданской войны начинается его, как он сам впоследствии ее называл, «вторая жизнь», неразрывно связанная с театром.

Одним из немногих, но безусловно самым ценным из сохранившихся у Я.В. Глинки свидетельств его прежней, «первой жизни», был его дневник. Яков Васильевич вел его с 1910 г. и вплоть до дней Февральской революции, записывая свои впечатления от увиденного и услышанного в Таврическом дворце. Хотя окружавшая его теперь жизнь советской провинции явно к тому не располагала, Глинка не терял надежды, что он когда-либо будет опубликован. Именно поэтому он дополнил дневник воспоминаниями — весьма, правда, краткими, — своего рода прологом и эпилогом к дневнику. В этих своих воспоминаниях Глинка нередко прямо обращается к своему будущему читателю. Работу над ними Глинка закончил уже в последние месяцы своей жизни, в 1950 г.

К рассказу о дневнике Якова Васильевича мы еще вернемся. Сейчас же нам предстоит познакомиться с биографией его автора, его судьбой, удивительной даже для этого переломного в истории России времени[2].

Яков Васильевич Глинка принадлежал к одному из самых известных и древних дворянских родов России, который вел свое происхождение с середины XVII в.[3] О его родоначальнике в «Русской родословной книге» кн. А.Б. Лобанова-Ростовского читаем: «Виктор-Владислав Глинка, выезжий из короны

---

[2] Некоторые документальные материалы, использованные в этом предисловии, впервые опубликованы нами в статье: ***Витенберг Б.М.*** Яков Васильевич Глинка: жизнь в эпоху перемен // Из глубины времен. СПб., 1998. Вып. 10. С. 171—195.

[3] См.: *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. I. С. 128—135; *Глинка М.С., Шумков А.А.* Глинки // Дворянский календарь. Справочная родословная книга российского дворянства. СПб., 1996. Тетрадь 1. С. 56—61.

польской, за службу "на оборону городов Северских" пожалован 17 сентября 1641, от короля Владислава IV, привилегиею на разные вотчины в Смоленском воеводстве <...>. С переходом Смоленска под русскую державу, при царе Алексее Михайловиче, принял православие, наречен Яковом Яковлевичем и утвержден в правах вотчинных <...>»[4].

Предки Я.В. Глинки, в отличие от других ветвей своего рода, сравнительно поздно перешли из католичества в православие. Его дед, Матвей Дмитриевич Глинка (принадлежавший, как и композитор М.И. Глинка, к шестому колену потомков Виктора-Владислава)[5], в малолетстве был присоединен к православию, сменив при этом свое прежнее имя Адам на Матвей. Окончив в 1822 г. Первый кадетский корпус, он некоторое время служил в Бутырском пехотном полку прапорщиком. Выйдя в отставку, Матвей Дмитриевич поселился в Смоленском уезде, где ему с братьями и сестрами принадлежало 127 душ крестьян[6].

Отец Якова Васильевича, Василий Матвеевич Глинка, родился в 1836 г. в с. Молькове Смоленского уезда[7]. Он также обучался в Первом кадетском корпусе; в 1855 г. вступил в службу прапорщиком. Всю Крымскую войну он провел в действующей армии, участвовал в ряде сражений, в том числе в бою при Черной речке[8]. В 1864 г. Василий Матвеевич уволился с военной службы с чином штабс-капитана. Еще в 1861 г. с разрешения военного начальства он был назначен членом от правительства сначала одного из округов мировых съездов, а затем, с 1863 г., Волынского губернского по крестьянским делам присутствия. Свою карьеру гражданского чиновника он начал на Волыни, в губернском городе Житомире.

Здесь, в Житомире, у Василия Матвеевича и его жены Софьи Яковлевны (урожденной Молчановой, дочери статского советника) и родился 19 мая 1870 г. сын Яков[9].

Вскоре после этого у семьи появилось и имение в Житомирском уезде: Василию Матвеевичу была пожалована «в виде награды за службу» казенная ферма «Вильский Тартак» в 824 дес. «с мельницею, рыболовлей и корчком с рассрочкою продажной суммы на 22 года»[10]. Смоленское же имение Василия

[4] *Лобанов-Ростовский А.Б.* Указ. соч. С. 128.

[5] См.: Там же. С. 131—132.

[6] См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1343. Оп. 19. Д. 2063. Л. 515, 519.

[7] См.: *Лобанов-Ростовский А.Б.* Указ. соч. С. 133; РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 2063. Л. 535.

[8] Сведения о службе В.М. Глинки здесь и далее даются по его формулярному списку 1902 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 51. 1892 г. Д. 163. Л. 81—95.

[9] Копия метрического свидетельства о рождении Я.В. Глинки // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 997. Л. 29.

[10] РГИА. Ф. 1284. Оп. 52. 1892 г. Д. 163. Л. 85 об. — 86.

Матвеевича (312 дес.) вскоре, по всей видимости, было продано (во всяком случае, оно исчезает из его формулярных списков), так что семья обрела на Волыни свою новую родину. В это семейное имение Яков Васильевич впоследствии постоянно возвращался на время летних отпусков.

Карьера Василия Матвеевича развивалась стремительно: в 1882 г. он становится подольским, в 1882-м житомирским вице-губернатором, а в 1885 г. возвращается в Подольскую губернию, теперь уже губернатором. В 1891 г. В.М. Глинка получил чин тайного советника. В 1892 г. он назначается членом Совета министра внутренних дел и переезжает на службу в столицу; эту должность он занимал вплоть до своей кончины, последовавшей 5 июня 1902 г.[11]

Вскоре после перевода отца на службу в Петербург начинает свою служебную карьеру и Яков Глинка. Окончив юридический факультет Петербургского университета, он был 30 ноября 1895 г. принят на службу в одно из самых престижных правительственных учреждений — Государственную канцелярию[12]. По-видимому, без протекции занявшего видное место в столичной бюрократии отца здесь не обошлось, хотя в своих воспоминаниях Яков Васильевич и настаивает на обратном. Служба в Государственной канцелярии стала для него хорошей школой. Это учреждение вело дела Государственного совета — высшего законосовещательного учреждения империи. Здесь Яков Васильевич приобрел незаменимый опыт работы над законодательством (с 1903 г. он служил в Отделении законов Государственной канцелярии, где уже в ноябре 1905 г. занял весьма видную для его лет должность старшего делопроизводителя), здесь он завел весьма пригодившиеся ему впоследствии служебные знакомства. А 16 апреля 1906 г. Я.В. Глинка получил назначение, как оказалось впоследствии, предопределившее его дальнейшую судьбу — по крайней мере, в его «первой жизни» государственного чиновника: он в числе других сотрудников Государственной канцелярии был ордером возглавлявшего ее государственного секретаря барона Ю.А. Икскуль фон Гильденбанда откомандирован для ведения делопроизводства открывавшейся 11 дней спустя, 27 апреля, Государственной думы[13].

Трудно назвать другое событие того времени, которое получило бы столь восторженные, почти единодушные (кроме политиков и публицистов, принадлежавших к крайне левому и крайне правому полюсам российского политического спектра) оценки современников, как открытие Государственной думы, с которой было связано столько надежд. Как вспоминал один из лидеров кадетской партии и депутат I Думы М.М. Винавер, полной неожиданностью для народных избранников, направлявшихся из Зимнего дворца, где только что

[11] См.: Там же. Л. 59.

[12] Здесь и далее данные о служебной биографии Я.В. Глинки приводятся по его формулярным спискам — основному 1907 г. и дополнительному 1916 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 997. Л. 7—17).

[13] См.: РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 240. Л. 53.

состоялся торжественный прием членов обеих законодательных палат — Государственной думы и Государственного совета, в Таврический дворец, оказалась именно атмосфера «улицы» — «крики, которые неслись к плывущим на пароходах депутатам с набережных и с мостов, белые платки, развевавшиеся из окон "Крестов", наконец, этот густой шпалер людей, стискивавший депутатов на коротком расстоянии между пристанью и думою, лобызавший их, жавший им руки, прижимавший их к сердцу и оглашавший воздух стоном: "амнистия"»[14].

После этого на сцене российской истории за всего лишь одиннадцать лет современники могли наблюдать становление, деятельность и гибель первого народного представительства. Можно привести многочисленные — чаще всего раздраженные, преувеличенные и несправедливые — негативные оценки исторической роли российского парламентаризма, принадлежащие свидетелям его недолгого века. Пожалуй, наиболее категорично в этом смысле высказался философ и публицист В.В. Розанов: «...в Государственной Думе четырех созывов, — писал он, найдя после большевистской революции приют в Троице-Сергиевой лавре, — не было с самого же начала ровно ничего *государственного*; у ней не было самой *заботы* о Государственном и Государевом деле, и она только как кокотка придумывала себе разные названия или прозвища, вроде "Думы народного гнева", и тому подобное. Никогда, ни разу в Думе не проявилось ни единства, ни творчества, ни одушевления. Она всегда была бесталанною и безгосударственною Думою». В другой заметке Розанов шел еще дальше, указывая именно на российское народное представительство как главную причину постигшей государство катастрофы, очевидцем которой ему выпало оказаться: «В 14 лет (неточность в тексте, должно быть 11. — *Б.В.*) "Государственная" Дума промотала все, что *князья Киевские, Цари Московские и Императоры Петербургские*, а также *сослуживцы* их доблестные накапливали и скопили в тысячу лет»[15].

Что же представляла собою российская Государственная дума, вызывавшая столь противоречивые чувства и мнения современников, какое место занимала в системе российской государственности, какую роль в ней играла?

Создание Государственной думы было составной частью осуществлявшихся в 1905—1906 гг., в ходе бурных событий Первой российской революции, реформ государственного строя Российской империи. Важнейшей их вехой стал Манифест 17 октября 1905 г., провозглашенные которым законодательные права Государственной думы власть в дальнейшем попыталась обставить разнообразными ограничениями. В итоге возникла обновленная конструкция российской государственной власти, которой нельзя отказать в некоторой стройности и

[14] *Винавер М.М.* Конфликты в первой думе // Первая Государственная Дума. Вып. 1. Политическое значение первой думы: Сб. статей. СПБ., 1907. С. 191.

[15] *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 365, 367.

логической завершенности. Самодержавная власть монарха — основной стержень российской государственности на протяжении столетий начиная с XV—XVI вв. — формально сохранялась изданными 23 апреля 1906 г. новыми Основными государственными законами[16]. Их первая глава («О существе верховной самодержавной власти») закрепляла прерогативы монарха в области руководства вооруженными силами, внешней политикой, государственным аппаратом и т.д. Особая роль отводилась преобразованному в октябре 1905 г. по западноевропейскому образцу Совету министров: на него возлагалось объединение деятельности министерств и ведомств. Глава кабинета и министры назначались и увольнялись императором и были ответственны только перед ним.

Но в то же время власть законодательная отныне осуществлялась императором, как формулировалось в Основных законах, «в единении с Государственным советом и Государственной думой». Последние фактически (хотя власть предпочитала это не признавать) представляли собой двухпалатный парламент. При этом сфера законодательной инициативы обеих палат была существенно ограничена Основными законами 1906 г., которые установили, что их пересмотр отныне может происходить лишь по почину императора.

В роли верхней палаты выступал преобразованный Государственный совет, одна половина состава которого назначалась императором, а другая избиралась. Нижней же палатой была Государственная дума. Первоначально в ее состав должно было входить 524 депутата. Они избирались по сложной схеме, предусматривавшей многостепенные выборы по четырем куриям — землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей. Для землевладельцев действовал земельный, для значительной части горожан — имущественный ценз. В качестве уступки веяниям времени на избирательные права не были распространены традиционные в российском законодательстве ограничения по вероисповеданию, касавшиеся прежде всего еврейского населения империи и сохранившиеся вплоть до Февральской революции. В то же время от выборов устранялась значительная часть населения — женщины, военнослужащие, молодежь в возрасте до 25 лет, не получившие избирательных прав.

К ведению Думы при ее учреждении были отнесены все «предметы, требующие издания законов и штатов». Дума получила также право рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, включая сметы министерств и ведомств, отчетов об исполнении этой росписи. При том, что из ведения нижней палаты были изъяты вопросы внешней и военной политики, а ее права в области бюджета были сужены специально изданными правилами и действовал ряд других существенных ограничений ее полномочий, в целом объем последних оставался весьма значительным. Кроме того, Дума обладала правом запроса

[16] См.: Государственный строй Российской империи накануне крушения. М., 1995. С. 15—43.

министрам и главам ведомств по поводу тех их действий (или действий их подчиненных), которые представлялись членам Думы незакономерными[17].

Все принимаемые Думой законопроекты подлежали затем рассмотрению верхней палатой и лишь после этого поступали на утверждение императора, за которым оставалось, таким образом, последнее и решающее слово. Кроме того, император имел право в любой момент до окончания пятилетнего срока деятельности Думы своим указом распустить ее, одновременно назначив время проведения новых выборов и срок созыва Думы нового созыва. Во время же «прекращения занятий» Думы Совет министров, согласно ст. 87 Основных законов, мог в случае необходимости представлять на утверждение императора законодательные акты, не рассматривавшиеся палатами или не принятые ими. После начала работы Думы нового созыва соответствующий законопроект должен был в двухмесячный срок вноситься в Думу, а в противном случае уже принятая помимо законодательных палат мера прекращала действие. При этом, однако, власть не имела права вносить таким экстраординарным образом изменения в Основные законы, равно как и в законы, устанавливавшие полномочия и порядок деятельности обеих палат — Учреждения Государственной думы и Государственного совета, и в законы о выборах в них.

К предусмотрительно включенному в Основные законы праву роспуска Думы до истечения ее полномочий короне пришлось прибегнуть дважды. Первые две Думы, радикальные по составу, не нашли (да и не могли найти) общего языка с «исторической властью». В итоге последняя пошла на государственный переворот, вопреки Основным законам, без одобрения законодательными палатами, издав одновременно с роспуском II Думы 3 июня 1907 г. новый избирательный закон. В соответствии с ним численность нижней палаты была сокращена до 442 депутатов. Новый закон установил такие нормы представительства от различных социальных групп населения, благодаря которым большинство в будущей Думе было отныне обеспечено депутатам, избираемым землевладельцами и имущими городскими слоями; одновременно сокращалось число депутатов, представлявших в палате национальные окраины империи. Но именно это позволяло власти рассчитывать отныне на конструктивную, в рамках существующей государственной системы, деятельность законодательных палат. И до определенной степени этот расчет в 1907—1914 гг., особенно в эпоху III Думы, пока правительству еще хватало политической воли проводить реформаторский курс, начатый еще первым российским премьер-министром С.Ю. Витте и продолженный П.А. Столыпиным, оправдался.

[17] О компетенции и организации деятельности Государственной думы см.: *Демин В.А.* Государственная Дума России (1906—1917): механизм функционирования. М., 1996; Государственная дума // Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801—1917. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. Т. 1. С. 187—195; *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи 1906—1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998.

О том, что представлял собой сложившийся в 1905—1907 гг. в России строй, существуют различные точки зрения. Так, Макс Вебер называл его псевдоконституционализмом, отмечая «монополистическое положение» Совета министров, при котором «министры могут распоряжаться как хотят призрачным парламентом, созданным их же машиной управления и лишенным того влияния, которое он мог бы иметь, если бы был обеспечен *правом*»[18]. В своем фундаментальном исследовании процесса развития гражданской свободы в России в XVIII — начале XX в., впервые опубликованном в 1957 г., В.В. Леонтович, напротив, вслед за видным российским либеральным политическим деятелем В.А. Маклаковым, доказывал, что Основные законы 1906 г. «представляли собой именно подлинную конституцию»[19]. Полемика по этому поводу продолжается до сих пор. В новейшей работе А.Н. Медушевского, посвященной этому вопросу, автор, так же как и М. Вебер почти столетие назад, склонен считать созданный в России в 1905—1906 гг. политический режим «мнимым конституционализмом»[20].

С этим вопросом неразрывно связан и другой — можно ли считать российскую Государственную думу парламентом в общепринятом в мировой практике смысле слова? И в дореволюционной, и в современной литературе на этот счет можно встретить самые различные, зачастую противоположные точки зрения. Не останавливаясь на их характеристике, скажем лишь, что нам представляется наиболее обоснованным мнение по этому поводу ведущего исследователя истории российского парламентаризма В.С. Дякина. Он отмечал, говоря о Думе начала века: «...Государственная дума того времени в общем имела ряд существенных прав, и я думаю, что можно, с оговоркой, что она не могла определять состав правительства, все-таки говорить, что это был первый в России опыт существования парламента, но опыт очень запоздалый, потому что тогда, когда в России только стали создавать вот это узкоцензовое представительное учреждение, в ведущих странах мира уже переходили к всеобщему избирательному праву. Россия запаздывала со многим, запоздала она и с этим»[21]. Уточним лишь, что, хотя формально российский парламент состоял из двух палат, вполне правомерно (как это делало большинство его современников, а вслед за ними и В.С. Дякин) применять этот термин именно к его нижней палате — Государственной думе, в статусе и деятельности которой как органа народного представительства наиболее полно воплощались основные начала парламентаризма.

[18] *Вебер М.* Переход России к псевдоконституционализму // Синтаксис. Париж, 1990. № 27. С. 35.

[19] *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 537.

[20] *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 430—432, 629.

[21] Выступление В.С. Дякина на вечере «Государственная дума вчера и сегодня. 1906 — 1917—1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX — начала XX века: Сб. статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999. С. 19.

Но помимо значительной, хотя и обставленной множеством ограничений, роли в законодательном процессе Государственная дума оказала и другое, не вполне оцененное до сих пор влияние на российскую жизнь начала XX в. Прежде всего, существование парламента изменило условия деятельности российской власти, ранее совершенно закрытой для общества. Если I и II Думы явились настоящей всероссийской трибуной гласности, то Думы 3-го и 4-го созывов превратились в своеобразную школу гласности для исполнительной власти. Высшие сановники империи, до председателя Совета министров включительно, теперь должны были учитывать мнения представлявших общество в Думе политических партий, постоянно выступать в Таврическом дворце, отвечая на думские запросы, защищая законопроекты своих ведомств — причем не только на пленарных заседаниях, но и в рассматривавших эти законопроекты думских комиссиях, — или участвуя в обсуждении подготовленных в недрах самой Думы законодательных предположений. Ораторские способности, умение отстаивать интересы правительства в Думе стали немаловажным фактором при назначении на тот или иной пост в исполнительной власти. Сами правительственные законопроекты в подавляющем большинстве своем теперь становятся известными российскому обществу уже на стадии обсуждения в Думе, чаще всего еще в думских комиссиях, и не только политические партии, но и самые разнообразные общественные организации, в том числе научные общества, профессиональные союзы и т.д., получили возможность включиться в их обсуждение.

С другой стороны, сама Дума была безусловно наиболее открытым для общества из всех высших государственных учреждений империи. Гласность ее деятельности достигалась весьма разнообразными путями[22].

Прежде всего отметим то, общепринятое в парламентах мира, обстоятельство, что заседания палаты (за исключением закрытых, на которых рассматривались вопросы, относившиеся к области государственной тайны) были доступны для достаточно широкой публики. Для посетителей отводились особые ложи в зале заседаний. Пожелавшие воочию наблюдать думские прения должны были получить разрешение сначала заведующего охраной Таврического дворца, затем председателя Думы, после чего по именным билетам попадали в заветный зал заседаний.

Мощным средством оповещения общества о работе народного представительства была пресса. Во время I и II Дум в Таврическом дворце были аккредитованы около 200 журналистов. В списках думских корреспондентов при II Думе находим, например, такие известные имена, как П.Е. Щеголев, В.Я. Богучарский, В.Л. Бурцев, Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин, А.В. Тыркова... С началом деятельности III Думы их число было значительно снижено;

[22] См.: *Витенберг Б.* Политический опыт российского парламентаризма (1906—1917) // Новый журнал. СПб., 1996. № 1. С. 177–179.

сократилось и количество получивших право аккредитации изданий. Это не помешало, однако, прессе освещать повседневную жизнь Таврического дворца во всех ее подробностях. Депутаты Думы становятся излюбленными героями газетной хроники, включая и скандальную.

Кроме того, Дума вела активную издательскую деятельность. Публиковались стенографические отчеты думских заседаний (они предоставлялись также прессе и, как правило, публиковались в ведущих газетах на следующее утро после заседания), а также различные материалы думских комиссий. Периодически выпускались в свет также и обзоры деятельности Думы, ее комиссий и подкомиссий. Добавим, что для своих изданий и для обеспечения текущих потребностей палаты в типографских работах руководство Думы пользовалось услугами лучшей в стране Государственной типографии (ныне – Печатный двор в Санкт-Петербурге). Оно заботилось и о том, чтобы думские издания поступали во все концы империи и даже за ее пределы. Эти издания бесплатно рассылались в «центральные учреждения всех ведомств, в канцелярии губернаторов, в городские управы губернских и областных городов и в губернские земские управы»; кроме того, они направлялись в «другие учреждения, общественные, ученые и учебные, и в законодательные учреждения иностранных государств...»[23]

Так Государственная дума вносила свой вклад в процесс развития гражданского общества в России начала XX в., по воле истории оставшийся, к сожалению, незаконченным.

Только начинал складываться и аппарат Государственной думы, для участия в организации которого Я.В. Глинка и был направлен в Таврический дворец. Учреждение Думы лишь в общих чертах наметило его структуру и основные принципы работы аппарата Думы. Устанавливалось лишь, что «для производства дел по Государственной Думе состоит при ней Канцелярия». Управление последней возлагалось на избиравшегося палатой из числа ее членов на полный (пятилетний) срок ее деятельности секретаря Думы; из числа депутатов также на полный срок избирались помощники секретаря. Стоит отметить, что, в отличие от них, председатель и товарищи председателя Думы должны были переизбираться ежегодно, в начале каждой сессии. Это обстоятельство, по-видимому, по замыслу авторов Учреждения Думы, должно было способствовать определенной независимости секретаря и его помощников от руководства палаты. Кроме того, в Учреждении Думы указывалось, что исполнение распоряжений председателя палаты, относящихся к поддержанию порядка в ее помещениях и в ходе ее заседаний, возлагается на пристава Думы и его помощников[24].

[23] Наказ Канцелярии Государственной Думы и прочим установлениям, при Государственной Думе состоящим // Сборник законоположений и постановлений, относящихся к деятельности Государственной Думы и установлений, при ней состоящих. СПб., 1912. С. 275.

[24] Учреждение Государственной думы // Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 74.

Как раз с исполнения обязанностей помощника думского пристава и начинал Я.В. Глинка свою карьеру в Таврическом дворце. Затем — видимо, очень недолго — он исполнял и обязанности пристава. Отметим здесь, что в силу скоротечности работы Дум первых двух созывов в Канцелярии иногда не успевали даже фиксировать служебные перемещения сотрудников аппарата, а личные дела служащих завели только в III Думе, уже в 1908 г. Это и неудивительно: служба в думском аппарате, согласно специально изданным 6 августа 1905 г. в дополнение к «Учреждению Государственной думы» Правилам[25], в пору первых двух Дум не являлась службой государственной. Служащие думской Канцелярии должны были назначаться и увольняться возглавлявшим ее секретарем палаты; те же права в отношении пристава и его помощников были предоставлены председателю Думы.

Претенденты на старшие должности в думской Канцелярии должны были иметь высшее образование и трехлетний стаж службы государственной или службы по выборам (дворянским, земским или городским).

Сформулированные же Правилами основные положения организации службы в думском аппарате являли собой оригинальное сочетание основных элементов, присущих службе по вольному найму, с некоторыми нормами государственной гражданской службы. Так, думский служащий, как и его коллега на коронной службе, должен был приносить присягу на верность службе, ему было запрещено ведение предпринимательской деятельности, он имел право на пенсионное обеспечение и нес ответственность за нарушение служебных обязанностей на тех же основаниях, что и за нарушения на службе государственной.

По ходу деятельности I Думы именно такие служащие, во множестве приглашаемые ее секретарем, известным кадетом кн. Д.И. Шаховским, в значительной степени из числа членов своей партии либо ей сочувствующих, постепенно начали вытеснять присланных в Таврический дворец чиновников Государственной канцелярии. Могла быстро закончиться и командировка Якова Васильевича, тем более что его первые должности здесь, как он сам рассказывает в воспоминаниях, отнюдь не вызывали у него энтузиазма по отношению к новому месту службы. Но вскоре Глинка обратил на себя внимание председателя Думы, С.А. Муромцева. Тот в это время много сил отдавал организации работы думского аппарата. Его коллега по кадетской партии Винавер так вспоминает распорядок дня первого председателя: «В 11 часов он уже сидел на трибуне. Заседания идут часто дневные и вечерние. Предельных часов для заседаний нет, — их быть не может: работы так много и такой спешной. Дневное заседание кончается в 7—8 час., вечернее затягивается далеко за полночь. А тут

[25] См.: Правила о порядке назначения и увольнения служащих в Канцелярии Государственной Думы и состоящих при ней лиц, а равно о прохождении ими службы (приложение к ст. 32 Учреждения Думы) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее 3 ПСЗ). Т. XXV. Отд. II. К № 26661. Приложения. С. 383.

только начинается канцелярия, работа с секретарем, сношения с властями. Машину надо еще только налаживать, никто ее не приготовил, а между тем необходимо ее сразу двигать — двигать в совершенстве, как подобает канцелярии муромцевской Думы»[26].

Глинка становится ближайшим сотрудником Муромцева, оценившего его деловую хватку опытного профессионального юриста, и вскоре фактически возглавляет секретариат председателя Думы. Он готовит важнейшие документы, ведет переписку председателя с высшими и центральными государственными учреждениями. Так чиновник Государственной канцелярии впервые оказывается в том особом положении ближайшего спутника, своего рода «тени» главы палаты, которое ему удалось сохранять затем на протяжении почти 11 лет, при всех председателях Думы. В подготовленном Глинкой проекте штата думской Канцелярии он впервые попытался закрепить этот свой статус: проект предполагал учреждение должности старшего помощника председателя с весьма завидным окладом жалованья (6000 руб.) и широчайшими полномочиями, к которым были отнесены, в частности, «ответственное редактирование составленной от имени председателя переписки и все необходимые сношения, от имени председателя, с подлежащими учреждениями и ведомствами...»[27]. Однако из-за роспуска I Думы, просуществовавшей всего 72 дня, этот проект не был ею рассмотрен. Подтвердить же свое исключительное положение в Таврическом дворце юридически, официально утвержденным документом Глинке удалось лишь спустя почти два года. К этому времени за плечами у него был значительный опыт фактического руководства думским аппаратом. Сначала по поручению государственного секретаря (на которого законом было предусмотрительно возложено управление аппаратом Думы в случае ее роспуска) Глинка

[26] *Винавер М.М.* Сергей Андреевич Муромцев // Винавер М.М. Недавнее: (Воспоминания и характеристики). Пг., 1917. С. 96.

[27] Из глубины времен. Вып. 10. С. 174—175; РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. I созыв. Д. 748. Л. 18 об. Видному московскому кадету Н.И. Астрову, приехавшему по приглашению С.А. Муромцева и Д.И. Шаховского в столицу помочь наладить работу аппарата I Думы, верховодивший, по наблюдениям московского гостя, в думской канцелярии Я.В. Глинка запомнился как «невысокого роста человек, с небольшой светлой бородкой, большим лбом и внимательными, светлыми глазами» (*Астров Н.И.* Воспоминания. М., 2000. С. 159). Портретная зарисовка Астрова ценна тем более, что даже упоминания Глинки в многочисленных воспоминаниях думских деятелей встречаются крайне редко. Последнее может показаться удивительным, поскольку все они общались с ним на протяжении своей парламентской карьеры чуть не ежедневно. Однако, как кажется, именно это последнее обстоятельство, особенно в эпоху III и IV Дум, делало фигуру Якова Васильевича для мемуаристов таким привычным и непременным атрибутом Таврического дворца, какие уже в силу этой их привычности и непременности обычно не вспоминаются потом за письменным столом. А кроме того, реальное значение Глинки в жизни российского парламента тем из них, кто не принадлежал к узкому кругу руководства палаты, не было известно в полной мере.

возглавлял временную канцелярию, которой было поручено окончание дел распущенного народного представительства. Затем он руководил работой аппарата вновь созванной II Думы — номинально, до утверждения его штата, на равных правах с секретарем новой Думы М.В. Челноковым. Однако, хотя нижняя палата 2-го созыва и успела одобрить соответствующий законопроект, после государственного переворота 3 июня 1907 г. Государственный совет отказался рассматривать все ее законодательное наследство[28]. В итоге уже принятый Думой штат нижней палаты не мог получить силы закона. После роспуска II Думы Глинка вновь возглавил временную канцелярию. Но на сей раз правительство П.А. Столыпина уже всерьез готовилось к перспективе будущей работы с народным представительством. Если в первое так называемое «междудумье» во временной канцелярии было оставлено всего 9 сотрудников из 132, насчитывавшихся в аппарате I Думы к моменту ее роспуска[29], то после разгона нижней палаты 2-го созыва было уволено лишь 27 сотрудников из состоявших на думской службе на 3 июня 1907 г. 155 человек[30].

К началу работы III Думы Глинка подготовил программу реорганизации думского аппарата, изложенную им в своей записке на имя государственного секретаря, датированной 10 декабря 1907 г.[31] Соображения Глинки были затем положены в основу реформы аппарата, подготовленной с его участием Совещанием Думы (состоявшим под председательством главы палаты совещательным органом, который осуществлял координацию всей законодательной и хозяйственной деятельности парламента). Основные принципы этой реформы не встретили возражений при их обсуждении в Общем собрании нижней палаты. К ним принадлежали принцип «беспартийности» (т. е. независимости формирования состава аппарата и его деятельности от влияния представленных в Думе политических партий) и предоставление думским служащим прав и преимуществ государственной службы. Последнее было весьма существенно для привлечения квалифицированных специалистов из числа государственных чиновников, которые получали таким образом возможность и в Думе продолжать свою карьеру на коронной службе, получая сопряженные с нею чины, ордена и различные льготы. Но крайне важное лично для Глинки предложение учредить предлагавшуюся им еще в записке от 10 декабря должность «отдельного начальника или директора» Канцелярии, которую он, без сомнения, имел все шансы занять, было большинством Думы отвергнуто[32].

---

[28] Об этом см.: *Дякин В.С.* Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. VIII. С. 259—260.

[29] РГИА. Оп. 1. I созыв. Д. 748. Л. 82—87; Там же. II созыв. Д. 1284. Л. 7.

[30] Там же. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 1285. Л. 83—84 об.; Д. 1286. Л. 2 об., 7.

[31] Эта «Докладная записка временно заведующего Канцелярией Государственной Думы» публикуется в настоящем издании (см. Приложение I).

[32] О ходе обсуждения в Думе этого вопроса см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1908. Стб. 2171—2251.

2 Зак. 2660.

Однако Глинке в конечном итоге удалось взять реванш. 5 июля 1908 г. он принял предложение занять пост начальника одного из трех вновь создаваемых отделов Канцелярии — Отдела Общего собрания и общих дел, поставив, как он рассказывает в воспоминаниях, условием, чтобы отныне «ни один человек» не был принят на службу в Думе без его согласия. Это условие, доселе небывалое в истории российской государственной службы, тем не менее, насколько мы можем судить, неукоснительно выполнялось все последующие годы.

Только теперь, фактически уже проработав в Таврическом дворце более двух лет, Глинка наконец переводится из Государственной канцелярии на службу в Государственную думу. В качестве начальника Отдела Общего собрания и общих дел он сосредоточил в своих руках практически все нити руководства аппаратом Думы и повседневной деятельности самой палаты. Особый статус этого отдела и самого Глинки как его начальника были затем закреплены в Наказе (регламенте) думской Канцелярии, утвержденном Совещанием Думы 9 июня 1912 г. Отдел Общего собрания и общих дел получил львиную долю сферы ведения думской Канцелярии. Отдел вел делопроизводство Общего собрания, на него было возложено ведение стенограмм заседаний, в связи с чем в состав отдела входила внушительная по численности стенографическая часть. Он вел также дела Совещания Думы и ряда ее ведущих комиссий, включая редакционную. Отдел исполнял также функции секретариата председателя Думы. Заведовал он и делами по личному составу Думы и ее аппарата. Наконец, на отдел возлагалось и составление всех финансовых смет по содержанию Думы и служащих Таврического дворца; в его состав были включены казначейская часть и архив Думы.

Что же касается начальника этого отдела, то он оказывается главным действующим лицом Наказа Канцелярии, только что не называемым по имени. Он заведует «производством дел, имеющих общее значение для всей Канцелярии и прочих установлений, при Государственной Думе состоящих». Но что еще важнее, он «во время заседаний Общего собрания состоит при председательствующем; он представляет ему материалы, справки и документы, необходимые во время рассмотрения дел, а также передает к исполнению его распоряжения по всем установлениям»[33]. Так официально было закреплено уже занимаемое Глинкой положение непременного спутника и советника главы палаты. В этом статусе «тени» он, как мы помним, впервые оказался еще при Муромцеве. Но уже во II Думе — воспользуемся образом из пьесы Е. Шварца, наверняка вспоминающимся сейчас читателю (хотя наш вполне реальный герой, кроме сходства ситуации, в которой он оказался, не имеет, разумеется, ничего общего с этим фантастическим персонажем), — «тень нашла свое место» и в зале заседаний. Именно тогда Глинка впервые занял особое место в

[33] Наказ Канцелярии Государственной Думы и прочим установлениям, при Государственной Думе состоящим. С. 268—269.

президиуме, чуть левее и сзади кресла председателя Думы Ф.А. Головина. С тех пор Глинка его уже не покидал, отсюда он и наблюдал все перипетии парламентских баталий, в случае необходимости подавая советы председательствующим. Здесь он и запечатлен на многочисленных фотографиях, сделанных во время думских заседаний. Вырезку из «Огонька» с одной из таких фотографий, снятой во время открытия 15 ноября 1912 г. IV Думы знаменитым фотографом К.К. Буллой, Глинка сохранил в своем ульяновском архиве.

Кроме уже названных функций на начальника Отдела Общего собрания и общих дел возлагалась координация всей законодательной деятельности палаты, в том числе «наблюдение за подлежащим направлением» всех поступающих в Думу законопроектов, законодательных предположений, запросов и т.д. Начальник отдела также готовил дела, подлежащие рассмотрению Совещания Думы, и лично докладывал их Совещанию[34]. Но и этим роль Глинки в Таврическом дворце не ограничивалась. Уникальность его положения здесь заключалась в том, что он был не только опытным юристом, специалистом в области государственного права, но и единственным в своем роде знатоком складывавшихся у него на глазах парламентских традиций и прецедентов. В этом качестве он был совершенно незаменим и для всех представленных в Думе политических фракций и групп, и особенно для руководства палаты, прежде всего для ее председателей. Надо добавить к тому же, что установленное Учреждением Государственной думы подчинение думской Канцелярии секретарю Думы, а не ее председателю, естественным образом порождало конфликтные ситуации между этими двумя должностными лицами палаты[35]. Поэтому Глинке приходилось зачастую играть в этих конфликтах роль миротворца, умудряясь сохранять при этом доверительные отношения и со своим непосредственным начальством в лице секретаря палаты, и с председателем Думы. Излишне говорить, что это также способствовало росту личного влияния Глинки в кулуарах Таврического дворца. С другой стороны, мало кто здесь имел такую возможность наблюдать сложную и многообразную повседневную жизнь российского народного представительства во всех ее подробностях, быть в курсе всего происходящего, как Яков Васильевич. Разумеется, он прекрасно сознавал историческое значение первого опыта парламентаризма для России и ее будущего. Многим важным для истории Думы событиям, особенно истории закулисной, скрытой от глаз журналистов и рядовых депутатов, он был чуть ли не единственным очевидцем.

В марте 1910 г. Глинка начинает вести дневник, посвященный своим парламентским впечатлениям. Непосредственным же поводом, побудившим Глинку начать свои записи, послужил добровольный уход с поста председателя III Думы Н.А. Хомякова. С ним у Глинки к тому времени сложились тесные,

[34] Там же. С. 270.

[35] Подробнее см. в Приложении I в настоящем издании.

почти дружеские отношения. Достаточно отметить, что Хомяков на всех стадиях обсуждения столь любезного сердцу Глинки проекта учреждения должности директора думской Канцелярии решительно его поддерживал[36]. Первая запись в дневнике Глинки как раз и появилась в тот день, когда Хомяков заявил о своем уходе в отставку — 4 марта 1910 г. Однако стать в полном смысле слова «летописцем» народного представительства — в воспоминаниях Глинка даже сообщает, что еще С.А. Муромцев видел в нем будущего «беспристрастного летописца» Думы — автору дневника все же не удалось. По всей видимости, на систематическое его ведение у Глинки просто не оставалось времени. Действительно, в дни думских сессий он должен был постоянно находиться в президиуме, а уже после заседаний и в свободные от них дни вести огромную работу и в Канцелярии, и в Совещании Думы, просматривать стенографические отчеты, выполнять поручения председателя и секретаря и т.д. и т.п. Поэтому зачастую Глинка записывал свои впечатления задним числом, чаще всего в связи с каким-то особенно кажущимся ему того заслуживающим событием. Такие его записи приобретают уже характер воспоминаний, а иногда и эссе — размышлений по поводу политических событий последних недель и месяцев.

Надо особенно подчеркнуть то обстоятельство, что дневник носит исключительно политический характер. Если, как правило, в дневниках сановников и чиновников того времени служебные впечатления чередуются с записями о событиях личной и семейной жизни, поездках и визитах, театральных спектаклях и выставках, подробностях быта и т.д., то у Глинки подобные «посторонние» сюжеты отсутствуют начисто. Автор дневника полностью захвачен политической интригой, свидетелем и участником которой является. В фокусе его внимания — прежде всего происходящее в руководстве Думы, ее президиуме. А об этом Глинка в силу своего служебного положения был осведомлен как никто другой. Очень редко на страницах дневника появляются рядовые депутаты и даже лидеры фракций. Но зато есть и в его записях коллективный герой — Дума, ее Общее собрание. Характеристики думских настроений и нравов принадлежат к числу лучших страниц дневника.

Заметим кстати, что литературная одаренность вообще была свойственна членам его рода. Только в «Словаре русских писателей» XIX — начала XX в. Глинки представлены шестью именами, среди которых и такой первоклассный поэт и литератор, как Ф.Н. Глинка[37]. А в советское время эту традицию продол-

[36] См.: Протокол Совещания Государственной Думы от 31 января 1908 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 164. Л. 68—69 об.); Особое мнение Н.А. Хомякова и кн. В.М. Волконского по вопросу об устройстве заведования Канцелярией Государственной Думы (Там же. Л. 73—74 об.); Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1908. Стб. 2238—2242.

[37] См.: Русские писатели. 1800 — 1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 574—582.

жили ленинградские петербуржцы — историк и литератор Владислав Михайлович Глинка и известный писатель Михаил Сергеевич Глинка. Был этот фамильный талант и у Якова Васильевича. Литературные достоинства его дневника несомненны. Об этом свидетельствуют яркие портретные зарисовки, оживленные сценки парламентской жизни, диалоги в кулуарах Таврического дворца, переданные в дневнике с изрядным чувством юмора. Свидетельствует об этом и его очень своеобразный литературный стиль, сочетающий красочность выражений, богатство лексики с постоянным ироническим использованием специфических канцелярских и бюрократических оборотов речи. Последние, надо полагать, играют у Глинки роль оригинального литературного приема.

Посвятив значительную часть своих записей событиям в президиуме Думы, Глинка не ошибся. На сегодня его дневник — единственный источник подобного рода: насколько мы можем судить, никто из членов руководства Думы 3-го и 4-го созывов своих дневников не оставил.

Главные герои дневника, разумеется, председатели Думы — А.И. Гучков и М.В. Родзянко[38].

Со сменившим Н.А. Хомякова в председательском кресле А.И. Гучковым Глинке удалось установить необходимое взаимопонимание не сразу и не без значительных усилий. В немалой степени причиной тому было то обстоятельство, что новый председатель по характеру был человеком достаточно скрытным. Известно, например, что он никогда и ни с кем не делился подробностями своих приемов со всеподданнейшими докладами у Николая II[39]. И хотя Глинке удалось в конце концов все же добиться полного доверия со стороны своего нового патрона, такой близости, как с Хомяковым, здесь быть не могло. Совсем иные отношения сложились у Глинки с М.В. Родзянко, после отставки Гучкова с 22 марта 1911 г. на целых шесть лет занявшим председательское кресло в Думе. Екатеринославский помещик, принадлежавший к известному малороссийскому дворянскому роду, в молодости кавалергард, затем земский деятель, имевший к тому же звание камергера двора, он, как и Гучков, был весьма яркой фигурой в российской жизни последних лет существования империи. Для волынского помещика Глинки Родзянко во многих отношениях был ближе и понятнее своего предшественника. Заметим, что и первая встреча Родзянко с одним из родичей своего нового сотрудника случилась почти сразу по появлении будущего председателя Думы на свет: генерал от артиллерии В.А. Глинка (в родословии стоящий на два колена выше Якова Васильевича) был среди присутствовавших при его крещении в церкви с. Попасного 1 апреля 1859 г.[40] В итоге после многочисленных недоразумений, взаим-

[38] Подробней об этом см.: Из глубины времен. Вып. 10. СПб., 1998. С. 177–181.

[39] См.: *Тхоржевский И.И.* Спор о Гучкове // Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 146.

[40] См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 1981. Л. 457; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1. С. 133.

ных обид и даже стычек, подробнейшим образом и в ярких красках воспроизведенных в дневнике, Глинка сумел завоевать совершенно исключительное положение. Он готовил тексты всеподданнейших докладов председателя Думы императору, участвовал в составлении важнейших речей Родзянко, сопровождал его в самых ответственных поездках. Приходилось Глинке исполнять и весьма сложные конфиденциальные поручения своего патрона, в том числе и в связи с подготовкой Родзянко секретного доклада императору по требовавшему особой деликатности поводу — о принадлежности царского фаворита Г.Е. Распутина к секте хлыстов.

Глинка становится постоянным посетителем квартиры Родзянко на Фурштадтской, д. 20, чуть ли не членом семьи. Впоследствии Родзянко, повышая Глинку в служебном ранге (но в полном соответствии с действительностью) на старинный лад называл Глинку «правителем канцелярии»[41].

Страницы в дневнике, посвященные Глинкой своему последнему патрону, интересны тем более, что Родзянко оставил две книги воспоминаний, хорошо известные и исследователям, и широкому читателю[42]. Дело в том, что значительную часть дневника составляют записи многочисленных устных рассказов самого Родзянко, сопровождаемые, как правило, живым и остроумным комментарием его постоянного излюбленного слушателя. В то же время воспоминания Родзянко, как это стало известно сравнительно недавно, сами также в значительной степени представляют собой записи его рассказов, делавшиеся на протяжении ряда лет (начиная с 1912 г.) его невесткой Е.Ф. Родзянко, затем, уже в эмиграции, отредактированные автором[43]. Это дает уникальную возможность сравнивать освещение этих (как и многих других) сюжетов председателем и «его тенью», причем нетрудно убедиться, что дневниковые записи Глинки часто оказываются откровеннее и точнее, чем вошедшие в мемуары рассказы Родзянко.

Активная вовлеченность Глинки в политическую деятельность последнего председателя Думы привела в итоге к тому, что и сам «правитель канцелярии» в годы мировой войны начинает играть политическую роль. Но прежде чем рассказать о ней подробнее, скажем несколько слов о его собственных политиче-

[41] Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1927. Т. VII. С. 132.

[42] См.: *Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Т. 5—6. М., 1991 (репринт издания 1922 г.). Т. 6. С. 5—80; *Родзянко М.В.* Крушение империи: (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Там же. Т. 17—18. М., 1993 (репринт издания 1926 г.) Т. 17. С. 5—169.

[43] *Родзянко Е.* Как создавались записки М.В. Родзянко // Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. Первое полное издание записок Председателя Государственной Думы. С доп. Е.Ф. Родзянко. N.Y., 1986. С. 20—21.

ских взглядах, к тому времени вполне сложившихся. Можно уверенно сказать, что он в принципе отвергал крайности в российской политике, причем радикалы справа вызывали у него значительно большую неприязнь, нежели слева. В то же время он не разделял в полной мере воззрения ни кадетов, ни октябристов, к которым, казалось бы, должен был тяготеть в годы III Думы и довоенный период работы ее преемницы, IV Думы. Показательна в этом смысле лишенная какого-либо пиетета оценка, даваемая Глинкой в дневнике государственной деятельности Столыпина — как известно, кумира октябристов.

Интересную характеристику Глинки оставил в своих воспоминаниях видный думский политик Н.В. Савич, немало, по его словам, удивленный активным участием Якова Васильевича в событиях Февральской революции: «Глинка не был революционером, напротив, — это был типичный русский интеллигент, несколько кадетствующий, но долголетняя служба в Думе, среди ее умеренного большинства, в непосредственном подчинении ряда председателей из октябристской среды выработала из него усердного и спокойного чиновника, ожидавшего прогресса от эволюции, а не от революционного взрыва»[44]. Отметим, что степень «революционности» Глинки в дни Февраля (о чем у нас речь впереди) Савич спустя десятилетия очень преувеличил.

Но по сути Савич прав: Глинка был сторонником эволюционного развития страны. Создание же в России народного представительства он считал необходимым шагом по общемировому пути развития. При этом Глинка прекрасно видел и все минусы и недочеты, свойственные находившемуся еще в колыбели российскому парламентаризму. Замечания и наблюдения Якова Васильевича в дневнике по этому поводу отличаются точностью и выразительностью и могут и сегодня, и в будущем пригодиться в поисках ответа на один из роковых вопросов российской жизни уходящего XX столетия — отчего никак не получается в России парламент, отчего никак не получается народное представительство?..

В годы войны Глинка становится решительным поборником следующего шага на этом пути — формирования ответственного перед Думой кабинета. В этом он расходился с Родзянко, предпочитавшим очень осторожно добиваться от императора лишь реализации главного на тот момент требования оппозиции — «создания объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны». Как свидетельствуют дневниковые записи Глинки, он потратил немало усилий, дабы убедить Родзянко в своей правоте. Не добившись своего, Глинка в начале марта 1916 г. решается на участие в весьма для него рискованном предприятии.

К этому времени Глинка находился в довольно близких отношениях с легендарной фигурой того времени — А.А. Клоповым. Этот отставной мелкий чиновник был едва ли не единственным в России человеком, которому Нико-

[44] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 209.

лай II предоставил право обращаться к нему с письмами по любому вопросу. Это право Клопова издавна использовалось в различных политических интригах. В начале февраля 1916 г. к нему прибег — как сообщает Глинка, по совместной инициативе его, Глинки, и Клопова — и Родзянко для организации приезда Николая II в Таврический дворец на открытие думской сессии 9 февраля 1916 г. Это, заметим, было первое, состоявшееся почти десять лет спустя после учреждения Думы, посещение ее императором. По воле истории оно осталось и последним.

Но, не удовольствовавшись его итогами, Клопов подготовил для императора очередное письмо, датированное 7 марта 1916 г., в котором фактически высказывался в пользу создания (правда, не сразу, а в результате ряда последовательных политических шагов) ответственного министерства. При этом в качестве наиболее подходящего кандидата — тоже не сразу, а в будущем, после своего рода стажировки в должности одного из министров — Клопов рекомендовал кн. Г.Е. Львова, будущего первого министра-председателя Временного правительства, а тогда одного из лидеров оппозиции[45].

В качестве приложения к этому письму была составлена адресованная императору анонимная записка, в которой чрезвычайно обстоятельно и аргументированно доказывалась целесообразность — более того, историческая необходимость — формирования ответственного кабинета. Записку эту Клопов намеревался представить императору, согласно вычеркнутому из черновика его письма от 7 марта фрагменту, как составленную «одним моим знакомым, которого я глубоко уважаю за его взгляды и патриотизм». Клопов далее уточнял, говоря об авторе записки: «Он близко стоит к государственной и общественной жизни и мысли, изложенные им, я вполне разделяю»[46].

Как неопровержимо свидетельствуют пометы и на самой записке, и на копии этого письма, сохранившихся в его архиве, этим «знакомым» царского корреспондента и автором этой «анонимной» записки был не кто иной, как Я.В. Глинка[47]. Предпринятые же им меры предосторожности понятны: чиновник даже достаточно высокого ранга, каким и был Глинка, по соображениям служебной субординации не имел права обращаться к императору, не поставив в известность свое начальство. А как М.В. Родзянко должен был отнестись к предназначенной для Николая II записке, в которой содержались вовсе не под-

[45] См.: РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 14. Л. 19—24.

[46] Там же. Л. 49.

[47] Подробнее см.: *Витенберг Б.М.* М.В. Родзянко или князь Г.Е. Львов? Проблема лидерства в объединенной оппозиции (осень 1915 г. — рубеж 1916—1917 гг.) // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24. № 1—2. P. 105—107. Текст этой предназначенной для императора записки Я.В. Глинки см. в Приложении II. Отметим, что авторство этой записки, хорошо известной в литературе, до сих пор приписывали А.А. Клопову, хотя В.С. Дякин и высказывал предположение, что ее автором «мог быть и не сам Клопов», — см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 245.

держиваемые им политические рекомендации, нетрудно догадаться. К тому же эта акция проводилась в интересах Г.Е. Львова. Но ведь совсем недавно, как рассказывает Глинка в дневнике, летом 1915 г., Родзянко готовился сам занять премьерское кресло. Посвятив своего сотрудника в эту тайну, Родзянко предложил ему при этом высокую должность управляющего делами Совета министров. И, хотя Глинка тогда от этого лестного предложения отказался, а ожидавшееся назначение Родзянко премьером не состоялось, вся эта история записки императору, стань она известной патрону ее автора, могла бы дорого ему обойтись. У Родзянко появились бы тогда все основания обвинить своего «правителя канцелярии» в нелояльности. И в самом деле, факт был налицо — «тень» председателя Думы впервые чуть не за десяток лет отделилась от своего патрона, заняв свою собственную, не только не совпадающую с личными амбициями Родзянко, но прямо противоположную им политическую позицию.

Однако, по неизвестным нам причинам, от замысла послать записку императору в марте 1916 г. авторы этой идеи отказались: Клопов лишь отправил императору свое письмо, датированное 7 марта, а записка Глинки осталась в бумагах царского корреспондента дожидаться лучших времен. Возможно, именно поэтому Глинка не упомянул о ней в своем дневнике. Наступили же эти времена уже в октябре 1916 г., когда записка была извлечена Клоповым из своего архива. Ее попытались использовать в очередной попытке, теперь уже при участии вел. кн. Николая Михайловича (ознакомившегося с запиской и оставившего на ее полях свои пометы), склонить императора к уступкам требованиям оппозиции[48]. Знал ли Глинка об этом новом событии в судьбе его записки, дошла ли она наконец до адресата, остается неизвестным. Но из дневника Глинки видно, что на этой истории его самостоятельная политическая роль не закончилась. Он по-прежнему — и вновь безуспешно — пытался убедить Родзянко воздействовать на императора в желательном ему духе, в пользу ответственного министерства. Со своей стороны, председатель Думы по-прежнему обсуждал с Глинкой самые серьезные вопросы. Главный из них — возглавить ли ему будущий кабинет доверия, создание которого в начале января 1917 г. казалось Родзянко вполне реальным. Глинка советовал патрону воздержаться от назначения в пользу кн. Львова, как видно, не без задней мысли: все его симпатии были на стороне последнего. А когда планы Родзянко потерпели крах, Глинка принял прямое участие в попытке главного конкурента председателя Думы при помощи того же Клопова добиться-таки согласия Николая II на создание теперь уже ответственного перед народным представительством правительства[49]. Выразилось оно в том, что «правитель канцелярии» на этот раз

[48] См.: *Дякин В.С.* Царизм и первая мировая война // Кризис самодержавия в России: 1895—1917. Л., 1984. С. 617.

[49] См. подробнее об этом: Письма чиновника Клопова царской семье / Вступ. статья В.И. Старцева, примеч. В.И. Старцева и Б.Д. Гальпериной // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 204—222.

«всячески старался помешать Родзянке ехать к Царю», поскольку это грозило сорвать задуманное предприятие. Когда же долгожданный всеподданнейший доклад председателя Думы у императора все же должен был состояться и его прием у императора был уже назначен на 10 февраля, Глинка составил его текст «в тоне, соответствующем докладам Клопова, и с теми же выводами»[50]. Более того, отдан был доклад уезжающему в Царское Село Родзянко за десять минут до отъезда, так чтобы ничего изменить в нем было уже нельзя.

Было бы неверным на основании этих признаний Глинки в дневнике предъявить ему обвинение в «измене» многолетнему патрону. По-видимому, Глинка в этом случае действовал, исходя из того, что Родзянко и не хочет, и не сможет в политике идти так далеко, как это, по мнению его «правителя канцелярии», было в сложившихся условиях необходимо. Да и по своим личным качествам Родзянко, как всегда полагал Глинка, мало подходил для поста премьера.

Нам представляется, что мнение Глинки о политических дарованиях Родзянко было слишком суровым. Дальнейшие события показали, что председатель Думы в своих оценках политической ситуации оказывался значительно ближе к истине, чем его оппоненты в оппозиционном лагере. Попытка Львова и Клопова добиться создания ответственного министерства, как известно, потерпела крах — эта идея имела еще меньше шансов на успех у Николая II, чем значительно более умеренные и осторожные уступки, на которые предлагал ему пойти Родзянко. Да и как практический политик Родзянко вряд ли уступал кн. Львову — всеобщее разочарование последующей деятельностью последнего во главе Временного правительства общеизвестно[51].

Отметим, что личные отношения Родзянко и Глинки при этом никак не пострадали. Во всяком случае, как сообщает Е.Ф. Родзянко, именно Глинке его уже бывший патрон, покидая столицу после Октябрьской революции, «передал» «свой архив»[52]. В воспоминаниях Глинка говорит, что находился в это время на Украине: если дело обстояло действительно так, то это значит, что бумаги председателя уже упраздненной к тому времени IV Думы были оставлены на квартире Глинки в надежде на то, что по возвращении он либо члены его семьи сумеют их сохранить. Судьба этого архива нам неизвестна, а об обстоятельствах, при которых могла произойти его передача Глинке, мы еще будем иметь возможность сказать несколько слов ниже, но сама эта история свидетельствует о том, что безусловное доверие к своему «правителю канцелярии» Михаил Владимирович сохранил вплоть до этого времени.

Конечно, приводимые Глинкой в дневнике подробности происходившего на верхнем думском «этаже» представляют исключительный интерес. Однако

[50] Текст этого всеподданнейшего доклада М.В. Родзянко см. в Приложении III.

[51] См., напр.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 256–259.

[52] См. примечание Е.Ф. Родзянко в: *Родзянко М.В.* Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. С. 53.

при этом вызывает сожаление то, что в своих записях Глинка слишком мало внимания уделил деятельности других, «нижних этажей» парламента, в том числе и самой думской Канцелярии. А о ней Глинка мог бы рассказать как никто другой. Но в дневнике она затрагивается лишь изредка, в основном в тех случаях, когда в монотонное течение повседневной жизни Канцелярии врывалась большая думская политика.

Лишь очень немногие сослуживцы Глинки по Таврическому дворцу оказались упомянутыми в его дневнике, да и места в его записях им уделено очень мало. О них, в том числе и о ближайших сотрудниках Глинки Н.В. Голицыне и Д.М. Щепкине, читатель найдет сведения во включенном в это издание «Биографическом словаре». Однако и среди тех, о ком в дневнике нет даже и упоминания, было много людей, оставивших заметный след в российской политической и культурной жизни начала XX в.

Один из них — Василий Павлович Шеин, возглавлявший Законодательный отдел Канцелярии Думы в 1908—1912 гг. Ровесник Я.В. Глинки, он окончил Училище правоведения. До Таврического дворца служил в Министерстве юстиции и Государственной канцелярии[53]. В 1912 г. В.П. Шеин, тогда уже действительный статский советник, избранный в IV Думу от Тульской губернии, сменил свой канцелярский кабинет на депутатское кресло в думской фракции националистов.

В 1917—1918 гг. Шеин, и ранее активно участвовавший в церковной жизни, был членом и секретарем Всероссийского Поместного собора православной церкви, затем принял постриг с именем Сергия. Возведенный в сан архимандрита, с 1921 г. он — настоятель Петроградского Патриаршего Троицкого подворья. В 1922 г. архимандрит Сергий был арестован и в составе большой группы церковных и приходских деятелей оказался в числе подсудимых на печально знаменитом петроградском процессе «церковников». В итоге процесса десять подсудимых были приговорены к смертной казни, четверо из них, включая митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина и архимандрита Сергия, были расстреляны в ночь на 13 августа 1922 г. Спустя 70 лет, в 1992 г., Архиерейский собор Русской православной церкви причислил Сергия (Шеина), вместе с другими казненными, к лику святых[54].

Вместе с Шеиным на этом процессе выслушал свой смертный приговор и Дмитрий Флорович Огнев, за десять лет до того, в 1912 г., сменивший его на посту начальника Законодательного отдела Канцелярии Думы. В прошлом военный юрист, профессор Военно-юридической академии, затем длительное время редактор издававшегося Министерством юстиции «Тюремного вестника»,

[53] См.: РГИА.Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1263. Л. 70—78.

[54] См.: Священномученик Сергий // Чельцов М. Воспоминания «смертника» о пережитом. М., 1995. С. 138—145; *Нежный А.* Плач по Вениамину // Звезда. 1996. № 4, 5.

в 1908 г. Огнев был переведен в Государственную канцелярию, а оттуда — в думскую Канцелярию, где занял должность старшего делопроизводителя[55]. 8 мая 1917 г. вслед за Глинкой он был назначен Временным правительством сенатором. В начале 20-х гг. он активно участвовал в приходской жизни в Петрограде. После приговора Д.Ф. Огнев провел несколько дней в камере смертников, затем помилован и через полтора года вышел на свободу[56]. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Совершенно необыкновенной личностью был один из организаторов стенографической части в Думе Владимир Иванович Кривош. Выходец из Австро-Венгрии, полиглот, владевший по самым скромным подсчетам 24 языками, он начал свою карьеру в России в знаменитых «черных кабинетах», занимавшихся перлюстрацией. Один из лучших в России знатоков стенографии, он был еще и специалистом по шифрам, секретным сотрудником сначала Департамента полиции, а затем и других секретных служб империи. После Октябрьской революции он нашел применение своим многочисленным талантам во Всероссийской чрезвычайной комиссии и ОГПУ[57].

Нельзя не упомянуть и о сослуживцах Якова Васильевича по Канцелярии Думы, чьи имена неотделимы от истории Серебряного века русской поэзии. Известный поэт-акмеист Николай Владимирович Недоброво (1882—1919)[58] служил в Канцелярии Думы с 1908 г. сначала в скромной должности помощника делопроизводителя, затем делопроизводителя[59]. Здесь, в Таврическом дворце, за канцелярским столом удивительным, «зеркальным» способом записал он в 1914 г. свой знаменитый сонет, посвященный чрезвычайно высоко его ценившей А.А. Ахматовой:

Законодательным скучая вздором,
Сквозь невниманье, ленью угнетен,
Как ровное жужжанье веретен,
Я слышал голоса за дряблым спором.

Но жар души не весь был заметен.
Три А я бережно чертил узором,
Пока трех черт удачным уговором
Вам в монограмму не был он вплетен.

[55] См.: РГИА. Ф.1278. Оп. 9. Д. 1150. Л. 4—19 об.

[56] См.: Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб, 1994. Т. 15. С. 611.

[57] О В.И. Кривоше см.: *Витенберг Б.М., Измозик В.С.* Кто Вы, господин Кривош? // Из глубины времен. Вып. 11. СПб., 1999. С. 161—172.

[58] См. о нем: Русские писатели. 1800—1917. М., 1999. Т. 4. С. 261—262 (статья И.Г. Кравцовой и К.Ю. Постоутенко); *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997 (по им. указ.).

[59] См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1141. Л. 15—18, 41.

Созвучье черт созвучьям музыкальным
Раскрыло дверь — и внешних звуков нет.
Ваш голос слышен в музыке планет...

И здесь при всех, назло глазам нахальным,
Что Леонардо, я письмом зеркальным
Записываю спевшийся сонет[60].

Осенью 1916 г. Недоброво получил на службе отпуск для лечения своей тяжелой — как оказалось, неизлечимой — болезни и уехал на юг, в Крым, откуда ему уже не суждено было возвратиться.

Поэт и прозаик Александр Алексеевич Кондратьев (1876—1967) появился в Канцелярии Думы также в 1908 г. и прослужил здесь вплоть до осени 1917 г.[61] В написанной Кондратьевым уже впоследствии, в эмиграции, фантастической повести «Сны» возникает и образ Таврического дворца: рассказчику, от лица которого ведется повествование, он якобы пригрезился еще в 1897 г. среди «целого ряда картин войны в Петербурге». Но в этих картинах войны герой повести видит предзнаменование событий не только 1917 г., но и будущих: «Многое из виденного мною во сне в 1897 году, например трупы убитых в Круглой зале Таврического дворца или войска в иностранной форме на Забалканском проспекте, оказалось несбывшимся, но из этого еще не следует, что события эти никогда не случатся»[62].

Так что дневник Якова Васильевича мог стать весьма ценным источником не только по политической истории России. Мог, но, к сожалению, не стал: избранный автором ракурс жестко определил его содержание.

Но и здесь читателя ждет некоторое разочарование — Глинка прекратил вести дневник как раз в самый разгар Февральской революции. Последняя запись рассказывает о событиях, происходивших в исторический день 27 февраля 1917 г., причем о главном его событии — знаменитом частном совещании членов Думы в Полуциркульном зале Таврического дворца — он не написал ничего. А его воспоминания, которыми он попытался спустя более чем 30 лет как бы продолжить записи дневника, говорят о революционных днях крайне скупо. Сказалась на них и политическая конъюнктура советского времени: февраль 1917 г. в воспоминаниях Глинки прямо вызывает ассоциации с советскими кинолентами 30-х гг. о революции Октябрьской, а уничижительная характеристика

[60] Серебряный век: Петербургская поэзия конца XIX — начала XX в. Л., 1991. С. 271—272.

[61] См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1077. Л. 11—14. Об А.А. Кондратьеве см.: Русские писатели. 1800 — 1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 47—48 (статья Р.Д. Тименчика); *Седов О.* Мир прозы А.А. Кондратьева: мифология и демонология // Кондратьев А. Сны. СПб., 1993. С. 5—27; *Пяст Вл.* Указ. соч. (по им. указ).

[62] *Кондратьев А.* Сны. С. 526, 530.

А.Ф. Керенского в мартовские дни как будто предназначена для будущего придирчивого сталинского цензора.

Поэтому судить о деятельности Глинки в дни Февральской революции и в последующие месяцы — вплоть до его отъезда в июле 1917 г. на родную Волынь — приходится в основном по немногочисленным упоминаниям в мемуарах современников и архивным документам.

Несомненно, однако, что на частном совещании членов Думы 27 февраля, итогом которого явилось создание Временного комитета Государственной думы во главе с М.В. Родзянко, Глинка не присутствовал. Как свидетельствует сохранившаяся протокольная запись этого частного совещания, председательствовавший на нем Родзянко начал с объявления о том, что «на открываемом заседании не может присутствовать никто, кроме членов Государственной Думы...», причем предложил покинуть зал приставу Думы барону Э.Н. Ферзену[63]. Вряд ли для Глинки (если он вообще был в этот день в Таврическом дворце) было бы сделано исключение.

Точными сведениями о том, был ли Глинка в решающие дни революции — 27 и 28 февраля и 1 марта 1917 г. — в здании Думы, участвовал ли он в работе ее Временного комитета в эти дни, мы пока не располагаем. Правда, Н.В. Савич в своих мемуарах говорит о том, что «в первый день революции, когда Родзянко, встав во главе движения, попытался ввести его в русло переворота сверху (по-видимому, имеется в виду 27 февраля. — *Б.В.*), <...> около него объединилось несколько лиц из состава думской канцелярии, которые, рискуя своими головами, старались помочь ему, чем могли. В числе таких лиц был Глинка...», который, как отмечает далее Савич, «состоял при Родзянко в роли начальника революционной канцелярии»[64]. Есть и еще одно свидетельство как будто того же свойства, но оно содержится в крайне своеобразном документе — характеристике Якова Васильевича, выданной ему 18 лет спустя, в 1935 г., месткомом театра Музкомедии, где он тогда подвизался в качестве художника. В этой характеристике, текст которой был написан, по-видимому, либо самим Глинкой, либо с его слов, утверждалось, что он «в февральскую революцию первый из канцелярии заявил себя сторонником революционного движения и повел за собою всю канцелярию Гос[ударственной] Думы и назначен был управляющим делами временного Комитета Гос[ударственной] Думы»[65]. Однако, согласно архивным документам, «начальником революционной канцелярии» Глинка стал лишь 2 марта, то есть тогда, когда успех революции уже

[63] Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. М., 1996 С. 146; *Lyandres S.* Zur Errichtung der revolutionären Macht in Petrograd: Neue Dokumente über die inoffizielle Beratung von Mitgliedern der Staatsduma am 27.2.1917 // Unternehmertum in Rußland. Berlin, 1998. S. 311.

[64] *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 208—209.

[65] См.: Приложение IV в настоящем издании.

окончательно определился. В этот день он приказом Родзянко был назначен управляющим делами Временного комитета Государственной думы, сохранив при этом за собой свой прежний пост начальника отдела думской Канцелярии[66]. С этого дня вся переписка Временного комитета ведется Глинкой; в рассылаемых комитетом в учреждения столицы и на места обращениях и распоряжениях вслед за подписью Родзянко почти всякий раз стоит и подпись управляющего делами комитета. И в этот же день 2 марта Глинка одновременно начинает исполнять обязанности управляющего делами только что созданного Временного правительства. Таким образом, Глинка все-таки оказался на посту, который совсем недавно конфиденциально предлагал ему занять в своем так и не состоявшемся кабинете Родзянко. Обстоятельства, при которых это произошло, до сих пор не вполне ясны. Сам Глинка в воспоминаниях сообщает, что принять эту должность его «упрашивали». Кого Яков Васильевич имеет здесь в виду, сказать затруднительно — скорее всего, речь идет о все том же Родзянко. Подспудная борьба председателя Думы и ее Временного комитета с кн. Г.Е. Львовым за власть была одним из важнейших политических факторов этих дней[67], и, возможно, отказавшись от претензий на пост премьера, Родзянко хотел укрепить свои позиции, предложив своего доверенного сотрудника на важнейший пост в новом кабинете. В воспоминаниях же Глинка утверждает, что от этого предложения он «категорически отказался», согласившись лишь исполнять обязанности управляющего делами правительства «до подыскания подходящего человека».

Однако первое же заседание Временного правительства, на котором Глинке пришлось присутствовать, показало, что кабинет претендует на всю полноту власти: на заседании прозвучала мысль, «что вся полнота власти, принадлежавшая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что, таким образом, возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва»[68]. Таким образом, Государственной думе предстояло стать жертвой революции, в которой она сыграла не последнюю роль. Даже 33 года спустя Глинка вспоминал это заседание с возмущением: по его мнению, деятели Временного правительства «сами вырвали у себя из-под ног фундамент, на который могли опираться». Разумеется, при таких обстоятельствах он, вся карьера которого была неразрывно связана с Думой, в правительстве дальше оставаться не мог. Да и замена ему быстро нашлась — обязанности управляю-

[66] См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 35.

[67] См. об этом: *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997. С. 292—294; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 54—59.

[68] Февральская революция 1917 года. С. 161.

щего делами стал исполнять один из ветеранов кадетской партии, депутат Думы 1-го созыва, блестящий юрист В.Д. Набоков.

За Глинкой остались две другие должности — в Канцелярии Думы и в ее Временном комитете. Правда, оба эти учреждения — и Дума, и комитет — быстро утрачивали свое значение. Но о будущем своего ближайшего сподвижника позаботился М.В. Родзянко: 19 апреля 1917 г. он обратился к министру юстиции Временного правительства А.Ф. Керенскому с ходатайством о назначении Якова Васильевича в Сенат[69]. Просьба Родзянко была удовлетворена: 29 апреля указом Временного правительства Глинка был с 1 мая 1917 г. назначен сенатором Первого департамента. Надо заметить, однако, что в воспоминаниях Глинка об этом говорит без всякого энтузиазма, сравнивая новое место службы с «монастырем» «после шумной жизни большого света» и заявляя даже, что он таким образом был «сдан как бы в архив».

Но тот же Н.В. Савич в своих мемуарах упоминает о реакции Якова Васильевича на новое назначение совсем иного свойства: «Временное правительство, ставшее полновластным, хотя только на бумаге, властителем России, помнило его (т.е. Я.В. Глинки. — *Б.В.*) работу в Думе, видело его революционные заслуги. Он имел право надеяться на компенсацию. И он ее получил. Приблизительно в начале лета он был назначен сенатором. Это всегда было венцом карьеры для любого чиновника, теперь Глинка этого достиг и ликовал»[70]. Савич здесь более чем на месяц ошибается с датой назначения Глинки и, по-видимому, опять очень преувеличивает его «революционные заслуги». Но вряд ли можно сомневаться в том, что Глинка тогда, весной 1917 г., не восприни-

---

[69] Приводим текст этого письма М.В. Родзянко А.Ф. Керенскому по отпуску, сохранившемуся в архивном фонде Государственной думы:

«Многоуважаемый

Александр Федорович.

Ввиду предполагаемых в ближайшем времени назначений новых сенаторов, я позволяю себе обратить Ваше внимание, как на достойного кандидата, на начальника отдела канцелярии Государственной Думы действительного статского советника Якова Васильевича Глинку.

Со времени созыва I Государственной Думы и по сие время Яков Васильевич с большою пользою для дела несет громадную и ответственную работу по обслуживанию законодательного учреждения, положив при этом немало труда при организации его Канцелярии.

Я твердо уверен, что он заслужит то доверие, которое, надеюсь, Вы ему окажете.

О последующем не откажите в любезности меня уведомить.

Примите уверение в совершенном уважении и таковой же преданности.

М. Родзянко»

(РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1147. Л. 6).

[70] *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 209.

мал свою новую должность столь негативно. Сенаторское кресло действительно, как о том и говорит Савич, всегда было в России особенно престижным. К тому же после Февраля Сенат был пополнен многими виднейшими российскими юристами. Так, тем же указом, что и Глинка, сенаторами были назначены В.Д. Кузьмин-Караваев, Л.И. Петражицкий, Ф.Ф. Кокошкин. Попасть в такую компанию было, без сомнения, для Глинки весьма лестно. В советское же время, конечно, его отношение к этому назначению могло измениться. Однако, скорее всего, сказалась свойственная Глинке осторожность: Яков Васильевич надеялся на публикацию воспоминаний, а тогда, когда он их писал, звание сенатора никак не могло быть предметом гордости мемуариста — по крайней мере, в глазах тех, от кого могло зависеть их издание.

Надо отметить, что, став сенатором, Глинка и с Думой не расстался окончательно. Оставив пост начальника отдела Канцелярии, он сохранял за собой должность управляющего делами Временного комитета Думы. Любопытно, что в уже упоминавшейся характеристике 1935 г. Глинка слегка подправил историю, утверждая, что «с упразднением комитета просил совсем освободить его от службы, но временным правительством был назначен сенатором»[71]. Смысл этой вольности по отношению к своему прошлому ясен: советское начальство должно было представлять дело таким образом, что Глинка, с энтузиазмом участвовавший в Февральской революции, хотел затем отойти от дел и не принимать участия в дальнейшей «реакционной деятельности» Временного правительства (название которого, кстати, он не случайно пишет здесь со строчной буквы). А в то, что Временный комитет отнюдь не был упразднен к тому времени, когда Глинка стал сенатором, начальство вряд ли стало бы вдаваться.

В качестве управделами комитета Глинка продолжил работу, значение которой еще предстоит оценить по достоинству историкам Февраля. Еще в середине марта по поручению члена Временного комитета В.М. Вершинина Глинка и его ближайшие в то время сотрудники И.И. Батов и М.П. Мошков начали сбор материалов и показаний непосредственных участников событий, связанных с возникновением и началом деятельности Временного комитета в дни Февральской революции. По инициативе Вершинина Временный комитет постановил составить «протокол» о событиях с 27 февраля по 2 марта 1917 г.: это поручение было возложено на Якова Васильевича. Так он стал, по-видимому, первым исследователем истории Февраля, к тому же получившим завидную возможность использовать подлинные документы Временного комитета и стенографические записи свидетельств ведущих деятелей революции, вплоть до министра-председателя Временного правительства кн. Г.Е. Львова. Окончательно работа над протоколом была закончена к середине августа, когда он был представлен Временному комитету. После одобрения последним протокол был перепечатан и, снабженный подписями членов комитета, в начале сентября

[71] См. Приложение IV к настоящему изданию.

3 Зак. 2660.

направлен в Государственную типографию. Однако тогда напечатать его не успели, а черновик протокола В.М. Вершинин увез с собой в эмиграцию. Затем этот документ был передан в Русский заграничный исторический архив в Праге[72]. После Второй мировой войны вместе с материалами этого архива он перекочевал в советский спецхран. В результате «"Протокол событий" Февральской революции» увидел свет лишь в 1996 г.[73]

К тому времени, как Временный комитет рассматривал протокол, его автора (или одного из авторов — в составлении этого документа принимали участие и другие лица, и окончательный вывод о вкладе каждого из них еще предстоит сделать на основании детального текстологического анализа[74]), по-видимому, уже не было в столице. 14 июня Глинка своим приказом назначил И.И. Батова помощником управляющего делами Временного комитета, возложив на него исполнение обязанностей управляющего делами «на время его отсутствия»[75]: судя по всему, в это время он готовился к отъезду на время сенатских каникул.

Надо заметить, что полной ясности с тем, был ли этот отъезд из Петрограда для Глинки окончательным, как он утверждает в воспоминаниях, пока нет. Так, В.М. Вершинин утверждал, что черновик протокола ему передал лично Глинка в сентябре 1917 г.[76] Приведенное нами выше свидетельство Е.Ф. Родзянко о передаче ему архива председателя Думы осенью 1917 г. как будто подтверждает слова Вершинина о том, что тогда Глинка все же провел какое-то время в столице. Не исключено поэтому, что, уехав в отпуск, Глинка затем все же ненадолго возвращался в Петроград, а в мемуарах об этом по понятным причинам умолчал. Так это было или иначе, но его декларируемое в воспоминаниях решение оставить службу, принятое якобы еще при отъезде на Волынь, вызывает большие сомнения. Предугадать, как сложатся события дальше, летом 1917 г. было, разумеется, невозможно, и вряд ли Яков Васильевич действительно оставил бы навсегда сенаторское кресло. В любом случае после Октябрьской революции он снова оказался в родных местах. Прежде

[72] Февральская революция 1917 года. С. 320—321; *Ляндрес С.* Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. как источник по истории парламентаризма в России // История парламентаризма в России (к 90-летию первой Государственной Думы): Сб. научных статей. СПБ., 1996. Ч. II. С. 106—107.

[73] См.: Февральская революция 1917 года. С. 109—145, 321. Черновик протокола, по которому осуществлена эта публикация, хранится ныне в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 823. Л. 1—60).

[74] На это обстоятельство обратил наше внимание С.М. Ляндрес; его замечания по поводу публикации этого документа в сб. «Февральская революция 1917 года» см.: *Lyandres S.* On the Problem of «Indecisiveness» among the Duma Leaders during the February Revolution: the Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of February 27, 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24. № 1/2. P. 123.

[75] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 75.

[76] См.: Февральская революция 1917 года. С. 320—321.

чем началась «вторая жизнь» Глинки, ему и его семье, жившим в собственном имении Вильский Тартак, пришлось немало испытать.

Здесь самое время сказать несколько слов о семье Якова Васильевича. В мае 1898 г. в церкви петербургского Мариинского дворца (в котором размещалась Государственная канцелярия, где, как мы помним, он тогда служил) он обвенчался с Еленой Николаевной Петровой[77]. В 1898 г. родилась старшая дочь Татьяна, в 1904 г. — Ольга, а как раз в дни роспуска I Думы, в июле 1906 г. — Ирина. Семья отличалась удивительным разнообразием интересов и увлечений. Тон здесь задавал сам Глинка. Вот что его внук В.Н. Шмигельский рассказывает об этом по семейным преданиям: «У Якова Васильевича были золотые руки, и он никогда не гнушался физической работы. Когда семья отдыхала на даче у тестя, известного коннозаводчика Петрова, Яков Васильевич увлекся постройкой парусной лодки и приходил к обеду с не отмывающимися от краски руками, и за столом лакей, подносивший обед, всегда презрительно обносил его не по старшинству, подавая последнему. Сохранилась фотография и картина этой парусной лодочки. <...> Яков Васильевич увлекался парусным спортом — был членом Императорского яхт-клуба <...> Сохранился его членский билет и рукописное “Руководство по плаванию под парусами”, написанное и оформленное самим дедом, в старой коленкоровой тетрадке с металлической эмблемой яхт-клуба и фотографией Якова Васильевича рядом с буером на льду Финского залива»[78].

Забота о своей многочисленной семье становится главной для Якова Васильевича в годы Гражданской войны (к тому времени у него было уже четверо детей — появился на свет сын Георгий). В воспоминаниях Глинка говорит об этом времени без прикрас, но очень кратко. Действительность же, по передававшимся в роду из поколения в поколение рассказам, была значительно драматичней того, что он счел возможным записать: «...регулярно Яков Васильевич попадал в “заложники” к красным, и только постоянное заступничество крестьян, очень хорошо к нему относившихся, спасало барина от расстрела как “заложника”. По этой причине пришлось переехать в другой уезд, и только тогда аресты прекратились»[79]. Из своего бывшего имения (которое он в записках деликатно именует «хутором») Яков Васильевич перебирается в Житомир, где поначалу живет тяжелым физическим трудом. Вот где пригодились ему разнообразные трудовые навыки, приобретенные в благополучном прошлом. Всю дальнейшую его судьбу предопределил его величество случай — попав простым землекопом на строительство здешнего театра, Глинка отныне уже не расстается с миром театра и становится в конце концов театральным художником. Был у него, как оказалось, среди многих прочих и этот, не так часто встречающийся талант.

[77] См.: РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 240. Л. 14.

[78] Письмо В.Н. Шмигельского составителю от 10 февраля 1999 г.

[79] Там же.

В уже упоминавшейся характеристике 1935 г. он попытался в глазах советского начальственного читателя этого документа сократить свой действительный путь к новой профессии: появляется сомнительная подробность, что якобы еще в августе 1917 г. он был принят в волынский союз театральных тружеников, затем трансформировавшийся в отдел союза рабочих, членом которого бывший сенатор с тех пор и состоит. Понятно, что лишь для констатации своей, якобы столь давней, принадлежности к рабочему классу Якову Васильевичу и понадобилось вновь немножко подправить свою биографию.

Дальнейшая жизнь Глинки, его творческий путь заслуживают особого исследования. Лишь внешнюю их сторону можно проследить по сохранившимся документам. По названиям городов, где находились театры, в которых довелось ему работать, можно изучать отечественную географию.

В штат Ульяновского драматического театра он был зачислен 21 августа 1938 г. Сюда, в Ульяновск, пришло в 1942 г. и трагическое известие о том, что сын Якова Васильевича, летчик-орденоносец лейтенант Георгий Глинка «пропал без вести в воздушном бою с немецким фашизмом»[80]. Здесь Яков Васильевич продолжал работать вплоть до 1950 г., до последнего своего дня, когда скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг[81].

Здесь, в Ульяновске, на склоне своих дней Яков Васильевич вновь обратился к своему дневнику. В старой тетради, на страницах, по-видимому, еще при начале дневниковых записей в 1910 г. оставленных им для воспоминаний о первых годах Государственной думы, появился его краткий рассказ о событиях этого времени. Тогда же были написаны и его заметки о том, как сложилась затем его судьба. С такими дополнениями дневник приобрел вполне законченный характер.

Об издании дневника думала дочь Якова Васильевича Ольга Яковлевна, к которой после смерти отца перешел его архив. Но в семье продолжали очень долго сохранять привычные меры предосторожности, не афишируя дворянское происхождение, тем более что муж Ольги Яковлевны, Н.В. Шмигельский, был авиаинженером, работавшим на засекреченном предприятии[82].

Детский врач по профессии, Ольга Яковлевна впервые попыталась расшифровать чрезвычайно трудный для прочтения текст дневника, сделав его машинописную копию; при этом многие места, отдельные выражения и слова рукописи остались, однако, неразобранными.

Настоящее издание подготовлено нами по оригиналу дневника, хранящемуся ныне в личном архиве ее сына, внука Якова Васильевича, московского врача

[80] Извещение 134 авиационного полка от 21 октября 1942 г. // Личный архив В.Н. Шмигельского.

[81] Трудовая книжка Я.В. Глинки 1939 г. // Личный архив В.Н. Шмигельского; Письмо В.Н. Шмигельского от 10 февраля 1999 г.

[82] Письмо В.Н. Шмигельского от 10 февраля 1999 г.

Георгия Николаевича Шмигельского. При этом мы имели возможность пользоваться для уточнения своей расшифровки текста и подготовленной Ольгой Яковлевной копией. К сожалению, Ольга Яковлевна, так много сделавшая для сохранения и издания дневника, уже не увидит этой книги: в 1996 г. она скончалась. Но своим выходом в свет это издание прежде всего обязано ей.

Текст дневника и воспоминаний публикуется в настоящем издании полностью, без каких-либо купюр[83]. Название настоящей книги, а также частей дневника и некоторых приложений дано составителем. Текст приводится с учетом авторской правки; вся сколь-либо существенная правка оговаривается в примечаниях. В ряде случаев исправляются без специальных оговорок характерные для Глинки ошибки в порядке слов. Явные ошибки и описки автора исправлены без указания в примечаниях. Сохранены некоторые особенности орфографии оригинала (в частности, в написании некоторых фамилий). Пунктуация дается по современным правилам; сохранено, без специального указания в примечаниях, характерное для Глинки частое использование сочетаний различных или одинаковых знаков препинания (например, «?!», «!!» и т.д.). Все сокращения в тексте дневника и воспоминаний раскрыты, в тех случаях, когда они не поддаются однозначному раскрытию, в квадратных скобках указываются возможные варианты. Недостающие слова даются в квадратных скобках. В случае сомнений в правильности прочтения ставится знак вопроса в квадратных скобках; неразобранные слова указываются сокращением «нрзб.», также в квадратных скобках. В документах, включенных в состав дневника и при-

[83] Дневник и воспоминания Я.В. Глинки представляют собой общую тетрадь, размером 17,5×21,5 см., с листами в линейку. В тетрадь вложена дополнительная тетрадь-вкладыш, без обложки. Листы общей тетради и тетради-вкладыша не нумерованы. Весь текст в обеих тетрадях написан чернилами; в некоторых случаях встречается правка, сделанная карандашом. Автор не дал какого-либо названия ни дневнику, ни воспоминаниям. В начале тетради на 34 страницах находится текст воспоминаний о событиях, предшествовавших началу ведения дневника, т.е. марту 1910 г. Написаны эти воспоминания, как сообщает сам автор, в 1950 г.; в их тексте использована привычная уже к тому времени для автора советская орфография. Есть и другие приметы времени создания – так, Петербург именуется Ленинградом. После воспоминаний в тетради следуют 42 незаполненные страницы, и лишь затем начинается текст собственно дневника. Этот текст написан по старой орфографии, записи сделаны различными по характеру и цвету чернилами. Всего в этой общей тетради 378 страниц; один лист с дополнениями к основному тексту вложен в тетрадь. После окончания тетради записи были продолжены автором на тетради-вкладыше. Последняя дневниковая запись сделана 27 февраля 1917 г. Затем следуют воспоминания Глинки о своей дальнейшей жизни, написанные, как и первая часть воспоминаний, незадолго перед кончиной. Здесь также использована новая орфография.

Всего в обеих тетрадях 455 заполненных страниц. В тексте имеется незначительная по объему авторская правка, в основном сделанная по ходу записей; в то же время ряд поправок, как это явствует из различного цвета чернил текста и правки или правки карандашом чернильных записей, сделан автором уже впоследствии, хотя правку текста дневника, необходимую для его издания, он, очевидно, не успел внести.

ложений, сокращения раскрываются в квадратных скобках. Все даты в дневнике, приложениях и комментариях до 1 февраля 1918 г. даются по старому стилю, с 15 февраля 1918 г. — по новому стилю.

В заключение хотелось бы выразить глубокую признательность внукам Я.В. Глинки — Георгию Николаевичу и Владимиру Николаевичу Шмигельским, предоставившим для подготовки издания рукопись дневника, документы и фотографии из их личных архивов, принести искреннюю благодарность за большую помощь в работе над этой книгой на всех ее этапах В.С. Измозику, С.М. Ляндресу, А.В. Островскому и А.В. Смолину, за содействие и консультации Б.Д. Гальпериной, М.С. Глинке, Г.Г. Лисицыной, А.Б. Николаеву, В.Ю. Черняеву, за предоставление сведений для биографического словаря С.Г. Беляеву, Б.И. Колоницкому, Н.М. Корневой, С.В. Куликову, Ф.М. Лурье, А.И. Серкову и сотрудникам Отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки, а также А.Б. Витенбергу за помощь в подготовке компьютерной версии текста этого издания.

Борис Витенберг

Я. В. Глинка

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

[ВОСПОМИНАНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ В 1906—1910 ГГ.]

Наше поражение в войне с Японией в 1904 г., гибель эскадры, потеря Порт-Артура, Дальнего, Портсмутский мирный договор[1] выявили всю гниль нашего государственного аппарата. Начался ропот, рабочие отозвались забастовками, крестьяне волнениями, сопровождавшимися пожарами помещичьих усадеб. Высочайший манифест 6 августа 1905 г. о создании совещательной Думы, названной Булыгинской по имени ее составителя, министра Булыгина[2], успокоения не внес. Явилась необходимость издать 17 октября другой манифест, которым даровались основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов и присвоены Думе законодательные функции[3]. Создателем этого манифеста был граф Витте, который счел нужным уклониться от проведения этих начинаний в жизнь[4]. Манифест 17 октября своей неясностью привел к разным толкованиям. Одни видели в нем дарование конституции и в соответствии с этим считали нужным направить свою политическую деятельность — это были оптимисты. Другие считали, что этим манифестом определяется лишь двухпалатная система в ходе законодательства, а остальное — это красивые слова, не имеющие значения. Если так думали обыватели, то правительство в лице министров встретило это нововведение в штыки. Разве не насмешка была встретить I Думу двумя законопроектами об оранжерее и прачечной при Юрьевском университете? Разве не вызов был ответ министра внутренних дел Макарова на запрос Думы о Ленских событиях «так было, так есть, так будет»? А что означало присутствие среди членов Думы провокатора Малиновского?[5] И не этим ли объясняется командирование не старших, а младших чинов для обслуживания Канцелярии Государственной думы[6].

Об этом и о наших помпадурах говорят мои воспоминания и мой дневник.

По окончании С.-Петербургского университета по юридическому факультету в 1895 г. я был причислен к Государственной канцелярии (Кан-

целярия Государственного совета)[7]. Укомплектованная молодыми людьми из высших сфер петербургского общества и придворных кругов, Государственная канцелярия представляла из себя нечто вроде гражданской гвардии. Огромное большинство служащих не искали штатных должностей, они состояли причисленными, получали чины, ордена, придворные звания, проживали за границей [или] у себя в имениях, изредка появляясь на службе. Казалось, что при отсутствии связей едва ли можно было рассчитывать на получение подобного места. У меня никакой протекции не было, и я поставил себе задачу своими трудами добиться получения места. Через четыре года, опередив многих своих сослуживцев, я получил первую должность, и к 1905 г. я уже был в должности старшего делопроизводителя Государственной канцелярии, когда последовал манифест об учреждении Государственной думы и о ее созыве, причем было установлено, что впредь до образования Канцелярии Думы обязанности по производству ее дел возлагаются на Государственную канцелярию.

Это всколыхнуло Государственную канцелярию. Интерес ли к новому делу, любопытство ли к зрелищу или надежда на получение орденка или придворного звания, но что-то потянуло большинство поспешить записаться кандидатами на командировку для работ по Государственной думе. Я не был в числе их. Результаты выборов в I Государственную думу сверх ожиданий дали перевес оппозиционным партиям[8], и к началу занятий [Думы] не оказалось никого, желающего быть откомандированным в Канцелярию Государственной думы. Пришлось прибегнуть к назначению. В списках назначенных оказался и я. Просмотрев эти списки, для меня стало ясно, что в Думу откомандировывались лица, не угодные своему начальству. (Моим непосредственным начальником был в то время барон Дистерло — мы друг другу не симпатизировали.) Меня ущемили, назначив исполнять обязанности помощника пристава Государственной думы (роль судебных приставов в судебных заседаниях). Заявив протест, я все же настоял на командировке. Бурные заседания Государственной думы волновали сотрудников газет. Они не могли спокойно сидеть на местах, и вот их-то мне препоручили для наведения тишины и порядка. Прошло немного времени, мне это надоело, и я просил дать мне другую работу. Мне предложили выдавать пропуски публике на заседания Государственной думы. Я принял это предложение. Интерес публики к заседаниям Государственной думы был огромный. Обширные помещения Таврического дворца не могли вместить толпы, жаждущей получить пропуск[9] на заседания. Пришлось

столик вынести во двор и там производить раздачу билетов. Очередь стояла от Литейного проспекта до Таврического дворца. Дома мне не давали также покоя. Курьеры, лакеи осаждали записками насчет билетов от разных высокопоставленных лиц. В один из бурных дней в Государственной думе меня позвали к председателю Государственной думы С.А. Муромцеву в кабинет его. «Вы выдаете пропуски на заседания? Пожалуйста, на сегодня оставьте два билета для моих знакомых. Садитесь». Я сел. Он мне стал задавать вопросы, я отвечал (темы нашего разговора я не помню), но через полчаса нашей беседы он мне говорит: «Скажите, какого черта вы торчите на этом месте?» — «По воле моего начальства», — отвечаю я. «Так вот что, плюйте вы на это, идите ко мне секретарем». Конечно, я с радостью ухватился за это предложение.

Сергей Андреевич Муромцев [был] профессор Московского университета по кафедре гражданского права, он же преподаватель в Императорском Александровском лицее, почему на случай приезда в Ленинград[10] нанимал на Николаевской улице две небольших комнаты. В них он проживал и во время пребывания на посту председателя Государственной думы. Все официальные приемы он проводил в Таврическом дворце. При этих приемах он требовал моего присутствия, а в свободные от занятий короткие промежутки [времени] он сажал меня против себя и читал мне лекции по парламентскому праву, желая видеть во мне человека, могущего при переменном составе Государственной думы сохранить традиции и быть беспристрастным летописцем[11] (говорили, что его не покидала идея о парламентском строе в России еще[12] с университетской скамьи и что он мнил себя уже тогда[13] председателем [парламента]). Это свершилось, и надо сказать, что для этого Муромцев обладал всеми данными.

Государственная дума шумит. Министров при их следовании в Таврический дворец встречная публика провожает свистом, в Думе встречают их не лучше. Да и как могло быть иначе? Правительство не только недоброжелательно отнеслось к установлению нового порядка, но даже враждебно[14]. Государственная дума предъявляет правительству запрос за запросом и сама приступает к выработке законопроектов.

Секретарем Государственной думы избран князь Шаховской — ярый кадет[15]. Он всячески оберегает от посторонних глаз все, что касается внутреннего делопроизводства, и уже до выработки штатов замещает должности своими людьми — кадетами. Чины Государственной канцелярии уходят, и из них в Государственной думе остаюсь только я[16]. На вопрос

Муромцева, не останусь ли я служить в Канцелярии Государственной думы, я отвечаю отрицательно, ссылаясь на то, что с Шаховским мы не сработаемся. Страшную картину представляла из себя вновь формируемая канцелярия. Люди нервно строчили статьи в газеты и журналы, о чем-то шушукались, впечатление получалось, как будто бы [вы] присутствовали в редакции большой подпольной газеты. Читателя моих записок, чтобы убедиться, насколько атмосфера в Государственной думе была насыщена электричеством, я отсылаю к стенографическим отчетам, которые одни могут дать правдивую картину. Государственная дума получила прозвище «Дума народного гнева» и проявляла свой гнев в каждом заседании.

Уже к концу первого месяца нашей работы я стал близким человеком для Муромцева, и он деспотически не отпускал меня от себя и [тогда,] когда заговорили о перемене в Царском [Селе][17] курса в сторону образования ответственного министерства, что имело, очевидно, какое-то основание, так как Муромцев говорил об этом и мне, намекая на то, что если ему будет поручено составить кабинет, то не пойду ли я с ним. Я знаю, что в один из дней он с несколькими своими софракционерами должен был ехать в Царское Село. Все сидели во фраках и ждали сигнала к отъезду. Но правительство не дремало, и вдруг поездка была отклонена[18].

Наступил июль месяц 1906 г. Моя семья находилась в Орловской губернии у родителей моей жены. С дня на день мы ждали прибавления семейства, что заставило меня просить Муромцева дать мне отпуск. С трудом его уговорил, и 1 июля я уехал. 8 июля у нас родилась дочь[19], и в этот же день я получил телеграмму: «Дума распущена[20] приезжайте принимать дела». В этот же день я выехал, до железной дороги 60 верст. Мне казалось, что это должно было всколыхнуть всю страну. Чудились беспорядки, забастовки. Так думали все те, кто участвовал в работах Государственной думы. Нам казалось, что горячность Думы есть отклик общего настроения страны. Но мы ошибались. Приехав на станцию Орел [я нашел, что] ничто не указывало на какую-либо тревогу: бойкая торговля газетами — и все. У перрона скорый поезд на Петроград[21]. На паровозе два часовых. Вхожу в вагон-ресторан. Никто об этом событии не говорит. В пути читаю газеты и узнаю о выборгском воззвании. Не заезжая домой, с чемоданами я ввалился в квартиру Сергея Андреевича на Николаевской улице. Он отворил мне дверь, и я раньше, чем поздоровался, воскликнул: «Неужели Вы подписали выборгское воззвание?»[22] — «Что делать, Яков Васильевич, настроение». Он ждал ареста. Я оставался у него до утра. Он много гово-

рил о своей жизни, своих путешествиях и работах. Делал завещания жене и дочери. Это была моя последняя встреча с ним.

Вновь набранная, но неоформленная канцелярия[23] готовилась сдать дела. Ей предоставлен был недельный срок. Картина была страшная. Груды бумаг сжигались в каминах. Уничтожалось все то, что могло дать почву для преследования отдельных членов Думы. Никто не думал, что будущему историку этот материал будет необходим. Когда я принял дела, то действительно многие из них состояли из одних обложек. Государственный секретарь, который согласно закону в случае роспуска Думы вступает в управление Канцелярией Думы (барон Икскуль фон Гильденбанд) решает распустить весь состав служащих до созыва II Думы. Я категорически возражал, доказывая, что перерыв необходимо использовать для создания архива. Со мной согласились: меня назначили временно заведующим Канцелярией Государственной думы и [оставили на службе] пять человек из состава приглашенных Шаховским лиц (кн. Голицын, Щепкин, Алексеев, Белостоцкий и Таранович)[24]. Мы дружно принялись за работу и скоро с ней справились. Когда я представил эти работы в отпечатанном виде государственному секретарю, он их одобрил и, позвонив курьеру, велел ему пригласить статс-секретаря бар[она] Дистерло (моего начальника по Государственной канцелярии, исполнявшего по Государственному совету те же обязанности, что и я по Государственной думе) и, обращаясь к нему, сказал: «Барон, Вы видите работы Канцелярии Государственной думы, а у нас ведь по Государственному совету ничего не сделано. Командируйте сейчас же в Канцелярию Государственной думы несколько человек, чтоб научились, что и как надо сделать». Это была компенсация за отношение ко мне бар[она] Дистерло, старавшегося доказать мою непригодность.

После роспуска Государственной думы 1-го созыва Государь хотел видеться с Муромцевым уже не как с председателем Государственной думы, о чем было сообщено председателю Совета министров[25] (Горемыкину). Этот идет на провокацию. Осведомленный о поездке членов Думы в Выборг, он задерживает у себя приглашение и после отъезда Муромцева докладывает в Царском [Селе], что он не мог сообщить о Высочайшей воле Муромцеву за его отъездом[26].

Что же происходило в Выборге? Дума заседает, председательствует Муромцев. В составе [участников заседания] оппозиционные партии. С[оциал]-д[емократы][27] вносят предложение, впоследствии получившее

название «выборгского воззвания». Против выступают кадеты. Профессор Петербургского университета Петражицкий в двухчасовой речи старается доказать неприемлемость предложения социал-демократов. Объявляется перерыв. Муромцев выходит на прилегающий к помещению бульвар и присаживается на скамейку. Через некоторое время к нему подходит небольшого роста человек и спрашивает его: «Вы г-н Муромцев?». — «Да», — отвечает он. «Позвольте представиться: Клингенберг — выборгский губернатор. Дело в том, что я получил распоряжение: если заседание не будет тотчас прекращено, передать власть военным»[28]. Муромцев об этом объявляет собранию, сходит с кафедры и уезжает в Петроград. Петражицкий заявляет, что уехать, ничего не приняв, невозможно, а потому, несмотря на то что он возражал против предложений социал-демократической партии, при сегодняшних условиях он подписывается под ними. За ним пошли подписываться и остальные кадеты. Муромцева заставили подписаться в Петрограде. Плеяда способных людей, и в том числе Муромцев, была лишена права участвовать в дальнейшем по выборам в законодательных органах[29]. Страна молчала.

Государственная дума была распущена, когда она готовилась обсуждать законопроект о земле и хотела обратиться от лица Думы к населению. В грозном Манифесте 9 июля 1906 г. говорилось: «...Да будет же ведомо, что Мы не допустим никакого своеволия [или беззакония] и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению Нашей Царской воле»[30].

Время нового созыва Государственной думы было назначено на 20 февраля 1907 г.

Опыт в I Думе с замещением должностей по канцелярии еще до установления штатов в зависимости от принадлежности секретаря Государственной думы к той или иной политической партии показал недопустимость в дальнейшем такой практики, следствием которой исторические этапы государственной жизни России стерлись бы совершенно или получили бы отсвет одной какой-либо из многочисленных (14) фракций Государственной думы. Поэтому до установления закона о штатах Канцелярии Государственной думы самою Думою делопроизводство было поручено Государственной канцелярии[31]. Во главе командированных в Думу был я, оставаясь в должности временно заведующего Канцелярией Государственной думы.

Если в I Государственной думе фракция кадетов занимала центральные места, то во II Государственной думе[32] она переместилась в правое крыло. Оппозиция по сравнению с I Думой значительно увеличилась, но она не блистала талантами, не отличалась работоспособностью. Председателем был избран Головин (конституционный демократ), секретарем Челноков (тоже кадет).

Всем ворочал Челноков. Головин был марионеткой в его руках. Усы кверху а-ля Вильгельм[33], всегда улыбающийся, самодовольный вид. «Подскажите ему, — обращался ко мне Челноков, — чтоб он не сел в лужу». «Издайте закон», [— говорил он мне,] если ему надо было сделать распоряжение по канцелярии.

Понурое настроение царило среди членов Думы. Над всем чувствовалось состояние какой-то обреченности. С первого же дня у всех на устах была одна и та же фраза: «нас наверно распустят». Правительство засыпали запросами, в остальном работа шла вяло. Правительственные законопроекты о наказуемости деяний, связанных со смутами, отвергались, когда же правительством было потребовано временно, до окончания суда, устранение 55 членов Государственной думы, обвиняемых в заговоре против государства и царской власти, Государственная дума не выполнила немедленно этого требования и всеми мерами затягивала обсуждение этого вопроса в комиссиях и совещаниях, куда их [, представителей правительства,] на этот раз не впускали[34].

Правительство не считало возможным дальше тянуть с решением этого вопроса, и Государственная дума указом Правительствующему Сенату 3 июня 1907 г. была распущена, просуществовав 103 дня. Новые выборы были назначены уже по измененному выборному закону (3 июня 1907 г.), коим лишены права участия в Государственной думе представители окраин и установлен фильтр, который гарантировал бы прохождение в Государственную думу с точки зрения правительства наиболее надежных элементов. Созыв новой Думы назначен на 1 ноября 1907 г.

По прочтении указа о роспуске Государственной думы произошло смятение. У подъезда и на улицах уже стояли охранники[35], готовые принять в свои объятия бывших членов Государственной думы, против которых возбуждено судебное преследование. Многие из них обращались к нам с просьбою указать путь наиболее надежный, чтоб не быть тотчас арестованными, другие давали поручения на случай их ареста. Мне лично уда-

лось нескольким лицам указать, как можно было при выходе из Таврического дворца не попасть в руки охраны.

Государственная дума 2-го созыва, как и Государственная дума 1-го созыва, не успела создать штаты и образовать Канцелярию. Положение оставалось прежним. На меня были возложены все работы по завершению дел II Государственной думы и подготовка дел для встречи III Государственной думы. Выборы, ввиду нового избирательного закона, дали желаемые правительству результаты. Кадеты оказались чуть ли не на крайних левых скамьях, октябристы[36] занимали [места] от центра влево. От центра вправо — националисты и правые. С.-деков[37] — небольшая горсточка.

Так как делопроизводство, как и раньше, до выработки закона о штатах Канцелярии возлагалось на Государственную канцелярию, то государственный секретарь (бар[он] Икскуль фон Гильденбанд) созвал совещание из высших чинов Государственной канцелярии — статс-секретарей Государственного совета, в заведовании которых находились отделения Канцелярии[38]. На это совещание был приглашен и я. Открывая совещание, бар[он] Икскуль обратился ко мне со словами: «Выслушаем нашего представителя в Государственной думе». Когда я высказал свои предположения о составе командируемых лиц, государственный секретарь спросил статс-секретарей, кого они могут командировать в Государственную думу, и тут опять обнаружилась тенденция командировать лиц наиболее слабых. Меня это, конечно, не устраивало, мне жаль было разрушить налаженное дело, и потому я решился критиковать как работника каждого, который представлен был статс-секретарями для командировки, и представил список тех лиц, которые, по моему мнению, могли достойно выполнять работу. Государственный секретарь согласился со мной. В то время я был самый младший из старших делопроизводителей, и этой моей решимостью я, конечно, сжигал корабли. Если бы мне пришлось вернуться в Государственную канцелярию, едва ли меня ожидала там приятная встреча. Многие из чинов Государственной канцелярии, откомандированных в Государственную думу, были и по возрасту, и по должности выше меня, и это положение смущало их. В Государственной думе они должны были подчиняться мне. Это послужило основанием тому, что ко мне несколько раз обращались с просьбою: «Откажитесь от вашей роли, передайте ее старшему из нас, а то, право, как-то неудобно, и все будет в порядке». Да, а в междудумие, когда надо было, лишившись отпуска, успешно

работать, на мое место охотников не нашлось?! «Согласитесь, — ответил я, — что мой отказ свидетельствовал бы о моей трусости, боязни не справиться с трудным и тяжелым делом. Я этого не сделаю, а вам разрешаю доложить об этом государственному секретарю на предмет его последующих распоряжений». Не знаю, предприняты [ли] были какие-либо шаги в этом направлении, но со стороны государственного секретаря не последовало никаких изменений.

Октябристы представляли из себя центр. Дабы составить большинство, [они] без колебаний блокировались с правым крылом[39]. Поэтому при наметке кандидатур в председатели и секретари Государственной думы были выдвинуты [председателем] Хомяков, октябрист, и секретарем Созонович, крайний правый.

Больших усилий стоило уговорить Хомякова баллотироваться. Он, очевидно, предвидел трудности. Сохраняя беспристрастие на кафедре, он не верил в поддержку в нужные моменты председателя своей фракцией во главе с ее лидером Гучковым. Сын известного славянофила, Хомяков представлял из себя барина в лучшем смысле этого слова, с большим оттенком обломовщины. Остроумный, он чужд был всяких интриг, прямодушен и совершенно неспособен к борьбе. Его возмущали и политика своей партии, и неестественный блок с партией Маркова 2-го и Пуришкевича. Раздражало его и поведение правительства по отношению к Государственной думе. Несмотря на то что Государственная дума 3-го созыва была совершенно послушным орудием в руках правительства, это правительство все же не могло мириться с существованием учреждения, контролирующего его действия, и, обнаглев, ставило всяческие препоны на пути ее деятельности, стремясь где только возможно было ограничить ее права. Правительство находило опору в таких членах Государственной думы, как Павел Николаевич Крупенский (националист)[40], который чуть ли не ежеминутно сообщал правительству о всем, что делается в Думе, и о настроениях партий и отдельных членов. На мой взгляд, не безгрешен был в этом и сам Гучков, считая Столыпина своим другом и сносясь с ним по всем вопросам. Но думается мне, что Гучков сильно ошибался в чувствах к нему Столыпина. Он пользовал его как выгодного информатора. От всех передряг Хомяков удалялся в свой уютный уголок Сычевку (имение в Смоленской губернии).

4 Зак. 2660.

Со времени II Государственной думы было установлено, что во время заседаний Государственной думы я должен находиться вблизи председательского места для дачи нужных справок, для чего было устроено место за председательским креслом. Если председательствующие слушали мои справки, как ученики, отвечающие по подсказке, и имели вид детально знающих Наказ Государственной думы[41] и все законопроекты, рассматриваемые Государственной думою, то Хомяков действовал иначе. Он обращался ко мне так, что всем было ясно, что мы разговариваем. Это послужило поводом [к тому], что в правой газете «Русское знамя» появилась заметка о Хомякове, что якобы у него только голова, а головой его вертит шея в моем лице[42]. Когда я по поводу этой заметки сказал Хомякову, что, может быть, устроить как-нибудь иначе, он ответил: «Плюйте на это. Ведь ясно, для чего вы сидите. Не для того же, чтобы мне чесать затылок».

Секретарем Государственной думы был избран И.П. Созонович — профессор Варшавского университета, крайний правый. Партия возлагала на него большие надежды, что, управляя Канцелярией, ему удастся составить Канцелярию из лиц, сочувствующих и проводящих линию партии. Это было бы повторение той ошибки, которую допускала I Государственная дума в лице секретаря Государственной думы кадета князя Шаховского. Так как послушная Дума имела все шансы просуществовать положенные пять лет, а следовательно, за этот период и установить штаты своей Канцелярии, то такой взгляд на это дело представлял большое опасение, что меняющийся состав, в зависимости от партийной принадлежности секретаря Государственной думы, и служба по вольному найму ни в коем случае не могут гарантировать беспристрастное изображение деятельности Государственной думы — этого важного исторического этапа в жизни нашей многострадальной родины. На этом я сосредоточил все свое внимание. На это указывала теория, об этом говорила практика Государственных дум 1-го, 2-го и 3-го созывов. Мы, работники I и II Государственных дум, сразу попали под подозрение вновь избранного секретаря Государственной думы правого толка, который долгое время относился к нам с остраской, не допуская мысли, что в нашем деле, принадлежа к любой политической партии, не только можно, но и должно в своих действиях и работах строго соблюдать беспартийность, без которой обслуживать Государственную думу нельзя (в III Государственной думе было 13 фракций). Мне и моим сотрудникам удалось достигнуть того, что к нам обращались с одинаковым доверием как справа, так и слева. Так, был

курьезный случай: приходит ко мне Пуришкевич и говорит: «Сейчас я выступаю против Чхеидзе, на какую статью Наказа я могу опереться?» Я отвечаю. Через несколько минут приходит Чхеидзе с тем же вопросом и получает тоже ответ.

Пуришкевич как-то обратился ко мне: «Черт вас знает, никак не разберешь, правый вы или левый». — «Вот в этом секрете и заключается моя роль», — ответил я ему. Пуришкевич — убежденный ярый монархист, не глупый, смелый в своих действиях и поступках и хулиган в своем поведении. Он не задумается с кафедры бросить стакан с водой в голову Милюкова. Необузданный в словах, за что нередко был исключаем из заседаний, он не подчинялся председателю и требовал вывода себя силой. Когда охрана Таврического дворца являлась, он садился на плечи охранников, скрестивши руки, и в этом кортеже выезжал из зала заседаний[43]. 1 мая обычно левый сектор украшал себя бутоньеркой в петлице, красной гвоздикой. Пуришкевич выждал момент, когда появление его могло обратить всеобщее внимание: одетый в визитку, руки в карманах, с красной гвоздикой — где бы вы думали? — в прорехе брюк в непристойном месте. В своих речах он достигал необычайной быстроты произношения — 90 и более слов в минуту, что заставляло сокращать время работы стенографов до 3 минут.

И.П. Созонович, видимо, по своей предшествующей деятельности профессора не имевший никакого дела с работами канцелярий, когда завертелась эта огромная машина в своем непрерывном действии, совершенно растерялся и силою обстоятельств постоянно обращался ко мне за советами и указаниями, как надо поступать в том или ином случае, куда направить дело, как реагировать на тот или иной поступок. Постепенно убедившись в том, что ни у кого из нас и в мыслях не было подводить его, что дело налажено, он не препятствовал созданию штатов и пополнению Канцелярии теми лицами, которых мы считали достойными занимать эти места.

От его имени мы составили законопроект о штатах Канцелярии Государственной думы.

Чинам Канцелярии предоставлялись права государственной службы. Для устранения текучести состава установлены трехгодичные прибавки. Требование высшего образования для делопроизводительского состава стало обязательным. Стенографы и переписчики принимались по закрытому конкурсу. Лица, удовлетворявшие условиям конкурса по признанию на-

значаемой для сего комиссии, по вскрытии конвертов принимались на службу вне зависимости от национальности, вероисповедания и пр. Старшие чины назначались по представлению Совещания Государственной думы[44], остальные приказами секретаря Государственной думы, *но не иначе* как с согласия и по представлению начальников отделов. Ограничение прав служащих заключалось в запрете участвовать в печати и политических собраниях (активно). Эта мера стала необходимой для ограждения Канцелярии от всяких нареканий, от выражения тем или иным способом симпатий одной из политических партий.

Этот проект являлся как бы конституцией, гарантирующей чинов Канцелярии, работающих честно, от возможного произвола секретарей Государственной думы, находящихся под давлением своей партии.

Так как по закону Приставская часть[45], библиотека, хозяйственная часть и врачебная [часть] были отнесены к ведению председателя Думы, а Канцелярия была подчинена секретарю, то возникал вопрос о создании должности директора Канцелярии, который мог бы объединить всех служащих.

При обсуждении этого вопроса во фракциях огромное большинство возражало, считая, что столь высокое лицо может нежелательными способами влиять на членов Думы[46], а Созонович, не раз до того повторявший фразу «Позвольте Вам немножко не верить», сказал [мне]: «Хочется вам надеть белые штаны»[47]. Думали, думали и решили образовать три отдела Канцелярии, во главе отдела поставить начальников и на одного из них возложить производство дел, имеющих общее значение для всей Канцелярии и прочих установлений, при Государственной думе состоящих. Это длинное и громкое *наименование* [Отдел Общего собрания и общих дел] явилось темой для сатирического журнала. В этот период немало народу ярко правого толку втиралось к Созоновичу, предвкушая возможность устроиться. Наша миссия заканчивалась, и мы после длительной командировки должны были вернуться к своим пенатам. Ознакомившись ближе с претендентами на открывающиеся вакансии, кои сулили внедрение в Канцелярии партийности, и разочаровавшись в них, Созонович сказал: «Самый лучший Яков Васильевич» — и торжественно объявил мне, что Совещание Государственной думы предлагает мне занять место начальника отдела с присоединением к нему длинного, громкого титула. Так как вся эта сложная машина, совершенно чуждая канцелярской рутины, была создана моими руками, то я без колебаний принял предложение,

оговорив, что ни один человек без моего согласия не может быть принят в состав служащих.

Софракционеры Созоновича остались им очень недовольны. Он не оправдал их надежд, не выкурил крамолу, которую Марков 2-й видел в моем лице.

Была набрана талантливая способная молодежь. Среди них я был самый старый — мне было 36 лет. Среди этой молодежи были сочувствующие различным партиям, но это нисколько не мешало нашей дружной, тяжелой и ответственной работе, которую мы довели до последних дней существования Государственной думы без малейших нареканий с чьей бы то ни было стороны и оставили для истории ценный материал, чуждый какой-либо односторонности.

Эти воспоминания я пишу на 80-м году своей жизни через 33 года после упразднения Государственной думы Февральской революцией 27 февраля 1917 г. Многое, конечно, стерлось из моей памяти, но мне казалось, что эти воспоминания помогут интересующимся этим периодом понять значение моих записей в дневнике, который я вел с 1910 г. и до 27 февраля 1917 г., т.е. по день Февральской революции.

События, соединенные с Февральской буржуазной революцией, а засим и с Октябрьской социалистической революцией, проносились каким-то вихрем, сменяя друг друга.

В этот бурный период трудно было продолжать дневниковые записи, а потому я заканчиваю свой дневник опять воспоминаниями. В этих воспоминаниях я указываю также и на те события, имевшие место в моей личной жизни, которые повлияли на всю мою последующую жизнь.

[III ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. 1910–1912]

4 марта 1910 г.

Днем Хомякова не видал и ничего не слышал. Председатели фракций [в] 8 ч. вечера собрались на заседание[1]. Проходит 1/2 часа, председателя нет. Нетерпение. В 8 1/2 ч. входит Хомяков; с улыбкою и смущением на лице. Здороваясь с членами Думы, он каждому говорит что-то. Все обращаются ко мне с вопросом, что случилось. Я отвечаю, что днем не видел его и ничего не знаю. Оказывается, что Хомяков [находится] под влиянием всех обстоятельств последнего времени: протест правых[2] и умеренных, предполагаемый протест оппозиции, отсутствие поддержки в центре и наконец «хулиганское» поведение по отношению к Думе гг. министров создали такое положение, при котором дальнейшей ответственности за достоинство учреждения, обязанность блюсти которое лежит на нем, он [нести] не в состоянии. «Я потерял равновесие, я более не могу, — говорит он, — когда сама Дума не желает серьезно смотреть на дело, а правительство показывает явное недоброжелательство. Это такие условия, при которых никто не может взять на себя роли председателя. Ввиду этого мое решение непоколебимо, и сейчас приедет Шидловский, который и будет вести заседание». Правые и умеренные отсутствуют. Октябристы смущены и молчат. Оппозиция не особенно сильно, но все же старается доказать, что достаточных причин к отказу не имеется. В этом разговоре даже принимает участие с[оциал]-д[емократ] Покровский 2-й. Оказывается, что днем Хомяков имел разговор с председателем Совета министров по поводу инцидента с министром народного просвещения Шварцем о том, что последнему 3 марта в заседании не дали говорить. Шварц желал говорить в то время, когда по положению должен быть перерыв, почему председатель [Думы] на основании требований членов Думы объявил таковой, сказав Шварцу, что слово будет ему предоставлено после перерыва. На это Шварц ответил: «В таком случае я вовсе не буду говорить», — и со всеми подведомственными ему чинами демонстративно покинул зал заседания[3]. В конце объяснений по этому поводу со Столыпиным Хомяков сообщил ему, что он больше

не председатель и что с дальнейшими переговорами надлежит обращаться к кн. Волконскому. Видимо, что этот факт был финальным аккордом для принятия Хомяковым своего решения[4]. Во время заседания сеньоров[5] Хомяков разговаривал в соседней комнате с некоторыми членами Думы, вызвал меня и, приказав составить доклад для Царского Села о сложении обязанностей председателя, уехал домой. Заседание кончилось. Кабинет [председателя Думы] осадила стая корреспондентов, опрашивая каждого выходящего. Кадеты справляются, откуда взялись известия о протесте оппозиции, когда никто об этом не говорил и не думал и собраний пока не было. Выясняется, что слухи исходили от секретаря фракции к[онституционных]-д[емократов] Харламова. Гучков с друзьями удалился на совещание. На вопрос, кто будет председателем, [В.А.] Бобринский 2-й отвечает, что националисты кн. Волконского не ведут[6]. Слух проходит о кандидатуре Гучкова с тем, чтобы он имел право доклада в Царском Селе. Не знаю, поддержат ли друзья-октябристы Гучкова, когда он станет в роли председателя, но что они не только не поддерживали, но даже топили Хомякова, это несомненно. Более ненавистной партии для правых нет, как октябристы, и тем не менее эта партия (октябристов) всячески считается с правыми. Правые, ведя систематическую травлю Хомякова, всегда находили поддержку в известной части центра, так как такие лица, как товарищ секретаря [Думы] Антонов, не раз во время промахов председателя позволял себе стучать по пюпитру в виде протеста и открыто самым резким способом возмущается в кулуарах среди и так враждебно настроенной правой стороны. Шубинской однажды громко, стоя у кафедры, сказал раздраженным тоном окружавшим правым: «Давно пора переменить», указывая на Хомякова. Немалую роль сыграли и товарищи председателя Шидловский и Волконский по вопросу о библиотекаре, когда библиотечная комиссия из-за недоразумения Хомякова с гр. Бобринским демонстративно вышла в отставку[7]. Журнал Совещания, доказывающий неправоту Бобринского[8], было постановлено отпечатать: он должен был быть оглашен до выборов, но боюсь сказать, умышленно, а иначе понять трудно [почему], благодаря отъезду Хомякова был задержан по приказанию Шидловского, и, таким образом, выборы происходили под впечатлением правоты гр. Бобринского. В библиотечную комиссию были избраны те же лица[9], и никто в то время не учел, что этим Дума выразила своему председателю недоверие, и кто же этому способствовал — его же друзья. В день выборов Волконскому была оставлена Крупенским запис-

ка характерного содержания, которая гласила: «Прошу *очень* баллотировку сделать до перерыва, все приготовлено и это важно. П. Крупенский». Перед текстом стояли имена демонстративно отказавшихся членов [Думы]. Какими расчетами руководствовались товарищи председателя, [непонятно], но ясно, что предали Хомякова. Хомяков не раз указывал на отсутствие у самой Думы веры в плодотворность ее деятельности. Эти слухи проникли в печать, и член Думы Крупенский сделал непристойный по этому поводу выпад в печати. Инцидент обсуждался во фракции октябристов, и в защиту Хомякова опять-таки никто не высказался, оставляя вопрос до времени «открытым». Это сильно возмутило Хомякова, так как до обсуждения никто из октябристов даже не заглянул к нему, чтобы спросить, насколько газеты правильно передали его мысли. Тормозы в Государственном совете[10] сильно беспокоили его, он собирался на днях еще раз съездить в Царское [Село], чтобы доложить об этом. Небрежное отношение к Думе правительства выводило его из равновесия, и последнее время «Столыпин» без раздражения он говорить не мог. Анализируя отношения к Хомякову кн. Волконского, совершенно зазнавшегося в последнее время и мнящего уже себя председателем, я должен сказать, что меня неприятно поражало всегда желание Волконского затереть Хомякова. Во все выдающиеся моменты он старался выдвинуть свою фигуру. Он закрывал сессию и объявлял указ о возобновлении ее. Он председательствовал, когда проходили крупные законопроекты, он же вел заседание по общим прениям по бюджету. Но лишь только он чувствовал, что может произойти скандал, он уступал место Хомякову. Это право, присвоенное им себе в распределении председательствования благодаря добродушию и отчасти природной лени Хомякова, ему казалось настолько естественным, что однажды, незадолго до настоящего дня, мне пришлось быть свидетелем такой сценки. Волконский с Шидловским распределяли между собою дни председательствования на предстоящую неделю. Оказалось, что для Хомякова не было места. Стоявший тут же Николай Алексеевич [Хомяков] сердито сказал: «А когда же я буду председательствовать?» Тон был настолько повышен, что мне показалось неудобным присутствовать, и я вышел из кабинета. Через час я узнаю, что Хомяков вечером уезжает к себе в имение.

В 12 ч. высочайший доклад[11] об отказе от звания председателя Государственной думы отправлен в фельдъегерский корпус.

5 марта

Настроение членов Думы сосредоточенное, чувствуется важность председательского кризиса. Волконский почему-то не желает оглашать в сегодняшнем заседании заявление Хомякова об отказе от звания председателя. Удивляюсь опять: на мой взгляд, поступок не в пользу Хомякова, хотя, быть может, и из хороших побуждений. Волконский указывает, что время объявления зависит от председательствующего и что надо выждать возвращения доклада из Царского [Села], так как та или другая резолюция может еще изменить решение Хомякова. Этого же мнения держатся и некоторые октябристы. Необычайно наивно, так как я[12] уверен, что никакой резолюции на подобном докладе быть не может, а самый доклад доказывает факт непреклонного решения. Поэтому удивительно слышать от товарища председателя, что доклад об отказе Государю Императору есть частное дело Хомякова.

Как и следовало ожидать, к вечеру выяснилось, что доклад был возвращен председателю Совета министров без всякой резолюции с обыкновенной пометкою «/.»[13], о чем и было сообщено Столыпиным Хомякову по телефону. Хомяков сегодня пробыл в Думе от 1 ч. дня до 2 ч. у себя в кабинете, окруженный октябристами, которые старались убедить его изменить его решение, он остался непреклонным. О кандидатуре Волконского не говорят; имя Гучкова все чаще и чаще слышится в кулуарах. Некоторые из октябристов считают избрание Гучкова в председатели неосторожным и нежелательным для партии. Мне кажется, что Гучков, идя на такой шаг, идет ва-банк. Боюсь, не есть ли это самоубийство и начало распадения центра. Бедный князь Волконский, мечты, лелеемые им последние месяцы, рассыпались в прах.

6 марта

Князь Волконский удручен кандидатурою Гучкова, он говорит: «Вот когда мы пожалеем Николая Алексеевича». Правые также недовольны и решили голосовать против. В заседании оглашается отказ Хомякова [от поста председателя], выслушивается спокойно. По поводу речи Пуришкевича происходит грандиозный скандал [далее 2 слова нрзб]. Исключение 7 депутатов[14]. Волконский достаточно владеет собою, и ему удается восстановить порядок[15]. На Совещании он сделал большой промах, когда правый депутат Новицкий в своей речи указал на изгнание в заседании 3 марта министра Шварца[16].

Это произошло под председательством Хомякова и совершенно не соответствовало истине. Для поддержания достоинства Думы, не говоря уже в ограждение Хомякова, он [Волконский] обязан был восстановить истину. Он предпочел не реагировать. Крупная политическая бестактность. После заседания все, кроме оппозиции, устраивают ему шумную овацию. Единомышленники поздравляют с выдержанным экзаменом. Улыбающийся и довольный, он быстро покидает Таврический дворец с впечатлением, что на минуту у него воскресла снова надежда сидеть на председательском месте. Во время заседания с членами правой фракции у меня происходит резкий разговор по поводу предъявляемого требования поместить в стенограмму слова Пуришкевича, которые не были слышны за шумом. Когда я доказал свою правоту, они смиряются и даже некоторым образом извиняются. Кадеты говорят, что поддерживают кандидатуру Гучкова, полагая, что это распад центра.

7 марта

Гучков — кандидат октябристов и националистов. Эти фракции не считают нужным об этом оповестить остальные фракции. Оппозиция — к[онституционные]-д[емократы], трудовики и с[оциал]-д[емократы] — решает воздержаться от голосования, правые кладут [шары] налево. Заезжал к Хомякову, не застал дома.

8 марта

День выборов. Утреннее заседание проходит вяло, без интереса. Все в ожидании вечера, когда назначены выборы, хотя результаты заранее известны.

Гучков избран 221 голосом. Он остается в зале заседания до начала баллотировки шарами[17]. Вид у него утомленный, и [он] нередко тяжело вздыхает. При начале баллотировки он подходит к Волконскому и объявляет, что он уезжает домой. Эта весть поражает многих, ждали от него речи. Разочарование. Избрание встречено аплодисментами избиравших его партий, но настроения в них не чувствуется. После заседания я заехал к нему на квартиру для подписания всеподданнейшего доклада. Он находился в кругу своих друзей октябристов. Принял от меня приветствия; мы прошли в кабинет и после пятиминутного разговора я раскланялся. Лицо [у Гучкова] спокойное, прием совершенно официальный. Завтра утром просит зайти, чтобы ознакомить его с положением дел.

9 марта

В 11 ч. утра я был на квартире у Гучкова, он уже ждал меня в своем кабинете. Беседа наша длилась около часу. Спрашивал о положении дел. Штрихами наметил план своей деятельности в президиуме, говорил о необходимости ускорения рассмотрения вопросов, указав на проектируемый им к тому способ. Говорил о заторе думских дел в Государственном совете и о необходимости об этом доложить в Царском [Селе]. Высказывал пожелания о наивозможно частом созыве Совещания Государственной думы. Дал несколько поручений, причем интересовался списком должностных лиц, кому из них мною будет поручена та или другая из заданных им работ. Коснулся библиотеки и распорядительной комиссии, указав на необходимость в последней присутствия одного из членов Совещания.

В конце он обратился ко мне с просьбою не стесняясь временем обращаться к нему по всем делам и вопросам, которые возникнут у меня. Я знал его за сухого и очень скрытного человека, поэтому тон нашей беседы превзошел мои ожидания и сделал весьма на меня благоприятное впечатление, можно выразиться бодрящее, так как у него есть план работ и при его железной воле можно кое-чего и достигнуть. Прецедентом является то обстоятельство, что он намерен вместе с тем оставаться и членом Комиссии государственной обороны. В 12 часов получен обратно доклад из Царского [Села] с извещением собственноручным Государя о том, что ему прием назначен завтра 10-го в 6 ч. вечера. Порядок в этом отношении соблюден тот же, как и по отношении других председателей. В Государственную думу [Гучков] заходил днем на полчаса, в кабинет не входил и никого не принимал. Секретарь Государственной думы Созонович о нем не говорит и не спрашивает.

12 марта, пятница

После первого перерыва в 2 ч. дня предположено первое выступление на председательской трибуне Гучкова. Все с нетерпением ожидали этого момента. Места депутатов, ложи для публики и должностных лиц переполнены. Без пяти минут 2 ч. Приезжает в Государственную думу Гучков и прямо направляется в зал заседания. При полной тишине, после сильных рукоплесканий, сопровождавших его появление на кафедре, Гучков начинает свою речь своим спокойным, всегда ровным голосом. В искусно построенной для данного момента речи он сумел сказать все, что считал необходимым, в том числе и столь ожидаемое правыми для скандала сло-

во «конституция», но в такой форме, что не дал возможности придраться ни одной партии. Во время произнесения речи он волнуется сильно; будучи опытным оратором, он тем не менее, зная, какое значение имеет сказанное им каждое слово, он речь свою не произносит, а незаметно для аудитории читает, так как она им самим заранее составлена[18].

По окончании речи ему подают несколько записок от корреспондентов, которые ему сообщают о впечатлении, произведенном на всех его речью. Одобрительные отзывы его успокаивают. Этими сведениями он делится с товарищем председателя Шидловским. До конца заседания он остается на председательском месте, совещаясь по техническим вопросам со своими товарищами Шидловским и Волконским. Ввиду не всегда однородных советов он обращается ко мне. Зная его характер, я чувствую себя крайне напряженно.

Относясь с нежностью матери к Государственной думе как учреждению, я, независимо от того, кто занимает пост председателя, употребляю все усилия, чтобы с технической стороны не было промахов. Ввиду этого способы постановки вопросов голосования и пр. я решаюсь наперед, записывая на бумажках, передавать ему, не будучи уверен, как это будет принято. Он следовал моим советам и к концу заседания уже обращался, спрашивая указаний подлежащих статей Наказа и принятой практики. Уходя, он сказал нам: «Завтра я буду председательствовать с 11 часов». Я понял, что мне надо быть в заседании при нем.

13 марта. Министр юстиции Щегловитов совместно с правыми скомбинировал решение Сената о толковании ст. 16 Учреждения Государственной думы. Эта статья говорит, что лишение [члена Думы] свободы во время сессии возможно лишь с согласия Государственной думы[19]. Совершенно ясно и определенно. Сенат же толкует, что для исполнения приговора не требуется разрешения Думы. Пуришкевич посажен под арест (домашний). Желания постепенно умалить права Думы несомненны. К счастью, Пуришкевич подает заявление о разрешении ему отпуска, в коем мотивом приводит высидку назло кадетам по делу Философовой[20]. Правительствующим Сенатом решение еще не распубликовано, и это дает возможность Совещанию перенести этот вопрос на разрешение Государственной думы в порядке ст. 16-й, чтобы показать, что Дума блюдет свои прерогативы. Созонович, очевидно, в Совещании не вполне разобрался в тонкости этого вопроса и присоединился к решению Совещания. Гучков пользуется этим

и просит меня немедленно оповестить об этом Пуришкевича, указав, что постановление Совещания состоялось единогласно, указывая вместе с тем, что это необходимо сделать, чтобы Созоновича не успели отговорить и он не отказался бы от своего решения. Приказание исполнено, письмо послано. Через 1/2 часа Созонович по телефону заявляет мне, что считает постановление Совещания неправильным и что его надо перерешить или же он вынужден будет подать особое мнение. Предположение Гучкова сбылось — вещь не новая, все по программе, как бывало всегда и раньше. Часто ему [Созоновичу] в этом уступал Хомяков. Посмотрим, как отнесется к этому Гучков? Частным образом мне удалось достать копию решения Сената и особое мнение двух сенаторов. Эти документы произвели большую сенсацию и способствовали принятому Совещанием решению. Гучков, понятно, на них не ссылался и не посвятил в это Созоновича. Кто-то пустил слухи (из членов Думы), что я ухожу, так как привык вертеть [председателями Думы], но что Гучков этого не потерпит. Мои друзья отвечают, что это меня может только радовать и поводов к уходу нет, так как очень желателен определенный курс, и раз его не было, то надо же было в известный момент поднимать и настаивать на разрешении поднимаемых вопросов. В сегодняшнем Совещании товарищ секретаря профессор Соколов, отстаивая сначала право Пуришкевича быть посаженным под арест во время сессии, своими рассуждениями и выводами окончательно доказал полную беспомощность свою как члена Совещания и как представителя своей партии в Совещании, своей же фракции он безусловно даже вредил[21].

Я доложил Гучкову, что Созонович мне высказал свое неудовольствие, что я ему своевременно о всем не доложил. Гучков ответил, улыбаясь: «Ничего, он и меня выругал».

16 марта

Гучков в заседании объявляет по делу Пуришкевича предложение Совещания в составленной мною по его просьбе редакции. Созонович остался в восторге и нашел выход этот со стороны Гучкова гениальным. Через 5 минут я застал его сидящим над приготовленным для него по этому делу особым мнением. [Я сказал ему:] «Вы же остались довольны сообщением Гучкова, нашли его гениальным, а вместе с тем сидите над особым мнением, бросьте его и лучше подпишите журнал». Особое мнение было уничтожено, и журнал подписан[22].

17 марта

Гучков распорядился закон о Финляндии не раздавать до объявления в Общем собрании. Сегодня выяснилось, что этим он ловко воспользовался для того, чтобы не дать прениям развернуться по существу, ссылаясь на незнакомство с законопроектом членов Думы[23]. Ведет заседание очень хорошо, точно дирижирует большим оркестром, его «молодцы» Лерхе, Крупенский и другие все время бегают к нему с донесениями о настроении фракций, о принятых решениях. Чувствуется сила. Зал спокоен.

18 марта

Первое Совещание [Государственной думы под председательством А.И. Гучкова], довольно много серьезных дел[24]. Гучков никому не дает говорить лишнего. Он удивительно схватывает суть дела и никогда не отклоняется в сторону. При докладе он очень ловко дает понять, что обстоятельства дела уже ясны и не требуют дальнейших пояснений, и заставляет вас, таким образом, переходить или к следующим доказательствам, или предметам, подлежащим обсуждению. Эту черту мне удалось уловить в первый же день, и быстро соображающему и легко схватывающему человеку с ним работать легко. Тяжелодуму же, думаю, невыносимо, ибо малейшее промедление [раздражает Гучкова], и хотя незаметно по внешности, но чувствуется крайняя его нервность и нетерпение. Обращение его мне нравится, оно хотя строго официальное, но вполне корректное. Он считается со служебным положением каждого и не позволяет себе обращаться ко мне с мелкими поручениями или же просьбами. Князь Волконский стал сдержаннее. Шидловского не узнаю. Балансирующий при Хомякове, он стал весьма определенным в своих суждениях.

19 марта

Сегодня при рассмотрении интендантской сметы с правой стороны в лице депутата Маркова 2-го дан сигнал для начала травли нового председателя Гучкова[25]. Хомякова травили на почве его политических убеждений и будто бы сочувствия левым партиям. Глубокое заблуждение. Его желание было — правда, оно ему не всегда удавалось — быть в качестве председателя беспристрастным и ограждать права меньшинства. Так умышленно все для той же цели желали понимать правые (цель дискредитировать Думу). Друзья-октябристы считали возможным отчасти поддерживать [правых], преследуя другие цели, и по близорукости не видели, что дей-

ствуют себе же на погибель. В начинающейся травле, конечно, преследуется та же цель. Она ярко вырисовывалась и в постановлениях и речах происходящего теперь съезда так называемого объединенного дворянства[26]. Увы, приличные дворяне, как это у нас замечается, всегда в нем участия не принимают, и Марковы 2-е, Шечковы и пр. говорят от всего дворянства, им помогает Крупенский. Вспоминаю слова Хомякова: «Самое опасное в выборе Гучкова председателем — это его дружба с Крупенским (секундант при дуэли Гучкова с гр. Уваровым[27]) и связь таким образом с фракциею националистов — связь не естественная, а вынужденная». Положение Гучкова, несомненно, трудное. Кучки правых — которых он однажды в своей речи в Государственной думе презрительно обозвал барчуками — не забудут ему этой обиды и не простят ему его купеческого происхождения. Травля подымается на почве не политических верований Гучкова, а его будто бы материальной зависимости и заинтересованности в банковых и промышленных предприятиях. Борьба на этой почве для председателя очень тяжела.

Гучков работает над созданием плана работ Государственной думы; если это ему удастся, то за ним будет большая заслуга, так как до сих пор, можно сказать, попытки к тому не было. III Государственная дума работала, если можно так выразиться, без руля и без ветрил.

20 марта

Я уже привык к диким вопросам секретаря Государственной думы Созоновича, [но] он все же поражает меня. Он возмущенно спрашивает, каким образом в комиссию, рассматривающую [вопрос] о введении земства в Западном крае, попал 4-й поляк, ссылаясь на то, что по *закону* может быть только три. Какой закон?!

Вот и в Наказе предложение о пропорциональных выборах было отвергнуто его же единомышленниками. Секретарь и политический деятель, член двух Государственных дум ничего еще не знает и не имеет ни о чем ясного представления.

Сегодня Хомяков получил аудиенцию у Государя: говорят, что Государь сам выразил желание его видеть. Его желание было передано Хомякову через Нарышкина.

21 марта был у Хомякова. Оказывается, что Государь говорил о желании его видеть Столыпину и Гучкову. Прием [был оказан] милостивый и

продолжительный. Между прочим, Государь сказал: «Раньше, когда подымался вопрос о вашем уходе, я был очень против этого, но теперь я вас понимаю»; что это должно означать, затрудняется понять и сам Хомяков. Государь вообще сам очень мало всегда говорит и все только спрашивает. Он выражал также сожаление, что только сегодня он мог принять его. В этот же вечер у Хомякова был Гучков, хотя до этого он не был у него около года. Про Гучкова Хомяков говорит, что это боевой человек, что только при создавшейся обстановке он и может быть на этом посту. Он сильно рассчитывает на поддержку фракции националистов, которую думает вести у себя на поводу, и на союз с правительством. Если же они ему изменят, то он все-таки хотя бы с небольшою кучкою своих пойдет вперед хотя бы на разгон Думы, чтобы в IV Думу вырисоваться большой фигурою. А я думаю, что Гучков осторожнее и едва ли будет так решителен, тем более что политический момент не таков, чтобы можно было рассчитывать на удачу октябристов. Крупенский — влиятельный в правительственных сферах человек (о ужас, до таких времен мы еще не доживали) — откровенно говорит, что пора изменить избирательный закон. Хомяков согласился со мною, что отсутствие поддержки его [со стороны] октябристов явилось последствием замысла влиятельных в этой партии лиц, для того чтобы выдвинуть на этот пост Гучкова. Вот чем объясняется и перемена курса у товарища председателя Шидловского, теперь твердого и уверенного в своих суждениях в Совещании Государственной думы, а при Хомякове колеблющегося и всегда как бы случайно примыкавшего к решениям, умалявшим престиж Хомякова.

22 марта

Председательствует Гучков. Восклицания с мест с правой стороны вызывают его замечания (впервые). Они делаются нервно, с оттенком злобы, возражений на них нет, зал спокоен. Гучков изменил традиции, установившейся у всех бывших председателей начиная с Муромцева, которые, если находили нужным переговорить с министрами или чинами правительства, принимали их у себя в кабинете. Гучков постоянно посещает их в Павильоне[28]. Это нисколько не соответствует с той помпой, которою он окружает себя в качестве председателя и чем приближается к манере, усвоенной до сих пор только Муромцевым. Разница только в том, что Муромцев держался [так] по отношению ко всем, а Гучков ко всем, кроме членов правительства.

23 [марта]

Вчера в комиссии о самоуправлении по вопросу о введении в Западном крае земства голосами октябристов была изменена статья в желательном для националистов духе. Сразу заговорили о расколе между октябристами и националистами. Гучков употребляет все меры к спайке этих разнородных элементов, [тем самым] он немедленно [ослабляет] положение их лидера Балашова. Мне кажется, он взял на себя крайне трудную и неисполнимую задачу — председательствовать и руководить не одной, а двумя партиями, причем и своя-то партия того и гляди расколется. Вчера для октябристов произошел очень характерный эпизод. При голосовании формулы о недопущении евреев в Военно-медицинскую академию они, официально имея в своей программе равноправие, при голосовании вставанием постарались предоставить провалить ее левым против националистов и правых. Получилось 115 голосов «против» и 87 «за». Поднялся справа невероятный шум, старались обвинить приставов (счетчиков) в недобросовестности и требовали поверки в двери. Тут-то пришлось последовать за националистами, и получилось нечто странное — за формулу 142, против — 116. В какой же роли оказалось 60 человек октябристов?[29]

31 марта

Гучков не скрывает, что, будучи на председательском месте, он остается руководителем партии октябристов. В моменты колебаний партии при голосованиях он покидает кафедру, чтобы, находясь на скамьях среди единомышленников, вести голосование за собою. Он ведет все время с октябристами переговоры и приглашает их к себе на совещания. Намечает программу деятельности Думы и осторожно, но настойчиво проводит ее без протестов со стороны левых и правых. Удачно поставил вопрос и о сеньорен-конвенте. Он созывает Совещание и в него приглашает представителей фракций на точном основании ст. 222 Наказа[30]. Этот пустяк, на что я указывал не раз Хомякову, обезоружил правых, которые бойкотировали раньше собрания эти[31]. Сегодня Совещание посетили все фракции. Без особых трудов ласковым тоном он [Гучков] быстро добился соглашения на проведение тех мер, которые ему желательны[32]. Вечером [заседание Думы] по 96 ст. Основных законов, о чем внесен запрос. Столыпин дает разъяснения[33]. С каждым выступлением Столыпин все слабеет. Речь без подъема и без веры в то, о чем он говорил. Формально предъявляя отвод, он вместе с тем старался выяснить отношение прави-

5 Зак. 2660.

тельства к Думе. Тужился доказать, что правительство стремится к дружной работе с народными представителями и что никогда не имело и не имеет поползновения к умалению их прав и достоинства Думы. И это накануне опубликования решения Сената по инициативе правительства с разъяснением ст. 16 Учреждения Государственной думы — ясной и не требующей толкования о том, что во время сессии для лишения свободы члена Думы необходимо испросить согласие Думы. Разъяснение обратно. Докладчик-октябрист Шубинской еще в прошлую среду отличился своим невежеством в области государственного права. Октябристы остались им очень недовольны, так как действительно аргументация его о том, что запрос надо отклонить, нисколько не отличалась от мнения крайних правых, аплодисменты коих он стяжал. Гучков еще тогда мне сказал: «Увы, никто из них не знает, о чем по этому вопросу надо говорить, а ведь я готовился». И действительно, он готовил большую речь, в коей должен был развить те положения, о которых он вкратце высказывал при голосовании о спешности этого вопроса.

Речью Столыпина он, видимо, остался недоволен и по окончании заседания ушел к себе, не повидавшись с премьером, который оставался некоторое время еще в зале, разговаривая с депутатами. Октябристы, за исключением очень немногих, также не поощрили Столыпина, и он сошел с кафедры под аплодисменты правых и националистов. Спрашивается, почему же Гучков не уступил председательствование и не выступил с готовой речью?

Июль [1910 г.]. Накануне последнего заседания Гучков передает мне свое заявление об отказе от звания председателя Государственной думы (по случаю предстоящего отбытия наказания за дуэль с гр. Уваровым[34]). На мой вопрос, примет ли он осенью снова председательское место, отвечает: «Я перед Вами кривляться не стану. Летом вопрос выяснится. Если будет признано, что нахождение во фракции необходимо, то, конечно, я не пойду в председатели. Во всяком случае, все те голоса, которые я получил при первом моем избрании, совершенно обеспечены».

Князь Волконский мечтает снова о председательском кресле. Когда я ему сообщил, что ходят слухи об его избрании, он мне ответил: «Я бы хотел быть председателем, так как это дало бы мне возможность не принадлежать ни к какой партии».

4-я сессия

Октябрь. Скончался С.А. Муромцев[35]. Забилось сердце, глубоко пожалел об утрате умного, честного и даровитого человека. Правду про него сказал, заканчивая свою статью, один из корреспондентов «Нового времени»: «А счастье было так близко, так возможно»[36]. Много пишут газеты всех направлений, но никто не постиг и не сказал о нем настоящей правды. Все учитывали настроение данного политического момента и только с этой точки зрения жонглировали его именем либо в ту, либо в другую сторону. Досадно было читать как панегирики, так и брань, ибо все это была демонстрация и каждому, бывшему [к] С.А. [Муромцеву] близко, несравненно приятнее было бы, если бы его совсем забыли и праха его не тревожили. Несомненный теоретик, он погиб для политической жизни из-за идеи, что глас народа — глас божий, а следовательно, и глас избранников народа для него обязателен. Глубоко не сочувствуя тактике своих товарищей по Думе в последнее время и, само собою разумеется, по Выборгскому воззванию, он в этой своей роковой ошибке горячо раскаялся немедленно и, думается мне, каялся и до конца своих дней. Тот, кто его видел, как я, на следующий день после этого эпизода, никогда не забудет полученного впечатления. Самолюбивый, властный, привыкший импонировать, гордый и осанистый, он стоял осунувшийся, сконфуженный, с поникшей головой и опущенными руками. Его фраза, сказанная, не глядя в глаза (по привычке всегда смотреть прямо): «Что делать, настроение», — и жест при этом руками убедили бы каждого, что все произошло помимо его воли под напором партийной тактики и что он действовал ради сохранения связи с партиею, считая для будущего это необходимым. Здесь его роковая ошибка. С этого момента он погиб как политический деятель. Не будь этого, он продолжал бы играть роль и теперь. Этот день был последним днем, когда я видел Муромцева. Как будто какая пропасть разверзлась между мною и им. Я себя часто укорял, что не захожу к нему в память тех, добрых прямо отношений, которые он проявлял ко мне, и что-то всегда меня удерживало инстинктивно, и я все откладывал свой визит. Так и не суждено мне было более его повидать. Я долго старался себе дать отчет, почему я не нахожу ни слов, ни тем для разговора с ним после того, как 2 1/2 месяца я проводил с ним с утра и до утра в делах и беседах. Он, мой учитель парламентского права, он, который понимал, что внушает во мне глубокое к себе уважение, почувствовал в моей фразе, обращенной к

нему с налету в первый же раз после возвращения его из Выборга: «Неужели Вы подписали выборгское воззвание, глазам своим не верил, когда прочел в газетах, быть не может», — почувствовал, как он сразу рухнул с пьедестала. И это его чувство, и то, что я не мог смотреть на него прежними глазами, сделали наши встречи более невозможными. Впечатление было бы одинаковое, как если бы вы знали человека бодрым, умным, способным, а затем встретили бы разбитого поражением — живой труп. Мне больно было, что я знал его прежним Муромцевым и таковым хотел сохранить его в своей памяти и на будущее время, невзирая на то, что я не разделял его политических убеждений.

Возникает вопрос о том, нужно ли почтить память Муромцева как первого председателя в Государственной думе вставанием. Правые и националисты протестуют, октябристы и все, что левее, находят необходимым. Товарищ председателя Шидловский (октябрист) говорит: «Если я буду председательствовать, то, конечно, предложу». Кн. Волконский, исполняющий обязанности председателя, передает мне, что он находит поведение кадетов весьма корректным. Они переговаривались с ним и признали, что ему, принадлежащему к фракции националистов, выступать с подобным предложением неудобно. Согласились на том, что председательствовать будет Шидловский[37].

17 октября. День открытия 4-й сессии. Князь Волконский страшно нервничает, оказывается, что за ночь все изменилось, председательствовать будет он и предложения о почтении памяти Муромцева делать не будет. Очевидно, правые партии настояли на этом. Он произносит довольно удачную речь по поводу предложения кадетов, и эпизод проходит без инцидентов. Сидящий рядом с ним товарищ председателя октябрист Шидловский поздравляет его и говорит: «Очень хорошо, прекрасно» (?!)[38]. Подошедшего Пуришкевича, смеясь, спрашивает, что бы он сделал, если бы было сделано предложение о почтении памяти. Тот отвечает: «Даже не могу сказать». Говорят, были заготовлены 20 сирен и сырые яйца. Октябристы довольны исходом дела, но, увы, они снова не учитывают, что победа, и большая, одержана правыми партиями, которые сумели настоять на своем[39].

Слухи о том, что Гучков снова выставляет свою кандидатуру, растут и получают подтверждение в их достоверности. На обеде в Политехничес-

ком клубе 17 октября один из членов клуба (октябрист [П.С. Чистяков]) подвел в мрачных красках итоги за пять лет существования нового строя, предостерегал октябристов, что их положение трудное, и, чтобы удержать высоко свое знамя, необходимо твердо вести свою линию, не оборачиваясь за сочувствием ни вправо, ни влево. Что для такой деятельности необходимы во главе сильные люди, как А.И. Гучков, и что поэтому он ни в коем случае не должен идти в председатели, а должен оставаться лидером во фракции. Гучкова эта речь взорвала: не собираясь отвечать, он решил сказать несколько слов, уверял, что все обстоит благополучно, что линия взята правильно и что, быть может, замечается лишь медленность темпа. После обеда, пройдя мимо Чистякова, сказал ему: «Ну и рассердили же Вы меня, Петр Степанович»[40].

Очевидно, жажда положения выше всех других соображений. Ошибка несомненная. Что делать, когда и у таких недюжинных людей затуманивается взор. Развал центральной партии неминуем в угоду правым и левым.

29 [октября]

Гучков снова избран председателем, он немедленно уезжает домой. Вместе с тем предстоит избрание его товарищей, и кн. Волконский настаивает на его вызове, иначе грозит закрыть заседание. Ведутся переговоры по телефону. Дума, сидя в зале и не прерывая заседание, ждет. Через 20 минут является Гучков под аплодисменты центра, националистов и правых и под свистки левых (первый случай, когда встречали вновь избранного председателя).

По поводу его избрания один из видных членов Государственной думы[41] сообщает мне, что при представлении кн. Волконского Государю последний спросил его, как он себя чувствует с новым председателем — Гучковым. Волконский ответил: «Когда я прохожу через кабинет председателя, у меня впечатление, что я иду по старой заброшенной дворянской усадьбе». — «Я Вас понимаю», — ответил Государь. Тот же господин говорил мне: «Гучков с его обаятельным голосом, думаю, производит впечатление, но там же все такие, и потому эти манеры успеха иметь не могут — надоело...» Вторым товарищем председателя выбран Капустин. Милый старичок, жаль мне его, но председательствовать, по моему мнению, он не может, слишком теряется.

1 ноября

Секретарь Государственной думы Созонович еще в прошлом году обещал одному господину определить его в Канцелярию [Думы] ввиду просьбы одного из великих князей. Затем [Созоновичу] встретилась необходимость устроить одного своего родственника, поэтому первого он отослал ко мне с просьбою, чтобы я ему объяснил о невозможности приема в данное время. Я это сделал, за что получил от него благодарность, а на следующий день тот же господин написал ему письмо, в котором упрекал, что он не держит слова и что он не знает, что ему ответить великому князю. Письмо это он показал мне и сказал: «Мой сын служит на военной службе, необходимо устроить этого человека». (Мне удалось отклонить назначение, так как человек был негоден.)

12 ноября[42]

Сегодня после избрания впервые председательствовал Гучков. Пуришкевич позволил себе обозвать русских общественных деятелей и интеллигенцию сволочью. Гучков замечания не сделал и на требование оппозиции ответил резко: «Я знаю, что делаю». Поднялся шум с левой стороны, и он вынужден был закрыть заседание. Он вышел под аплодисменты крайне правой и националистов. Свои октябристы во время этого скандала, вставши с места, укоризненно смотрели на своего председателя, не наградив его ни одним хлопком. Среди большинства их царит возмущение[43].

Непонятно, упрямство ли это, ввиду тȯго, что о замечании его предупредили левые, или, быть может, он сводит счеты за черные шары на выборах. В кабинете, просматривая стенограмму, он высказался, что это выражение он считает возможным для произнесения, если оно не относится к кому-либо определенному из состава Думы. Итак, первый блин комом, а впрочем, союзные и дружественные партии поддержали. Чувствуется развал, видимо, удачно председательствовать ему не дадут.

4 декабря

Гучков председательствует очень редко, да это и лучше, так как нравы думские очень разнуздались и обуздать их он не в силах. Авторитета нет. Разговоры громкие и шум, несмотря на его первые предупреждения, не стихают. Единственно сносно проходят заседания, когда председательствует Волконский. Такое отношение к нему партий объясняется тем, что он, в сущности говоря, ничем не интересуется. Он не занимается ни поли-

тикой, ни делом. Бывали случаи, когда его спрашиваешь, что баллотируется или что принято, и получался ответ: «А черт его знает». Ввиду этой его беспартийности ему прощаются все ошибки, ошибок же технических и нарушений Наказа без конца. И между тем они не возбуждают неудовольствия среди членов Государственной думы, так как у него есть чутье и понимание психологических моментов, а также мера справедливости. Допустив ошибку по отношению одной партии, он тотчас же ослабляет значение ее, допустив и по отношению к остальным. Но зато за эту неустойчивость в способах толкования Наказа приходится расплачиваться другим председательствующим, которые желают придерживаться установленных правил, так как те партии, которые пользовались допущениями нарушения Наказа в свою пользу, выступали каждый раз с заявлениями о нарушении его тогда, когда он применялся правильно, ссылаясь на прецеденты, установленные кн. Волконским.

Отношение партий к князю Волконскому и отзывы некоторых газет о нем как о единственном возможном председателе придают ему очень бодрый вид. Как он ни старается держаться скромно, его уверенная манера производит впечатление, что он руководит всем и не нуждается уже ни в чьих советах. Давно прекращены разговоры по делам со мною, а каждая моя забота о делах, проявляющаяся в приказаниях моим сослуживцам в его присутствии, несколько его раздражает. Не раз он обращался ко мне по этому поводу со словами: «В чем дело? о чем вы беспокоитесь?» Тон его говорил: и без тебя все обойдется, со всем справлюсь. И он был прав, справлялся он со всем, но как? Как Бог на душу положит, не считаясь ни с Наказом, ни с законом, по-домашнему или как у себя в земских собраниях. С ним труднее всего вести заседания, так как необычайно напряженно нужно следить за ошибками, чтобы затем их поправлять.

В это время Гучков у себя в кабинете ежедневно на крошечного формата листочках пишет и все пишет. Вы спросите, кому? — министрам и премьеру, да так часто, что иногда становится совестно даже перед курьерами. Поэтому способы пересылки меняются. Передаются письма через дежурного чиновника особых поручений при премьере, который находится в зале заседаний.

Как он ни старается придать этой переписке частный характер, пока это ему не удается, так как министры отвечают ему на эти письма в официальном тоне на официальных бланках за номером. Но это его не смущает, и он все-таки продолжает писать свои записки. Кроме того, в раз-

говорах со мной ежедневных употребляется имя Столыпина: Столыпин по этому поводу сказал то-то, Столыпин желает так-то, я говорил со Столыпиным, Столыпин говорил со мною. Не могу совершенно понять, кто же, наконец, кого поддерживает — Гучков Столыпина или Столыпин Гучкова? Гучков Столыпина — едва ли это выгодно для последнего. Во-первых, авторитет Гучкова падает, как это надо было ожидать, с каждым днем и в Думе, и в стране. Того влияния, о котором он мечтал, в Царском Селе он не приобрел и приобрести не мог. Характерным является в этом отношении переданный мне Хомяковым разговор с кн. Волконским после посещения последним Царского Села. На вопрос Государя Волконскому, как он себя чувствует с новым председателем, Волконский ответил: «Ваше Величество, когда я прохожу теперь через кабинет председателя, он мне напоминает покинутую дворянскую усадьбу». — «Я Вас понимаю», — ответил Государь. Через несколько дней выезжал в Царское Село Гучков. Бодрый, с большим подъемом, он завалил меня справками и предположениями об разных усовершенствованиях. Вернулся в кислом настроении. Что произошло, не знаю, писалось много об этом в газетах, опровергалось им в иностранной печати, но выяснить истину не удалось. Есть предположение, что он хотел жаловаться на деятельность Государственного совета, но встретил отпор[44].

Вместе с Гучковым был вызван в Царское Село, как говорят, по просьбе Волконского, председатель бюджетной комиссии Алексеенко, вернувшийся в прекрасном настроении[45].

Если предположить, что Столыпин поддерживает Гучкова, то это не подтверждается фактами. Он тяготеет, несомненно, к Балашову и Крупенскому.

В своей первой речи в качестве председателя Гучков пустил крылатое слово: «Пора нам сосчитаться с Государственным советом, и мы сосчитаемся»[46]. Много неприятных моментов пришлось ему пережить с тех пор, ибо первый же он каждый раз, когда являлась к тому возможность, стремился всячески парализовать подобные действия и каждый раз с трибуны ему вспоминали его фразу.

Характерно и то, что когда Столыпин и Щегловитов — последний, даже бия себя в грудь, доказывал перед Думою о необходимости уничтожения волостного суда — впоследствии в комиссии Государственного совета отказались от своих предположений и согласились на сохранение его, Гучков в разговоре со мной сказал: «Ну что же, это компромисс, на ко-

торый надо пойти, чтобы [Государственный] совет пропустил этот законопроект»[47]. Фигура Гучкова вырисовалась в последнее время и с другой стороны. Он проявляет на каждом шагу свою бестактность, ввиду чего впадает в очень неприятные положения, способствующие немало к уменьшению его авторитета и дискредитирующие председательское кресло.

На месте председателя необходимо действовать твердо, беспартийно и, главное, прямо. Отдавая [ему] должное в смысле его настойчивости, надо сказать, что в остальном он действует как раз наоборот. Проявляет ярко партийность и всегда старается сделать все под шумок. Зная к себе недружелюбное отношение правых, он тем не менее старается заигрывать с ними и, наоборот, к левым проявляет нескрываемую ненависть. Но правые вопреки своей тактике отплачивают ему жестоко — даже дружба с Крупенским не помогла, и мы были свидетелями, как Гучков, желая настоять на своем и игнорируя мнения фракций, поставил высший орган Думы — Совещание — в неловкое положение, когда его постановление было почти единогласно отвергнуто Государственною думою. При этом надо заметить, что насколько старается подладиться Гучков к Крупенскому, настолько последний старается лишь использовать дружбу Гучкова, когда это выгодно для партии националистов, и резко выступает против, когда это невыгодно.

Гучков ведет заседания, не соблюдая совершенно достоинства Думы. Он допускает, в особенности справа, такие выражения и обращения к себе как председателю (не делая никаких замечаний), которые совершенно недопустимы нигде. Он на председательском кресле уже потерял баланс и дошел до того, что не остановил Пуришкевича, который цитировал слова, на сходке сказанные в университете, заключающие в себе оскорбление Величества, за что на следующий день были конфискованы все газеты, воспроизведшие речь Пуришкевича полностью[48].

Разнузданность нравов и языка в Государственной думе с трибуны и с мест в настоящее время не знает пределов. Систематически проявляется неуважение как самому учреждению, так и по отношению друг к другу. Государственная дума входит в поговорку, когда поднимается беспорядок или шум начинают, в обществе и на улице говорят: здесь не Государственная дума, я вам не член Думы. Дошло до того, что для усмирения членов Государственной думы в заседании кн. Волконскому пришлось об этом упомянуть с трибуны, и, к [моему] ужасу, эти слова с некоторых скамей были встречены веселым смехом. Вот до чего председательствующие могут довести учреждение.

В интересное положение поставил себя Гучков и по поводу увольнения делопроизводителя Михайлова.

Будучи председателем Комиссии по обороне, Гучков просил об определении на должность делопроизводителя Михайлова из офицеров. Секретарь Государственной думы Созонович и я были против. Но засим было получено от Гучкова письмо, вследствие которого Созонович нашел возможным удовлетворить его ходатайство, так как не хотелось обострять отношения, ибо Гучков указывал, что неисполнение его просьбы повлечет уход его из комиссии.

Михайлов был назначен. Дурная сторона такого назначения сказалась очень скоро. Гучков, несомненно, видел в нем своего человека и пользовался, очевидно, мелкими услугами его, не касающимися его службы. Худшее, что только может быть. Михайлов же, будучи крайне бестактным, бесталанным и глупым человеком, всячески старался показать, что он находится под покровительством человека, имеющего вес и значение. Он возмечтал о себе и старался даже всей Канцелярии всячески показать, что он играет крупную роль в делах обороны государства. Эти качества Михайлова раскусил Гучков очень скоро, и вместо того, чтобы обратиться к секретарю Государственной думы, от которого зависит назначение и увольнение, с просьбою освободить его от него, он решил действовать самостоятельно и указал Михайлову, что ему надо принять меры к подысканию другой должности, так как служить в Канцелярии Государственной думы ему нельзя. Михайлов обещал. Это было весною. Через несколько дней Гучков отказался от звания председателя Государственной думы для отбытия наказания за дуэль с гр. Уваровым, и в то время было большое сомнение, будет ли он снова председателем Государственной думы в следующую сессию.

Это учел Михайлов и решил свести свои счеты с Гучковым, оставаясь вместе с тем в Канцелярии. Вызванный свидетелем по делу о государственной измене барона Унгерн-Штернберга, на суде он всячески старался показать, что непорядки, царящие в Канцелярии и в Комиссии по обороне, были устранены только тем, что ему пришлось даже делать по этому поводу указания военному ведомству, которое приняло их и впоследствии руководствовалось его советами[49]. Это обстоятельство переполнило чашу терпения Гучкова, и он поднял вопрос об его увольнении официально.

Михайлов стал тотчас под защиту правого крыла Государственной думы, которое ради своих партийных целей забыло совершенно о том, что

дисциплина и достоинство учреждения не могут допускать такого положения, при котором председатель Государственной думы и находящийся еще на службе в Канцелярии чиновник могли бы сводить свои счеты, не стесняясь средствами.

Начались угрозы разоблачениями о нахождении Гучкова в составе таинственного Комитета революционного характера, что гонение на Михайлова возбуждено Гучковым ввиду отказа Михайлова исполнить частное поручение, несовместимое не только с достоинством его как служащего, но и как верноподданного своего Государя. Что все эти обстоятельства будут доведены до сведения Государя и т.п.

Правые члены [Думы] всячески поддерживали Михайлова, чтобы он добровольно не уходил со службы, желая, конечно, путем этого инцидента обдать грязью Гучкова и окончательно его дискредитировать.

Михайлов метался: то он представлял прошение об отставке, то просил вернуть его и, наконец, представил в Совещание [Государственной думы] свои объяснения, являющиеся в некотором роде обвинительными актами для Гучкова.

Гучкову пришлось давать на эти обвинения свои объяснения. Конечно, все инсинуации оказались вздорными, но и хорошего впечатления объяснения не произвели. Ясно было, что Гучков сделал Михайлова исполнителем своих частных поручений и попал на дурака, который в конце концов сделал ему медвежью услугу[50].

Михайлов уволен. В этом случае надо отметить проявленный Созоновичем такт и порядочность. Он сумел себя отделить в качестве секретаря Государственной думы, управляющего Канцеляриею, от партии и, понимая дисциплину и служебный такт, без колебаний принял решение об его увольнении. Когда ему приходилось говорить по этому поводу Михайлову, он по своей доброте, желая облегчить его судьбу, между прочим говорил последнему: «Подавайте прошение, иначе вам грозит отставка без прошения. Вы опираетесь теперь на правых, вы считаете их своими друзьями, но вы глубоко ошибаетесь. Вы поймите, что вы представляете сейчас для них интересную фигуру для достижения определенной цели, и когда она будет достигнута, то никто из них не пустит вас к себе на порог».

Этот дурак не нашел ничего лучшего, как передать этот разговор своим друзьям из правых.

Разговоры о Михайлове возбуждались во фракции правых, и мне известно, что Созонович, высказав свой несочувственный взгляд образу их действий, оставил заседание.

Вот вам такт Гучкова, и вот та обстановка, при которой нам приходится поддерживать дисциплину среди служащих, грубо нарушаемую не только отдельными членами [Думы], но и целыми фракциями.

Казалось бы, урок для Гучкова хороший — для того, чтобы он стремился иметь своих людей в Канцелярии. Урок, который заставил его для своего оправдания перед наветами этой в сравнении с ним мелкой сошки сообщить обо всем Столыпину для доклада в Царском [Селе] в противовес тем сведениям, которые будут доставлены с правой стороны Государственной думы. И несмотря на это, тут же в заседании Совещания [Государственной думы], когда решено было уволить Михайлова, он обратился к секретарю [Думы] с просьбою назначить другого своего протеже из военных. Не говоря уже о том, насколько это тактично, он впал и в неловкое положение и по отношению и к этому новому своему ставленнику. Не переговорив с секретарем, еще летом, когда он частным образом предложил Михайлову подать в отставку, обещал на его место назначить [нового кандидата] и просил его подать прошение на имя секретаря, не предупредив последнего об этом. Секретарь ответил отказом на прошение, ввиду чего новый кандидат написал письмо Гучкову, в котором выражал свое негодование на такое обращение с ним после того, как ему было сообщено, что все готово и остается исполнить формальности. В этом письме указывалось и на то, что имя Гучкова, как заботящегося о военных, в этих кругах очень популярно и что он, зная его, недоумевает о всем происшедшем.

Это письмо Гучков приказал передать секретарю, очевидно, чтобы показать, что просьбу надо исполнить, чтобы вывести Гучкова из затруднительного положения.

Секретарь приказал вернуть его Гучкову и сообщил, что на это назначение он не согласен.

Гучкову пришлось все-таки ответить на письмо своего кандидата. Поэтому, когда его спросили, в каком смысле, он ответил: «Напишите, что произошло недоразумение, так как не успели об этом своевременно переговорить с секретарем», а на вопрос, как ответить по существу: «По существу ничего». Таким ответом, конечно, у кандидата возродится надежда на получение места, а значит, инцидент этот не только не исчер-

пан, а, напротив, запутывается. Логически приходится мыслить, что Гучков намерен настаивать и думает выиграть кампанию.

Позиция секретаря также пока крепка. Увидим в дальнейшем, кто осилит, а пока спросим: так ли надлежит поступать председателю Государственной думы и не заведет ли эта вся мелочь, в которой он любит копаться, в такие дебри, из которых ему никогда не выбраться?

6 декабря

Сегодня мне пришлось слышать от одного октябриста разъяснение, не лишенное интереса, по поводу политики Гучкова в дальнейшем. Говорят, что Гучков признает, что свою историческую роль октябристы сыграли. Задача их была укрепление представительного строя, для чего необходимо было изобразить из себя буфер между крайними течениями, не имея определенной физиономии. В дальнейшем такой позиции держаться уже нельзя, и необходимо взять тот или иной курс. Каков он, будет пока сказать трудно, но борьба будет между кадетами и националистами. Октябристы же должны медленно умирать своей смертью. Вот почему он [Гучков] пошел в председатели Государственной думы, не желая умирать во главе своей распадающейся партии и стремясь, конечно, попасть в IV Думу. Для этого в пятую сессию он предполагает открыть свое политическое credo. Кроме того, говорят, что он допускает скандалы в заседании умышленно, желая довести их до абсурдов и вызвать необходимость тем изменить Наказ, ограничив права меньшинства.

Игра ва-банк, и как бы это оружие не обратилось против него самого. Избрание его в IV Думу октябристы считают обеспеченным, а для меня оно сомнительно[51].

17 декабря

С газетчиками, против которых необходимо преследование за воспроизведение речи Пуришкевича, Гучков поставил себя также в довольно скверное положение.

Они тотчас же обратились к нему через члена Государственной думы Лерхе с вопросами, в каком виде будет отпечатана стенограмма, причем на это Гучков ответил, что слова эти он слышал и что они будут помещены в официальной стенограмме. Для газет это имело значение, так как в таком случае они являлись неответственными. Со своей стороны, не видя на следующий день Гучкова и признавая сохранение бранных слов, сопро-

вождавших имя Монарха, недопустимыми в официальном документе, я распорядился об исключении их [из стенограммы], а вечером того же дня только получил распоряжение об этом же от Гучкова, когда было уже все сделано.

Засим последовало предложение прокурора о присылке копии стенографической записи[52]. Когда я доложил Гучкову, что, по моему мнению, надо послать этот текст, где слова Пуришкевича имелись и где была сделана моя и его надпись об их исключении[53], он сказал: «Пошлите отпечатанный отчет» (где этих слов вовсе не имелось), «если же потребуют вторично, тогда, может быть, послать и подлинную стенограмму».

Недели две тому назад Созонович, пригласив меня в кабинет, говорит: «Сейчас Гучков мне подал мысль о необходимости принять меры к обузданию [органов] печати, реферирующих заседания Думы».

«Я нахожу, — говорил он, — что это необходимо сделать в особенности в отношении тех органов, которые имеют большой круг читателей. Не сообщить ли начальнику Главного управления по делам печати о лишении их права входа в Думу? Я вообще считаю, — говорит Созонович, — что присутствие прессы совершенно нежелательно» и т.п. — умные вещи!

После моих возражений он согласился ограничиться заявлением в Совещание Государственной думы о необходимости выработки мер, чтобы официальные отчеты выпускались одновременно с газетами, и указывает в том же заявлении, что необходимо также лишить вспомогательных материалов [Думы] те органы печати, которые искажают отчеты, указывая как на пример искажения отчетов А. Пиленко в «Новом времени». Зная, что это инициатива Гучкова, я раньше, чем пустить это заявление в ход, прочитал его Гучкову, который выслушал его, улыбаясь, и сказал важным тоном: «Ну что ж, надо будет вынести какое-нибудь по этому заявлению постановление — мы поручим Вам выработать проект ускорения выпуска наших стенограмм»[54].

Когда это письмо стало известно печати, то Пиленко напечатал письмо, в коем сообщил, что привлекает Созоновича за клевету[55]. Созонович страшно перепугался и все свои надежды возложил на Совещание Государственной думы, которое должно было подтвердить его мнение. Гучков сразу завилял, стал на защиту печати и находил, что по этому вопросу единственная мера, которая может быть принята, — это предоставление секретарю написать письмо старику Суворину. Кончилось это тем, что по

предложению Гучкова ему же было поручено переговорить с прессою, с которой он беседовал, как мне передавали, в очень миролюбивой форме, отделываясь общими фразами. Созонович остался в глупом положении. В журнале заседания Гучков не позволил упоминать о мнениях, высказанных членами Совещания по поводу прессы, но просил написать, что секретарю было предоставлено обратиться с письмом к Суворину. Созонович понял, в какое положение хочет его поставить Гучков, и отказался подписать журнал, сказав, что он в следующем заседании при таких условиях откроет, кто был инициатором всей этой кампании[56].

Обсуждается проект увеличения штатов Канцелярии. Секретарь всецело поддерживает ходатайства начальников 1-го и 3-го отделов и отказывается вносить проект увеличения по 2-му отделу[57].

Гучков предлагает сократить [штаты] по 1-му и 3-му отделам и принять частью по 2-му отделу, то есть все против заявления секретаря. Остальные члены [Совещания Думы], не читая и не понимая и не вникая как в существо дела, так и [не] разбирая, в какое положение они ставят секретаря, голосуют с Гучковым. Начальник 3-го отдела (Финансового)[58] пошел объясняться с Гучковым и направил к нему председателя бюджетной комиссии Алексеенко, который стал убеждать о необходимости провести увеличение штатов в полном размере по этому отделу.

На пересмотр в этой части сердито согласился Гучков, а Созонович сказал, что он согласен будет на этот пересмотр в том случае, если он коснется и восстановления принятых сокращений по первому отделу. Как и надо было ожидать, это привело Гучкова в раж. Назначив Совещание на следующий день в час, он умышленно не явился, сослался, что на следующий день не соберешь членов, а когда ему доложили, что во время Рождественских праздников надо написать доклад, сказал: «Не надо, это не спешно». Между тем, когда этот вопрос возник впервые в Совещании, он именно настаивал на спешности.

Таким образом, дело отложено в долгий ящик из-за личного его самолюбия.

Сегодня новый лидер октябристов Родзянко подал заявление об отказе от председательствования в земельной комиссии ввиду того, что Совещание, не предупредив его, дало заключение о передаче одного из имеющихся на рассмотрении комиссии законопроектов на заключение

переселенческой комиссии. Гучков был вне себя и с горечью сказал: «Вот товарищи». Вообще его раздражительность сильно прогрессирует, и он перестает внешне сохранять свое спокойствие.

Правда, Родзянко неумен и обидчив, но надо же опять подчеркнуть отношение октябристов к своим не только ставленникам, но и фактическим лидерам.

Январь 1911 г.

Во время рождественского ваканта Гучков снова напоминает о необходимости скорейшего проведения дополнительных штатов. Когда я ему заметил, что они затянулись по его же вине, то он объяснил, что он желал, чтобы председатель бюджетной комиссии Алексеенко просил бы его, так как иначе, защищая Финансовый отдел Канцелярии, он мог бы в бюджетной комиссии урезать остальные. Алексеенко просил, пересмотр состоялся, и Гучков уже не настаивал на сокращениях......?[59]

За время состояния Гучкова председателем [Думы] никакой переписки официально с председателем Совета министров не имеется. Но вместе с тем он не предпринимает ни одного шага без совета со Столыпиным. Телефон работает усиленно по несколько раз в день, а письма так часты, что он сам уже просит для того, чтобы не было так заметно, [передавать их] через разных лиц – состоящего при Павильоне чиновника[60], своего секретаря и пр. С такою именно просьбою он не стеснился обратиться лично ко мне.

Март. 10-е

Захожу в кабинет, застаю Гучкова, переписывающего с клочков письмо Столыпину. Заговорили о рескрипте морскому министру Воеводскому, в котором значилось, что после обследования тремя членами Государственного совета Морского министерства все оказалось благополучным, что совершенно не соответствует обследованию.

Гучков говорит: «Так как я Вас посвящаю во все дела, я Вам прочту письмо, которое я по этому поводу пишу Столыпину». В этом письме, разбирая и критикуя рескрипт, Гучков писал, что при таких обстоятельствах он не в силах умерить воинственное отношение к Морскому ведомству самых даже скромных членов Государственной думы и не желает этого делать, но вместе с тем, разделяя это настроение, он считает необходимым сообщить ему, что лично будет голосовать против сокращений.

11 марта

Государственный совет отверг закон о земстве в Западном крае. Октябристы и националисты, желая поддержать Столыпина и сосчитаться с Государственным советом, вносят в тот же день о том же законодательное предложение.

12 марта. 8 ч. утра

Гучков по телефону сообщает мне, что получен Указ о перерыве занятий — на три дня[61]. Все гадают, для чего — провести закон по 87-й статье? Среди всех депутатов, кроме националистов, возмущение. Октябристы посылают депутации, умоляющие Столыпина не делать этого, с другой стороны — националисты поддерживают Столыпина.

Гучков крайне недоволен, что Столыпин прибег к перерыву сессии, не только не посоветовавшись с ним, но и не предварив его даже. Совершенно верно, что на практике таким образом поступали только при роспуске Дум 1-й и 2-й, но не для перерывов занятий. Мне он говорит, что если закон по 87-й ст. будет издан, то он уходит из председателей.

14 марта

Закон о земстве в Западных губерниях опубликован. Националисты ликуют, октябристы возмущены и постановляют отклонить закон, внести запрос, сложить полномочия — грозно, но сомнительно, чтобы было приведено в исполнение. Вечером во фракционном собрании уже остыли и запрос уже даже сформулировали весьма сдержанно. В этот же день Гучков пригласил меня к себе на дом и передал заявление об отказе от звания председателя Государственной думы и просил уведомить официально подлежащих лиц, кроме Столыпина, которому он написал лично письмо об этом и будет мотивировать свой отказ[62].

15 марта

Октябристы намечают кандидатом в председатели Алексеенко, желая подчеркнуть свою оппозиционность правительству, но вместе с тем ведут переговоры и с Родзянкою, представителем правого своего крыла, и то, по моему мнению, по недоразумению, так как по своим убеждениям он, конечно, правый[63]. Алексеенко решительно отказывается, его уговаривают вступить на этот пост хотя бы до Пасхи?! «Что я Вам, красное яич-

6 Зак. 2660.

ко, что ли», — отвечает он. Тогда фракция большинством 58 против 34 останавливается на Родзянко.

22 марта

Сегодня вечером назначены выборы. Агитация большая. До 6 час. вечера уверенности нет в серьезном кандидате, могущем получить большинство. Оппозиция, чтобы провалить Родзянко, голосует за Волконского (первый получил 199, второй 124)[64].

Усилиями правых, националистов и большой части октябристов Родзянко проходит.

Прибытие его к кафедре в качестве председателя сопровождается с левого крыла резким шиканьем и свистом.

После заседания являюсь в кабинет, он встречает меня словами: «Вы общий мучитель, надеюсь, что меня будете не очень мучить»[65]. Волконский невероятно волнуется, держится за сердце... а счастье было опять так близко! И кто же на этот раз [помешал его избранию], как не свои. Голосуй они за него, так прошел бы огромным большинством.

23 марта

Родзянко ликует и тешится своим положением, рассказывает, как дома лакей дрожащими руками нес пакет из Царского [Села] о назначении Высочайшей аудиенции, какой переполох среди домашних вызвал приезд фельдъегеря. Обращаясь ко мне, говорит: «Вы, пожалуйста, устройте так, чтобы в заседаниях я не сел в лужу, подскажите вовремя, но делайте это незаметно».

Встречаю Гучкова — в разговоре он мне сообщает, что Столыпин верит, что все образуется, но что он смотрит на будущее мрачно и не видит возможности продолжать при данных условиях работу. Вместе с тем он не желает мешать Столыпину и временно устраняется от политической деятельности. Он уезжает на 1 1/2 месяца на Дальний Восток. Характерно, зачем же он вместе с тем занял снова пост председателя фракции октябристов.

Некоторые октябристы так называемого левого крыла заявили о выходе своем из бюро фракции как протесте против выбора Родзянки. Непонятен, как и все, и этот выпад, так как Родзянко ушел в председатели

Государственной думы из председателей фракции октябристов, с которыми он же вместе работал, и состояние его во главе фракции было гораздо показательнее, нежели пребывание его председателем Думы. Пока это Родзянку не смущает, и он бодр.

Все происшедшее необычайно удачно сложилось для Гучкова, чтобы выскочить из затруднительного положения, в какое он попал сам и поставил свою фракцию из-за непонятного отношения его к Столыпину. Правда, он объясняет это тем, что Столыпин спас конституцию. Ну хорошо, положим, из чувства благодарности или, скажем, государственности это являлось необходимым делать даже вопреки своему достоинству, достоинству председателя Государственной думы и самой Думы — жертвы огромные. А теперь, когда тот же Столыпин своими же руками сам разрушает ее — ему надо не мешать? Во имя чего же это делается? Во имя личных отношений — или тоже по политическим соображениям? Своим отъездом он расписался в своей немощности — не скажу личной, ибо, по всей вероятности, это сулит ему лично какие-либо выгоды, но как политический деятель и слава партии он проиграл свою ставку. Что же пока дал ему за все это Столыпин? Как я писал в декабре, что это только игра [Столыпина], а действительная [политика его —] дружба с Балашовым, Крупенским и другими националистами — это мое мнение подтвердилось блистательно. Все советы Гучкова и его искательство отвергнуты с оттенком даже пренебрежения.

Гучков своим поведением делает вид обиженного, а фракции до этого дела нет, и я думаю, что прав Столыпин, полагая, что все обойдется.

28 марта 1911 г.

Распространился слух о министерском кризисе. Родзянко справляется по телефону у Столыпина, последний опровергает слухи и говорит ему: «Мы с Вами еще послужим». Газеты отзываются о Родзянко как ставленнике Столыпина, ввиду этого Родзянко считает необходимым обратить особенное внимание на отношение чинов правительства к органам Государственной думы, не допуская их к нарушению правил, клонящемуся к умалению прав и достоинства Государственной думы, ее органов и подведомственных ей чинов. Он находит, что за последнее время установились слишком семейные отношения, и просит меня следить за этим. Когда я ему высказал, что это давно пора и что эта семейственность в отноше-

ниях служит к умалению авторитета Государственной думы, он шутливо отвечает: «Слушайте, только Вы уж не очень».

Члены бюро октябристской фракции, как и надо было ожидать, взяли свои отказы обратно?!! Для чего же, спрашивается, это было делать — систематическое повторение прежней ошибки — из-за кустов не видеть леса. Дают понять, что они не поддерживают своего же ставленника; какой же авторитет может иметь председатель, избранный 200 [голосами] (из 442) и наперед уже знающий, что в нужные моменты при натиске крайних обоих флангов он не имеет поддержки в своих.

Князь Волконский будирует и все удивляется, что Родзянко так доволен своим положением: «Не понимаю, чего он радуется». Но сам князенька если бы был на месте Родзянко, очевидно, тоже радовался бы — да еще как, хотя говоря откровенно, что радоваться таким избраниям, которые имеют место, начиная с переизбрания на второй год Хомякова, — нечего. И не радовался, а сердился и только подчинился необходимости, в сознании долга, один Хомяков, так как из всех председателей III Думы он один ничего не искал и ничего не желал для себя лично и в этом отношении был вполне независимым.

Май

Слухи о том, что роспуск на летние каникулы последует до внесения правительством закона о западном земстве, введенном по 87-й ст., растут. Официально об этом председателю не сообщают, но все министры пишут письма с просьбою ускорить рассмотрение внесенных ими законопроектов. Несмотря на то что сессия прерывается раньше времени не по воле депутатов, и потому, казалось бы, следовало идти нормальным путем, все стараются исполнить желание правительства. На повестку заседания ставится 100 законов, и в последний день пропущено 120. Что это было за заседание, нельзя себе представить. Три закона проходили в 1 1/2 минуты. Ни докладчики, ни сам председательствующий кн. Волконский не знали, что они голосуют, и когда возбуждался кем-либо какой вопрос, они отвечали: «Там разберутся», то есть Канцелярия [разберется]. Какое-то сверхдоверие, совершенно недопустимое в столь серьезном деле.

Вообще последнее время ведение дела представляется какой-то детской забавою. Как ни странно, но усвоенный порядок ведения дел превратился в спорт и вызывает среди депутатов веселый смех и шумные аплодисменты.

С Родзянко приходится туго — неумен и необразован. В юридических вопросах совершенно не разбирается. Зато авторитетен. «Я председатель», «я имею право» — слышится на каждом шагу, и его приказания зачастую таковы, что не могут быть исполнены, так как касаются либо отмены закона, либо коллегиального постановления, в котором он председательствует. На мои возражения слышится: «Ну Вы юридический крючок, что ж тут такого», повторял слова крылатые Столыпина: «Маленький нажим на закон или я издаю это по 87-й статье».

Для характеристики его можно привести следующий эпизод. Когда градоначальник сделал постановление об аресте по положению об охране одного из членов Государственной думы (Булата)[66], то при обсуждении этого вопроса в Совещании стали говорить, что со стороны администрации к членам Думы, в особенности в провинции, замечается неподобающее отношение. Факт действительно неоспоримый. Это подтвердил и Родзянко, но как бы вы думали, какой пример он привел в доказательство? А вот какой. «Приехал я, — говорит он, — в уездный город в качестве уездного гласного земского собрания, и такой же гласный прибыл — уездный предводитель дворянства. Местный исправник распорядился перед домом, где остановился предводитель, поставить полицейский пост и прекратить движение и сам тотчас же явился к нему в полной парадной форме. Ко мне же не явился даже исправник, но я его вызвал и потребовал, чтобы он явился представиться, и на следующий день он это исполнил». Мне стыдно было слушать.

13 мая был объявлен указ о роспуске, он был прислан председателю в 4 ч. 30 м. во время заседания, а в 6 часов в тот же день внесен закон о западном земстве. На следующий день появляется в «Новом времени» — органе, инспирируемом правительством, — статья, что Дума мало сделала![67]

Август. 11 ч[исло]

Закон о земстве в Западных губерниях введен. Необычайными усилиями администрации на местах проведены желательные кандидаты из интеллигентных лиц. Все сделано, чтобы крестьяне по возможности не явились на выборы: выбрана самая страдная пора (жниво). Так они имели все преимущества, и при желании никто из интеллигенции помещиков не прошел бы.

Столыпин для того, чтобы сделать отклонение в начале сессии Государственной думы закона невозможным, предпринимает рискованный

шаг. Он устраивает посещение Киева Государем Императором с представлением депутации от поселян, приносящих благодарность за проведение закона.

Каково же положение октябристов, которые метали громы и молнии по поводу введения закона по 87-й ст., грозивших отклонить его в первом же заседании и даже полагавших необходимым сложить свои полномочия? Проведение земства на местах встречено без энтузиазма.

Сентябрь. 1-е

В Киеве в театре в присутствии Высочайших особ Столыпин пал от руки убийцы — сотрудника охранного отделения Богрова — последователя Азефа, того самого Азефа, которого так защищал Столыпин, упрекая Думу, что она своим запросом затруднила охрану в выборе сотрудников из революционеров, которые не пойдут [в агенты] из боязни быть открытыми. За Азефа пострадал и Лопухин, а Азеф, совершивший немало злодеяний на своем веку, гуляет на свободе под прикрытием правительства.

Вся обстановка убийства, невероятная по своей дерзости и дающая возможность предполагать о неблагополучии в среде чинов охранного отделения, настолько всколыхала умы обывателей, что с почина Киевской городской думы стали собирать во многих городах [средства] на памятник Столыпину. Памятники государственным деятелям ведь ставятся не в воздаяние за присущие им качества храбрых, честных, прямых и твердых людей, к числу коих несомненно принадлежал Столыпин, не за это — а за государственные заслуги, оценка коих может быть произведена потомством, но не современниками. Только история может произнести свой бесхитростный суд и, быть может, озираясь назад, она, не будучи под влиянием политических острых настроений, скажет: он имел заслуги как политический деятель, но не как государственный деятель.

Премьером назначен Коковцов, правые недовольны, предполагая, что он не будет следовать их советам и, проводя свою линию, по своей ловкости будет иметь всегда оправдательный документ в виде закона или постановления Совета министров. Октябристы молчат. Молчит пока и Коковцов. «Новое время» и националисты подняли травлю. Положение его довольно трудное, тем более что в составе кабинета у него есть враги, которых он устранить пока не может, ибо это будет истолковано как поворот к политике антинациональной.

Странный, конечно, вывод — почему же, например, уход Кассо мог бы свидетельствовать об этом, тот самый Кассо, про которого Коковцов выразился, когда слух прошел некоторое время назад, что он уходит с поста министра финансов, на обращенный [к] нему вопрос «Кто же может Вас заменить?» — «Нашли же Кассо, найдут и министра финансов». По поводу того, что Коковцов не взял себе портфеля министра внутренних дел, ему делали предупреждения, что это опасно, так как до сих пор, когда портфель министра внутренних дел не соединялся с премьерством, выходило так, что министр внутренних дел всегда искал возможность свалить премьера. Так было, когда Дурново свалил Витте, Столыпин Горемыкина. Посмотрим, свалит ли Макаров Коковцова.

15—17 октября

Запрос по поводу убийства Столыпина, настроение приподнятое. Сессия обещает быть бурной, ввиду приближающихся выборов партии стараются сводить счеты. Судьба октябристов вывозит. Смерть Столыпина вывела [их] из затруднительного положения с законом о земстве в Западных губерниях. Закон сдан в комиссии, где, очевидно, дождется 4-го созыва. На ужине в годовщину Манифеста 17 октября Гучков произносит речь, оплакивая Столыпина как ярого конституционалиста, и, говоря о настоящем политическом горизонте при новом премьере, описывает его в мрачных красках. Тучи, говорит он, сгущаются, все покрыто туманом, невольно закрадывается чувство боязни за будущее, но идти, заканчивает он, надо, [надо] бодриться, стоять на страже и верить в светлое будущее[68]. Очевидно, аудиенция с Коковцовым не понравилась ему. Напечатание от Осведомительного бюро, что он был у премьера[69], дает возможность предполагать, что новый премьер не пожелал его иметь своим тайным советником, то есть в той роли, в которой он мнил себя у Столыпина. Засим пошло братание с националистами и панегирики в речах остальных членов фракции по адресу фракции. Сколько хороших слов, но как они все далеки от их дел. Получилось впечатление, что все надували друг друга, говорили друг другу комплименты и каждый аплодировал, но сознавал, что их не заслужил.

Характерен разговор с одним из деятельных членов партии, не состоящим членом Думы, но ведущим предвыборную кампанию. На вопрос, можно ли принадлежать к составу этой партии, исповедуя ее программу и вместе с тем следуя практическому ее исполнению, ответил: «Подожди-

те, и в эту избирательную кампанию мы выдадим такие векселя, которых они, конечно, никогда оплатить не смогут». Верен ли расчет — если вас обманули раз, наконец два — неужели же поверят и в третий раз? — Сомнительно.

Социалисты вносят запрос о провокационных действиях охраны, следствием чего было судебное преследование членов социал-демократической фракции II Государственной думы и разгон Думы.

По каким-то совершенно необъяснимым соображениям по вопросу о спешности по настоянию центра[70] Родзянко объявляет, что этот вопрос будет слушаться при закрытых дверях. Я узнаю об этом поздно, когда перерешить уже нельзя. Как и надо было ожидать, это вызывает бурю, снятие интерпеллянтского запроса[71] и внесение его в течение трех дней подряд. Центр в отчаянии, что нельзя сломить обструкцию без изменения Наказа. Прибегает центр к советам председателю вовсе не принимать запроса на ту же тему. Я умоляю Родзянко на кафедре не следовать советам, влекущим незаконные действия председателя, и говорю, что временное неудовольствие центра уляжется и они сознают его правоту. Мой совет имеет успех, предположения мои сбываются, и Родзянко, вполне довольный исходом [дела], советуется о дальнейших действиях по тому же вопросу. Я указываю на статью Наказа, дающую выход, и обструкция сломлена.

24 ноября

Социал-демократы решили во что бы то ни стало в день обсуждения разъяснений Макарова по вопросу об убийстве Столыпина произнести речи по запросу о социал-демократической фракции II Думы в открытом заседании. Так как они мне откровенно заявляли об этом, то я счел долгом сообщить Родзянко. Он на этот день выехал в деревню, а меня просил об этом не говорить Капустину, чтобы его не напугать, так как ему придется председательствовать. Конечно, как надо было ожидать, скандал произошел. Выступивший с речью Гегечкори (с[оциал]-д[емократ]) 1/2 часа говорил о провокации охраны по отношению к членам социал-демократической фракции II Думы, не касаясь мест закрытых заседаний[72]. Капустин допускал [говорить], в Думе слушали. Вдруг кто-то справа крикнул: «Этого нельзя касаться!» Капустин прислушался и повторил Гегечкори ту же фразу. А на вопрос последнего «Почему?» ответил весьма харак-

терно: «Председатель не дает объяснений, он следит, чтобы ораторы не уклонялись». Происходит шум, брань, ругань стоит в воздухе, крики «долой председательствующего». Следуют исключения депутатов. При объявлении одного из них (Захаров) им произносится такая фраза: «Единственно *честный и порядочный председатель это князь Волконский*». Крики «подать Волконского». Два раза объявляется перерыв. Наконец во время заседания после второго только перерыва Капустин в полном изнеможении уступает место Волконскому, который под гром аплодисментов левых занимает председательское кресло. До этого же времени, будучи в Думе, князь Волконский упирался председательствовать, несмотря на уговоры, и говорил [о Капустине]: «Напужан, пускай сам расхлебывает», а вместе с тем в выигрышный для себя момент счел возможным сесть на председательское место. Популярность его растет, несмотря на то что у него нет ни малейшего понимания дела и никакого образования, а главное, никакого интереса к существу дела. На мой взгляд, как председательствующий он наносит огромный вред Государственной думе, так как, занимаясь даже иногда подтасовками, он это делает, не понимая, какая цель этим достигается. В таких случаях он слушает того или другого члена Государственной думы и совершает это ему в угоду. Интересен разговор в этом отношении с членом Государственной думы бароном Тизенгаузеном: «Знаете, князь такой милый, с ним проведешь что угодно, великолепно считает голоса. Положим, 103 [голоса] за, тогда он говорит: мой голос — 106-й, барона Тизенгаузена — 112-й, и т.д. — принято и готово. Математику знает в превосходстве». И этот умильный разговор барон Тизенгаузен ведет со мною. Эти вещи проходят, конечно, незамеченными для членов Государственной думы ввиду необычайного индифферентизма к сути дела всей Государственной думы. Интересуют только политические речи. Фигура же его и сильный голос с обращением к Думе в тоне эскадронного командира к своей части производят впечатление (вот культура). Кроме того, он не лишен хитрости, умеет лавировать между партиями и очень незаметно для правого крыла искать сочувствия у левого. Так, например, я спрашиваю его: «Неужели будете менять повестку и, не окончив одного дела, переходить к другому?» — «Спросите, как хочет Балашов и Гучков». Балашов хочет. Гучков говорит: «Если Балашов хочет, мы его поддержим». Князь предложение ставит на баллотировку, оно принимается, а по окончании заседания идет в левый сектор и говорит: «Это безобразие, что они

делают, кажется, что мне придется скоро сесть на эти», указывая на левые скамьи, невинно и мило — оппозиция радуется и говорит: «Вот председатель». В это самое время г. председатель Родзянко, сидя в кабинете, рассказывает, что новый чин охраны не пропускал его сегодня в Таврический дворец, и объяснял депутатам: «Понимаете меня, имеющего личный доклад у Государя Императора», возмущался, что городовые не отдают чести первому лицу в государстве, и предлагал (по этому столь важному вопросу) переговорить с председателем Совета министров. Както вспомнил один эпизод: товарищ министра финансов Новицкий, отвечая на речь [члена Думы] Челышева, позволил себе неуместные выражения, за что в следующий раз получил достойную отповедь. Родзянко, потирая руки, говорил: «Наверное, Коковцов по поводу этого инцидента напишет мне письмо. Пускай-ка я ему покажу — не буду извиняться, как Хомяков в подобных случаях». Я ему ответил, что, зная Коковцова, я уверен, что никакого письма не будет, а нахлобучку получит товарищ министра, и прибавил, что Коковцов не задирается с Думою, а наоборот. Родзянко на это мне говорит: «А что вы думаете, что я так глуп, что этого не вижу?!» Письма не последовало.

Недурен бывает и Созонович в своей простоте. Он сообщает, что Пуришкевич по Бессарабии пройти больше не рассчитывает, почему приобрел себе ценз в Курской губернии[73]. Там имеется земский начальник — отставной моряк, который просил Пуришкевича устроить его в Канцелярию [Думы], что это необходимо сделать, так как именно этот земский начальник грозит Пуришкевича не пропустить в следующую Думу. Я страшно протестую против подобного назначения и высказываю, что такие факты являются совершенно недопустимыми. Через некоторое время, как это всегда бывает, когда он чувствует возражения, на которые нечего ответить, следует приказ представить к назначению. Я медлю и не исполняю. Наконец через несколько дней он мне говорит сам: «Мы с этим пока подождем». Что будет дальше, не знаю[74]. Как ужасно наше положение, когда в таких случаях не к кому апеллировать!

Февраль [19]12 г.

Все нервничают, хотят побольше пропустить до конца полномочий законов, времени не хватает, кидаются от одного закона к другому, получается, по меткому выражению одного из членов Думы, законодательная чехарда.

Вносится запрос с правой стороны о евреях. Переписчик, переписывая запрос, не разобравши фамилии, поместил под запросом фамилию еврейского депутата Нисселовича. Недоумение и смех членов Думы, и только — инцидент разрешается разъяснениями недоразумения. Родзянко требует меня в кабинет и в присутствии четырех членов Думы и с присущим ему тоном, довольно резким, говорит о невозможной небрежности и предлагает мне уволить переписчика. Я вскипел и ответил ему, что раньше он уволит меня и засим узнает фамилию переписчика. Это замечание по пустякам настолько взбунтовало меня, что я начал говорить ему все то, что накипело у меня на душе. Стал упрекать его, что по серьезным вопросам не к кому обратиться за указанием, что никому до этого дела нет, что председатель голосует так, что не знаешь, как записывать в протокол — по два раза одно и то же предложение в разных выражениях и пр., что есть много серьезных вещей, на которые надо обратить внимание, а никто не обращает, что при таких условиях я его замечания по пустякам спокойно принять не могу. Я почти кричал на него. Присутствующий член Думы взял меня за руку и просил успокоиться, на что я ответил, что я раз начал, то и кончу, пользуясь случаем высказать все, что накипело в моей душе. Очевидно, подъем был так силен, что смутил Родзянку. Он стал мне говорить, что за все время его председательствования он, кажется, хорошо относился к служащим, что мне делает честь, что я заступаюсь за них, а в конце перевел на шутку, довольно грубую: если переписчица хорошенькая, то оставьте — если нет, то увольте, а затем предложил вызвать и доктора. Я ушел, стукнув дверью и не ответив на его последние слова. Засим я не видел его три дня, так как он уехал к себе в деревню. Я был очень рад высказать ему то, что хотелось давно, и был даже рад тому резкому обороту, который приняло это дело, но, с другой стороны, сознавал, что дисциплина этого допустить не могла, и понимал, что как бы ценен ни был человек, но дальнейшее пребывание его [на службе], если бы я был председателем, для меня было бы невозможно.

Придя в кабинет к Родзянко через три дня, он меня встретил любезно и обратился с вопросом, успокоился ли я, на что я ответил, что я несколько сконфужен за тон, которым я говорил с ним, но что при условиях службы, которые создались в Думе, бывают моменты, когда человек не может говорить иначе. «Вот видите ли, — сказал он мне, — если вам это сошло, то только потому, *что вы есть тот, каков вы есть*». —

«Я это понимал, — отвечаю я, — а в следующий раз, я вас прошу, на меня так не кричите при членах Думы». С этого момента он стал в обращении со мною очень осторожен, внимателен, предупредителен и удвоил свое доверие.

Однажды один из служащих позволил себе довольно небрежно ответить члену Государственной думы, последний принес жалобу Родзянко, который мне по этому поводу сказал следующее: «Я понимаю, что вы нас презираете за наше неумение и незнание, но это чувство надо таить в себе и терпеть».

При докладе Родзянко в Царском [Селе] он коснулся Распутина (Григория) и высказал на него взгляд общества, через некоторое время Государь Император прислал к нему на квартиру генерал-адъютанта Дедюлина, который передал повеление Его Величества ознакомиться с делом Распутина, истребовав его через товарища обер-прокурора Св. Синода Даманского.

Мы долго совещались, как понимать это повеление. Было ли это желание, чтобы Родзянко сопоставил то, что он говорил при докладе, с тем, что имелось в секретном деле Св. Синода, или же такое повеление обязывало сделать доклад на основании сведений, имевшихся в деле. Решено было сделать письменный доклад на основании документов дела и бывших также у самого Родзянки, полученных им с разных сторон, и присоединить свой вывод о личности Распутина и приносимом им вреде. Доклад был послан и назад не вернулся, и о нем никогда не упоминалось. Как говорят, он долгое время лежал нераспечатанным. В составлении доклада я принимал деятельное участие, стараясь смягчать тон и резкость выводов, продиктованных возмущенными чувствами по поводу всего этого дела Родзянко[75].

Родзянко говорит: «Знаете, вот я всегда ругал Хомякова, теперь убедился, что быть председателем нелегко».

Родзянко в кулуарах развлекает себя разговорами с барышнями-стенографистками и шутливо, обращаясь к окружающим, [говорит:] «Отвернитесь и не слушайте», возбуждает улыбки одних, удивление других и даже не совсем удобные ответы, но заслуженные. Зовет сторожа, велит ему

купить апельсинов и яблоки и передать такой-то. Все это делается на глазах у всех. Получившая спрашивает, кого можно угостить, а он отвечает — вот эту, ту... — Ну а эту можно? — Нет, этой не давайте.

В то же время он мне говорит, что многие ему не кланяются и вообще при проходе не оказывают ему должных почестей как председателю. Я ему отвечаю, что я употребляю все меры для поддержания дисциплины, что представляется особо трудным, когда сами члены Думы делают все, чтобы разрушить ее.

Москва

Родзянко с секретарем Щепкиным в Москве на открытии памятника[76].

Недоволен, что за царским обедом был посажен за вторым столом, тогда как Акимов (председатель Государственного совета) сидел за первым.

Явившись в ресторан и севши за стол, он спрашивает лакея:

— У вас министры завтракают? а вы знаете, кто я такой?... Я председатель Государственной думы.

Проезжая по улице в мундире на открытие памятника, он обращается к секретарю и говорит: «Отвечайте на поклоны налево, а я направо, видите, меня знают в Москве».

Родзянко усиленно хлопочет о приеме членов III Думы в Царском [Селе] перед окончанием полномочий. Прием состоялся[77]. Ехали с надеждой, что их похвалят. Вернулись грустные. Секретарь [Думы] Созонович остался очень доволен. Государь обратился к нему с вопросом: «Ведь вам в заседании приходится все время сидеть». После этого Созонович мне говорит: «Я думаю, что правительство теперь обратит на меня внимание».

Князь Волконский стал как-то снова интимен со мною и возмущается Родзянкою, его бестактностью и тем, что он каждый раз, когда считает, что его положение унижено, громко провозглашает: «Позвольте, я вторая особа в империи».

Член Государственной думы Шубинской со свойственною ему манерою отпускать неуместные остроты и шутки хотел высмеять кадетов, для чего, будучи докладчиком, прибег к передержке, процитировав поправку кадетов в части, отчего получалась бессмыслица. За этот прием его обозвали шулером, и произошел скандал[78]. Когда я сказал Родзянке, что

необходимо было председателю остановить Шубинского и восстановить истинный смысл поправки, он мне ответил: «Хорошо... вы три раза читаете дела, а мы ни разу, и потому сразу и не сообразишь!!»

Родзянко обращает внимание, что постовые городовые у Таврического дворца не отдают ему чести, и посылает к градоначальнику своего секретаря[79], чтобы обратить на это внимание. Получает ответ, что городовые не обязаны отдавать чести даже военным, а он гражданский чин.

Родзянко против ассигнований на постройку судов, но считает необходимым агитировать среди членов [Думы] за ассигнование ввиду того, что крестьянам-депутатам очень хочется иметь нагрудный знак члена Государственной думы, а если не пройдет ассигновка, то этого не будет. Ассигновка прошла, но и нагрудные знаки не получены.

Гучков, сказавши речь против[80], от голосования воздержался — впрочем, как всегда и да и нет.

По делу заезжаю в Государственный совет (к сожалению, сейчас не припомню, по какому вопросу я разговаривал с председателем Государственного совета Акимовым), в разговоре он мне говорит: «Вы понимаете что-нибудь из того, что у нас делается?» На мой ответ, отчего он не переговорит с председателем Совета министров, он отвечает: «Правительство со мною не разговаривает. Вы увидите сегодня председателя Совета министров в Думе, так, пожалуйста, скажите ему».

Члены Думы очень озабочены, чтобы указ о роспуске последовал бы перед выборами, но не вслед за окончанием сессии, чтобы сохранить на некоторое время еще денежное довольствие.

Коковцов просит меня успокоить их, распространив слух, что, несмотря на окончание последней сессии, роспуск для этого последует перед самыми выборами. Но это все-таки не удовлетворяет некоторых членов Думы, как то: Ковзана и других членов распорядительной комиссии [Думы].

Для того чтобы сохранить за собою денежное довольствие до новой Думы, они не начинают ремонта дворца[81] до августа, и роспуск застает их в то время, когда в части ремонтируемой все разрушено и ничего еще не сделано. Дела нужно сдавать секретарю Созоновичу. Распорядители вхо-

дят с ним в переговоры, нельзя ли их оставить по вольному найму в качестве наблюдающих за ремонтом впредь до окончания [ремонта] и составления отчета. Созонович сперва не соглашается, но засим уступает их натиску, предлагая каждому за их поденную работу по 10 р. Это их не удовлетворяет, они считают это пустяками, из-за которых не стоит оставаться, но вместе с тем уговаривают увеличить до 20 р. Припертый к стенке Созонович соглашается, но вслед за сим обнаруживается, что члены Распорядительной комиссии ввиду предстоящих выборов не намерены оставаться в Питере и собираются уезжать, на месте осуществляя надзорную функцию. Один из членов, крестьянин [Андреев], старается убедить остальных отказаться от мысли оставаться надсмотрщиками, полагая такой образ действий несовместным с званием бывших депутатов, но остальные (в том числе кадет Захарьев) находят, что нехорошо быть несолидарным и портить им дело. Крестьянин Андреев замолчал, но, к счастью, газеты подхватили [эту историю], и Созонович, не желая быть участником этой странной сделки, после переговоров с ними велел мне написать им письмо, что за минованием надобности он освобождает их от обязанностей надсмотрщиков и велел уплатить им за дни переговоров по 10 р.

Ковзан вне себя, предполагая, что в печать даны сведения чинами Канцелярии, обещает им показать, когда вернется в Думу.

В последний день сессии встречаю идущего на молебен [по случаю закрытия сессии] главноуправляющего земледелия и землеустройства Кривошеина, который мне говорит: «С удовольствием и искренним чувством иду помолиться за третью Государственную думу, она нам дала возможность так много сделать». Я ему отвечаю, что считаю, что правительство слишком мало пользовалось [возможностями Думы] и много больше могло бы сделать при таком составе и что едва ли такое соотношение партий может повториться. «Вы правы, — отвечает он, — такой Думы больше не будет»[82].

Созонович остается до выбора нового секретаря при исполнении своих обязанностей секретаря Государственной думы[83].

За несколько дней до открытия IV Думы он обращается ко мне с просьбою, чтобы я устроил, чтобы новая Дума выразила ему благодарность за его труды по секретарству. Я ему отвечаю, что это надо было сделать председателю в последнем заседании, что теперь едва ли это удобно и что из этого может произойти ему неприятность, если от какой-нибудь партии вместо благодарности можно будет услышать неприятные возгла-

сы. Тогда он просит меня, чтобы знаки одобрения были оказаны Канцелярией. Я ему сказал, что подумаю, как это устроить, тогда он прибавил: «Только я прошу, чтобы это было в письменном виде», — для того, что если правительство обратит на него внимание, как он полагает, и что если он будет назначен попечителем округа[84], то это будет служить ему аттестатом, как относился он к подчиненным и как подчиненные относились к нему.

Засим просил также устроить ему прием в Царском [Селе][85]. Решили ввиду такого настояния сказать ему прощальную речь, текст которой поместить в бювар и поднести ему.

Проводами и подарком [Созонович] остался очень доволен, просил размножить сказанные ему и им речи и передать во все газеты, из которых, между прочим, ни одна ничего не поместила, и на следующий день вложенный в бювар текст речи препроводил ко мне, чтобы все подписались.

Родзянко за три дня до открытия Думы 4-го созыва приехал в Петербург и вызвал меня к телефону. Сказал, что он очень меня желает видеть, что страшно мне благодарен за все и в особенности за помощь в деле Распутина и что по гроб жизни не забудет этого. При этом спросил, когда он сможет быть у меня. Когда я ему сказал, что зачем ему беспокоиться, что я заеду к нему, он ответил, что он теперь мне не начальство и желает быть. На следующий день он заходил ко мне в кабинет в Думе и, не застав меня, оставил на столе визитку [с надписью]: «Являлся по начальству. М.Р.».

IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. 1912[–1914][1]

Как я и предполагал (см. [мою запись] 6 декабря 1910), Гучков не избран членом Государственной думы[2].

Видимо, блок октябристов и националистов и их совместная работа в III Государственной думе не удовлетворили правительство, в особенности министра внутренних дел Макарова, который совместно с обер-прокурором Св. Синода Саблером при помощи духовенства решили употребить все меры, чтобы усилить правое крыло и создать блок право-национальный.

При выборах употреблялись самые невероятные давления, доходящие до цинизма, и по губернаторским донесениям, казалось, все налаживалось в желательном смысле. Одних крайних правых насчитывалось до 140 членов. Восторгу последних и их предположениям, что они составят в Думе руководящее большинство, заняв места председателя и остальных членов президиума, наступил конец уже за день до открытия заседаний Государственной думы (15 ноября), так как их оказалось около 50 и вместе с националистами около 150 человек[3].

Националисты раскололись благодаря Крупенскому, который из личных отношений к Балашову стал образовывать особую партию (так называемые конституционалисты-консерваторы), оставаясь в блоке с октябристами[4]. Националисты же блокировались с правыми. Ряды октябристов сильно поредели, между ними нет Гучкова, Лерхе, по этому поводу одна газета замечает: «Октябристы потеряли голову и ноги».

Октябристы с правыми ни в какое соглашение вступать не желают, а без них и оппозиция с националистами и Крупенским большинства не составляет. У левых октябристов является мысль участвовать в президиуме путем избрания из своей среды секретаря, остальные должности уступить другим партиям и таким образом, не блокируясь ни с кем слева и справа, перегибать чашку весов по каждому вопросу то в ту, то в другую сторону, не будучи связанными поддержкою того, кто будет на председательском месте.

Родзянко и некоторые из правых октябристов находят необходимым выбрать своего председателя. Родзянко очень возмущается, спрашивает

7 Зак. 2660.

меня по телефону, что говорят, и чувствует себя очень неудобно, что не может показаться и поагитировать за эту идею, так как это было [бы] агитировать за себя, ибо никто другой, как он, не может, по его словам, справиться с такой компанией. Конечно, говорит он, надо выбирать меня. Его сторонники имели перевес в партии, и вопрос этот был решен в том смысле, чтобы выбирать председателем октябриста — Родзянко[5]. Начались переговоры.

Правые не поддерживают [Родзянко], так как его стараниями забаллотирован член III Думы правый Образцов, между тем как в выборщики сам Родзянко прошел правыми голосами, а левыми, забаллотировав правых, прошел в члены Думы[6]. Засим правые и националисты не поддерживали его за его демонстративный отъезд из Москвы при Бородинских торжествах[7] и за дело Распутина (отъезд из Москвы от торжеств последовал в виде демонстрации [против того], что на означенные торжества были приглашены члены Государственного совета и не были приглашены члены Государственной думы, кроме ее председателя)[8]. Зато его поддерживала оппозиция, которая находила его единственно возможным кандидатом, так как он немножко конституционалист, нежелателен правым и немножко неприятель, как они выражались, короне. Таким образом, пришлось заключить соглашения по выборам с оппозициею для избрания председателя и секретаря [Думы], причем поставили условием, что и оппозиция должна войти в президиум. Избрание председателем октябриста Родзянко, товарищем председателя князя Урусова, [секретарем Думы] левого октябриста Дмитрюкова состоялось блоком октябристов с оппозициею[9]. Князя Волконского дважды вели тем же блоком без поддержки националистов и правых, которые ставили ему условием, что они будут голосовать, если оппозиция будет класть черные шары. Так как этого не случилось, то князь был вынужден отказаться, сказавши, что на красных шарах он проходить не желает[10].

Любопытно отметить перемену обстановки: Родзянко, проходивший в председатели III Думы правым блоком и встреченный при проходе своем на кафедру, как ни один председатель, свистом и шиканьем оппозиции, теперь ее ставленник. В качестве демонстрации против этого в настоящее время он вступает под аплодисменты оппозиции, националисты и правые покидают зал, не желая выслушивать его вступительную речь[11]. Родзянку все это не смущает, так как он уверен, что блок с оппозицией был необходим для избрания президиума, а в работе он сблокируется с

правыми. Октябристы же пока стоят на том, что ни с правыми, ни с левыми они блоков заключать не намерены. Во всяком случае, надо сказать, что положение Родзянки незавидное. По выборе остальных членов президиума соглашения никак добиться нельзя, и выборы откладываются на две недели благодаря принятию Наказа до поверки полномочий 1/2 состава членов Государственной думы.

Когда я сказал Родзянке, что, имея с двух сторон товарищей [из] разных фракций, ему будет нелегко в трудные моменты, он ответил: «Не забывайте, отныне есть только один председатель — все остальные его исполнители». Сомнительно?!!

Родзянко очень волнуется, как его примут в Царском Селе и примут ли.

Прием состоялся 17-го [ноября]. Он остался им очень доволен, Государь похвалил его речь, благодарил Государственную думу за выражение верноподданнических чувств, расспрашивал о составе будущего президиума. Родзянко высказывал свои предположения, выдвигая тех лиц, которые ему, Родзянко, были желательны, как то: кн. Волконского, Н.Н. Львова и Харламова, стараясь вызвать то или иное мнение Государя о них и в благоприятном случае сделать отступление для этих лиц невозможным (прием довольно странный). Государь говорил также о комиссии обороны, он находил желательным изменить ее название, чтобы не спутывали с бывшим Комитетом государственной обороны[12]. На это Родзянко спросил: «Ваше Величество приказываете?». — «Нет, я прошу», — ответил Государь. Прием происходил 25 минут, и доклад был принят стоя, что несколько смутило Родзянко. Рассказывая обо всем этом мне, он мне всегда прибавляет: «Я Вам это говорю, так как знаю, что Вы могила», а вместе с тем о том же болтает налево и направо[13]. Пошли кривотолки, и Родзянко пришлось прекратить писание в газетах путем угрозы отзыва у прессы входных в Думу билетов.

[Июнь (?) 1913 г.][14]

Князь Урусов и, за выбытием его из состава Думы, избранный на его место Н.Н. Львов — прогрессисты[15], ничего не изменили в деятельности Совещания — бездеятельны и бесцветны. Характеризуя Н.Н. Львова, один софракционер выразился так: «Идеалист, он мечтал распропагандировать октябристов и думает, что его мечта исполнилась, но не замечает, что

сам он распропагандирован давно». Князь Волконский в этом составе чувствует себя орлом.

Делом никто не интересуется, программы нет. Секретарь Дмитрюков, хорошо настроенный, возмущается отношением к делу Совещания, но по своей слабохарактерности решает, «что один в поле не воин».

Фракции не блокируются, кроме националистов с правыми. Октябристы, как всегда, голосуют вразброд, и все законопроекты (правда, не столь серьезные) проходят большинством то влево, то вправо до десятка голосов.

При обсуждении сметы Министерства финансов член Государственной думы Марков 2-й, говоря о злоупотреблениях в округе пограничной стражи, закончил свою речь [словами] «красть нельзя». Министры обиделись и покинули заседание и засим в Совете министров решили не посещать Государственной думы, пока председатель с кафедры не принесет извинений. Председательствовал Волконский, который не реагировал на речь Маркова 2-го[16].

Как это бывало обыкновенно, так и в данном случае Родзянко нашел, что улаживать инцидент надо ему как главе учреждения, а не кн. Волконскому. Последнему это только и надо было. Пошли переговоры с Коковцовым, посещения его ни к чему не привели, так как Дума не шла навстречу требованиям правительства, чтобы извинения приносились в какой бы то ни было форме председателем с [думской] трибуны. Коковцов же настаивал на этом, так как считал себя обиженным [тем], что на слова Маркова не реагировала сама Дума в ее целом. Как это ни странно, но на этот раз позиция [правительства] была выдержана, и до конца сессии министры отсутствовали — никто друг другу не уступал. Забастовка правительства стала приобретать комичный характер.

По окончании сессии в начале июля Родзянко испрашивает всеподданнейший доклад.

Он обращает внимание [на то], что обещания председателя Совета министров остались на бумаге, что в законодательстве и в управлении отсутствует план, органы местные — земских и городских самоуправлений — терпят ненужные стеснения, также и частные общества, на отсутствие твердой и уверенной власти, отсутствие уважения к власти, граничащее [с] оттенком неуважения к ней, и на отсутствие страха перед ней,

то есть на элементы анархии. Засим [Родзянко] предполагал отнестись критически к иностранной политике на Балканах и, наконец, коснуться забастовки министров в юмористическом тоне.

Выполнил ли он предположенную программу, мне неизвестно, но о забастовке говорил, хотя я его усиленно убеждал этого не касаться, так как считал, что придавать этому значения не следует и что сами министры впоследствии почувствуют все неудобство созданного ими положения и неловкость, в которую они попали[17].

Сентябрь 1913
Открытие памятника П.А. Столыпину в Киеве.
Рассказ М.В. Родзянко[18].

12 октября Родзянко приехал в Петербург в 11 ч. утра.

Накануне его приезда из его квартиры по телефону просили от его имени меня, двух секретарей и пристава Г[осударственной] думы[19] прибыть к 12 ч. к нему на квартиру.

Приходим, застаем его в кабинете на кресле, около сидят жена и два сына[20], рассаживаемся, и Родзянко, обращаясь к нам, говорит:

— Слушайте, господа, я вам расскажу, как ваш председатель поддерживал честь и достоинство Государственной думы, которую на каждом шагу стараются умалить.

Из Петербурга я выехал в Москву, остановившись в последней на некоторое время, чтобы потом следовать в Киев на открытие памятника Столыпину. В Киеве я должен был остановиться у члена Государственной думы Демченко (национальной фракции), который любезно просил меня оказать ему эту честь. Приехавши в Москву, я прочел в газетах, что по моей инициативе в Киеве на съезде националистов произойдет слияние октябристов с националистами. Так как это не соответствовало истине и не было в намерении фракции, то, чтобы не оказаться в неловком положении в Киеве, я решил рассеять всякие сомнения и подготовить почву путем помещения в московских газетах интервью. Кстати, в Москве на вокзале никто из властей не встретил! Уезжая из Москвы, заказываю купе. Никто не провожает?!

Теснота в вагонах. У дверей купе сталкиваемся лбами с секретарем Щепкиным. Нет не только электричества или газу, а даже стеариновых свечей — пальмовые свечи, белья постельного нет. Сажусь, приходит

кондуктор: «Вы один занимаете четырехместное купе?» — «Один», — отвечаю я. — «А Вы заплатили за все места?» — «Нет», — отвечаю я, возмутившись таким отношением, я осыпаю его ругательствами, говорю, что я председатель Думы, и выгоняю вон. Через пять минут появляется белье и вместо пальмовых свечей стеариновые. Выхожу в коридор в конец вагона и вижу — рядом прицеплен салон-вагон, прекрасно устроенный, ярко освещенный, спрашиваю удивленно, кто едет, отвечают — жандармский полковник. Представьте, каково — для него салон-вагон, а председатель Думы в полутемном купе в вагоне старой конструкции. Гляжу в окно — у салона в качестве провожающего московский градоначальник, а меня никто не провожает. Подъезжаю к Киеву не без тревоги, издали еще заглядываю в окно — кто-то будет меня встречать? Очевидно, в Киеве председателя Думы встретят начальствующие лица. Поезд останавливается, на платформе никого, кроме Демченко и еще одного члена Думы — националиста, а около салон-вагона целая группа офицеров в парадной форме, а? каково? Нечего делать, сажусь в прекрасный автомобиль Демченко, который везет меня в его квартиру.

Прекрасный день, чудная обстановка, все к услугам. Дом оказывается полон гостей — около 20 человек, в том числе 4 журналиста из газет. Садимся завтракать, хозяин рассыпается в любезностях и сообщает программу празднеств, все заведование коими взяли на себя националисты: панихида на могиле, открытие памятника, обед у губернатора, завтрак у предводителя [дворянства], прогулка на пароходе, открытие вокзала, банкет в национальном клубе. «Вы получили приглашение на все это?» — «Нет, никуда не получил приглашения», — отвечаю я. «Не может быть», — говорит Демченко, зовет своего секретаря, и так как он, Демченко, главный распорядитель [торжеств], то просит секретаря отыскать среди конвертов с пригласительными карточками конверт, адресованный на мое имя. Секретарь через некоторое время сообщает, что председатель Государственной думы ни в одном из указанных случаев не помечен в качестве приглашенного лица. Демченко появляется и говорит: «Ах, я сейчас устрою». Проходит день, никто из властей не приезжает ко мне с визитом. Приглашений не получаю.

Утром, кстати, приглашений не надо было, еду в [Киево-Печерскую] лавру, вхожу в собор, все министры стоят с правой стороны, я становлюсь по левую сторону впереди, вокруг меня образуется какое-то пустое место, я стою один. Через некоторое время я слышу, кто-то становится

позади меня, оборачиваюсь: Владимир Карлович Саблер. Здороваюсь и говорю: «Владимир Карлович, Вам не страшно стоять со мною, да еще по левую сторону, ведь все министры стоят направо?». Саблер поежился и перебежал на сторону министров. То же самое повторилось с министрами Щегловитовым и Тимашевым. По окончании обедни и панихиды я решил, не переодеваясь, чтобы не заезжать домой, в камергерском мундире выждать прохода митрополита из собора в митрополичьи покои и нанести только ему одному визит, так как я не мог, конечно, требовать, чтобы митрополит встречал меня на вокзале. В ожидании митрополита я беседовал с одной старой моей знакомой. В это время подходит ко мне небольшого роста, с проседью, в гофмейстерском мундире господин и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, Вы Михаил Владимирович Родзянко?» — «Я», — отвечаю ему. — «Позвольте представиться: киевский губернатор Суковкин. Я позволяю себе надеяться, что Вы окажете мне честь отобедать сегодня у меня». — «Напрасно Вы надеетесь, я Вам этой чести не окажу», — говорю я. — «Но у меня будут все министры». — «Тем более, так как я не желаю им портить аппетит, а мое присутствие может способствовать несварению желудка». На этом мы расстались, моя спутница дергала все время меня за фалды. Ну подумайте, а! Каково обращение с председателем Государственной думы. Нет, думаю себе, я заставлю вас уважать себя. Еду домой, то есть к Демченко. Возмущенно рассказываю ему. Демченко обещает все устроить. Приезжает Балашов (председатель фракции националистов) и берет на себя хлопоты.

Тем временем еду с членом Думы Антоновым завтракать в ресторан, оттуда на вокзал встречать А.И. Гучкова. Подъезжая к вокзалу, вижу суету, наряды полиции, спрашиваю, что такое, оказывается, ждут приезда Саблера. Я моментально бросаю Антонова, пересаживаюсь на другого извозчика и уезжаю домой, а то, чего доброго, Саблер подумает, что я его встречаю.

Приезжаю домой и что же застаю — две карточки губернатора, одна из них с надписью, и большой пригласительный билет, видно специально забежал заказывать в типографию. Видите, заставил себя пригласить как следует. Одеваюсь, еду на обед. Посадили меня не очень близко, но все-таки ничего. Обед сошел благополучно.

Открытие памятника — приезжает Балашов и сообщает мне, что в установленном националистами (а? почему?) церемониале произнесения речей у памятника все места заняты и что для председателя Государствен-

ной думы места не оставлено, от октябристов место будет только для Гучкова. «То есть позвольте, —говорю я, — как же Вы можете мне запретить говорить?» — «Михаил Владимирович, — говорит Балашов, — расписание установлено, и менять его нельзя». — «То есть позвольте, кем, почему?» Как вам это нравится, не правда ли, недурно, но так как я венок возлагал не от Думы, а от себя, то я в душе рад был, что не придется говорить, да и правду сказать, что при настоящей политической конъюнктуре и осложнении с кабинетом не знал бы, что и говорить.

На открытии памятника[21] обращаюсь к Коковцову и спрашиваю его: «Что же, Владимир Николаевич, прощайте или до свидания?» Он смотрит на меня изумленно и отвечает: «Что Вы этим хотите сказать?» — «Не то, что Вы думаете, Владимир Николаевич. Приедете Вы в Думу или нет?» — «Вы знаете наши требования, и пока они не будут исполнены, мы не приедем». — «А если нет, вот примите приглашения печатные на молебен, — это будет золотой мост». — «Нет», — отвечает он. На это я ему говорю: «В таком случае я должен Вам сказать, что я Государю докладывал об этом инциденте, и Государь сказал: "Ну, осенью это уладится"». — «Мне Государь ничего не говорил, я у него спрошу, — отвечает Коковцов, — позвольте на Вас сослаться?» — «Я не вру», — говорю я. Коковцов продолжает: «Если Государь нам прикажет, мы приедем».

Вы представьте себе, — продолжает Родзянко, — никто не был свидетелем нашего разговора, а на следующий день весь разговор был помещен в одной из московских газет прогрессивного направления с такой точностью, что передать его мог только сам Коковцов; что именно это было так, я заключаю из того, что мною были тотчас приняты меры, чтобы было исключено опровержение[21а], что ничего подобного не было, и ни одна газета не поместила [опровержения], уверяя, что источник слишком авторитетный. Это он, Коковцов, хотел меня подвести перед царем, указав, что я оглашаю без его уполномочия Его[22] слова да еще печатаю в левой прессе.

Это свое мнение, между прочим, Родзянко передавал очень и очень многим, и эта версия в конце концов стала общим достоянием. Между тем имеются данные, что благодаря болтливости Родзянко эти сведения шли от него и газета, где [это] было напечатано, «Русское слово», не желала опровергать, во-первых, того, что было фактом, и, во-вторых, не желала подрывать вообще доверия к сообщаемым газетою сведениям.

[Родзянко продолжал свой рассказ:]

— Приглашение к завтраку к предводителю Безаку, бывшему члену Государственной думы, я получил в тот же день. Прекрасно, входим в столовую, на кувертах[23] билетики, отыскиваю свое место, предполагаю, что мое место вблизи от хозяина, по правую руку коего должен сидеть посланный Государем генерал-адъютант для возложения венка, а по левую я и председатель Совета министров. Не тут-то было; дохожу почти до середины стола и около 15-го места от хозяина нахожу карточку с моей фамилиею, читаю, кто соседи — по левую руку иеромонах какой-то и по правую руку викарный архиерей такой-то. Должно быть, мое лицо выразило сильное удивление, потому что стоявший вблизи чиновник депутатского собрания заволновался, подбежал ко мне и предложил, что он сейчас озаботится, чтобы меня пересадили повыше. Но я решил им показать, как надо обращаться с председателем Государственной думы, и сказал: «Не надо». Сел между двумя монахами, веселил их, и они остались от меня в восторге. Им подавали постные блюда, и когда человек обносил меня, то я запротестовал и потребовал, чтобы и мне подавали постный завтрак. Министр путей сообщения Рухлов очень смеялся и спрашивал меня, почему я пощусь, на что я отвечал, что мне очень весело, приятные собеседники и что я, раз посажен между иноками, то и есть надлежит мне то же, что и им.

На открытие вокзала приглашения так и не прислали, не прислали приглашения и на прогулку на пароходе. Вечером был на банкете националистов, речей не произносил и наутро уехал, провожал Демченко, удивительно милый и гостеприимный человек. Вот видите, друзья мои, каково отношение к Думе в лице ее председателя и правительства, и самих членов Думы, но ваш председатель сумел поддержать достоинство Думы и заставил всех этих господ считаться с ним. Я надеюсь, что все это останется между нами.

Вслед за этим рассказом послышались в передней звонки, стали навещать Родзянко знакомые и члены Государственной думы, и он в течение целого дня то и дело что начинал свое повествование с начала каждому приходящему. На следующий день в Государственной думе в его кабинете он повторил его несколько раз, причем его слушали уже члены Думы целыми толпами («и все это между нами»)[24].

Родзянко возмущается, что на звонки председателя Государственной думы телефонные барышни не сразу отвечают. По этому поводу происходит следующая сцена: в 12 ч. ночи звонок телефона у председателя Совета

министров. «Кто у телефона?» — «Председатель Государственной думы Родзянко. Владимир Николаевич, сделайте распоряжение, чтобы ваши телефонные барышни немедленно отвечали на звонок председателя Государственной думы». *Ответ*: «Михаил Владимирович, Вы в здравом уме и в твердой памяти?» Далее Родзянко превращает разговор в шутку.

II сессия. 4-й созыв. Октябрь

Родзянко все-таки обеспокоен забастовкою министров и, вернувшись в Петербург, делает распоряжение, чтобы немедленно справились по телефону о том, может ли его принять исправляющий должность председателя Совета министров государственный контролер[25] Харитонов в тот же день.

Я уговариваю его не делать этого, чтобы вновь не получить отказа, но он повторяет свое распоряжение и прибавляет: «Скажите ему, что я буду у него **инкогнито**». В тот же день он был у Харитонова, уговаривал его, чтобы министры приехали на открытие сессии, предложил послать особые печатные приглашения, но Харитонов был непреклонен, ответил отрицательно и, между прочим, высказался, что скоро выборы президиума [Думы], что, может быть, состав его переменится и что, по всему вероятию, инцидент уладится.

Родзянко вернулся подавленный и сказал: «Они весь этот инцидент хотят разыграть на моей спине. Ну что же, Михаил Владимирович, держись, спина у тебя широкая, все вытерпишь»[26].

Родзянко с бумагой и карандашами в руках с утра до вечера сидит и высчитывает, какими голосами он может быть вновь избран. Он сомневается в правых и националистах. По обыкновению, как и ранее, он все вздыхает, говорит: «Как хорошо в деревне», — и уговаривает нас всех придумать что-нибудь, чтобы его провалили. Обыденное кокетничанье, а самому смерть как хочется быть снова «первым сановником».

Родзянко сияет — оказывается, что правые и националисты объявили ему, что голосуют за него, но вместе с тем говорит, что ему не хочется идти [в председатели]; на мои слова, что это просто сделать, он отвечает: «Я не могу отказываться, так как меня сочтут трусом, но мне бы хотелось, чтобы меня забаллотировали»?! (Трусость объясняется тем, что после разговора с Коковцовым в Киеве он предполагает, что ему могут отказать в приеме в Царском [Селе].)

Он жалуется на политическую конъюнктуру данного времени. Я ему говорю, что, на мой взгляд, все дело в октябристах и что надо, чтобы наконец они показали свое лицо и пошли бы по определенной линии. Он мне ответил: «Вы дальше своего носа не видите», а когда я ему ответил, что мне кажется, что для меня как лица, не принадлежащего ни к какой партии, [политическая конъюнктура] может быть и яснее, чем партийным деятелям, он повторил ту же фразу. Когда ушли из комнаты его секретари, он мне таинственно сказал: «Я не хотел говорить Вам при молодежи, но Вы поймите, как я могу быть председателем, когда **там**[27] меня не слушают». — «А когда же Вас слушали?» — спросил я. Ответа не последовало.

За два дня до начала сессии получаю от двух стенографов из Киева прошение об отпуске и вместе с тем телеграмму из Тамбовской губернии от кн. Волконского: «Ходатайство стенографов поддерживаю». Оказывается, стенографы стенографируют для Замысловского дело Бейлиса[28]. Так как другие стенографы, работавшие из газет, возвратились и так как частные занятия не могут служить основанием к неявке на службу, исполнявшим должность секретаря Ржевским отпуск разрешен не был.

В день открытия приезжает Волконский, ничего мне не говорит про это, целуется (?)[29] и, проходя, мне указывая на Родзянко, говорит: «Вы слышали, как этот болван вел себя в Киеве?» Вслед за этим, придя в кабинет Родзянко, я увидел, что Волконский, держа в руках телеграмму с уплаченным ответом, шептался с ним, а когда я подошел, сказал ему: «Надо сделать все, что только возможно». После этого Родзянко оборачивается ко мне и говорит:

— Замысловский пишет, что Глинка не разрешил отпуск.

— Не я, а секретарь Думы, — отвечаю я.

— Нет, это надо разрешить, тут замешана политика!

— Вот именно, потому-то и нельзя, — говорю я, — кроме того, это будет несправедливо, вызовет естественное неудовольствие других и, наконец, с служебной точки зрения недопустимо.

— Как же Вы не понимаете, что не могу же я перед выборами ссориться с правыми, все это пустяки, Вы их только не гоните, а оштрафуйте, когда они вернутся, а правые им возместят штраф.

— Что же это за положение будет? — отвечаю я. — Председатель будет разрешать, а мы будем штрафовать? — И продолжаю: — Так как распо-

ряжение сделал секретарь Государственной думы, то благоволите в таком случае переговорить с ним.

До этого разговора со мною Волконский послал после переговоров с Родзянко телеграмму срочную Замысловскому: «Ходатайство удовлетворено». На следующий день Родзянко приглашает Ржевского, и после разговора Ржевский объявляет:

— Я своего распоряжения не отменяю, Вам угодно его отменить?

— Нет, нет, ни в каком случае, я только прошу Вас, не гоните их. (О посланной телеграмме [Родзянко] умалчивает.)

— Гнать их мне, очевидно, не придется, так как на днях будет выбран секретарем Дмитрюков, и это будет его дело — считаться или не считаться с моим распоряжением.

17 октября избран вновь секретарем Дмитрюков. Родзянко с ним не говорит ни слова об этом деле. 24 октября я докладываю Дмитрюкову, что, несмотря на распоряжение секретаря, стенографы не явились на службу, и в тот же день Дмитрюков отдает приказ об увольнении их[30].

Вместе с тем я говорю Дмитрюкову, что так [как] мне, а ему по моему докладу известны обстоятельства участия в этом деле Родзянко, то не следует ли ему сообщить Родзянко о таком решении. На это Дмитрюков отвечает, что так как Родзянко не счел нужным с ним говорить об этом, то и предупреждать его не для чего, а сообщить о последующем могу я или же мы вместе на следующий день.

На следующий день член Государственной думы Марков 2-й предупредил меня и сообщил Волконскому и Родзянко. Дмитрюков болен, должность его исправляет Ржевский, он [Марков 2-й] подходит к Ржевскому и говорит: «А Вы уволили стенографов». — «Не я, а Дмитрюков, он кончил то дело, которое я начал».

Родзянко, весьма недовольный, подзывает меня и говорит:

— Стенографы уволены, как же Вы меня подводите? ведь я оказываюсь лжецом перед целой фракциею, которой я обещал, что их не уволят. Если Вы будете меня так подводить....

— Позвольте, — отвечаю я, — раньше чем Вы кончите Вашу фразу, дать мне объяснения. Я Вам уже докладывал и повторяю, что все, что сопровождало это дело и мне было известно до мельчайших подробностей, доложено мною секретарю Государственной думы, и потому по этому вопросу не откажите обратиться к секретарю Государственной думы, а не ко мне.

Не ответив на это ни слова, он пошел по коридору.

Вечером он переговаривался с Дмитрюковым по телефону, прося отменить его распоряжение, ссылался на то, что он, может быть, неправильно дал разрешение стенографам и послал телеграмму [Дмитрюкову], что при таких условиях если распоряжение секретаря останется в силе, то он должен уйти из председателей.

Дмитрюков ответил, что я не передавал ему, что он, председатель, разрешил и что, очевидно, это Глинке не было известно, иначе он мне сказал бы это. Родзянко возразил, что именно мне было известно, что он разрешил отпуск, и что им была послана телеграмма, что я этого не сказал с умыслом и что он меня вызовет завтра на крупное объяснение. Разговор кончился тем, что Дмитрюков сказал Родзянко, что должность он сдал, что об этом надо поговорить с Ржевским и что если они [стенографы] подадут прошения о принятии их вновь на службу, то этот вопрос можно будет обсудить наново.

Об разговоре, предстоящем с Родзянко, меня тотчас предупредил Дмитрюков, сообщив, чтобы я был готов к нему. Я ответил, что я всегда готов и что переданное Родзянкою ложь, что я ему и скажу, если он будет об этом говорить. Как я и предполагал, Родзянко на следующий день со мною об этом совершенно не говорил и не обращался, и даже не выражал неудовольствия, а, наоборот, был, как всегда, любезен.

Засим Родзянко виделся с Ржевским и говорил: «Я сознаюсь, что я поступил глупо и бестактно, но я нахожусь теперь в невозможном положении, положении обманщика». Ржевский уклонился исполнить его просьбу.

На следующий день он снова призвал меня и просил, чтобы я съездил к Дмитрюкову и просил бы его для него, Михаила Владимировича Родзянко, сделать это. На мои слова, что у нас есть еще такие же уволенные за неявку и что принятие стенографов повлечет за собою принятие и остальных, что невозможно, — «Но ведь председатель Думы за них не просит», — отвечает Родзянко.

Дмитрюков, несмотря на оппозицию Ржевского и софракционеров Родзянки Антонова и Люца, возмущенных вмешательством Родзянко в область, ему не принадлежащую, из жалости к Родзянко и ввиду того, что он ставит вопрос в связи с предстоящими выборами, начинает сдаваться и изобретать выходы для исполнения его желания. Получается такое положение: если просьба будет исполнена, то в глупом положении

окажется секретарь, а торжествовать будут Родзянко и Замысловский, который мог бы смело сказать, что делает все, что хочет.

Видя податливость Дмитрюкова, мне и самому необходимо было изобретать пути отступления, но приличного для обеих сторон. Обстоятельства этому помогли. Стенограф Козак, прибыв из Киева 26-го [октября], явился ко мне и разговора [об увольнении] не начинал. Тогда я его спросил:

— Скажите, Вы считаете Ваш поступок правильным?

— Нет.

— А меру, принятую в отношении Вас?

— Да, я явился к Вам извиниться за те неприятности, которые я доставил вам этим поведением, но вместе с тем я не могу не объяснить обстоятельств, которые сопровождали это дело. Я теперь понял, что я стал жертвой обмана. По получении телеграммы я в тот же день взял билет, чтобы выехать в Петербург, и сообщил об этом Замысловскому, который мне сказал, что как же это я оставляю его в самый нужный момент, и просил меня остаться до следующего дня, когда он должен был получить ответ на посланную по поводу нашего отпуска телеграмму товарищу председателя кн. Волконскому. На следующий день мне была предъявлена телеграмма следующего содержания: «Ходатайство удовлетворено», причем дано объяснение, что официального отпуска секретарем разрешено быть не могло, а разрешение последовало в частном порядке, почему телеграмма послана не секретарем, а кн. Волконским. В тот же день получена была телеграмма от члена Государственной думы Маркова 2-го, что мы оштрафованы и штраф пополняет он, Марков[31].

Я ему ответил, что, получивши категорический официальный отказ, он обязан был немедленно выехать, не поддаваясь никаким уговорам. Но вместе с тем для меня понятно его смущение после получения такой телеграммы от лица, занимающего столь высокий пост в Государственной думе: «Эти обстоятельства дают мне основания ходатайствовать перед секретарем Государственной думы о приеме вашем вновь на службу. Но вместе с тем имейте в виду, что ввиду перерыва в вашей службе вы лишаетесь выслуженных вами прибавок [к жалованью]».

Я спросил, приехала ли Казарова, на что Козак ответил, что не знает, так как, получивши телеграмму о том, что по службе неблагополучно, немедленно выехал в Петербург и ее не видал.

Им было подано на мое имя прошение, в котором были изложены все обстоятельства согласно с моими указаниями, и это прошение при моем рапорте, в котором я ходатайствовал об его приеме, представлено секретарю Государственной думы.

Предуказывая этим путь и для уволенной стенографистки Казаровой, находящейся под особым покровительством правой фракции, я вместе с тем был убежден, что она по этому пути не пойдет и что под наущением Замысловского разыграет скандал. Так оно и случилось, а Родзянко, не соображая, полетел по рельсам, проложенным Замысловским, и заскочил в тупик.

Пока шли переговоры мои с секретарем Государственной думы, Марков [2-й] и Пуришкевич неоднократно осаждали Родзянко с вопросом, когда же будут приняты обратно стенографы, и Родзянко каждый раз назначал срок и успокаивал их, уверяя, что все будет сделано, а вместе с тем ни он, ни кн. Волконский, который делает все время вид, что он как будто бы даже ничего не знает, не нашли нужным даже снестись с секретарем Государственной думы.

Родзянко перестает уже настаивать и при переговорах со мною, но ведет всю атаку исключительно на меня через своих секретарей. Я отвечаю тем же и через секретаря Щепкина сообщаю о том, что сделано мною в отношении Козака[32]. «Примите Вы уж и эту рыжую» [— таков ответ Родзянко].

Но ведь она не служит и потому не может быть принята без заявления об ее желании — то есть без подачи прошения. Прошения же она не подавала умышленно, так как Замысловский именно настаивал на том, чтобы приказ об увольнении был аннулирован и они восстановлены в своих служебных правах.

Через день Родзянко меня приглашает в кабинет. Около него его секретари и пристав Государственной думы. Он делает надпись на каком-то прошении и повторяет лишь фразу: «Вы примите рыжую, а через несколько дней можете ее снова уволить, я Вам помогу». (Между прочим, сам Родзянко не раз указывал на нее, спрашивал меня: «Зачем мы таких держим?»)

Я спросил:

— А прошение есть?

— Да, вот оно.

— Позвольте посмотреть.

— Нет, не дам.

— Как, оно прислано на Ваше имя?

Опять повторена ошибка, которая послужила основанием к недоразумениям.

— Да, на мое имя. А по-вашему, что такое председатель Государственной думы?

— В делах личного состава Канцелярии ничто[33].

— Благодарю Вас.

— Благодарите не меня, а закон, который поставил Канцелярию вне зависимости от председателя.

— Неправильный закон.

— Может быть, и неправильный, и я даже с Вами согласен, но тем не менее он существует.

— У меня и прошение Козака есть.

— Не может быть, ведь его дело уже кончено, и он мне сказал, что он никого просить и никому подавать ничего не будет.

— А вот оно, но я его не дам Вам, и так [как] дело его кончено, то я его беру в карман.

Засим, обращаясь к секретарю своему Щепкину, говорит: «Прошение Казаровой препроводите непосредственно к Дмитрюкову». Когда же я ушел, то [Родзянко] отдал приказание Щепкину немедленно ехать с прошением к Дмитрюкову, добиться благоприятной резолюции и тотчас же сообщить ему о результатах по телефону. Приказание его было исполнено. Щепкин был у секретаря Государственной думы, который сказал, что по болезни им должность сдана товарищу секретаря Государственной думы Ржевскому, которому и надлежит переправить прошение Казаровой через меня на его разрешение. Прошение Казаровой содержало в себе требование, обращенное к председателю Государственной думы, об восстановлении ей прав по службе и изумление поступком секретаря, и, несмотря на форму и тон его, Родзянко счел возможным сделать на нем такую надпись: «Усердно прошу снизойти к обстоятельствам дела и удовлетворить прошение Казаровой»[34].

Когда Щепкин доложил Родзянке о результатах и спросил, что не желает ли [Родзянко], чтобы он передал Ржевскому то, о чем он просил передать Дмитрюкову, Родзянко ответил Ржевскому: «Ничего не говорите, а Глинке скажите, что все это канцелярские крючки и чтобы приказ о приеме на службу был бы подписан ко вторнику к моему возвращению из деревни» (это было в пятницу, вечером он уезжал, и ко вторнику обещал правым, что все будет сделано).

Ржевский возмущается содержанием прошения, такою надписью на подобном прошении председателя Государственной думы и находит, что подобное прошение председатель должен был вернуть обратно, а не препровождать секретарю [Думы], да еще и с надписью; что этого одного прошения достаточно, чтобы не принять Казаровой, но еще больше его возмущает отношение к нему председателя, который, препровождая к нему подобные бумаги, не считает нужным переговорить с ним, как исполняющим обязанности секретаря, лично, и что он свои пожелания передает через других лиц, да еще в форме якобы приказаний.

Я же после выхода от Родзянко пригласил к себе в кабинет Козака и выразил ему свое крайнее изумление по поводу подачи им председателю прошения, тем более что его обещание не подавать подобных прошений было вызвано не мною, а его же собственной инициативой.

На мой вопрос, в тех ли выражениях оно было составлено, как и прошение Казаровой, он ответил утвердительно, а когда я спросил, зачем он это сделал и как он мог позволить себе такой тон, он ответил, что сделал по принуждению.

— Мне бы не хотелось посвящать Вас, — говорит он, — во всю ту грязь, которая окружает это дело, я сожалею, что спутался с этими господами и из страха перед ними потерял способность рассуждать. Прошения эти были продиктованы кн. Волконским и Замысловским и доставлены нам графиней Капнист[35], которая объявила мне, что если я не подам именно этого прошения, то со стороны указанных лиц будут приняты все меры, чтобы я не был принят на службу. При таких обстоятельствах я подписал прошение и не решился им сказать, какое прошение было мною передано Вам, тем более что я в то время не знал еще о том, что, согласно первому моему прошению, я был принят на службу.

Таким образом, [попытка] указать Казаровой достойный выход из создавшегося положения потерпела неудачу благодаря двойственности г-на Козака, о приеме которого я при этих условиях искренне пожалел. Вызывать же Казарову к себе, чтобы наводить ее на этот путь, при явном выказывании ею пренебрежительного отношения не только ко мне, но и к секретарю Государственной думы, и при непременном стремлении при благосклонном содействии Замысловского и компании показать это ее отношение перед всеми, конечно, я не мог и не должен был. Жертвы, которые требует от меня Родзянко, слишком велики. Если он по своей легкомысленности дает обещания, которые исполнить не в его власти, то

8 Зак. 2660.

это не резон, чтобы сохранить авторитет его в глазах тех, кому он обещал, совершенно умалять значение и авторитет секретаря Государственной думы, [моего] непосредственного начальства, и, наконец, коренным образом нарушить дисциплину, то есть вносить полную дезорганизацию в Канцелярию в то самое время, когда он сам и на каждом шагу при всяком удобном и неудобном случаях указывал мне на недостаточную дисциплинированность подведомственных мне чинов.

Очевидно, что мой разговор с Козаком был передан Казаровой, так как на следующий день Казарова подала прошение на имя секретаря Государственной думы, объяснив в нем совершенно определенно, что отпуск ей был разрешен Родзянко и подтвержден по телеграфу кн. Волконским.

Поведение Казаровой, обстановка, созданная ею, и игнорирование председателем секретаря Государственной думы заставили Ржевского положить резолюцию: «Приказ секретаря Государственной думы об увольнении отменен быть не может. Не нахожу основания для приема на службу Казаровой»[36].

Наступил вторник — правые пришли за ответом. Опять обещания Родзянко — не торопите, сделаю. Сидя на кафедре [в президиуме Думы], он меня спрашивает: «Что же, назначена ли Казарова?», я отвечаю, что прошение у Ржевского.

Он обращается к Ржевскому:

— Вы получили прошение?

— Да.

— Но Вы, конечно, ничего не сделаете.

— Не сделаю, и по пяти основаниям...

— А когда выздоровеет Дмитрюков? — обрывает Ржевского Родзянко.

— Не знаю.

Вслед за этим Родзянко подзывает меня и говорит: «Яков Васильевич, я вас очень прошу, поезжайте к Дмитрюкову и устройте мне это, ведь поймите, надо мною смеются, я теряю всякий престиж».

Я еду с Ржевским к Дмитрюкову, передаю ему просьбу Родзянко. Ржевский рассказывает об отношениях к нему и секретарю вообще Родзянко и Волконского, последний совершенно не считает нужным что-либо говорить про это дело. Присутствующий здесь член Государственной думы Люц, приятель Дмитрюкова, говорит: «Иван Иванович, не уступай, ведь это черт знает что такое, никто не должен вмешиваться в дела Канцеля-

рии, иначе получится полный развал». У бедного Дмитрюкова повышенная температура, лежит в постели, мягкий и доброй души человек, ему жаль Родзянко, но вместе с тем он чувствует и сам укол своему самолюбию. Он колеблется.

Ржевский советует ему пока не беспокоиться, [говорит ему,] что, исполняя обязанности секретаря, он берет все на себя, и если Родзянко чувствует себя от всего этого нехорошо, то пускай помучается. Ржевский, конечно, учитывает еще и предвыборное настроение, что, конечно, главным образом беспокоит Родзянко, который предполагает, что устройство этого дела в благоприятном смысле гарантирует белые шары с правой стороны на его выборах. Одновременно распространяются слухи о том, что Ржевского не выберут в старшие товарищи [секретаря Думы]. Таким образом дело о назначении служащего перекидывается на политическую партийную почву и, конечно, при таких условиях моего участия [в нем] в дальнейшем быть не может. Я устраняюсь от каких бы то ни было заключений [по этому делу].

Вечером в тот же день к Родзянко пришел Замысловский и категорически спросил Родзянко, когда же наконец будет принята [на службу] Казарова, что он чувствует на себе ответственность и что дальнейшая проволочка невозможна. Родзянко говорит, что он еще не переговорил с секретарем, что он переговорит и завтра даст ответ. Замысловский требует, чтобы он немедленно переговорил по телефону и что он будет ждать. Родзянко уклоняется, просит его не беспокоиться и [говорит,] что все будет отлично.

На следующий день Родзянко приглашает меня к себе в кабинет и спрашивает, был ли я у Дмитрюкова и устроил ли дело.

Я ему докладываю, что Дмитрюков болен, что он просил передать, что он заниматься не сможет и что исполняет его обязанности Ржевский, к которому и надо обратиться. Родзянко был вне себя.

— Вы знаете, — говорит он, — что все говорят, что все это произошло от того, что Казарова не пожелала прийти к Вам на поклон, что для того, чтобы чего-нибудь достигнуть, нужно просить только Вас и Вам кланяться, иначе ничего не будет. Имейте в виду, что все это обрушится на Вас.

— Я это предвидел и не удивляюсь, — отвечаю я, — кстати, к этому уже привык и это меня нисколько не страшит. Иметь свое мнение не возбраняется никому, а начальнику необходимо не только иметь, но высказывать его. В пределах своих обязанностей именно это было сделано и ни

перед кем я этого не скрывал, известно было оно и Вам в самом начале, а что в каждом таком деле должен быть козак отпущения[37] — это я понимаю, и выискивают его там, где меньше всего может быть возражений и шуму, — это понятно. Сейчас это дело находится в стадии вне моей возможности и влияния, так как вопрос этот может разрешаться при непосредственных отношениях председателя с секретарем.

— Прошение Козака удовлетворено, —— продолжает Родзянко, — таким образом, выходит, с одной стороны, ходатайство начальника отдела удовлетворяется, а ходатайство председателя Государственной думы о Казаровой не удовлетворяется.

— Позвольте, — говорю я, — обратите же внимание на прошение той и другого, тон, форму.

— Ох, что Вы мне будете говорить о каких-то формальностях. Для меня это ясно, и, я говорю, это положение немыслимое. (Повышая тон.) Я Вам объявляю, что если Казарова не будет принята, я ухожу из председателей и своей кандидатуры не выставлю. Мало того, я не уйду просто, а, уходя, распишу во всех газетах, отчего я ушел. Помилуйте, в каком положении председатель, его решения не принимаются в расчет, это совершенно немыслимо, я считаю, что всякое желание председателя для всех должно быть законом (?!). И наконец, в какое же я становлюсь положение перед чинами Канцелярии [Думы], которые привыкли обращаться ко мне и знали, что раз они обратились ко мне, то просьба их будет исполнена. Я Вам повторяю, я не могу допустить, чтобы желания начальника отдела исполнялись, а желания председателя — нет. Я этого допустить не могу и этот вопрос подвергну обсуждению Совещания Государственной думы.

Засим, вставши и стукнув кулаком по столу, [Родзянко] объявил:

— Я Вам говорю, Казарова будет назначена.

— Что же Вам угодно от меня, — спрашиваю я, — прикажите передать это секретарю Государственной думы.

— Да.

— Слушаюсь.

Через час приходит ко мне курьер и передает, что председатель просит меня подождать и, когда он освободится, зайти к нему.

После моего ухода в кабинете у него были его софракционеры, которым он, говорят, приносил жалобы.

Прихожу.

— Вы не были еще у Дмитрюкова?

— Нет.

— И не ходите, мало ли чего не сделаешь и не наговоришь сгоряча. Ах, с меня всего довольно, выше головы... довольно... довольно.

С отчаянием в жестах он вышел из кабинета и уехал домой, прибавив:

— Все, что было, между нами.

9 ноября он потребовал всю переписку по делу Козака и мой рапорт и между прочим сказал: «Волконский напутал, дело началось неправильно и течет неправильно». (Опять принял же добровольно удары, которые должны были пасть на кн. Волконского.)

10 ноября[38] в воскресенье распорядился о назначении Совещания, не справившись, есть ли дела; я предполагал, что он именно желает возбудить в нем этот вопрос. Дмитрюков и Ржевский считали, что Совещанием они не могут рассматривать его, как не подлежащий ведению Совещания, но что если Родзянко хочет, то в частном совещании они могут дать объяснения.

11 ноября[39] при начале [Совещания] он обращается ко мне и говорит: «Доложите дела». Я отвечаю, что дел нету, есть несколько крупных вопросов, которые не могут быть доложены сегодня.

— Ну а мелкие дела, прошения какие-нибудь?

— Таких нет.

Немного смущенный, он обращается к Совещанию и говорит:

— У меня есть еще два дела. Первое — это о назначении дня выборов президиума. Дело в том, что обычно выбирались председатель и его товарищи в один день, не сделать ли на этот раз раздельные выборы — в пятницу председателя, а через несколько дней товарищей, может, так будет удобнее.

Изумление присутствующих. Кн. Волконский делает гримасы и пожимает плечами. Конфуз. Волконский с Басаковым острят, говорят анекдоты — балаганят. О втором вопросе Родзянко не упомянул и заседание закрыл.

Накануне князь беседовал с Родзянко и, выйдя от него, сообщил мне, что он в товарищи председателя своей кандидатуры не выставляет: «Почему, Вам, конечно, объяснять не нужно» (?!)

Распространяются слухи, что в Царском [Селе] Родзянко является нежелательным кандидатом, а равно и в правительственных сферах. Последнее, ввиду принятой на съезде октябристов резолюции, служит осно-

ванием как будто поддерживать его кандидатуру. Сам Родзянко говорит: «Черт знает какие слухи про меня пускают, что будто бы в высших сферах я все лгу и что со мною будут разговаривать при свидетелях».

12 ноября. Приходит ко мне секретарь при председателе Думы Щепкин и говорит, что по распоряжению председателя он ездил к Казаровой, чтобы сказать ей, чтобы она сейчас же подала прошение на мое имя с объяснением причин и чтобы я по поводу этого прошения сейчас же написал рапорт секретарю с таким же заключением, как и относительно Козака и чтобы прошение Казаровой предварительно показать ему. «Скажите Глинке, — говорит Родзянко, — что председатель земно кланяется своему повелителю и усердно просит его дать на это прошение благоприятный отзыв».

Казарова прислала прошение в запечатанном конверте, ему [Щепкину] его подали, но распечатать он не рискнул и препроводил ко мне. В прошении была объяснена причина словами моего рапорта по делу Козака.

Совершенное действительно незнакомство Родзянки с обязанностями служащих. Спрашивается, зачем было все это, когда имеется прошение на имя секретаря [Думы], и так как резолюция на нем уже есть, то, конечно, мое заключение, имеющее значение, когда дело находится у меня в первоначальной его стадии, в данном случае не только излишне, но и бестактно. Что же это значит со стороны Родзянки — глупость или гадость?

Тем не менее он создал обстановку, при которой я принужден исполнить его желание, чувствую все же, что в конечном результате он может добиться своего, в чем я и не сомневаюсь даже, а впоследствии напирать опять на то, что сделали только потому, что просил я, а не он.

Предвидя это, я написал рапорт, в котором изложил, что в этом последнем прошении Казарова ссылается на те самые причины, на которые ссылался Козак, и что ввиду таких обстоятельств Козак был принят[40].

Это прошение и рапорт я передал Щепкину для предъявления председателю. Он перечитывал его и сказал: «Немедленно препроводите Дмитрюкову». Щепкин на это возразил, что передать надо Ржевскому, так как он исполняет обязанности секретаря: «Кстати, он здесь». Родзянко взял бумаги и обратился ко Ржевскому.

Щепкину в разговоре он сказал: «Ведь я на этом потерял шестьдесят голосов. Вы вот молодой человек, я Вам даю совет — не верьте никому. Вот я поверил Глинке, и что вышло».

Вышло все по глупости и бестактности Родзянко, ничего я ему не обещал, а потому и не обязан был ничего исполнять. Садиться же вместе с ним в лужу — слуга покорный.

Будь же, по крайней мере, честен и не трусом — ведь в глаза не скажет, и только по трусости, ибо становиться на официальную ногу невыгодно. А исподтишка подрывать дисциплину считает достойным своего положения.

Ржевский снова отказал ему в удовлетворении ходатайства Казаровой. Начал Родзянко разговор просьбою, а заканчивал дерзостями в шутливой форме.

Вслед за этим, испугавшись, он посылает Щепкина к Ржевскому с просьбою опять-таки исполнить его просьбу и с указанием, что теперь между положением Козака и Казаровой разницы нет.

Ржевский ответил через Щепкина, что он требует компенсации. «Какой?» — спрашивает Щепкин [Ржевского].

— Какой? Пускай-ка [Родзянко] поломает себе голову.

Сегодня же происходило совещание бюро фракции октябристов, которое решило предложить в председатели Родзянко. Его пригласили и объявили. Он стал уклоняться, ссылаясь на усталость, но затем быстро согласился при условии, если вся фракция его будет все время поддерживать. Завтра созывается по этому вопросу фракция.

Очевидно, [Родзянко] и воздействие предполагает произвести на Дмитрюкова, так как последний по телефону спрашивал меня, есть ли прошение Казаровой и что по поводу этого мне говорил Люц. В чем суть, буду знать завтра.

Весь этот инцидент возымел довольно значительное влияние на выборную кампанию. Стало все неясно, и как разрешится, угадать трудно.

Князь Волконский мечтает также быть председателем. Крупенский за это старается из всех сил, но ничего не выйдет. Дело в том, что обаяние князем мало-помалу истекает и он уже не пользуется прежней популярностью. Кроме того, это обаяние потеряно и в правительственных кругах после истории с Марковым 2-м, несмотря на то что он приказал вставить

в стенограмму, будто бы он призвал Маркова 2-го к порядку[41]. Марков принес извинения в то время, когда председательствовал Волконский, последний опять промолчал. Но министры стали посещать [Думу], хотя пока только [думские] комиссии. Выходит, что поведение одного члена Государственной думы может влиять на правительство столь сильно, что они [министры] могут прекратить совместную работу в Думе (?). Получается впечатление, что вся эта так называемая забастовка была личным конфликтом Коковцова, ибо, как говорит Родзянко, Харитонов ему сказал, что довольно малейшего дуновения — и все восстановится. Давление было произведено на Маркова, кем — неизвестно, и Марков произвел дуновение — все уладилось.

13 ноября. По делу Казаровой состоялось совещание Дмитрюкова и Ржевского в моем присутствии. Ржевский сказал, что самое правильное было бы вовсе не приглашать ее. Дмитрюков не находил нужным так разрешать вопроса, ввиду этого Ржевский высказался, что, идя на уступки Дмитрюкову, он требует известной компенсации, а именно: чтобы правые явились с просьбою к нему, чтобы к нему же обратился Волконский и чтобы Казарова была назначена не ранее Нового года, так как председатель дал понять ему, что если назначение ее не состоится до выборов (15 ноября), то кандидатура его сомнительна. Я высказался, что в деле Козака и Казаровой две стороны по существу вопроса: [первая — это] неповиновение распоряжению начальства, и обстоятельства, при которых это совершено, по отношению обоих совершенно одинаковы, если не принимать в расчет те обстоятельства, которые официально нам не могут быть известны, и потому если руководствоваться только этим, то к обратному приему Казаровой препятствий не встречается и время приема не может играть роли, ежели не принимать в уважение обстановку предстоящих выборов и создавшееся между Ржевским и секретарем [Думы] положение, что меня уже не касается. Вторая же сторона дела — это последующее поведение как того, так и другого. Козак пошел правильным путем — по начальству, признав свою вину, просил снизойти к обстоятельствам, введшим его в заблуждение, — Казарова [же] миновала лиц, от которых зависит ее назначение, и в своем прошении на имя председателя выказала неуважение секретарю Государственной думы и обратилась не с просьбою, а с требованием.

Раз это прошение не было возвращено ей председателем и передано секретарю, то, конечно, все последующие ее просьбы не могут его стереть. А такого прошения достаточно, чтобы вопрос о приеме ее не мог бы возникнуть. Было решено вопрос о назначении Казаровой отложить до выздоровления Дмитрюкова, то есть не менее как на две недели.

На моем рапорте положена Ржевским резолюция: «Резолюция по этому делу уже состоялась, к делу».

Эта резолюция была показана Родзянко. Он покривился, послал несколько упреков опять по моему адресу и сказал: «Или я, или Ржевский».

15 ноября. День переизбрания президиума Государственной думы.

Утро.

Выборы Родзянко обеспечены.

Октябристы, за исключением одного Хомякова, решили выставить его кандидатуру.

Они считали, что при натянутости его отношений с правительством и отстаивании в деле забастовки министров достоинства Государственной думы нет основания давать торжествовать правительству неизбранием Родзянки. Но вместе с тем находят, что политический момент требовал бы другого председателя. (Кстати сказать, Родзянко крайне недоволен и не одобряет резолюции съезда октябристов.)

Крупенский, агитируя против избрания Родзянко, страшно помог ему, так как главное основание Крупенского, что нельзя выбирать председателя, который не пользуется симпатиями высших и правительственных сфер, — было единственным основанием поддержки Родзянко оппозициею. Вступительная речь Родзянки, не содержащая в себе намеков ни на оппозиционность, ни на конституционный строй, что требовалось от него в прошлом году, то есть чисто октябристская, по выражению Хомякова, была покрыта аплодисментами со стороны оппозиции. Не клали записок за Родзянко часть центра, большинство националистов и правых. Все старания привлечь их на свою сторону не увенчались успехом. Прошел он все-таки хорошо — 270 против 70.

Октябристы предполагают, что через несколько месяцев, еще до окончания срока, на который он избран, он сам сложит с себя звание председателя Государственной думы и станет во главе фракции октябристов и что таким образом они дадут ему возможность почетного ухода с председательского кресла. Видимо, они мало учитывают психологию Родзянко.

Ведь одно предположение, что он мог не пройти, повергало его в полное уныние, близкое к отчаянию. Я не видел человека, который был бы более него упоен положением, которое он занимает.

Князь Волконский окончательно решил выйти из состава президиума. Главным основанием послужили невозможные отношения его с Родзянко[42]. Сегодня он председательствует последний раз. Он привык к своему делу, любит его и наслаждается [им], и видно, как ему больно произносить над собою приговор. Он поставил все на карту — или он через год будет председателем, либо совсем не вернется в состав президиума и станет, конечно, рядовым, незначащим членом Государственной думы.

В перерыве мы беседуем с ним по поводу его ухода. Он благодарит меня за совместную службу, приносит извинения, если когда был неловок или не прав передо мною, обнимает меня и говорит: «Вы не поверите, как все-таки тяжело потерять это место». Вечером он произносит прощальную речь в Государственной думе, благодаря за отношение к нему всех партий без исключения, что для него особенно дорого, просит прощения, если был к кому несправедлив.

Его провожают громом аплодисментов, перешедших в грандиозную овацию. Молчат некоторые правые с Марковым 2-м во главе.

Надо сказать, что князь, чувствуя глубокое презрение к огромному большинству членов Государственной думы, все же внешне умеет настолько скрыть это свое чувство, что никому оно не придет даже в голову, а своим поведением и признанием ошибок и извинениями побеждает сердца и приобретает популярность. Ушел красиво.

Ржевский, несмотря на все старания Родзянко не пропустить его, проходит в старшие товарищи секретаря.

Родзянко ликует. Невозможно описать напыщенность и важность его фигуры, входящей в зал заседания после его избрания. С этого момента он решил быть страшным и поддерживать свой престиж более, чем раньше. В этом направлении им отданы уже несколько распоряжений.

Потребовал, чтобы у телефона его в Думе было назначено в течение всего дня дежурство курьера.

Имея свою ложу как председатель Государственной думы, он распорядился приставу, чтобы его жене было оказано побольше предупредительности. На сегодня оставить ей три места, непременно в ложе, отведенной для Государевой свиты, и чтобы места эти караулили.

«Ведь сегодня, — говорит он, — хоры будут ломиться от публики. Всем, кому будут мною даны карточки[43], оказать содействие в получении мест. Ведь на меня идут, как на Шаляпина. Всех уместить». (Публики было немного, меньше, чем в дни запросов.) «Вечером завтра я уезжаю на три дня в деревню. Распорядиться, чтобы мне был приготовлен отдельный вагон». (До сих пор ездил в отдельном купе. Поездка в Киев, когда в том же поезде находился салон-вагон с жандармским полковником, запечатлелась.) «И чтобы этот вагон ждал меня там».

Входя на кафедру после избрания, оставшись недоволен нераспорядительностью пристава, обращается: «Господа пристава забыли, что у них есть председатель», обращаясь в сторону [служащих] Канцелярии, произносит: «Канцелярия, повнимательнее!» Бывают моменты, когда мне кажется, не сходит ли он с ума.

По окончании заседания приходя в кабинет, его встречают корреспонденты, он проходит мимо и, обращаясь к ним, говорит: «Чтобы мне все было в порядке — не переврите».

В кабинете его ожидает жена и десять дам всех возрастов — очевидно, родственницы, членов Думы, как бывало раньше, нет. Он принимает от них поздравления, спрашивает их, понравилась ли его речь, и, провожая в коридор, громко говорит: «Mesdammes, я сейчас приеду, мне надо подписать всеподданнейший доклад Государю Императору».

Родзянко интересуется, были ли случаи, что когда Государь находился в Ливадии, то выбранные председатели не ездили представляться ему. Требует дела [от Канцелярии Думы]. Приносят. В кабинете некоторые члены Думы — октябристы рассматривают всеподданнейшие доклады председателей. Натыкается на доклад Хомякова и впивается в высочайшую резолюцию[44].

Члены Думы интересуются, имеются ли еще резолюции на других докладах. Оказывается, нет. Родзянко говорит: «Вот видите, когда я переизбирался в первый раз, то я был в очень хороших отношениях с Коковцовым, и в то время, когда я отказался перед выборами от звания председателя, Коковцов ездил в Ливадию и докладывал о причинах, причем Государь сказал, что он меня понимает, а когда я был избран, то он сказал Коковцову, что я единственный, который правильно дал определение в своей вступительной речи конституционному строю в России».

Я приветствовал Родзянко по окончании заседания в кабинете. Он сух, но очень корректен.

Подписывая всеподданнейший доклад об избрании своем, он спрашивает, не приложить ли к нему его речь (?). На мой ответ, что этого не полагается, он говорит: «Ведь переврут, когда будут докладывать».

Вопрос о том, просить ли ему аудиенции, был решен отрицательно — боязно, а вдруг откажут?

Стенографистка Казарова подает накануне четвертое прошение на имя секретаря[45], смиряется и приносит повинную. При этом она мне сообщает, что князь Волконский воспретил ей действовать, как это надлежало в порядке подчинения, и в отдельности обращаться ко мне, что в настоящее время она поняла, что стала жертвой сведения счетов Волконского, Маркова, Замысловского и Пуришкевича.

Я ей ответил, что ввиду ее заблуждений я готов ходатайствовать об обратном приеме, но не ранее как с 1 января и при условии, если за это время со стороны членов Думы не будет оказано никакого давления. Через несколько дней она мне сообщила, что написала всем вышеуказанным лицам письма, выяснив им их роль, и просила оставить их всякие о ней заботы и, между прочим, как характеристику привела разговор с Волконским, бывший у нее до подачи последнего прошения. Когда она обратилась к нему с просьбою сказать ей, в каком положении ее дело, он ответил: «Я не в курсе этого дела».

1 января по моему ходатайству она была снова принята на службу[46]. Когда я доложил об этом Родзянко, он лишь сказал: «Ну сознайтесь, что Вы меня подвели». Я ему ответил, что взгляд мой был ясен и что я этого не скрывал, почему о подводе речи быть не может. «Ну так согласимся на том, что мы подвели друг друга», — ответил он.

Январь 1914 г.[47]

Октябристы раскололись[48].

Левые [октябристы] во главе с Хомяковым и Опочининым в составе 18 человек образовали самостоятельную фракцию. Раскол произошел после съезда партии, вынесенную которым резолюцию предложено было проводить фракции в Думе. Против обязательности ее восстали такие октябристы, как Шубинской, Скоропадский и др.

Фракция, как всегда, пожелала угодить всем своим сочленам и, конечно, не угодила никому, приняв формулу, делающую эту резолюцию и обязательной и необязательной.

Родзянко образовывает новую фракцию земцев-октябристов, главною целью которой является освобождение фракции от таких элементов, как Шубинской, которые считают необходимым вступить в блок с правыми и составить таким образом правое большинство. Ввиду этого земцы-октябристы устанавливают обязательную баллотировку для вступления во фракции.

Между прочим, среди октябристов, выразивших желание вступить в эту фракцию, создается коварный план измены. Во главе этого заговора находится князь Волконский, его подлужный октябрист Лелюхин (смоленский депутат) и его приверженцы. План простой: Лелюхин и его друзья вступают во фракцию земцев-октябристов, склоняют еще некоторых на свою сторону, образуют большинство и ввиду обязательности единого голосования силою заставляют голосовать с правыми. Таким образом образуется правое большинство, а на председательское место выдвигается кн. Волконский. Они посвящают в свой план Коковцова и тайно совещаются у него на квартире.

Тайна этого заговора была соблюдена так хорошо, что никто об этом не знал, и оставалось два дня до выборов, когда все эти лица должны были быть приняты в члены новой фракции.

Случайно узнав об этом, я счел своим долгом предупредить Родзянко. Он был ошеломлен известием и не хотел верить.

Через дня два он мне сказал: «Все, что Вы мне сказали, правда. Мы Лелюхина заставили сознаться. Я Вам очень благодарен»[49]. Этот факт примирил нас, и наши отношения стали по-прежнему. Вместе с тем я ему сказал: «Из того, что я Вам сообщил, Вы можете установить, что в истории с Казаровою у меня по отношению к Вам не было личных отношений, а [было лишь] отстаивание законного порядка».

Все страхи Родзянко относительно приема его в Царском [Селе] оказались напрасными. Он был принят так же милостиво, как и раньше[50].

Курьер, обслуживающий кабинет товарища председателя Варун-Секрета, а в былое время кн. Волконского, позволил себе сказать непозво-

лительную дерзость врачу, о чем мне было официально донесено. Будучи под сильным покровительством кн. Волконского и чуя беду, он [обратился за помощью к Волконскому, и тот]обратился к мне, говоря: «Яков Васильев[ич], я прошу Вас очень не увольнять Пенду[51], у него большая семья, и не слушать кухонных сплетен и наветов, ну что там какой-то докторишка». Я ему ничего не ответил, но на другой день, взвесив все обстоятельства в связи с разговорами и поведением Пенды, который горделиво повсюду говорил: «Вот посмотрите, посмеют ли меня тронуть», решил, что для поддержания дисциплины я обязан его уволить, что и исполнил, написав князю письмо, что это не только мое право, но, к сожалению, тяжелая моя обязанность, которую не исполнить при данных обстоятельствах я не могу.

Князь положительно рассвирепел, он, весь красный, грозя пальцем, сказал мне: «Нехорошо поступаете». Собрал целый митинг из членов Государственной думы, принося на меня жалобы и жалобы на Канцелярию. Уволенный курьер одновременно гулял по кулуарам и в свою очередь собирал группами членов Государственной думы и жаловался на меня.

Товарищ председателя Варун-Секрет, которого я предупреждал, что поступил так, и который совершенно правильно ответил мне, что «это Ваше дело, поступайте как знаете», после жалоб князя обратился ко мне с просьбою не увольнять, так как князь страшно возмущен. На это я ответил, что [увольнение Пенды] факт совершившийся, обратно мною он принят не будет, а чтобы прекратить разговоры, если предполагают на меня произвести давление, то я объявляю, что я предлагаю выбор между мною и курьером. «Ну что Вы говорите», — отвечает Варун-Секрет. Мне это наконец надоело. Раз я призван для поддержания дисциплины, то меня в таких случаях должны поддерживать, а не ронять звание моей должности такими поступками, какие позволяет себе князь, а потому я обязан вопрос ставить ребром.

На следующий день Варун-Секрет опять обращается ко мне, не передумал ли я: «Вы не можете себе представить, какую агитацию подняли против Вас, я говорю для Вашей пользы, смотрите, Вам же будет худо». На это я ему ответил, что за восемь лет я убедился, что бывает худо, когда уступаешь, что я в этом вопросе тверд и не уступлю.

Еще через день он снова подошел ко мне и спросил: «Ну что же?» Но, видимо, я сделал такую мину, что он тотчас же сказал: «Ну, ну, не сердитесь, больше не буду об этом говорить».

Инцидент окончился. Князь долго дулся и делал вид при встрече, что не замечает.

Коковцов ушел, на его место назначен Горемыкин, колесо начинает вертеться назад. Родзянко, будучи в натянутых отношениях с Коковцовым, как будто бы радуется его уходу. Визит к нему Горемыкина на второй день [после] его назначения показался ему особым вниманием. Он старался всем внушить, что «дедушка» весьма благосклонен к Государственной думе, что ожидается новый курс, настанет для Государственной думы счастливая эра[52].

Отставка Коковцова на Думу впечатления не произвела, назначение Барка и Горемыкина тоже, настроение вялое, энергии нет. Рескрипт, последовавший на имя Горемыкина, оптимистами толкуется как новый курс благожелательства к народному представительству, я же понимаю его как стремление не только ввести Думу в рамки закона, что было бы и естественно, но по возможности узко и ограничительно толковать ее права вопреки установившейся практике и обычаям, придираясь не только к неясностям статей Учреждения [Государственной думы], но даже и вопреки ясному и точному иногда их смыслу и значению.

Результаты рескрипта в применении его к Думе не замедлили сказаться.

Товарищ министра народного просвещения Таубе по поручению Кассо заявил в Думе, что если правительство берет на себя выработку законопроекта, то Государственная дума не вправе самостоятельно его разрабатывать, а так как законом не указан срок для внесения его правительством, то отсюда надо заключить, что таким образом законодательная инициатива Думы сводится к нулю[53].

Засим последовало требование министра внутренних дел Маклакова присылки в Главное управление по делам печати тотчас по выходе из типографии экземпляра стенограммы для цензуры, так как в речах некоторых членов имеются признаки преступных деяний. Ему ответили, что для надобностей ведомств [стенограммы] посылаются в Павильон министров[54].

И наконец член Государственной думы Чхеидзе за упоминание в своей речи о республиканском строе был привлечен к ответственности перед высшим судом через Первый департамент Государственного совета, и даже стали говорить о возможном привлечении и председательствовавшего Коновалова[55].

Это обстоятельство несколько всколыхнуло Думу. Опомнились. Затронуто существо идеи народного представительства, свобода слова, предоставленная ст. 14 Учреждения [Государственной думы][56], уничтожена.

Судить, где предел дозволенного с точки зрения правительства, нет возможности. Недоумение, растерянность, слухи о возможном роспуске. Разговоры, что Чхеидзе выдавать нельзя, но что досадно умирать из-за него, вопросы о том, а желает ли роспуска Распутин и тому подобное, и опять-таки у решающей партии октябристов ни определенного тона, ни взгляда. Тяжело, говорят нам, так как мы решаем, а кто же привел к этому положению? не вы ли своим прислуживанием? Держались бы определенного курса, и с вами считались бы. Родзянко разнервничался и в унынии.

22 апреля — день начала слушания бюджета 1914 года.

Присутствует весь Совет министров во главе с Горемыкиным.

Социал-демократы и трудовая фракция в связи с делом Чхеидзе решили произвести обструкцию, не дав возможности выступать правительству. Родзянко предупрежден. Он решил принять самые крутые меры против обструкции. Обструкционисты заявили, что в случае если их исключат из заседаний, то добровольно они не подчинятся и не покинут зала заседания, пока к ним не будет применена сила. После речи докладчика пожелал выступить Горемыкин. Шум и свист с левой стороны не дали ему возможности говорить.

Началось исключение депутатов с[оциал]-д[емократической] фракции и вывод их из зала заседания чинами охраны. Горемыкин четыре раза поднимался на кафедру и четыре раза сходил с нее, не имея возможности что-либо сказать за шумом. Наконец, после того как 21 депутат был исключен[57], водворилась тишина и Горемыкин произнес свою речь, которую можно охарактеризовать так: приходите, господа, ко мне на чашку чая, мирно побеседуем и сговоримся.

Говорят, министры уговаривали его после первого же скандала уехать всем из Думы, но он не согласился.

С внешней стороны вся эта картина была довольно тяжелой, а по существу — комедия, разыгранная по предварительному уговору. Впечатления самые разнообразные. Стемпковский (октябрист) плакал и целовал Родзянко от умиления, что он энергично сломил обструкцию и вывел Думу из тяжелого и опасного положения с достоинством. Коновалов исте-

рически всхлипывал от тяжелого впечатления, произведенного введением в зал заседания охраны, и называл действия Родзянки избиением младенцев.

В общем же слухи о роспуске Думы прекратились, и все заговорили об укреплении ее позиции. Весь этот эпизод, однако, имел свои хорошие последствия. Страна, потерявшая интерес к Государственной думе, как бы воспряла, обратила свое внимание [на Думу] и стала чутко прислушиваться, заставив тем самым и депутатов очнуться и откровеннее, чем когда-либо, высказаться о данном моменте. Уход крайних левых способствовал тому, что вся Дума, кроме крайних правых, которые, кстати сказать, очень слабо выступали в защиту правительства, стала в оппозицию политике последнего времени правительства и в особенности Министерства внутренних дел. Даже самые умеренные элементы, как партия центра [, которая] резко осудила ее и внесла [принятую Думой] более чем 2/3 голосов резолюцию, которая до сих пор была бы впору социал-демократам, на которой объединились все фракции влево от нее[58]. Впечатление получилось сильное. Стали поговаривать об отставке министра внутренних дел Маклакова и вообще перемене в Совете министров.

Министр внутренних дел в своей речи на нападки ответил в иных выражениях так же, как и его предшественник Макаров: «Так было, и так будет». Перемены в составе Совета министров не произошло и, должно быть, будут не скоро.

7 мая

По возвращении в заседание [Думы] с[оциал]-д[емократической] и трудовой группы они прочли свою декларацию, в которой старались выяснить, что, защищая права Государственной думы, они были за это удалены силой из заседания, засим следовала обычная характеристика правительственных действий.

Декларация сопровождалась лишением депутатов, произносивших ее, слова, ввиду резких выражений, и в печати была разрешена с купюрами, необычными для прежнего времени[59]. Социал-демократ Малиновский, который вопреки распоряжению председателя дочитал ее почти до конца, на следующий день сложил с себя звание депутата. Это было неожиданно для всех, хотя Родзянко говорил, что это он предвидел давно (?). Вместе с тем распространился слух, что Малиновский был Азефом, что [это] начинало разоблачаться, и он поспешил вовремя уйти. Как же

9 Зак. 2660.

это сопоставить с жалобами правых на товарища министра внутренних дел Джунковского об отмене им внутренней агентуры. Между тем одним из первоисточников этого слуха в Думе был Замысловский (свой как никто![60]). Малиновский был один из самых деятельных и горячих членов левого крыла, подымавший левую крайнюю на всякие эксцессы в Думе. И если все это окажется правдой, то как прикажете понимать в этом случае действия правительства? Свой отказ Малиновский в запечатанном конверте принес к председателю в кабинет, передав ему, он немедленно повернулся, сказав взволнованно: «Прощайте, господа», — и исчез из здания Думы[61].

13 мая

Слушается смета Министерства юстиции. Все резко критикуют Щегловитова. Подымаются вопросы о деле Бейлиса. В защиту Щегловитова выходит член Думы Шубинской и произносит вызывающую речь против Милюкова. Последний с места обзывает его мерзавцем и негодяем. Шубинской отвечает тем же; в перебранку вступают Пуришкевич и Керенский. Председательствует Коновалов. Он предлагает всех четверых удалить из заседания. Все, кроме Шубинского, удалены единогласно.

Против удаления Шубинского встают правые, националисты, центр, некоторые октябристы, засим некоторые (5 человек) воздерживаются, воздерживаются от голосования и члены президиума, находящиеся в зале: Родзянко, Варун-Секрет, Антонов и Басаков. Недостает до большинства трех голосов. Предложение проваливается. Коновалову выражено неодобрение (кем же? президиумом!), и он уходит из товарищей председателя[62]. Заговорили об общем переизбрании всего президиума. Родзянко в ужасе переполошился, собрал фракцию октябристов, послал депутацию к Коновалову с заверением своих чувств и с просьбою баллотироваться вновь. Коновалов предоставил вопрос разрешить своей фракции прогрессистов. Эта фракция решила использовать момент и заставить октябристов сначала провести закон о безответственности депутатов без всяких поправок. Октябристы, находя, что такое давление на них представляется недопустимым, не соглашаются.

Назначенные на 16 мая выборы отлагаются до 20-го. Опять слухи о необходимости общего переизбрания. Родзянко находит, что товарищи [председателя] должны быть переизбраны, но что он во время [обсуждения] бюджета уйти не может (ужасно боится, что не переизберут), боится и заигрывает с правыми, обрывает ораторов за самые невинные слова

и между прочим проронил мысль, что не прочь бы опереться при избрании на правую сторону. Это вырвалось у него в особенности после того, как в печати появились сведения, что уход Коновалова имел более глубокие причины, а именно несогласие с Родзянко по вопросу о свободе депутатского слова. Родзянко это возмутило, ибо он уверяет, что никогда никакого разговора об этом не было. И это верно. Коновалов втайне возмущался, но Родзянко так ему импонировал, что смелости говорить ему прямо, что думал, у Коновалова не хватало. Дмитрюков проявляет ко всему с внешней стороны полную апатию, до такой степени, что с ним уже совершенно не считаются и его мнения не спрашивают как члена Совещания, и он на это не претендует.

Не везет нам на секретарей [Думы]. Совещанием был внесен [в Думу] проект изменения штатов, принятый им единогласно, заключающийся в том, что начальникам отделов повышался класс должности до 3-го и содержание до 9000 рублей и старшим делопроизводителям присваивался денежный оклад до 6000 рублей, как статс-секретарям и их помощникам в Государственной канцелярии. Этот проект был назначен к слушанию в бюджетной комиссии одновременно с проектом государственного секретаря об уравнении младших служащих Государственной канцелярии с чинами Канцелярии Государственной думы. Накануне Родзянко помимо секретаря и меня отдал распоряжение о снятии этого проекта с обсуждения комиссии. Причиною этого он выставлял будто бы имеющиеся протесты фракций, о которых ему заявил Антонов. Дмитрюков не возражал и сказал только: «Конечно, надо было раньше переговорить с фракциями». А кому же говорить, ведь ему же и следовало, но он, будучи начальником Канцелярии, полагает, видимо, что думать это должен кто-то другой. Тем временем оказывается, что кто-то из чинов Канцелярии распространял между членами Думы записку с протестом против такого изменения штатов и улучшения положения старших чинов [Канцелярии]. Получилось впечатление, что она подействовала. Когда я доложил об этом Родзянко, он ответил: «Ведь ничего против этого не поделаешь», на что я ему возразил, что если бы я был начальством, то знал бы что делать[63].

20 мая. День переизбрания товарища председателя взамен Коновалова. Соглашение с прогрессистами не состоялось. Они твердо стоят на своем, несмотря на критику их действий [со стороны] кадетов. Октябристы

желают все-таки для видимости показать, что блока с левыми они не намерены были нарушать и решили голосовать за Коновалова.

Социал-демократы, кадеты и прогрессисты заявляют, что от участия, [как] активного, так и пассивного, они отказываются. Подают пустые записки правые и националисты. Таким образом, участвуют только октябристы. За Коновалова подано 97 записок, за Протопопова 6 записок. Коновалов от баллотировки отказывается. Баллотируется Протопопов и получает белых шаров 203 и черных 11.

Комедия продолжается. Вслед за избранием Протопопова, якобы ввиду того, что оппозиция тем самым выразила неодобрение выбранному ранее ее голосами президиуму, слагают с себя звание председателя Родзянко и товарища председателя Варун-Секрет. За отказом же баллотироваться Коновалова слагает с себя звание старшего товарища секретаря Ржевский. Правые кричат, а почему же не слагает с себя звание секретарь Государственной думы Дмитрюков. И верно, почему же он остается? С трудом решился на этот шаг Родзянко после долгих колебаний, после заверений справа, что переизбрание его обеспечено. Как он выразился, «нас заставляют сами прогрессисты идти на правый галс» (в душе же сам доволен). Правое крыло решило до осени весь президиум составить из одних октябристов, не требуя сейчас себе мест. Октябристы идут в эту ловушку. Будучи весьма незначительной фракциею, они подставляют себя таким образом под удары как слева, так и справа. Уклон вправо Родзянки и Варун-Секрета обнаружился ярко после привлечения Чхеидзе [к суду] за произнесение слова «республика».

Председательствовать стали правые в лице Маркова 2-го, Замысловского и Пуришкевича. Кто-то сострил: «Председателю теперь спокойно, может спать и поглядывать только на свой барометр — правых. Закричали — призывай к порядку, лишай слова, исключай; молчат — значит, все спокойно» — и вот это именно и есть главная причина расхождения с оппозициею. Какую теперь позицию займут октябристы, опираясь на правых в избрании [председателя] после того, как они с таким трудом по бюджету стали в оппозицию к правительству, трудно сказать. Характерна фраза Родзянко, который все время говорит, что он мечтает не быть более председателем, что, когда корреспонденты просили его разрешения написать, что с осени он своей кандидатуры не выставляет, [он] сказал: «Нет, этого лучше не пишите».

Характерно и заключение Дмитрюкова (секретарь). Вот как делается политика: «Варун-Секрету надо по своим делам уехать. Председателя одного оставить нельзя, поэтому надо избрать другого товарища и создать всю эту комбинацию. Не уезжай Варун-Секрет, ничего подобного не было бы и все осталось бы по-прежнему»

А я скажу: как красиво было бы и практично, если бы вслед за отказом Коновалова отказались бы все в тот же день, какой авторитет, хотя бы заемный, приобрел бы президиум, показав свою солидарность. Но этого не сделали, во-первых, потому, что Родзянко не был тогда еще уверен в своем переизбрании, а во-вторых, хотел подгадить Коновалову и ублажить Шубинского, с которым он со времени инцидента Коновалов—Шубинской не расстается. Ликует во всей этой истории Шубинской. Расколов фракцию, не желая допустить ее накрениться влево и будучи не принят в ее ряды, он случайно явился причиною и президентского кризиса[64] с удалением из состава президиума оппозиции, и возвращения октябристов в лоно правых. Протопопов заходил ко мне, говорил, что с трепетом принимает на себя эти обязанности, и просит меня помочь ему указаниями и советами председательствовать. Жажда положения все-таки тешит всех: после избрания, даже еще не сошедши с кафедры, он обнимался и целовался почти со всем правым крылом.

Родзянко и Варун-Секрет отказываются от звания: первый — председателя, второй — от товарища председателя. Выборы назначены на завтра. Сговор состоялся — правые и националисты ведут их.

Родзянко, который все время только и говорил, что ждет предлога, чтобы совсем уйти с поста председателя, говорит мне: «Придется баллотироваться». Настроение у него бодрое, так как избрание левым крылом его тяготило, и он мне с удовольствием высказывается о необходимости легкого крена направо. Кто-то из правых остроумно замечает: «Скольжение на правое крыло перед мертвой петлей».

Отказавшись [от звания председателя], он выходит в коридор, где находятся стенографистки; подпрыгивая, он обращается к ним и говорит: «Вот, я теперь могу идти под ручку» — и делает вид, что хочет обнять проходящих. Те увертываются — картинно (барин гуляет с горничными). На следующий день ждет выборов 21 мая. В стенографической комнате масса цветов. Именинницы [, — решил я]. Так как однажды Родзянко обратил внимание на недопустимость этого, то я велел и в этот раз убрать

их, на что мне стенографистки заявили, что поднесены цветы Родзянкою, и представили в доказательство визитную его карточку.

Когда я обратился к Родзянко и сказал ему о своем распоряжении, последовавшем по его указаниям, и об ответе стенографисток, он ответил: «Да, это я виноват, я забыл, что отдал такое распоряжение»[65]. Кстати, можно вспомнить день изгнания 21 депутата. Ночью в 12 с половиной часов [Родзянко] телеграфирует мне, чтобы я к нему заехал, извиняется, что тревожит так поздно, но важное дело, секретный доклад Его Величеству по поводу происшедших событий, а то если будут докладывать другие — переврут.

Приезжаю. Родзянко сидит посреди залы на кресле, за столиками две любимые стенографистки и переписчица, которую он именует всегда «Дуся». Он произносит изустно свой доклад. Каждые три минуты прерывает его, рассказывает анекдоты, шутит с девицами, рассматривает их туалеты, прически и, наконец, просит разрешить воочию убедиться, что они не в париках. Поочередно таскает их за чубы, те взвизгивают. Угощает сладостями. Чувствую себя крайне неловко. Наконец окончилась диктовка. Он велит запрячь лошадей и отвезти барышень домой. Провожая, говорит при лакее: «Передай кучеру, чтобы не смел с них брать на чай, а вы ему не давайте. Ведь вы беднее».

В то же самое время [Родзянко] требует дисциплины. Так, зашедши в Финансовый отдел случайно и застав кучку служащих, не ожидавших его прихода, он обратил внимание, что один из них недостаточно внимательно отвесил ему поклон. По этому поводу говорил и указывал начальнику отдела[66], который ему объяснил это случайностью и между прочим сказал, что он не раз слышал от подчиненных заявления, что он, Родзянко, на поклоны не отвечает. Родзянко оскорбился таким отношением начальника отдела и заявил об этом официально секретарю и стал по свойственной ему системе всем и каждому рассказывать. Самодурство ужасное. Так, однажды, сделав ошибку в толковании Наказа, он поручил мне переговорить с одним из членов Думы левой фракции и предупредить готовящийся против его действий протест. Я отправился — это было во время заседания Общего собрания во время голосования. Он вдруг останавливает голосование и громко заявляет: «Господин начальник Первого отдела, прошу Вас не производить беспорядки», и распорядился, чтобы этот его призыв к

порядку был бы в стенограмме. Когда я пришел к нему в кабинет, он стал хохотать: «Что, попало?», смеялся и удивлялся и я.

Другой случай. Голосует[67] то, что голосованию не подлежит и о чем я ему своевременно докладывал. Я ему шепчу: «Этого голосовать не надо». Он поворачивается ко мне и громко говорит: «Прошу председателю Государственной думы не подсказывать». Я рассердился и ушел со своего места, он запужался и передал председательствование товарищу.

На следующий день при встрече говорит: «Вы устраиваете итальянскую забастовку»[68], а засим в Совещании [Думы] при всех говорит: «Яков Васильевич очень нам полезен, без него нельзя, но только надо уметь тихо подсказывать, а не так, чтобы все слышали». Я ему отвечаю, что моей подсказки никто не слышал, а его замечание — все и что он сам создает для меня крайне тяжелое положение, ставя меня в неловкую позицию между возможными громкими и замечаниями, и укорами в забастовке.

— Вы должны, — отвечает он, — понять мою психологию: понимаете, я сразу сам почувствовал, что ошибся, и не успел поправиться, как Вы подсказали, — вот мне и стало досадно.

21 мая. Переизбрание состоялось — [избраны] Родзянко и Варун-Секрет[69]. Так называемый президиум состоит из одних октябристов, а кроме того, все председательствующие кавалеристы[70], и все [в Думе] недовольны. Ругают и находят глупою позицию прогрессистов. Но она совсем не так глупа: в тяжелое положение поставлены октябристы, которые все взвалили на свою ответственность. Правые хотя и голосовали за них, но поддерживать не намерены, оппозиция свободна от обязательств — таким образом, они [октябристы] подставляют себя под удары обоих крыльев.

Заседание шумное, речь центровика Крупенского 2-го[71] снискивает недовольство левой и сопровождается криками по адресу Кассо «в отставку». Председательствующим [Родзянко] ничего не спускается, каждое нарушение Наказа отмечается. Подаются протесты на его действия, по адресу его несутся нелестные эпитеты. Он несколько раз говорит речи и наконец договаривается до того: «Вы можете оскорблять вашего председателя, ибо он один, а вас много», а при объяснении в коридоре с одним из членов Думы крикнул на него: «Я вам не шут полосатый на кафедре!» Заканчивается заседание выходкой Пуришкевича, который большинство Думы, принявшее формулу неодобрения политики Кассо, обзывает громко: «Дурачье, повесить вас через пятого!»[72] Пуришкевич исключен на пять

заседаний, причем Замысловский указывает предельную норму[73], что Родзянко и принимает. Знаменательно, что до голосования правые и националисты покинули зал. Засим за выражение одного кадета, обращенное к Родзянко: «Наконец дождались!»[74], Родзянко хотел также исключить и его, но уже не мог, так как в зале оставались только оппозиция и октябристы. Очевидный провал, и опять кризис. Пришлось от этой мысли отказаться.

На кого же будет опираться президиум?

В осеннюю сессию предстоит, согласно уговору, избрание коалиционного президиума.

Дума распущена на вакант[75].

[ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ][1]

19 июля объявлена война, и на 27-е [назначен] созыв Государственной думы.

Президиуму везет, необычайный подъем, важность наступивших обстоятельств – все это сплачивает все партии и примиряет. Единодушие полное. Заседание было только одно и прошло очень хорошо. Следующий созыв трехдневный в январе 1915 г. Опять речи с подъемом, Родзянко произносит очень хорошую речь, всеми одобренную, — все старое забывается и вопроса о переизбрании не подымается — повезло опять. В перерывах он председательствует в Комитете членов Государственной думы по оказанию помощи раненым[2], и это общее дело все более и более заставляет всех с ним примиряться, в особенности принимающих деятельное в комитете участие кадет, которые эксплуатируют умело его энергию и характерно о нем отзываются: «Когда надо звонить в колокола, он хорош, но служить обедню мы его не пригласим».

5 апреля 1915 г. я его уговорил поехать в Галицию, чтобы лично убедиться во всем том, что там делалось, какую, между прочим, роль захватили националисты, действия администрации и воинский дух. Он согласился и от Красного Креста получил командировку для осмотра лазаретов. Я был прикомандирован к нему. Когда эта командировка состоялась, я немного трусил, зная его взбалмочность и бестактность. Но вопреки моим ожиданиям он вел себя за все время нашего путешествия в течение целого месяца безупречно и к концу поездки питал ко мне даже нежные чувства. Это время мы жили очень дружно и согласно.

Поездка вышла очень удачная. Сердечные приемы в армии, в штабах и лазаретах, почет, которым его окружали, масса сведений, впечатлений и настроений дали нам полную картину, в которой даже разобраться сразу было трудно. Описание этой поездки мною сделано особо[3]. Окончить наше путешествие пришлось при печальных обстоятельствах нашего отхода с Карпат. Этого отступления мы даже были сами участники.

Это последнее событие так сильно подействовало на нас, что Родзянко решил до приведения в систему всего материала немедленно отправиться

в Ставку Верховного главнокомандующего и сообщить о всех замеченных недочетах, главное, в снабжении армии снарядами. Последствием этих переговоров был вызов его в Ставку через очень короткое время, когда туда приехал Государь, и по обсуждении, так какие [же] меры надо принять, было решено издать по 87-й ст. [Основных законов] положение о Совещании при военном министре из промышленников и членов Государственной думы и [Государственного] совета для обсуждения мер к поднятию производительности по снабжению армии всем необходимым. По рекомендации Родзянко туда высочайшей властью были назначены: он, Дмитрюков, Савич и Протопопов[4].

В Совещании он говорил всем неприятности: в лицо генералам говорил, что их надо повесить и прочее. Сухомлинов сперва противодействовал утверждению этого Совещания, потом ухватился за него, думая таким образом упрочить за их спиною свое положение. Характерно, что это Совещание было учреждено без обсуждения его в Совете министров по предложению от имени Государя. Горемыкин мог только сказать: «Нас не спрашивали, что же, надо считаться с совершившимся фактом». Бывший недавний друг Родзянко Сухомлинов весьма скоро впал в немилость у Родзянки.

Он всячески добивался смещения его и [Н.А.] Маклакова, писал об этом царю и добился этого. Это были те факты, которые окончательно примирили с ним всех, простили ему и учреждение самого Совещания, в особенности когда для своего оправдания он навел страшную панику на всех членов Думы своими рассказами о положении дел. Когда я ему заметил, что он протестует против малейшего проявления опасения и как же он сам производит панику, когда ее по обстоятельствам еще не может быть, он ответил: «Ах, должен же был я как-нибудь оправдаться». За уход Сухомлинова и Маклакова некоторые фракции официально приносили ему поздравления, и он принимал [их] с видом, как будто это увольнение зависело только от него. Все эти обстоятельства снова вознесли его. Ему казалось, что он олицетворяет в себе все, [что] Россия — это он. Левые очень хлопочут о необходимости ввиду военных неудач созыва Думы. Родзянко, октябристы и другие правее их, а также [В.А.] Маклаков считают созыв несвоевременным. Настроение у всех оппозиционное, и добиться единодумия, в особенности при длительной сессии, весьма сомнительно. Но сказать громко не решаются. Когда же однажды кто-то из левых, [кажется] Шингарев, указал, что, по-видимому, президиум несочувствен-

но относится к этой мысли, то Родзянко сделал вид обиженного и стал вести переговоры с Горемыкиным, куда засим направилась и депутация из членов Думы, там же были и октябристы, а когда все устроилось и решено было созвать Думу на 19 июля, в день годовщины войны, то Родзянко разыграл так, что он первый об этом думал, хлопотал и успел. Вопрос об ответственном министерстве у всех, кроме крайних правых, был на устах, но по тактическим соображениям все, кроме прогрессистов, — даже кадеты, — решили его пока не подымать, но свои действия направить по этому руслу. Кадеты даже при голосовании формулы прогрессистов, содержащей этот пункт — основной в их программе, — голосовали против. Вообще поведение кадет круто изменилось, Милюков стал пользоваться всеобщим уважением, к нему прислушиваются, с ним считаются; незаметно он ведет всех за собою. Правда, на этот раз эта тактика умна и осторожна. Они одни работают, а остальные идут на помочах у них. Говорят о необходимости перемен в кабинете. Имя Гучкова всплывает решительно на все роли. Это приводит в содрогание Родзянку, он боится его конкуренции и говорит про него гадости — даже предполагает возможность с его помощью переворота. Замена [Н.А.] Маклакова князем Щербатовым, Щегловитова — Хвостовым и Сухомлинова — Поливановым, людьми, кроме последнего, далеко не соответствующими не только текущему времени, но [не подходящими даже] в спокойное, нормальное время, у октябристов родит надежду на светлое будущее, и они всюду в своих даже речах подчеркивают наименование «обновленный кабинет». Это обновление им показалось еще сильнее с назначением товарищем министра внутренних дел князя Владимира Михайловича Волконского, которому по случаю ухода сделала огромную овацию Дума, чествовала обедом и говорила на нем политические речи. Князь кокетничал, когда его поздравляли, охал, говорил, что он надеялся, что чаша сия его минует, а теперь ему остается приглашать всех на свою панихиду. В сущности, я думаю, он прав. Произведя все это, его же софракционер (Басаков) на следующий день пришел ко мне и, взявши себя за голову, сказал: «Что мы наделали, ведь этим мы связали его с собою, мы показали, что он наш ставленник. Это ужас, можно ли было делать это». — «А что же вы думали вчера?» [— спрашиваю я]. А князь им отвечал: «Господа, любите Думу, любите Россию, как люблю ее я». Мило и трогательно. Встретил в один из последующих дней его [кн. Волконского] в кулуарах, он мне сказал, что ему поручено дать заключение по законодательному предпо-

ложению о расширении запросного права Государственной думы, [и спросил]: «Как Вы думаете, с кем мне посоветоваться? По существу, конечно, это все вздор, но все-таки не обратиться ли мне к [В.А.] Маклакову?». — «Отчего же нет, — отвечаю я, — он Вас запутает окончательно». Как и всегда, очарованные вначале октябристы очень скоро, через несколько дней, переменили свои мнения о новых министрах и стали ими недовольны. Выступления Щербатова разочаровали всех. Отсутствие всякого дара слова, именинный вечно улыбающийся вид, незнание и непонимание дела и речь о необходимости насильственной ассимиляции всех народностей России окончательно подкрепили репутацию непригодного министра. Поливанов как военный министр был назначен под давлением Родзянко, но дружба его с Гучковым заставила Родзянко говорить о Поливанове через неделю уже, что он не на месте.

Я приехал 16 июля в Петроград. Родзянко меня ждал и уже четыре дня был занят составлением речи [к открытию сессии Думы]. Она ему все не удавалась, а события последнего времени окончательно вывели его из равновесия и отразились на его нервах. Он не спал ночи, у него сделалась крапивная лихорадка, и капризничал [он], как ребенок. Весь вечер и ночь 16-го я провел у него. Он писал речь, пересоставлял ее, и все она ему не нравилась. Утром уже в 6 ч. я просил его дать мне ее, а самому отдохнуть, я его [речь] исправлю и в 2 ч. 17-го принесу.

Почему-то на этот раз он решил пригласить для совещания [В.А.] Маклакова, и когда 17-го я пришел к нему с готовою речью, то застал там Маклакова и П.Б. Струве, который набросал весьма неудачную речь, которую Маклаков предлагал Родзянке без изменений принять[5]. Разговоры длились часов до восьми, когда они ушли. Родзянко решил обе речи соединить, выдернув из той и другой эффектные мысли. Речи были настолько разнообразны, что эта компилятивная работа была очень трудна.

Его нервное состояние, участие в работе жены и сына, посторонние разговоры, наконец, приглашенный еще в качестве советника член Государственного совета Карпов окончательно сбили его с толку, и только к 3 часам ночи он закончил ее. Речь получилась очень неудачная. Была приглашена и переписчица, которой он диктовал. Он обратился к Карпову с вопросом, хорошо ли, тот похвалил, обратился к спящей почти переписчице с тем же вопросом, но за [нее] я ему ответил: «Что же Вы ее спрашиваете, уже глубокая ночь, и она перестала что-либо понимать». —

«Так что же Вы молчите, Вам она [речь] не нравится?» Мне не хотелось прямо ему сказать, и я сказал, что сразу определить не могу. «Ну да, не нравится и мне тоже, что же Вы сидите и не хотите мне помочь».

Я встал и принялся ему указывать неудачные места, тогда он нервно говорит: «Не мешайте мне», я снова уселся, после чего он с отчаянием произнес: «Что же, это измена, никто не хочет мне помочь». Прогнал всех, и мы остались вдвоем. Тогда он стал говорить: «Это ужасно, это провал. Завтра Ваш председатель провалится — это позор» — и пр. Я стал его успокаивать, хотел помочь ему, но он снова просил не мешать ему, но чувствовалось, что он уже ничего не соображает и не понимает, что читал, получался набор напыщенных фраз. Я уговаривал его пойти поспать, [говорил], что я поработаю, что уже 6 ч. утра, надо немного ему отдохнуть, но он ничего слушать не хотел и нервничал. Тогда я его оставил и лег на диван немного отдохнуть, но не прошло и 5 минут, как он меня разбудил и просил снова помочь ему. Опять повторилась прежняя история. Он вставал, снова садился, волновался, и наконец ему сделалось дурно. К счастью, вблизи был стул, а то бы мне не удержать его грузной фигуры. Тогда я решил действовать энергичнее, было уже 8 час., до заседания оставалось 5 часов. Я настоял, чтобы он ушел полежать. Мне это удалось. В 10 ч. утра явилась переписчица, он встал и хотел ей диктовать и исправлять речь. Видя, что времени совсем не осталось, что действительно может произойти скандал, я решился на героическую при его характере меру. Я взял его за руку и резким тоном сказал: «Уходите и не мешайте мне заниматься, иначе действительно будет скандал». К моему удивлению, он покорно, как ребенок, повернулся и ушел. Я захлопнул за ним двери, а через несколько минут слышал, как он оделся и вышел на улицу.

Я почувствовал облегчение. Оставался один час, можно было только кое-что исправить — и только. Можно было бы, конечно, взять и целиком поместить приготовленную мною ранее работу, но я не решился, так как, уходя, он просил меня ничего не переделывать. Этого, конечно, исполнить нельзя было... Всю свою грусть он высказал жене. Он упрекал ее, что это она все настаивает на том, чтобы он занимал этот пост, что он всегда говорил, что он никуда не годится и пр. Через час он вернулся, ведя с собою какого-то господина — оказался корреспондент-еврей. Он усадил его и стал громко читать с пафосом свою речь, спрашивая одобрения, и только когда тот ему сказал, что хорошо, он несколько успокоился. Стал хвалить ее уже и я, чтобы привести его хоть в несколь-

ко нормальное состояние, хотя речь, по-моему, была все-таки очень неудачная благодаря той обстановке, в которой он работал, и все-таки он это сознавал. Когда он ее произнес, он мне прислал записку с вопросом, понравилась ли она мне, на что я ответил, что она была не хуже других[6]. Правда, в этот раз не было ни подъема, ни дельных речей, кроме речи Милюкова и отчасти гр. [В.А.] Бобринского.

Через несколько дней, когда в разговоре зашла снова речь о его речи, то он уже говорил: она была прекрасная, все очень одобряют. К сожалению, в действительности это было не так.

На следующий день, 20-го, я получил с посыльным его фотографический портрет с надписью: «Глубокоуважаемому, доброму сотруднику Якову Васильевичу Глинке от искренне признательного М. Родзянко», а когда я с ним встретился, то он сказал мне: «Вы понимаете значение этого, я хочу, чтобы перед Вами он стоял и чтобы, глядя на него, Вы всегда думали, что есть человек, который никогда не перестает думать о Вас».

Формула, принятая Думою, на этот раз объединила все фракции, кроме социал-демократов, трудовиков, правых и националистов-балашовцев. В этой формуле впервые Государственная дума приняла пожелание о необходимости создания правительства, пользующегося доверием страны. Поправка прогрессистов о том, что необходимо установление ответственного министерства была отвергнута, причем к.-д. Милюков [заявил], что в военное время нельзя провозглашать партийных лозунгов, которые могут разъединить палату, а можно вносить лишь формулы внепартийного характера. В этой же формуле было выражено пожелание о предании суду лиц виновных, невзирая на их высокое служебное положение[7].

Этот маневр Милюкова мне не кажется искренним. Положение страны настолько тяжело как со стороны военных действий, так и в тылу, что взять на себя распутывать и направлять никому не на руку – слишком невыигрышное дело, – и если бы пасть в первых рядах ответственного министерства пришлось октябристами, а не кадетами, то, быть может, Милюков поступил иначе, но для каждого ясно, что в настоящий момент октябристы, не имеющие в своих рядах мало-мальски значительных сил, пошли, умиленные и восторженные от Милюкова и его тактики, на поводу у кадетов и стали послушным их орудием.

Примирение дошло до того, что, несмотря на то что в III и начале IV Думы двери комиссии обороны[8] считались закрытыми для каждого кадета, в настоящее время они сочли возможным провести Шингарева

председателем комиссии обороны и ему же поручили при открытии Государем особого при военном министре совещания[9] сделать всеподданнейший устный доклад.

25 июля. Учреждена Верховная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного пополнения запаса воинского снабжения армии[10]. Поднялся вопрос об измене Сухомлинова. Товарищ председателя [Думы] Протопопов, его первейший друг, решительно отвергает возможность всяких подозрений и глубоко сожалеет, что не входит в состав комиссии.

Неудовлетворительный состав Совета министров, отсутствие [у него] какой бы то ни было программы, повышенное настроение депутатов создали ту атмосферу, когда по инициативе Милюка[11] стал образовываться так называемый прогрессивный блок[12], соединивший в себе все партии, кроме флангов, с присоединением сюда центра и левой Государственного совета[13]. Эта организация, принявшаяся довольно резво за выработку своей программы дальнейшей деятельности законодательных учреждений, в числе коей первым стоял вопрос о необходимости создания правительства, пользующегося доверием страны *, возбудила сильную тревогу в пра-

* Идеей о создании кабинета общественного доверия депутаты настолько увлеклись, что считали осуществление ее вопросом нескольких дней. Они уже стали распределять портфели между собою.

В один из таких дней председатель Родзянко пригласил меня в кабинет и сказал: «Яков Васильевич, время такое, что вполне вероятно, что мне может быть предложен пост председателя Совета министров, и я к этому должен быть готов. Но решить этот вопрос я не могу ранее, чем не переговорю с Вами. Дело в том, что, идя на это место, надо иметь при себе верного человека, без этого принимать эту должность немыслимо. Поэтому я Вас спрашиваю, и от Вашего ответа будет зависеть мое решение. Пойдете ли Вы со мною?» Всем этим я был несколько ошеломлен, но тут же ответил категорически: «Нет». — «Отчего?» — «Потому что я не желаю вместе с Вами через самое короткое время кувырнуться! На какую должность Вы меня прочите?» — «Управляющего делами Совета министров. Но имейте в виду, что без портфеля министра внутренних дел не соглашусь принять». Я отвечаю, что это безумие — брать на себя Министерство внутренних дел, да что и, кроме того, при таких условиях я по должности управляющего делами Совета министров помощи оказать не могу. «Эту мысль надо оставить, Михаил Владимирович», — говорю я. «Вашим ответом отрицательным Вы меня лишаете возможности дать свое согласие. Вы еще подумайте». — «Михаил Владимирович, я никак не предполагал, что в моих руках судьба России, но если это так, я готов подумать, но льщу себя надеждой, что ответ мне больше Вам давать не придется». Так оно, к счастью для него, и вышло. Когда я об этом говорил с моим помощником Щепкиным, то оказывается, что до переговоров его со мною он уже обо всем говорил с ним и назначил его, не спросясь меня, моим помощником по предполагаемой новой должности.

вительственных кругах, и Государственная дума на средине рассмотрения законопроекта о военной цензуре была распущена, причем в Указе было сказано, что срок нового созыва должен быть не позднее ноября 1915 г[14].

26 сентября был уволен министр внутренних дел член Государственного совета по выборам Щербатов и назначен член Государственной думы (правый) [А.Н.] Хвостов, уволен министр земледелия Кривошеин, на его место назначен член Государственного совета по выборам Наумов, уволен министр путей сообщения Рухлов и на его место назначен Трепов.

23 ноября последовал новый указ об отдалении срока занятий Государственной думы впредь до завершения подлежащими комиссиями подготовки работ по проекту государственной росписи.

Этот указ, вторгающийся во внутренние распорядки Государственной думы, необычайно волновал ее членов. Одни желали ускорить рассмотрение бюджета, другие находили, что комиссионные работы[15] надо продолжать нормальными темпами; хотя перевесило второе течение, но все же работы были ускорены и рассмотрение бюджета к концу января было закончено.

Родзянко, как и все октябристы, в душе довольные отсрочкою, тем не менее наружно волновался, возмущался и писал Горемыкину письма, а также вел на словах переговоры. Старик оказался стойким, он все время утверждал, что связи между военными и гражданскими властями не должно быть и что война до правительства не касается.

Резкие нападки на правительство в бюджетной комиссии, все понижающееся настроение депутатов возбудили Родзянко написать Горемыкину письмо, в котором он, указывая на непонимание правительством задач времени, объявил ему, что если он любит свою Родину, то он должен уступить свое место более молодому и энергичному человеку[16].

20 января 1916 г. Горемыкин был уволен и на место председателя Совета министров был назначен член Государственного совета по назначению Штюрмер. Темное прошлое этого человека, молва о коем указывала на целый ряд некрасивых поступков и на нечистоту рук, произвело тяжелое впечатление на депутатов[17], тем более что о связи его с Распутиным ходили упорные слухи.

Родзянко тот же час хотел вступить с ним в борьбу, приписывая удаление Горемыкина своим настояниям, но, после того как Штюрмер в день своего назначения посетил его и спросил, чего он и Дума желает, и ска-

зал, что он всячески будет стремиться работать вместе и идти навстречу [их] желаниям, М.В. Родзянко примирился с ним и, кривясь лишь из-за его немецкой фамилии, находил, что с ним возможно будет уладить дело. По уговору с Милюковым, Варун-Секретом[18] и кн. Волконским срок созыва был назначен на 5 февраля, а засим по вызове Родзянко, который в это время был в деревне, срок этот был отложен до 9 февраля.

Настроение у депутатов падало, оппозиционность, которая пугала Родзянку, росла, и он приходил в отчаяние. Меня смущала не оппозиционность, а униженное состояние всех при отсутствии программы у правительства и Государственной думы, несмотря на существование блока, ибо каждому ясно было, что дело не могло в настоящее время касаться проведения коренных реформ, а все лишь должно было зиждиться на умелом и твердом управлении с привлечением к общей работе общественных сил. Какой-то подъем, какую-то надежду влить в сердца было необходимо, и, беседуя с одним очень почтенным старичком, горячо любящим Родину, безвозмездно работающим без устали на общественной ниве и получившим право переписываться с Государем в качестве совершенно частного лица, нам пришла мысль, что как было бы хорошо, если бы царь приехал в Думу, как подняло бы это настроение, хотя мы не скрывали от себя, что этот акт был бы несколько запоздалым и что эффект был бы несравненно больший, если бы приезд его в Думу был в первый день открытия Государственной думы после объявления войны. Тем не менее я поделился этой мыслью с Родзянко, сказав ему, что это возможно устроить, но не иначе как путем частным, чтобы эту мысль как сторонний обыватель подал ему[19] Клопов, с которым я совещался[20]. Ибо чрез правительство это, конечно, успеха не имело бы, а от Думы председателю делать [это] неудобно, так как на этот вопрос могут быть разные взгляды фракций.

Родзянко ухватился за эту мысль, оставалось до открытия Государственной думы четыре дня, и в тот же вечер, когда я ему об этом сказал (около 12 ч. ночи), он просил меня свезти его к Клопову. Там мы все вместе сочинили письмо от имени Клопова[21] и составили примерно речь, которую, как писал Клопов, «я бы сказал на месте Вашего Величества»[22].

Письмо было тотчас отправлено в Ставку чрез Греческую Королеву[23]. Мы не лелеяли надежды на успех, но, к нашему большому удивлению, накануне [открытия сессии] в 12 ч. ночи нам сообщили, что Государь приедет в Думу. На этот раз, оказывается, он ни с кем не советовался из

10 Зак. 2660.

придворных или министров и решил последовать совету Клопова. Для всех это было неожиданно. Родзянко это врасплох не застало, так как он все же на всякий случай приготовил ответ на слова, которые должен был произнести Государь. Предварительно по уговору со мною был установлен и порядок [приема императора в Думе], но все разыгралось так хорошо, что решительно никто не предполагал, что это было известно заранее. Мы не рассчитывали на этот шаг царя и потому, когда обсуждали церемониал, исходили из самых скромных возможностей, а потому Родзянко растерялся, когда Государь спросил его после молебствия в Думе, где он хочет, чтобы он произносил свою речь — в Екатерининском зале или в зале Общего собрания. К сожалению, растерявшись и испугавшись, Родзянко указал, что лучше в Екатерининском зале. Это посещение несколько приподняло настроение, но оппозиционного настроения не уменьшило; вслед за сим в начавшемся заседании была прочитана декларация блока и правительства (Штюрмером). Эта последняя не произвела никакого впечатления, а сам Штюрмер произвел прямо-таки грустное впечатление. Свидания Родзянки с царем всегда производили на Родзянку впечатляющее действие. При виде царя он забывал всю свою ярость на правительство и свое собственное оппозиционное настроение[24].

Приезд царя в Думу окончательно помирил его, и он решился на тон, который, если бы только был узнан, сломил бы его карьеру. Он сказал царю, чтобы он не изумлялся тем речам, которые были произнесены в Думе после его отъезда, ибо они были произнесены в том виде, как были составлены, когда еще никто не знал, что Его Величество посетит нас. Не успели их изменить, ибо не было времени, но если бы о посещении было известно раньше, то, конечно, речи были бы иные.

Я не хочу определять, как назвать такой поступок, но думаю, что, если это делалось бессознательно, последствия его могут быть все же значительны, и сам Родзянко, который ведет все время борьбу из-за достижения якобы известных результатов согласно с решениями Думы, ставит на этом пути такие сильные препоны, очевидно сам не учитывая значения их. По всем сметам прогрессивный блок вынес резкие, осуждающие правительство формулы, за исключением министерств военного, морского, иностранных дел и народного просвещения. В этот период разыгрался инцидент между министром внутренних дел Хвостовым и его товарищем Белецким. Хвостов уверял всех, что он ведет энергичную борьбу против влияния Распутина и в стремлении достигнуть благоприятных результатов

встретил непреодолимые препятствия со стороны Белецкого, которому поручена охрана Распутина. В связи якобы с этим Хвостов настраивал депутатов, чтобы по смете Св. синода депутаты коснулись Распутина, провоцируя эти выступления распространением фотографических снимков Распутина с высокопоставленными лицами. В то же самое время Родзянко употреблял все усилия, чтобы Дума этого вопроса не касалась, основываясь на указании Штюрмера, что занятия Государственной думы и продолжительность их в значительной степени зависят от того, будет или не будет Государственная дума касаться этих предметов. Ввиду такого положения Дума с интересом ждала смет Министерства внутренних дел, когда думала от Хвостова получить некоторые сведения по этому предмету. Но Хвостов политически заболел и на следующий день был уволен от должности. Ждали его разоблачений в качестве члена Государственной думы, но он выбыл на два месяца из Петрограда, и говорят, что ему был преподан такой совет. На его место был назначен Штюрмер с оставлением его председателем Совета министров.

По всем вопросам, возникшим по инициативе Государственной думы о введении самоуправления на окраинах и пр., правительство заявляло, что оно берет на себя их разработку. Забастовка на Путиловском заводе является основанием для внесения запроса в Государственную думу, по рассмотрении коего Государственная дума выносит формулу с пожеланиями о регулировании заработной платы в связи с современными условиями экономической жизни страны, об устранении препятствий для легальной деятельности профессиональных рабочих организаций, об институтах старост на фабриках и заводах и об устройстве примирительных камер для урегулирования столкновений рабочих и капитала[25].

Между прочим, необходимо указать, что на Протопопова, который имеет свою суконную фабрику и состоит председателем синдиката суконных фабрикантов, пожелания о регулировании заработной платы и устройстве примирительных камер[26] произвели удручающее впечатление. Он возмущался таким вторжением в отношения работодателей и рабочих. В это же время он сильно держал руку министра торговли и промышленности. Шаховской дневал и ночевал у него и даже написал ему для Думы речь [против принятия Думой этой формулы], но и она успеха тем не менее не имела.

15 марта 1916 г. пользующийся большими симпатиями военный министр Поливанов был уволен от должности. Это произвело на всех тяже-

лое впечатление. Причин, ясно, никто не мог себе уяснить, их точно не знают и до сих пор[27], однако слух упорно держался, что увольнение последовало за то, что в Особом совещании[28] он успешно поддерживал пожелания Думы и что вообще он слишком прислушивается и желает идти в контакт с этим учреждением.

С 4 апреля по 16 мая занятия Государственной думы были прерваны. В этот период состоялась поездка членов Государственной думы и Государственного совета во Францию, Англию и Италию по приглашению союзников для осмотра фабрик и заводов, а также и союзных фронтов. Во главу депутации Дума избирает товарища председателя Протопопова, который представительствует там законодательные палаты. На возвратном пути Протопопов отстает от депутации в Лондоне, где исполняет какое-то поручение от правительства, а проезжая через Стокгольм в Россию, в Стокгольме соглашается на свидание с германским посланником, с которым в присутствии еще одного лица выслушивает предположения германского правительства о возможности на известных условиях заключения мира[29]. Эту свою беседу он передает некоторым своим друзьям. Родзянко в полном восторге от Протопопова и говорит мне, что он его пропагандирует в министры торговли, что А.Д. Протопопов будет прекрасным министром.

Я пробую возразить и удивляюсь такому заблуждению. «Нет, нет, Вы не правы, вот Вы увидите, будет прекрасный министр», [— говорит Родзянко]. Как впоследствии оказалось, Родзянко действительно рекомендовал царю Протопопова как хорошего министра, старается свалить Трепова, кн. Шаховского, а на их место указывает Васильева, Литвинова-Фалинского и даже Терещенко — молодого человека, богатого помещика, с которым он познакомился в Галиции и которого знал только по деятельности Красного Креста. Начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева хвалит, хотя перед тем бранил, но этот же Алексеев, когда его назначали, был [для Родзянко] единственный генерал, достойный этого места.

Возобновленные занятия Государственной думы с 16 мая 1916 г. носили крайне вялый характер. Правительство и Дума не проявляли никакой энергии. Отсутствие же сколько-нибудь значительных операций на фронте не давало настроения. Дума сознавала, что подойти к реальной работе согласно программе блока невозможно по многим причинам. Прежде всего, законопроекты не были готовы, во-вторых, прохождение их в

Думе произвело бы раскол блока, и, наконец, чувствовалось, что требование момента заключается не в этом. По вопросам же времени, как продовольственный, она не имела определенных положений, которые могла бы выставить.

В свою очередь Штюрмер все время указывал, что Думу распускать не намерен, пока она сама этого не захочет. Страна же полагала все свои надежды на Думу, и это сознавалось Думою. Вера была в нее так велика, что этот луч надежды необходимо было сохранить, даже некоторые члены правительства высказывались, что этой надежды в народе тушить не следует и что Думу ввиду ее немощности надо распустить, «пусть лучше ответственность за роспуск падет на правительство, но допустить разочарование, [погубить] последнюю надежду дискредитированием Думы самой себя нельзя». Такого взгляда держались и все члены Государственной думы, громко возмущаясь, когда поднимался вопрос о роспуске, а втайне желая его всячески. Было решено дождаться возвращения депутации из-за границы и тогда разъехаться. Так и согласились с правительством, и по возвращении делегации и по выслушании ее доклада Государственная дума была распущена до 15 ноября 1916 г.[30]

В период с июня до 15 ноября 1916 г. был смещен министр иностранных дел Сазонов за настойчивость свою в проведении реальных мер, обещанных полякам, на его место был назначен Штюрмер, при котором произошло выступление Румынии, не подготовленной вовсе к войне. Неподготовленными оказались на этом фронте и мы. А на место министра внутренних дел [был] назначен октябрист, член Государственной думы Протопопов, который сразу начал вести политику, диаметрально противоположную той, которой держался в Думе и в качестве общественного деятеля на местах. Октябристы пришли в ужас. Их ставленник, представитель левого крыла фракции, старший товарищ председателя Государственной думы, представитель думской делегации за границей — и вдруг такой курс. Они сразу же отмежевались от него. Он обратился к Родзянко с просьбою устроить совещание с товарищами (октябристами). Родзянко устроил ему, но пригласил не октябристов, а представителей блока. Протопопов просил беседу их сохранить в тайне, но участники не согласились, ввиду чего, собственно говоря, беседы никакой не было, а все ограничилось тем, что ему наговорили кучу неприятностей. Упрекнули его за освобождение Сухомлинова, Мануйлова-Манасевича, связа-

ли его назначение с Распутиным (так ли это? а рекомендация Родзянко?) и, наконец, объявили ему, что вряд ли он может называть их своими товарищами. Протопопов говорил несвязные слова, что он узнал Государя и полюбил его, что Государь ему верит, предлагал легализовать кадетскую партию и наконец объявил, что он пойдет своей дорогой сам, раз не найдет поддержки. «Идите спать, Александр Дмитриевич, это будет лучше» — так закончили беседу товарищи. А на следующий день эта беседа была выпущена Милюковым в свет и бралась нарасхват[31].

В этот самый период времени Родзянко в Особом совещании при военном министре ввиду дефектов в авиационном деле, происшедших вследствие замедления доставки аппаратов французами, предложил послать генералу Жоффру телеграмму. Поддерживаемый членами совещания и военным министром, Родзянко телеграфировал Жоффру о доставлении определенного количества аппаратов и разных [запасных] частей по авиации от своего имени.

Ввиду того, что из ставки Верховного главнокомандующего были посланы во Францию свои требования, наш военный агент в Париже гр. Игнатьев задержал телеграмму Родзянко. Когда же, не получая ответа, выяснилось, что телеграмма задержана, военный министр распорядился доставить ее по назначению. Жоффр ответил тотчас же, что заказ будет исполнен, так как он считает для себя обязательным выполнить решение Государственной думы. Всю переписку Родзянко post factum препроводил для сведения великому князю Александру Михайловичу, который доложил Государю, и вслед за этим Родзянко получил от начальника штаба Алексеева письмо, в котором он писал, что Его Величество просил передать ему, чтобы он не вмешивался не в свои дела и что наличие нескольких лиц распоряжающихся и безответственных может привести дело к полной анархии[32].

Получив такое письмо от начальника Штаба Верховного главнокомандующего, Родзянко письменным высочайшим докладом[33] испрашивал у Государя аудиенцию. Это было за несколько дней до открытия Государственной думы, назначенного на 1 ноября 1916 г. Ответ пришел не сразу. В пакете на имя председателя Государственной думы был возвращен доклад с собственноручной надписью Государя: «Председателю Совета министров поручаю объявить председателю Государственной думы, что он может иметь доклад только по делам Государственной думы и не иначе,

как во время занятий Государственной думы». Этот ответ ошеломил Родзянко. Ясно было, что он надоел своим вмешательством во все дела и его слушать больше не хотели. Возник вопрос, не произошла ли ошибка, так как повеление относилось к председателю Совета министров, а доставлено было председателю Государственной думы. Я советовал Родзянко немедля сообщить об этом Штюрмеру, и так как этим повелением придавалось ограничительное толкование закону, предоставляющему председателю Думы делать доклад о делах Государственной думы и вне ее сессии, то доложить об этом высочайшем повелении и фракциям. Не сделать этого, по-моему, нельзя было, так как в первые же дни должно было произойти переизбрание председателя и скрытие [этого повеления] имело бы впечатление страха за переизбрание и могло бы впоследствии быть обнаруженным [и] служить поводом к укору. Между тем как в действительности общее настроение, взволнованное и бездействием на фронте, разрухой в перевозках и продовольствии, слухами о возможности сепаратного мира, инициатором которого называли председателя Совета министров Штюрмера, получившего портфель министра иностранных дел, давало повод думать, что неприем председателя Государственной думы может служить основанием для получения лишних белых шаров. Родзянко долго колебался, ему казалось, что ему надлежит после этого немедленно выйти в отставку или же сделать так, что этот факт был бы никому не известен. Последнее было немыслимо, так как, конечно, как это случилось через два дня, Штюрмер узнал об этом от самого Государя и сообщил об этом по телефону Родзянко.

Тогда Родзянко решился объявить об этом в бюро прогрессивного блока, где в своей речи выяснил обстоятельства, сопровождавшие посылку его телеграммы генералу Жоффру, и те трения, которые произошли у него с великим князем Александром Михайловичем. Бюро блока наградило его шумными аплодисментами. Он благодарил за доверие, пожимая всем руки, и не удостоил своего рукопожатия представителей прогрессивной фракции[34], которые молча приняли его сообщение[35].

Прогрессивный блок [в это время] вырабатывал свою декларацию, с которой он должен был выступить в первом же заседании. Эта декларация начиналась словами: «Недоверие к власти сменилось чувством, близким к негодованию». Засим там говорилось о неурядице в продовольствии, о недоверии к общественным организациям, о стеснении печати, о сознательном растрачивании доверия союзников министром иностранных дел

Штюрмером, и заканчивалась декларация заявлением, что лица, не пользующиеся доверием, должны уступить место лицам, объединенным одинаковым пониманием переживаемого момента и готовым в своей деятельности опираться на большинство Государственной думы и провести в жизнь его программу. «Отныне, — заканчивалась декларация, — мы будем стремиться к достижению этой цели всеми доступными нам законными средствами». Этот текст, который все же не стоял на точке зрения необходимости так называемого ответственного министерства, отколол партию прогрессистов, и она вышла из блока[36].

Крупенский, исполняя, как и всегда, роль разведчика, на этот раз влетел. Он втайне от блока сообщил эту декларацию немедленно по ее составлении правительству, возмущенный ее текстом и агитирующий против нее среди членов Думы. Поднялся шум, и фракция решила баллотировкою выяснить свое отношение к поступку Крупенского. Однако при голосовании закрытою баллотировкою на [его] стороне оказалось большинство, после чего лидер фракции и целый ряд членов вышли из ее состава. Когда же, как говорят, фракция уменьшилась до минимума, то из нее вышел Крупенский, после чего все вышедшие раньше члены во главе со своим лидером Львовым 2-м снова вступили во фракцию. Слухи ходили, что ввиду такого настроения возобновление занятий будет отсрочено, и Крупенский повсюду разносил, что Думу распустят. Депутатов, которые все время были озабочены вопросами о том, продлят ли их полномочия после окончания пяти лет[37], были окончательно смущены всем этим, но оппозиционное настроение не уменьшилось, и за час до открытия заседания декларация блока была окончательно одобрена.

В день открытия 1 ноября Родзянко сказал речь, теперь уже не обходится без того, чтобы при возобновлении занятий [Думы] Родзянко не говорил. При составлении речи его более всего занимают те места, которые вызывают аплодисменты. В речи он упоминает о необходимости иметь правительство, сильное доверием страны[38], засим была прочитана декларация блока и произнесена речь Милюкова. Речь Милюкова произвела сильное впечатление даже на правительство. Перечисляя ряд фактов из деятельности правительства, приводивших каждый раз к неудачам, он сопровождал [их] вопросами: «Скажите, что это — глупость или измена?», и в Думе отвечал ему хор: «Измена». Засим он охарактеризовал таким же способом деятельность Штюрмера, указав, что приближенный к нему Мануйлов-Манасевич, обвиняемый во взяточничестве, делится взятками

с председателем Совета министров, указал на темные силы, тайно влияющие на ход внутренней и внешней политики, указал на Распутина, чрез которого делаются назначения, и что назначение Протопопова последовало в том же порядке, и, перемешав Штюрмера, Мануйлова, Распутина и Питирима, указал на то, что это та придворная партия, которая, по выражению немецких газет, группируется около молодой императрицы и победой которой было назначение Штюрмера. На следующий день в газетах вместо отчетов появились белые листы. Слухи же о необычайном подъеме в Думе все ширились, все любопытствовали узнать содержание речей, речи переписывались, требования на них до того возросли, что за экземпляр речи Милюкова в первые дни платили по 25 рублей и за прочтение по 10 рублей[39].

На следующий день от председателя Совета министров было получено два письма. В первом из них он обращался к председателю Государственной думы с просьбою прислать стенограмму, причем просил сохранить ее в неприкосновенности на предмет привлечения Милюкова за клевету; во втором он указывал, что случай, имевший место в Государственной думе, когда имя Государыни Императрицы Александры Федоровны было употреблено в недопустимом сопоставлении с другими лицами, небывалый еще в анналах Государственной думы, и выражал надежду, что председатель примет меры воздействия на Милюкова[40].

Такое же письмо было получено и от министра двора бар[она] Фредерикса[41], который обращался к Родзянко с указанием на необходимость принятия мер, указывая ему при этом, что для него это является необходимым как для лица, неоднократно удостоенного внимания Государя, обласканного Им и носящего придворное звание. О мерах, принятых Родзянко, он просил его уведомить для доклада Государю[42].

Октябристы, сперва весьма довольные, что Милюков откровенно сказал, что думали все, и поставил точки над «і», вструхнули, немало озаботило это и Родзянко, который собрал по этому поводу у себя на квартире совещание. На этом совещании были Варун-Секрет, Савич, гр. Капнист 2-й, член Государственного совета Карпов и я.

Варун-Секрет, который являлся в данном случае подсудимым, так как председательствовал во время произнесения Милюковым речи, который прекрасно слышал эти слова, при обсуждении вопроса, как выйти из этого положения, указывал на то, что этих слов не было помещено в представленной ему расшифрованной стенограмме, и потому, будто бы не зная

немецкого языка, можно сослаться на ошибку, допущенную Канцелярией, свалив, таким образом, вину на нее.

Я запротестовал, указывая, что тем не менее об этом ему было доложено мною и неизвестным быть не могло. Тогда был изобретен другой способ. Так как вечером на следующий день были назначены выборы в президиум и Варун-Секрет кандидатом на этих выборах не числился, решено было принести бескровную жертву. Варун должен был утром извиниться за то, что не принял по отношению к Милюкову дисциплинарной меры, так как не знал существа того, что Милюков произнес на немецком языке, ввиду незнакомства своего с этим языком (?!), и, так как в следующих заседаниях принятие таких мер уже допущено быть не может, то ему остается отказаться от звания товарища председателя Государственной думы. Об этом после отказа Варун-Секрета[43] было сообщено председателю Совета министров Штюрмеру, а министру двора бар[ону] Фредериксу было написано, что в законе нет указаний на то, чтобы министр двора о подобных вещах имел бы право запрашивать председателя Государственной думы, несмотря на то, носит ли он или нет придворное звание, с указанием, что о происшедшем председатель сам будет докладывать Государю, но в частном письме в то же время Родзянко сообщил Фредериксу то же, что и Штюрмеру[44].

Выборы, назначенные на 3 ноября, предполагалось произвести так, чтобы в Совещание [Думы] вошли представители всех партий, входящих в блок, то есть и от оппозиции.

Оно было и естественно, так как при новом курсе Думы президиум из одних октябристов казался немыслимым. Но кадетам все же не хотелось подставлять своего под удары правых и левых, с которыми со времени [создания Прогрессивного] блока они стали врагами, но, не желая отступать от принятого решения, они старались приобрести для себя должность секретаря [Думы] — не ответственную за ход заседания. Октябристы не соглашались, а Родзянко вообще не сочувствовал вступлению в президиум других партий, привыкнув во всех решениях при октябристском президиуме быть самостоятельным, и либо отвергал распределение мест в президиуме между партиями, либо отводил лиц, выставленных оппозицией. Таким образом [он] достиг того, что первоначально кадеты от всякого участия [в президиуме] отказались. Но выставленная октябристами на пост товарища председателя кандидатура гр. Беннигсена, проводившего финляндское законодательство[45], побудила их принять условия ок-

тябристов и выставить на это место Некрасова, который и выбран был. Родзянко прошел всеми голосами, кроме крайне правых и левых. Следующие заседания были посвящены резким нападкам на правительство, и в частности на Протопопова. Правительство во всех заседаниях отсутствовало[46], гр. Бобринский, товарищ председателя, говорил: «Неужели же у них явится наглости, чтобы явиться сюда». [В.А.] Маклаков говорил: «Либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна»[47]. Надо признать, что такому сечению, как в этот раз, правительство не подвергалось ни в первой, ни во второй Думе, казалось, что единственным ответом на это был бы роспуск, но белые листы вместо отчетов в газетах пробудили огромный к Думе интерес. Организации, общества, земства, города составляли резолюции, присылали телеграммы, поддерживая Думу в ее новом курсе и в требовании ответственного министерства. Этот подъем был так велик, что хотя в Совете министров и раздавались голоса за роспуск, но большинство эту меру считало опасной, правительство растерялось и слухи стали ходить о возможных в составе его переменах. Дума окрылилась и решила не заседать, пока не произойдет в Совете министров перемен. Очередное заседание было отменено. Заговорили о назначении председателем Совета министров [А.Ф.] Трепова, которого единственно пригодным для того считал Протопопов, что он и высказал, будучи министром на совещании у Родзянко[48]. Эти слухи раздражали Родзянко, ибо он его считал непригодным. Тем временем Шингарев, председатель комиссии по военным делам, назначил заседание комиссии и, не сговорившись ни с кем, поставил на повестку сообщение министра путей сообщения о Мурманской [железной] дороге. Когда в комиссии появился Трепов, то поднялся шум, не дававший ему говорить, и были сделаны заявления о нежелании слушать членов правительства. В этом приняли участие социал-демократы, трудовики и прогрессисты. Был сделан перерыв, вызвали Родзянко. Трепов не уезжал и ждал решения. После долгих совещаний решено было Трепова выслушать. Ему никто не возражал и проводили молча. Кадеты, не участвуя в протесте, все же видели в нем хорошую сторону. «Мы, — говорили они, — показали ему этим, что на посту председателя Совета министров он для нас неприемлем». Шингарев ходил сконфуженный, и никто не мог угадать, почему ему вздумалось устроить это заседание. О Трепове говорили, что он хотел попробовать, как будет принят Думою[49]. Министры то и дело что ездили в Ставку, которая находилась в Могилеве. 10 ноября последовал высочайший указ о переры-

ве занятий до 19 ноября, и одновременно последовал высочайший указ о смещении Штюрмера и назначении на его место Трепова. Штюрмер, направляясь в Ставку 9-го, 10-го утром получил отставку, не доезжая до Ставки, на станции Орша. Дума ликовала победу, когда впервые под ее дружным давлением был уволен Штюрмер, но назначение Трепова и оставление остальных министров ее удручало. Стали обсуждать: одни говорили, что ничто не изменилось, другие находили, что надо подождать и попробовать работать с Треповым. Трепов в то же утро был у Родзянко, Родзянко давал ему советы и [как] первое условие ставил изгнание из кабинета Протопопова, без чего Дума не согласится на совместную работу. Трепов сообщил Родзянко, что он будет принят Государем до начала занятий Государственной думы. Главная любимая тема, к которой он готовился, — валить премьера — отпала, и он был в большом смущении, что говорить и как его примут после речи Милюкова. Действительно, прием был назначен в Ставке на 16 ноября.

Я забыл, впрочем, упомянуть еще об одном знаменательном факте, который влил в Думу уверенность в том, что роспуска быть не может. После бурных речей в первых двух заседаниях, когда правительство отсутствовало, в четвертом заседании появились на министерских скамьях морской и военный министры[50] и просили председателя дать им слово. Как тот, так и другой в кратких словах обрисовали помощь, весьма ценную, оказанную делу войны, общественных организаций и совещаний и в связи с этим достигнутые успехи в снабжении армии. Засим говорили о необходимости совместной в этих же целях работы с Государственной думою. «Этого требует оборона страны», — сказал морской министр Григорович. Обоих их проводили громом аплодисментов. Был объявлен перерыв. Депутаты окружают их. Военный министр спускается в места депутатов, пожимает им руки. К нему обращаются с просьбою изгнать ненавистных министров, он отвечает, что он солдат и в эти дела не вмешивается. «Вот именно, так как вы солдат, то выгоните их штыками», — возражают ему. В то же время группа депутатов окружает Григоровича и старается допытать его, с разрешения и ведения кого они выступают, он отвечает уклончиво, и засим выясняется, что выступление их состоялось без ведома Совета министров, получены ли были ими об этом указания из царской Ставки, так и осталось неизвестным. Вот вам и объединенный Совет министров.

Ввиду ухода Штюрмера главный козырь у Родзянки для доклада в Ставке был вырван, и он был очень озабочен, в каком духе вести свой доклад и

как найти выход из инцидента, созданного речью Милюкова, который, между прочим, весьма ловко использовал в газете «Речь» рукопожатие военного министра. Там было упомянуто о выступлении Шуваева и Григоровича и добавлено: «Закончив свою речь, Шуваев спускается в депутатские места и жмет Милюкову руку». Подвел [Милюков] старика ловко[51].

Родзянко просит меня сопровождать его в Ставку. 15 ноября мы выехали. Нам предоставили прекрасный вагон. Войдя в него, Родзянко обращается к проводнику и спрашивает: «Это чей вагон?» — «Председателя Совета министров», — следует ответ. «Как? в нем ездил Штюрмер? Зовите дезинфекционный отряд, чтобы выкурить весь дух его». В вагоне великолепнейшая ванна с душем. «А это он окачивался здесь после головомойки!» — делает свои замечания Родзянко. Проводник, глупо улыбаясь, отвечает: «Так точно, Ваше превосходительство». До поздней ночи мы перебирали в салоне документы и обсуждали, что надо говорить [императору]. Родзянко очень волновался, ожидая сурового приема из-за всех происшедших событий. Накануне я набросал проект той речи, которую я бы произнес, будучи в положении Родзянки на докладе у царя. Об этом я ему сказал еще до отъезда, что набросок у меня есть. Он поинтересовался, ему она очень понравилась, он прочел ее некоторым членам Государственной думы, те одобрили, и этим объяснением решено было покончить с инцидентом Милюкова. Эта речь была изготовлена в письменной форме и представлена по прочтении [членами Думы] в виде письменного высочайшего доклада следующего содержания:

«Ваше Импер[аторское] Величество. Следуя Вашим указаниям и ограничивая свой доклад занятиями Гос[ударственной] Думы, имею счастье всеподдан[нейше] доложить, что прием меня в данный момент значительно упростил мою трудную и ответственную задачу. Указом Вашим 10 сего ноября (увольнение Штюрмера)[52] Вашему Велич[еству] угодно было оказать нам великое доверие, как отразителям народных чувств и чаяний. Этот акт вызвал во всех чувства глубокой радости и благодарности. Вы так чутко поняли эти настроения, что едва ли я был бы прав, если бы стал утруждать Ваше Величество их пересказом. Стенограммы, которые я имею счастье поднести Вашему Величеству, красноречивее меня скажут все то, о чем шепталась раньше и заговорила в последнее время так громко вся страна. В эти тревожные первые дни 5-й сессии, полные тяжелых сомнений, основанных на действиях или, вернее, бездействии стоявшего во главе Правительства лица, не пользующегося не только доверием, а, наоборот,

внушающим даже инстинктивно в каждом подозрение, радостно прозвучали слова Вашего Величества, обращенные к Государственной Думе в ответной телеграмме на ее приветствие — о доведении войны до победного конца. С большим подъемом и воодушевлением выслушала Г[осударственная] Дума Военного и Морского м[инистр]ов, просто и ясно выразивших убеждение, которым проникнуты все мы, Государь, что дело обороны страны требует совместной дружной работы Правительства и Гос[ударственной] Думы с общественными силами всей страны. Эта мысль, сознанная в настоящее время каждым, настолько ясна, что иной постановки дела мы себе рисовать[53] не можем, и я не ошибусь, если позволю себе высказать, что в настоящее время Г[осударственная] Дума, сумевшая внутри себя на время войны убрать партийные перегородки, сумеет и по отношению к новому Правительству на время войны воздержаться от тех нападков, которые могли бы иметь место в мирное время, если только она убедится, что поставленная Ваш[им] Вели[честв]ом новая власть, из каких бы лиц она ни состояла, открыто и честно будет исповедовать и проводить в жизнь то, что так просто и ясно было сказано представителями армии и флота, понявшими, в чем залог нашей полной победы. Победы, и только победы мы все сейчас хотим. Этим проникнуты все наши мысли. Это желание руководит всеми нашими действиями, подчас, быть может, и неверными с точки зрения действующего права и этикета, но простительными по своей искренности и высокому патриотическому порыву. Момент, Государь, тяжелый, и в критическую минуту, когда вопрос идет о чести и достоинстве Родины, Гос[ударственная] Дума не может молчать, в особенности когда уже подымает громкий голос страна. Она не может молчать и бездействовать, ибо иначе она была бы преступной пред царем и родиной. И для этой великой победы в момент, когда нельзя упустить ни одной минуты, так как иначе может оказаться поздно, мы должны быть готовы на все. Судите нас, Государь, нам было тяжело, но мы исполнили честно наш долг пред Родиной и Вами»[54].

Родзянко мучило все же то, что он должен коснуться письма Алексеева о невмешательстве его (Родзянко) в военные дела, и резолюция Государя на всеподданнейший рапорт о неприеме его. Он считал, что во что бы то ни стало он должен оправдаться. Я посоветовал ему, если уж так он хочет, закончить этим свой доклад в том случае, если обстоятельства сложатся к тому благоприятно, но ни в каком случае не начинать с этого. В наших беседах, конечно, как всегда, принимала участие женщина. Увидя на

вокзале знакомую сестру милосердия Косиковскую[?], он перезалучил ее к себе в вагон и сделал участницею обсуждения государственных вопросов. Это его вечная слабость к женскому полу. Он заставил ее прослушать записку, с пафосом и жестами прочтенную им, и спрашивал отзыва.

Родзянко все находил, что материал для доклада невелик. Смена начальника штаба Верховного главнокомандующего Алексеева, которого он собирался валить и которого он всячески бранил, уже состоялась, а назначение на его место Гурко вызвало в нем чувство радости. Он восхваляет его чуть не до небес. Впрочем, это с ним бывает так всегда. Каждое новое лицо, им ли рекомендованное или не им, он воспевает, а через некоторое время бранит и старается свалить.

16-го утром мы прибыли в Могилев. Встреченный на вокзале вице-губернатором, полицеймейстером и состоящим при Ставке начальником железных дорог в районе военных действий инженером Паукером, он был доволен, видя в этом благоприятные предзнаменования. На вокзале мы узнали, что в ставке Протопопов, который прибыл накануне и был приглашен вечером во дворец на представление кинематографа, а сегодня завтракает во дворце. В Ставке была и Государыня, при ней Вырубова. День [императора] распределялся так: завтрак во дворце, после него прогулка с семьей на моторах, в 8 ч. вечера обед без приглашенных в поезде у Императрицы.

Нам подали прекрасный мотор, и мы поехали во дворец заявить о приезде и узнать, когда будет назначен прием. У ворот дворца решено было, что я сойду с автомобиля, но когда произошла заминка в пропуске самого Родзянко во двор дворца, то он меня заставил остаться в моторе и, соответственно разругавши охрану, подкатил вместе со мною к подъезду. Гоф-фурьер[55] сообщил нам, что Государь примет Родзянко в 6 ч. вечера. Это также его несколько успокоило, так как в Ставке укрепился предрассудок, что это тот час, когда назначаются приемы нормальные, с хорошим исходом, и что прием в более ранние часы, как, например, Штюрмера в последний раз в 4 ч. дня, предвещает для посетителя неприятности.

Оттуда мы поехали завести разным генералам [визитные] карточки. Встретили дежурного генерала Кондзеровского, последний спросил: «Вы, конечно, к нам в Штаб приедете завтракать?» — «Конечно, нет», — ответил Родзянко. — «Почему?» — «Потому что я не получил приглашения». — «Ведь Вы же знаете, что мы всегда рады Вас видеть у себя и что у нас уже

установился обычай, что Вы раз и навсегда получили приглашение бывать у нас». — «Но Вы знали, что я сегодня приезжаю, могли прислать меня встретить какого-нибудь адъютанта». (Когда же эту фразу он повторил одному из полковников Генерального штаба, своему хорошему знакомому и даже родственнику, тот ответил: «Ну вот, Михаил Владимирович, у нас нет лишних людей, чтобы рассылать с такими поручениями».) «Во всяком случае, я занят и завтракать не могу», — [ответил Родзянко]. Завтракать мы поехали на вокзал. Перед завтраком мы поехали к Лодыженскому — это молодой человек лет 32-х, заведующий Канцелярией гражданского управления при Ставке[56]. Там Родзянко выспрашивал о настроении в Ставке. Тот ему сообщил, что Протопопов силен и что он работает на роспуск Думы очень сильно. Засим все, кого только ни видели, в один голос говорили о влиянии Александры Федоровны и о необходимости принять меры для удаления Протопопова, держащегося силою этого влияния. И всякий, кто нам что-либо рассказывал, требовал чуть ли не клятвенного обещания не выдавать его другому. И так от высших чинов до низших. Характерен в этом отношении был ответ доктора, заведующего столовой Штаба, где присутствует 350 человек: «Вы спрашиваете, как мы живем? Войны мы здесь совершенно не чувствуем, живем, как в монастыре — все готово, все есть, и сплетни, сплетни и интриги без конца».

Позавтракав на вокзале, мы прошли в вагон, где застали ответные карточки разных генералов — [в том числе] Гурко. Вслед за сим прибыл полковник просить Родзянко обедать в столовой Штаба в 7 1/2 часов. Ему Родзянко ответил, что он не один, что с ним приехал я, и через 1/2 часа по телефону было передано приглашение и мне, а через час с тем же поручением прибыл и вестовой.

Было около 4 ч. дня, когда из Ставки в Петроград должен был уезжать Протопопов. Родзянко это узнал от его адъютанта, который был на вокзале. Родзянко, не желая его встречать, вышел со мною на дебаркадер, где мы стали прогуливаться, как вдруг Родзянко мне говорит: «Скорее поворачивайте назад», и сам, сделав крутой поворот, ускорил шаг. «Что такое?» — спросил я. «Протопопов». Оглянувшись, я действительно увидел Протопопова, идущего за нами.

Когда он нас заметил, то ускорил шаг, очевидно, чтобы догнать и повидаться. Этого Родзянко не хотел. «Что, идет?» — спрашивал [он] меня. — «Да, он нас старается настичь». — «Ускорим шаг. Ну что?» — «Он

ближе». — «Скорее». — «А как же дальше, там тупик?» — «На рельсы, по путям до семафора». Протопопов преследовал до тупика, где остановился и, поглядев на нас, медленно повернул назад. Мы все еще шли вперед по путям, значительно отдалившись от станции. «Преследование кончилось», — сказал я, мы повернули и в конце дебаркадера сели на скамейку в ожидании отхода поезда [Протопопова]. Когда поезд отошел, мы вернулись в вагон и застали [визитную] карточку Протопопова.

Время близилось к назначенному для доклада сроку. Михаил Владимирович переодевался и снова заволновался, все спрашивая себя: «А все же так дальше идти нельзя, что же надо?» — «Ответственное министерство», — сказал я, что время от времени всегда ему говорил и за что он меня постоянно посылал чуть ли не к черту. «Подите Вы с вашими напевами, — сказал он и в этот раз. — Вы понимаете, я этого вместить в себе никак не могу». — «А все-таки Вы к этому придете», — ответил я. «Сейчас это невозможно, но Протопопова свалить нужно, и также Шаховского. Протопопова надо назначить на место Шаховского, там он будет хорош, а на место Протопопова у меня есть кандидат хороший — предводитель дворянства орловский князь Куракин». Я сказал, что я бы уклонился подсказывать каких бы то ни было кандидатов в данное время, а что касается Протопопова, то это была бы большая ошибка думать, что на месте министра торговли он был бы удачным.

Аудиенция Родзянки продолжалась 1 3/4 [часа]. Его встретили милостиво и, обратив внимание на хрипоту голоса, предложили пересесть подальше от окна. Родзянко прочел свой доклад. Государь волновался и по его окончании сказал: «Я очень рад услышать, что Дума будет работать с правительством». Затем Государь спросил, довольны ли [в Думе и доволен ли] он назначением Риттиха на место гр. Бобринского министром земледелия. Родзянко выразил полное удовольствие. Засим Родзянко упомянул о необходимости смены Протопопова. «Да вы же сами мне его рекомендовали», — сказал Государь. «Да, Ваше Величество, но на место Шаховского. Назначьте его сейчас министром торговли, он будет пригоден (этим он объяснял мне желание спихнуть Шаховского)[57], а здесь Дума помириться не может с ним, ибо он изменил своей физиономии». — «Ну это я не знаю, сделаю ли я», — последовал ответ. На мой вопрос, когда рассказывал [мне] Родзянко: «Ну а об ответственности говорили?», он ответил, что Государь спросил, чего же хотят, и что он ответил, что со всех сторон говорят об ответственном министерстве, но что, конечно, это

11 Зак. 2660.

рано и несвоевременно, но что нужно министров взять пользующихся доверием страны. Доложил, что министры пользуются Распутиным в своих целях и как в эту компанию завлекал и его митрополит Питирим.

«Митрополит?» – спросил Государь. «Да», – ответил Родзянко. «Странно, а он при чем здесь?» Родзянко сообщил о принятых земскими управами резолюциях, о тревожащих слухах о роспуске, о которых докладывают министры.

«Об этом Вы мне первый говорите, у меня нет намерения распустить Государственную думу», [— ответил император]. После этого Родзянко решил сказать о необходимости продления полномочий членов Государственной думы. «Я подумаю», — ответил Государь.

Засим Родзянко заговорил о письмах Алексеева. Государь ему сказал, что об этом ему докладывал Шуваев. «Вы не виноваты», [— сказал он]. (Шуваев, по отзывам Ставки, прибывший туда после выступления в Думе, был принят как никогда ласково.) Тогда Родзянко коснулся и резолюции на его всеподданнейший рапорт, спросив, как Государь прикажет ее толковать в будущем. Свой рапорт с резолюцией Родзянко держал в руках. «А она у Вас?». Здесь выяснилось недоразумение, что Государь, вместо того чтобы послать ее Штюрмеру, отправил Родзянке. «Дайте мне ее сюда, пусть будет по-прежнему, я ее уничтожу». – «Ваше Величество, разрешите ее оставить у себя на память, я собираю Ваши автографы». Государь улыбнулся и ответил: «Ну хорошо». На этом аудиенция закончилась[58]. В 8 ч. вечера Родзянко был у себя в вагоне.

Было уже поздно ехать на обед, но мы все же поехали, но застали лишь кучку офицеров, расходившихся. Родзянко среди молодежи очень популярен. Нам быстро приготовили обед, и, побеседовав с офицерами, Родзянко поехал к Гурко, от которого вернулся в 12 ч. ночи. Здесь он стал делиться со мною впечатлениями. Неожиданно ласковый прием, ни слова по поводу происшедшего в Думе в ответ на его доклад — все это так повлияло на него, что он был прямо потрясен. «За этого человека я готов пойти на плаху», – говорил он. Но, разбираясь подробно в ответах, он менял свое настроение. В нем видна была борьба. Вдруг он вскрикивал: «Но послушайте, ведь так дальше идти нельзя — это говорит и Гурко. Ведь Протопопов все-таки остается. Как же все это совместить? Искренно ли все, что сказано? А если нет? Это ужасно». Потом он снова впадал в оптимизм. Засим менялось настроение, и он сказал: «Нет, един-

ственный выход — это ответственное министерство». — «Ага, — сказал я, — наконец-то Вы пришли к моему убеждению», но, говоря это, я прекрасно понимал, что и это настроение у него сменится так же быстро.

Отсутствие всякой нашей и румынской подготовленности на фронте Румынии он ставил в вину Алексееву. Алексеева же в Ставке все от мала до велика очень уважают, считая за умелого военачальника и весьма порядочного человека, и потому каждый спрашивал Родзянку, неужели он не заедет навестить больного, и старались разубедить его в том, что в своих суждениях он не прав. Родзянко слушать не хотел и решил демонстративно не ехать к нему. Между прочим, вечером Родзянко мне сказал, что гоффурьеру дал 5 рублей и шепнул ему, что он до 4 часов завтра остается в Могилеве, на случай, если бы его пригласили завтракать во дворец. «И напрасно, — сказал я, — все равно этого не будет». — «Почему?» — «Да Вы забыли, что императрица здесь, а ей Вы не представлялись уже шесть лет и про нее говорите неприятные вещи царю. Естественно, что при этих условиях на завтрак в ее присутствии Вас не позовут». — «Ах, да я и совсем это упустил из виду». На завтрак, конечно, не позвали. Утром 17-го генерал Алексеев просил Родзянко к нему заехать. Родзянко навестил его и ввиду его тяжкой болезни не говорил ему неприятностей, но зато великому князю Сергею Михайловичу наговорил кучу неприятностей по поводу артиллерийского снабжения. Чтобы с ним повидаться, он обратился к Лодыженскому, причем просил его узнать, в котором часу можно это устроить. При этом Родзянко настаивал, чтобы Лодыженский не испрашивал у великого князя назначения аудиенции на определенный час, а спросил великого князя, когда председатель Государственной думы может застать его дома. Он несколько раз ему повторил, что именно в этой, а не в другой форме он должен задать великому князю вопрос. Когда при разговоре о военной авиации великий князь Сергей Михайлович рекомендовал Родзянко повидаться и передать лично великому князю Александру Михайловичу, то Родзянко, по его рассказам, ответил ему, что у него нет времени и он не желает его видеть.

Пока утром Родзянко вел эти беседы, я оставался на вокзале. Когда утром я выглянул в окно, все полотно дороги было покрыто белым покровом. Я думал, что выпал снег, но оказывается, что я ошибся. Целый полк баб из леек поливали пути известью. Ждали прибытия со своим поездом принца Ольденбургского. Поезд прибыл, дисциплина страшная, даже в отсутствие принца вся поездная прислуга выстроилась во фронт.

Стоит у своих вагонов в ожидании по несколько часов сряду. Поезд его квартира, тут же и его канцелярия. Адъютанты и лица, состоящие при нем, затянутые в полной походной форме. Принцу визита Родзянко не делал. С утренним поездом прибывают и министры. В салон-вагоне с этим поездом прибыл министр торговли и промышленности кн. Шаховской и вошел в наш вагон, желая узнать, кто из высокопоставленных лиц в Ставке. Вагоны этих лиц стоят на определенном месте вблизи станции. Увидев меня в окне, он закивал мне головой и выразил ясно намерение повидаться. Я вышел на вокзал купить газеты и на возвратном пути увидел Шаховского, стоящего раздетым у дверей вагона и зазывающего меня. Я вошел к нему. Чувствовалось, что он страшно хочет узнать новости и главное, не подковырнули ли его. Я долго молчал на эту тему и старался говорить на отвлеченные темы. Наконец он спросил, когда он может застать Родзянко. Я сказал, что он придет к часу дня. Засим поинтересовался приемом у царя, я сказал, что прием был очень хороший. Засим Шаховской заговорил о Протопопове: «Какую змею пригрели вы на своей груди. Ведь человек два года бегал ко мне в министерство и был какой ласковый, а теперь на мое место метит. Скажите, и Родзянко сильно раздражен против меня?» — «Не скрою от Вас, что да», — отвечаю я. «Ведь это он все за Литвинова-Фалинского мне мстит. Странно думают, что министр так уж держится за свой пост. Все-таки мне хотелось бы повидать Михаила Владимировича и переговорить с ним. Перемен не предвидится?» — «Я больше не слышал, кроме состоявшихся», — ответил я и поспешил к себе, ожидая, что Родзянко должен был заехать за мною, чтобы ехать в Штаб. На этот раз мы прибыли вовремя. Завтрак продолжался недолго, и мы поехали отдавать визиты, то есть заносить карточки вплоть до полицеймейстера, но Шаховскому, карточки которого по приезде застал Родзянко у себя, он визита не отдал, хотя вагоны наши стояли рядом. Мы встретили царский кортеж, едущий на прогулку.

Подходило время нашего отбытия; идя уже к своему вагону, Родзянко был выловлен кн. Шаховским, который просил его за неимением времени непременно назначить ему аудиенцию в Петрограде. Провожать прибыли чины администрации, генерал, чины Штаба, и тут же отдал визит и генерал-адъютант Иванов. Раздался третий звонок, вся эта публика едва успела выйти, и мы тронулись в обратный путь. Родзянко до поздней ночи все переживал впечатления и все спрашивал, все ли он сказал, все ли он сделал, что надо было.

Что же можно было сделать еще, по-видимому, все [было сделано], но как, какой придан был тон и оттенок дан, это угадать никогда нельзя, ибо рассказ первый [Родзянко] всегда отличается от второго, и так далее, и каждый раз тон его рисуется смелее и смелее. Что же было в действительности, надо гадать и по состоянию его духа тогда, и по его вопросам, надо предположить, что сказано было много даже обо всем, но что в каждом вопросе он робел и под влиянием обаяния [императора] уступал, не давая решительных выводов. Таково мое впечатление.

19 ноября новый председатель Совета министров должен выступить со своей декларацией. Он знакомит с ее содержанием Родзянко. Он высказывает мнение, что она недурна. Блок готовится к сдержанному, но все же критикующему ответу. Ждут выступления Пуришкевича, который покинул фракцию правых. Выясняется, что Протопопов пока остается на своем месте. Решено без демонстраций выслушать декларацию правительства, и надеются, что до 19 ноября произойдут перемены в составе правительства, и в частности увольнение министра внутренних дел Протопопова. Тем временем Государственную думу положительно засыпают с разных сторон телеграммами от разных организаций, обществ, земских собраний и, что знаменательно, впервые от рабочих разных заводов, которые приветствуют Думу с новым ее курсом, прося не отступать от него, и выражают разные пожелания в продолжении ее борьбы за власть, пользующуюся доверием страны или ответственную перед нею.

К 19 ноября новых перемен в правительстве не произошло.

19 ноября. День возобновления прерванных занятий. Весь кабинет налицо, в том числе и министр внутренних дел Протопопов. Трепов выходит на трибуну для прочтения [правительственной] декларации. Слева поднимается шум, заглушающий его слова. Социал-демократы и Трудовая партия[59] решили не дать возможности говорить ему. Восемь человек исключаются. При объяснениях они мотивируют, что Дума непоследовательна, ибо устами Маклакова сказано «или они, или мы», совместная работа невозможна, а между тем, несмотря на то что в составе правительства перемен не произошло, Дума готова приступить к работе с правительством. Этот неожиданный скандал ошеломил сперва блок, а напугавшийся Родзянко применил сразу крутую меру исключения на 10 и 8 заседаний. Против исключения голосовали прогрессисты. Засим блок

спохватился. Он находил, что социал-демократы и трудовики им очень помогли, так как известное отношение к правительству выяснили в первый же момент, и [члены блока] рады были, что [это] пришлось сделать не им. Пошли переговоры о возможности сокращения меры дисциплинарного взыскания. Родзянко в виде признания своей ошибки завез исключенным депутатам визитные карточки, но засим к Родзянко стали являться депутации от рабочих с заводов и присылают заявления с требованиями сложить это наказание, после чего, сначала [к этому] готовый, Родзянко решительно отказался.

Декларация правительства ничего нового не заключала. В ней, правда, была новая нотка — хвалебные слова в отношении деятельности общественных организаций, но вместе с тем и указание на необходимость направления этой деятельности целесоответственно. Эта декларация подверглась довольно сильной критике со стороны представителя прогрессивного блока, а засим с сильными обличительными речами выступили Пуришкевич и гр. Бобринский, [который] донельзя резко отзывался, в частности, о Протопопове. Пуришкевичу фракция не разрешила выступить, почему он выступил от своего имени. Речь его все время перебивалась возгласами по его адресу справа, к которым он в конце послал эпитет «холопы».

Протопопов краснел и бледнел и метался, пересаживаясь то на скамьи правительственные, то на депутатские места, он порывался отвечать, но очевидно боялся скандала. Председатель Совета министров, посовещавшись с министрами, воспретил ему выступать с ответами в качестве министра внутренних дел. Тогда Протопопов пересел в депутатские места и по окончании речи Бобринского подал председателю Государственной думы записку о желании говорить в качестве члена Государственной думы. Раздались голоса в зале «просим, просим», но Родзянко, воспользовавшись наступившим сроком для окончания заседания, объявил заседание закрытым.

Этим, конечно, избегли неминуемого скандала, но спрашивается: какое же это объединенное правительство? Ведь раньше из-за пустяка обыкновенно все демонстративно покидали зал заседания, а теперь, несмотря на то что одного из членов их положительно обливали грязью, весь Совет [министров] молча слушал, а ему даже не позволил выступить с объяснениями. Новый способ вышибать председателю Совета министров неугодных членов кабинета, и какая неблагодарность Трепова, которого Прото-

попов проводил в премьеры. Но и эта мера оказалась недействительной, как это бывало и раньше, стоит Думе на кого-либо нападать, как его положение упрочивается.

22 ноября. Выступает Марков 2-й, защищая правительство, и в частности Протопопова, и клеймя поведение большинства Думы, он стремится дискредитировать ее и доказать [ее] неработоспособность, употребляя обычные свои приемы извращения фактов и передержки. Эта речь все время вызывала реплики с разных скамей. Он разразился [речью] главным образом против Пуришкевича, стараясь доказать его измену всем своим убеждениям и верованиям. В своей речи он попутно отвечал на реплики и делал замечания членам Думы, за последнее из коих был остановлен Родзянкою. Марков повернулся к нему и резким голосом сказал: «А Вы на меня не кричите», за что был лишен слова. Сходя с кафедры, он с кулаками, поднятыми кверху, обратился к Родзянко: «Болван! мерзавец!» Родзянко не растерялся. Он объявил Думе, что после понесенного оскорбления он должен передать председательствование своему товарищу, и сам сошел с кафедры и направился в полуциркульный зал. Марков объяснил свой поступок намеренным действием, говоря, что ввиду того, что здесь позволяли безнаказанно оскорблять высоких особ, он в лице пристрастного (я бы сказал, к ним) и непорядочного председателя хотел оскорбить вас[60]. К Маркову была применена высшая мера взыскания — удаление на 15 заседаний. Заседание, после короткого перерыва, продолжалось, но вяло, никто уже не слушал, в зале было пусто.

Вхожу в полуциркульный зал. Родзянко с сжатыми кулаками, хриплым голосом, удерживаемый толпою членов Думы, кричит: «Я его задушу своими руками, пустите меня!» Состояние его внушало опасение, так как все пережитое в последнее время отразилось на нем.

Сквозь толпу я протиснулся к нему и стал уговаривать успокоиться. Но слова успокоения жужжавших вокруг членов Думы его только раздражали. Я просил их разойтись и оставить его одного. Мне удалось его повернуть, насильно взять руками за его большой живот и под руку свести в кабинет, куда был приглашен его сын. Тотчас была послана Государю телеграмма о сложении им с себя из-за инцидента звания председателя. Войдя чрез несколько минут в его кабинет, я увидел стоящего Родзянко и около него маленького человека, прислонившегося к его грузному телу. Я думал, что это доктор, выслушивавший его сердце. Подойдя ближе,

оказалось, что это секретарь Государственной думы Дмитрюков, который рыдал, лежа на его животе.

Все, кто только находился в Думе, выражали ему свое сочувствие. Трепов приехал к нему на квартиру. Груда карточек, члены Государственного совета, телеграммы без конца. Не были только правые. Демонстративно не выразил ему сочувствия, встретившись, министр юстиции Макаров. Вечером Родзянко был переизбран снова председателем Государственной думы против правых голосов, и что достойно внимания, что социал-демократы и трудовики не делали своего обычного заявления о неучастии в выборах. Возник вопрос о вызове Маркова 2-го на дуэль. Следующий целый день совещались секунданты Родзянко (генерал Дашков и Панчулидзев). Тем временем Совещание, фракции обсуждали свои по этому поводу постановления. Все находили, что принимать [выходку Маркова] за личное оскорбление Родзянко не может, так как это относилось ко всей Думе. Фракции постановили не подавать Маркову руки, не входить с ним ни в какое общение и, увлекшись, не требовать от него никакого удовлетворения. Это последнее было слабо — выходит, что Марков безнаказанно может делать все что хочет.

Отказ Маркова, кроме того, в свое время от дуэли с одним из депутатов заставил признать его недуэлеспособным, и вопрос о дуэли был исчерпан.

Расчеты Маркова 2-го не оправдались: желая свалить Родзянко, он создал ему ореол небывалый. Приветствия и трогательные телеграммы со всех концов России свидетельствовали, каким большим человеком он кажется для России и как неоценимы его заслуги в настоящее тяжелое время. Эти овации привели в смущение самого даже Родзянку. Его кабинет был заставлен цветами, ему дамы незнакомые и юные девицы посылали приветы и посвящали стихотворения. Это его, конечно, окончательно размягчало. Он старается каждому в отдельности ответить, и, сидя у себя за столом, обложенный телеграммами и письмами, он мне сказал: «Я окончательно смущен, ведь я хорошо сознаю, что я и тысячной доли этих отзывов не заслужил и недостоин их».

Разнесся слух, что и Протопопов вызвал на дуэль гр. Бобринского, но извинительное письмо последнего, в котором Бобринский писал, что намерения оскорбить Протопопова у него не было, ликвидировало этот вопрос. Этот инцидент огласке подвергнут не был.

После этого высокого подъема Дума вяло закончила и обсуждение декларации и продовольственного вопроса, ожидая все каких-то событий и перемен, и ежедневно сама распускала в кулуарах всевозможные слухи. Говорили о приеме 6 декабря законодательных палат и каком-то [законодательном] акте, о переменах в министерствах, о долговременном перерыве занятий. Повышенное настроение Думы перенеслось в Государственный совет, который вынес небывалую, в духе Думы, формулу [перехода к очередным делам], говоря о темных силах и пр. Ему вторил Объединенный Совет дворянства. Трепов успокоил Думу заверениями, что перерыв занятий будет самый краткий. Члены Думы делали вид, что перерыва вовсе не делают, а сами перерывами были довольны и приступили к реальной работе — рассмотрению законопроекта о мелкой земской единице, совместно с Министерством внутренних дел, во главе которого оставался ненавистный Протопопов, переизбрали комиссии и поплыли по своему старому течению. «Мы и они» вместе[61].

6 декабря ничем не ознаменовалось. Государь накануне уехал в Ставку. Митрополит Питирим был пожалован высшей в священной иерархии наградой с описанием необычайным его заслуг перед церковью и родиной, а дня за два княгине Васильчиковой, жене бывшего министра земледелия, было предложено выехать из Петрограда за письмо, отправленное Императрице с мнением русских женщин о текущих событиях внутренней жизни и о темных влияниях.

Товарищ министра внутренних дел князь Волконский стал в оппозицию Протопопову. Когда ушел Хвостов А.Н., он мне сказал: «Какая это была грязь — вы не поверите, как я счастлив, что назначили Штюрмера — прекрасный человек, и как приятно с ним служить», а когда о Волконском зашла речь при Хвостове и когда стали говорить, что Волконский ничего не знает и ничем не интересуется, Хвостов сказал: «Мало того, но кроме всего этого он еще подлец».

Трепов усиленно поддерживает сношения с Родзянко[62]. Он его просит всячески содействовать тому, чтобы Дума была сдержаннее, что эта сдержанность поможет ему достигнуть цели — увольнения Протопопова. Родзянко верит этому и даже громко перед своими софракционерами указывает на необходимость поддерживать Трепова. Эта его связь с Треповым производит скверное впечатление. Между блоком и Родзянко происходят некоторые трения. Савич, новый лидер октябристов, принципиальный,

как и Гучков, противник кадетов, усматривает, что блок идет по указке кадет и всячески настраивает Родзянко против блока. Он находит, что уступать кадетам нельзя и что нечего бояться, если блок даже расколется.

В то же время, как я и ожидал, при прохождении закона о волостном земстве обнаружились непримиримые течения, которые заставили умышленно затягивать прохождение этого закона, дабы не расколоться до предполагаемого перерыва занятий. Эта вялость в настроениях Думы после ее подъема 1 ноября обеспокоила Москву, которая в лице Земского союза, Союза городов и Военно-промышленных комитетов[63] после целого ряда закрытых полициею собраний вынесла резолюции, требующие перемены системы управления, и препроводила их председателю Государственной думы.

В то же время прогрессивный блок собрался на квартире бар[она] Меллер-Закомельского с представителями этих организаций, и обсуждали современное положение.

Эти резолюции сильно встревожили Родзянко. Он находил их неуместными при существовании Думы и упрекал князя Львова в желании руководительства Думою. Он находил, что страна должна идти за Думою, но не Дума за страною. В этом его сильно поддерживал Савич. Стремление блока говорить об этих резолюциях в Общем собрании [Думы] встречало в нем сильное противодействие. Связь Родзянко с Треповым и резкое отношение к резолюциям заставило блок с некоторым недоверием отнестись к искренним намерениям Родзянко. К тому же требование Протопопова о том, чтобы эти резолюции, если о них пойдет речь, не были оглашены в открытом заседании, сделало резкий поворот в настроении Государственной думы. Родзянко это учел и быстро сдался. Состоялось соглашение, что резолюции будут оглашены при обсуждении другого дела, на которое Протопопов не указывал. 16 декабря раздались снова резкие речи против правительства. Повторилось настроение 1 ноября. Ожидавшийся перерыв занятий [вместо] 17 декабря последовал 16-го в 11 1/2 ч. вечера. По поводу этого заседания Трепов по телефону обратился к Родзянке с некоторым упреком: «А Дума из Ваших рук выскальзывает», на что Родзянко ответил: «А Вы двенадцать человек и то в руках удержать не можете». Указ гласил о возобновлении занятий 12 января 1917 г.

Назначенное для разбора в Окружном суде дело Мануйлова-Манасевича, обвиняемого в мошенничестве, было прекращено по высочайшему повелению[64].

В ночь с 16 на 17 декабря был убит Распутин. Это событие произвело большую сенсацию; вечером в театрах по требованию публики был исполнен народный гимн. Газеты сперва молчали, потом стали помещать статьи со слухами об участниках предполагаемых и о жизни и влиянии Распутина, но скоро прекратили все это вследствие запрета цензуры. 20 декабря из Ставки в Царское Село прибыл Государь. Великий князь Дмитрий Павлович и молодой князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, были посажены под домашний арест, а через несколько дней первый отправлен на фронт в Персию в сопровождении двух генералов и без права заезда куда бы то ни было, а второй на жительство в его имение в Курскую губернию. Правительством были приняты меры для изъятия из квартиры Распутина всей его переписки. Рассказывают, что Вырубова в тот же вечер с большим чемоданом выехала в Царское Село.

Телеграмма, посланная из Царского Села в Ставку, как говорят, была следующая: «Наш друг убит. Присылай Воейкова. Подозревают Дмитрия и Феликса». При вскрытии трупа в Чесменской богадельне никто не был допущен, кроме одной неизвестной сестры милосердия. О погребении ничего определенного не известно. Ходили слухи, что отпевание состоялось в 2 ч. ночи в Царском Селе в присутствии высочайших особ, а погребение вблизи Царского Села.

18 декабря управляющий Министерством внутренних дел Протопопов был назначен министром внутренних дел. Таким образом, все ожидания членов Государственной думы и надежды Трепова оказались напрасными. Протопопов чуть ли не каждый день выезжает с докладами в Царское Село. Это назначение сильно волнует общество.

23 декабря Родзянко посылает рапорт, испрашивая высочайшей аудиенции. Говорят о значительном влиянии Александры Федоровны на назначения и государственные дела. Высылка Дмитрия Павловича и кн. Юсупова взбунтовала великих князей. [Великий князь] Николай Михайлович имел большую беседу с Родзянко. Великая княгиня Мария Павловна звонила к нему и просила приехать. У нее, оказывается, было какое-то совещание. Родзянко отказался приехать и был у нее на следующий день днем. Прибыл великий князь Александр Михайлович, который был у Государя. Великий князь Павел Александрович аудиенции не получил, председатель Совета министров Трепов, министры финансов Барк, иностранных дел — Покровский, торговли и промышленности — Шаховской,

народного просвещения — гр. Игнатьев и юстиции Макаров подали в отставку, последний еще несколько ранее в связи с прекращением дела Манасевича-Мануйлова.

Отставки Макарова, гр. Игнатьева, Трепова приняты. Трепова долго убеждали остаться. Он подавал четыре раза прошение об отставке. Последний раз он объяснял, что с Протопоповым он служить не может и что вообще его положение представляется совершенно невозможным, когда министры назначаются без его ведома (так был назначен вместо Макарова Добровольский, которого Трепов не принял, когда он хотел приехать к нему представиться), что, конечно, он уйти не может, раз Государь его не отпускает, но что при этих условиях ему остается пустить себе пулю в лоб. После этого Государь согласился на его отставку. На его место был назначен член Государственного совета по назначению князь Голицын (правый), а на место гр. Игнатьева сенатор Кульчицкий, которого Игнатьев уволил из попечителей [учебного] округа.

Голицын, посетив Родзянко, рассказал ему, что он был вызван к Императрице, а когда приехал во дворец, то ему объявили, что он будет принят Государем, который ему сказал, что он долго думал и что выбор пал на него. Это было для него совершенно неожиданно, и он наговорил про себя таких вещей, что если бы что-нибудь подобное сказал про него другой, то ему пришлось бы с ним драться на дуэли. «Князь, но вы бы лучше этого не рассказывали, — сказал Родзянко. — Ведь Вы даете понять, что и назначения происходят через Императрицу». — «Так что же [в этом] такое?» — ответил кн. Голицын.

Вице-председатель Государственного совета, состоящий в этой должности десять лет, Голубев, получил соответствующее внушение за допущение принятия Государственным советом формулы перехода и за это же не только был уволен от этой должности, но даже исключен из списков присутствующих членов Государственного совета. Вместо него был назначен правый — Дейтрих. Вместо председателя тайного советника Куломзина назначен И.Г. Щегловитов, засим исключен целый ряд членов Государственного совета от центра и недеятельных правых и заменены вновь назначенными членами Государственного совета из сенаторов в числе 18 человек — все правые, в том числе Веревкин и Таубе — сподвижник Кассо.

1 января 1917 г. в Царскосельском дворце приносили поздравления Его Императорскому Величеству Совет министров, председатели законодатель-

ных палат и первые чины двора. В ожидании выхода Государя все стояли группами, причем Родзянко стоял с церемониймейстером гр. Толстым, который просил его показать ему Протопопова, его еще в зале не было. Родзянко шутливо ответил, что он в качестве наблюдающего за порядком должен зорко следить за тем, чтобы встречи его, Родзянко, с Протопоповым не было, так как может произойти скандал. Обеспокоенный и принявший [эти слова] всерьез, Толстой отошел и через некоторое время вернулся с другим церемониймейстером бар[оном] Корфом, который с тревогою спросил, в чем дело, — все кончилось шуткою. В это время вошел Протопопов и стал на свое место, следя за Родзянко. Родзянко, избегая встречи, обошел с другой стороны и стал на свое место. Когда он остановился, то Протопопов с ласковой улыбкою подошел к нему и протянул руку. Родзянко заложил руки назад и громко сказал: «Никогда и нигде». Протопопов схватил его под руку и, быстро повернув его, начал: «Дорогой мой...», но в то же время Родзянко отстранил его руку и отойдя сказал: «Не прикасайтесь ко мне, мне гадко». Протопопов побледнел и шепотом сказал: «Я пришлю Вам вызов». — «Должно быть, через охранников», — ответил Родзянко. Вызова тем не менее от Протопопова не последовало[65].

Родзянко приветствовал Государя с Новым годом и выразил ему, что, к сожалению, Государственная дума распущена, что если бы она была в сборе, то, очевидно, он имел бы счастье и от лица ее приветствовать его. О том, что Государь не назначал ему до сих пор аудиенции, ни со стороны Государя, ни со стороны Родзянко речи не было. Вечером стало известно, что по высочайшему повелению великий князь Николай Михайлович отбыл в свое имение в Херсонскую губернию. Наложена цензура на его переписку. Поводом послужил его разговор в Яхт-клубе[66] о текущих событиях[67].

Слухи о возможном роспуске Государственной думы растут. Из правительственных сфер доносятся они также. Правительство считает это необходимым сделать, если Дума будет агрессивна. Этот вопрос о том, будет ли Дума агрессивна, задавал Родзянко кн. Голицын и выражал, что правительство надеется на Родзянко, что он сумеет ее сдержать. «Я отвечать за Думу не хочу. Напрасно надеетесь», — отвечал Родзянко.

Обеспокоенный текущими событиями и возможностью такого роспуска, Родзянко на 3 января вызвал к себе на совещание Самарина[68], московского предводителя [дворянства] Базилевского, орловского предводителя кн. Куракина и товарища председателя объединенного дворянства Карпова.

В тот же день у него были председатель Общеземского союза кн. Львов, городского союза Челноков и из военно-промышленного комитета Коновалов. Родзянко считал необходимым осведомить их о текущем положении и о том, что в случае роспуска Думы эти организации, а в особенности дворянство, должны взять на себя инициативу дальнейших действий. Приглашенный на совещание предводитель дворянства Петроградской губернии Сомов не явился, а на следующий день завез визитную карточку. Как те, так и другие[69], предполагая возможность перемены курса, намекнули Родзянко, что он должен быть готов принять на себя ответственность председателя Совета министров.

В 5 ч. дня 3 января Родзянко посетил великий князь Михаил Александрович, который спросил Родзянко, как он полагает, будет ли революция, на что он [Родзянко] ответил, что ее не будет, но что положение серьезно и что необходимо принять меры к замене правительства лицами общественного доверия, которые примут на себя эти обязанности, когда будут устранены безответственные влияния. На вопрос, кто же может быть во главе, Родзянко ответил, что указывают на него, Родзянко, и что он не сочтет возможным отказаться, если условия, указанные выше, будут выполнены. Он просил обо всем, возмущающем общество, доложить Государю и просить его, чтобы ему, Родзянко, была наконец назначена аудиенция. Великий князь обещал. Между прочим в разговоре великий князь спросил, чего хотят — ответственного министерства? Родзянко ответил: «Ваше Высочество, конечно, читали резолюции, разве там об этом говорится?» И они оба решили, что там об этом ничего не говорится[70].

4 января. Родзянко мнит себя председателем Совета министров. Он говорит: «Один только я и могу сейчас спасти положение, а без власти этого сделать нельзя, надо идти». Моих возражений он не слушает, а на мои указания, что только ответственное министерство может вывести из затруднения, машет рукою.

Вечером он призывает меня. Посылается повторный доклад с ходатайством об высочайшей аудиенции[71]. Снова возбуждает разговор о возможном составе кабинета с ним во главе. Он выслушивает спокойно мои горячие возражения. Улыбается особою саркастическою улыбкою, когда я говорю, что его большое имя и авторитет нужны для Думы. Видя его улыбку, я говорю: «Вы правы, быть может, в действительности это и не так, но видимость такова, и ее по текущему времени надо поддерживать». На

эту реплику он мне ответил: «Перед женою и ближайшими сотрудниками человек великим не бывает. Кого же тогда вести [на пост премьера]: князя Львова мне не хочется, насажает кадет, я его не люблю». — «Почему [нет], когда это будет сделано по соглашению с Вами» [, — возразил я].

Через некоторое время он вынимает из кармана листик с расписанием министров и против председателя Совета министров, где единственно не было заполнено, пишет «кн. Львов». Далее список содержал следующие имена:

Министр внутренних дел	кн. Куракин
Иностранных дел	Сазонов
Юстиции	Манухин
Финансов	Шингарев
Торговли	Гучков[72]
Военный	Алексеев
Морской	Григорович
Путей сообщения	Герценвиц
Народного просвещения[73]	
Государственный контролер	Тимашев

Едучи домой, Родзянко мне говорит: «Теоретически Вы правы, и Вы ужасно меня смущаете, так же как и Савич». — «Я Вас не смущаю и не насилую, я высказываю свой взгляд, который себе усвоил и от которого отступить не могу, я Вас не останавливаю, как Савич, но путь нахожу неверным».

Про Савича же он высказывается так: «Я очень уважаю этого человека, но я его понять не могу. Он убеждает меня, что все образуется и без нас. Бесталанное командование ни к чему хорошему не приведет, но этим смущаться нечего, ибо за нас все сделают союзники. Во внутренних делах мы также ничего не добьемся, и потому надо сидеть смирно и выжидать событий. Русский народ все переможет, никакой революции не будет, и все образуется».

В тот же вечер Родзянко был у Гурко — начальника Штаба Верховного главнокомандующего, который инкогнито прибыл в Петроград[74], он сообщил Родзянке, что уверен, что если Думу распустить, то войска перестанут драться.

5 января. Военный министр Шуваев назначен в Государственный совет, на его место назначен Беляев, от которого Шуваев избавился как [от]

помощника военного министра, дав ему в командование корпус. Князь Волконский наконец ушел в отставку, другой товарищ министра внутренних дел Бальц — в Сенат. Вызванные Родзянко предводители [дворянства] окончили совещание. Они постановили, что Самарин должен представить резолюцию объединенного дворянства Государю. Самарин просил Фредерикса об аудиенции. На 19-е число в предвидении возможности роспуска Думы созвали съезд Совета объединенного дворянства.

Вечером Родзянко получил Указ об отсрочке возобновления занятий до 14 февраля, чему он был очень рад, так как боялся повышенного настроения Думы.

6 января. Получено извещение, что прием Родзянко у Государя назначен 7 января в 12 ч. дня. Октябрист Савич и гр. Капнист машут руками и говорят: «Все равно ничего не выйдет». Это приводит Родзянко сперва в бешенство, а засим он впадает в уныние. Вечером я его стал успокаивать. Засим в 10 ч. по его приглашению прибыл священник Таврической церкви[75], с которым он говорил наедине, после этого он вышел и объявил, что он овладел собою. Далее шел разговор о тех темах, которые надо затронуть в Царском [Селе]. В 2 ч. ночи я его оставил, и он снова заперся для беседы со священником.

7 января. Я видел его[76] за 1/2 часа до отъезда в Царское [Село]. Он мне сказал: «Я совершенно спокоен и тверд. Я решил Государю сказать все».

Между прочим наконец перед отходом [поезда] я спросил его, думает ли он ответить Государю утвердительно, если Государь ему предложит составить кабинет, причем стал снова убеждать его отказаться от этой мысли и проводить мысль об ответственном министерстве. Родзянко ответил: «Об ответственном министерстве я говорить не буду, так как не разделяю Вашего мнения, да и, кроме того, я прошлый раз говорил Государю, что считаю эту меру несвоевременной. Но если он укажет на меня, то я, конечно, приму предложение, ибо уверяю Вас, что никто, кроме меня, сейчас не может спасти положения, а без власти этого сделать нельзя. Это говорят и дворяне, и земцы». Между прочим, мне удалось проверить чрез Клопова, который ездил в Москву, что ни Львов, ни Челноков такой мысли ему не подавали и крайне неодобрительно даже относятся к этому.

Вечером в тот же день, вернувшись с панихиды по Ермолове[77], где Родзянко видел председателя Совета министров, кн. Голицына, Родзянко

сказал: «Представьте себе, Голицын, увидев меня, говорит: "Ну что же, Вы довольны, мы отсрочили созыв [Думы], как Вы того желали". А каков нахал! Я ему говорил при его первом визите на его вопрос, не отсрочить ли созыв, что это дело правительства, а теперь он говорит, что это было мое желание».

С 7 января по 14 февраля[78].

Общественное настроение все делается тревожнее, продовольственный вопрос возбуждает серьезные опасения.

Издан [императорский] рескрипт председателю Совета министров Голицыну о достойном отношении правительства к Думе и Думы к правительству. Он производит очень незначительное впечатление, но все же многие члены Думы находят, что этот акт дает указание на известное просветление. А.А. Клопов пишет царю письма, предупреждая его об опасности революции и убеждая в необходимости решиться на ответственное министерство. Он неоднократно видается с великими князьями, которые очень этому сочувствуют, они приезжают к нему, совещаются и устраивают свидание с Государем. Предварительно чрез [великого князя] Михаила Александровича накануне посылается подготовительное письмо весьма решительного тона, рисующее ужасное положение и рекомендующее выход. В редакции письма принимают участие кн. Львов и другие лица. Кроме того, Клопов снабжается документами, записками и тезисами, на основании которых он должен вести разговор[79]. Государь его встречает очень радушно, благодарит его за искреннее письмо, которое, как он выразился, он был очень рад получить; по обыкновению молча выслушивает его, но когда Клопов сказал, что он не уйдет, не получивши ответа на главный вопрос об ответственном министерстве, то ответил: «Да, кажется, другого выхода нет».

Засим Клопов указывал на то, что общественное мнение недовольно вмешательством Императрицы в дела Госуд[арства (?)] и выразил просьбу высказать Государыне несколько мыслей. Но Государь отвел этот разговор указанием, что Императрица в дела не вмешивается. Казалось, что дело как будто бы налаживается, почему я всячески старался помешать Родзянке ехать к царю, хотя у него было к тому непреодолимое желание, но определенной темы не было.

Тем временем прогрессивный блок никак не мог решить своей линии поведения. Многих смущал рескрипт, и они забыли, что они сказали

12 Зак. 2660.

1 ноября, что с этим правительством они работать не могут, они забыли, что они провозгласили: «Мы или вы».

Родзянко потребовал, чтобы был послан доклад о приеме, больше оттягивать нельзя было, и пришлось это сделать. Через день был получен ответ о приеме на следующий день. Меня заботило, чтобы этим докладом не было испорчено начинание Клопова, и я принялся за составление доклада, но рассчитал-таки время, чтобы вручить ему за 10 минут до его отъезда, когда уже невозможны были бы какие-либо исправления. Доклад был составлен в тоне, соответствующем докладам Клопова, и с теми же выводами. Темой его было возможное настроение Думы в предстоящую сессию. Указывалось на тревогу, которая была результатом сложившихся обстоятельств. Говорилось, что ничто не изменилось и что Дума при таких условиях, не раз уже высказавшись, должна будет сохранить свой прежний тон, несмотря на угрозы правительства роспуском, что непринятие мер грозит печальными последствиями и что задача Думы предупредить их[80]. За несколько дней до этого Родзянко послал Государю заявление членов Особого совещания по обороне о том, что члены Совещания находят момент критическим и в деле снабжения армии, и просят его прибыть в Совещание согласно его указаниям, что в важные минуты он сам примет участие в заседаниях этого Совещания. Подачу этой записки они мотивировали тем, что их ходатайство об этом было отклонено военным министром[81]. Об этом упоминалось и во всеподданнейшем докладе.

Родзянко вернулся из Царского [Села] мрачнее тучи. Он говорил: «Мне тяжело об этом говорить — это надо сперва пережить, но мало-помалу». Он сообщил, что Государь принял его через 20 минут после назначенного времени, оговорившись, что он задержался на прогулке. Был очень сух и как никогда смел в своих репликах, с сильным отпечатком не только насмешки, но и пренебрежения. Говорил, что он требует, чтобы Дума вела себя корректно по отношению к правительству, дал понять, что перемен никаких не предполагается, что он сам знает, когда ему нужно приехать в Особое совещание, и что теперь он не приедет. Торопил его с докладом, говоря: «Пожалуйста, поскорее, мне надо идти пить чай с Михаилом Александровичем».

Два таких совершенно противуположных отношения к одному и тому же вопросу на продолжении нескольких дней, конечно, разбили наши хотя [и] слабые надежды на выигрыш.

Родзянко несколько утешился [тем], что доклад, который он прочитал, членами Думы был одобрен всеми без исключения. Благодаря этому докладу и блок перестал колебаться и вынес решение снова выразить в первом заседании резолюцию, выражающую их [прогрессивного блока] отношение к правительству.

Стали ходить слухи, что рабочие хотят в день возобновления занятий Государственной думы сделать перед Думою демонстрацию. Страх по поводу этих слухов, а также угрозы роспуском окончательно снизили настроение Думы. В свою очередь правительство, играя на понижение настроения, поручило министру земледелия Риттиху выступить первым с разъяснениями по продовольственному вопросу. Его речь длилась 2 1/2 часа и произвела свое действие[82]. Плохо составленная декларация блока была прочитана без подъема[83], не было настроения и в остальных речах. Разочарование полное — неудачею.

Принялись за рассмотрение продовольственного вопроса. Ни у кого никакого плана. Риттих своей персоной внес раскол в блок, так как октябристы горячо его поддерживают, а кадеты сваливают. Шестьдесят ораторов один скучнее другого. В зале народу мало — все скучают.

19 февраля. Скончался председатель бюджетной комиссии [Думы] Алексеенко. По случаю траура заседание прерывается, устраиваются парадные похороны. На панихиде пристава [Думы] стоят на дежурстве. Родзянко меня спрашивает: «А как вы будете хоронить, если умрет председатель?» Я отвечаю, что большего парада трудно сделать, разве если сами начальники отделов [Канцелярии Думы] станут на дежурство. «Это верно, — отвечает он. — Знаете ли, что надо сделать же отличие. Отмените дежурство завтра на отпевании приставов».

24 февраля. Начались на улице беспорядки на почве недостатка хлеба и закрытия фабрик. Дума заседала, рассматривала по этому поводу запрос и вынесла формулу, в которой предлагалось немедленно принять обратно рассчитанных рабочих и др[угие] меры. Родзянко велел стенограммы не выпускать, находя, что это может еще больше встревожить, но когда на следующий день ему в Совещании с представителями фракций указали на то, что в газетах ничего нет, то он нагло объяснил, что члены Думы хорошо знают, какую он борьбу ведет из-за цензуры, но что, к сожалению, ничего сделать не может и что это не его вина. Все успокоились.

25 февраля. Беспорядки усилились, войска стреляли. Город передан военной власти, были убитые и раненые. Заседание было короткое, был внесен законопроект о передаче продовольственного дела городу. Назначен срок до 28-го для его разработки, и заседание закрыто[84]. Это было следствием того, что накануне Родзянко утром объехал город, заехал к Риттиху, потащил его к военному министру, того заставил поехать к председателю Совета министров и настоять созвать вечером Особое Совещание с приглашением президиума обеих [законодательных] палат, городского головы и председателя губернской земской управы, где и было выработано предварительное соглашение по этому предмету. Все это было сделано, как всегда, без предварительного даже переговора со своими товарищами из президиума. Это не встретило сочувствия в его фракции, но он, конечно, как всегда, сумел нарисовать картину безвыходного положения и рисовал себя в роли спасителя. Тут же в небольшом круге лиц он по секрету передал, что растерянные министры сказали ему, что только призыв его к власти мог поправить дело (??). — «Дайте мне власть, я расстреляю, но в два дня все будет спокойно и будет хлеб» [, — заявил Родзянко]. Засим он потребовал свидания с председателем Совета министров, посетил снова Риттиха и военного министра.

26 [февраля]. Беспорядки усилились. 96 раненых и 12 убитых. Убит [или] сильно [ранен командир], несколько офицеров ранено. Рота Павловского полка взбунтовалась. Сильно ранен командир[85]. Родзянко снова объезжает город и министров и рассказывает, что, когда его на заставах не пропускали, он кричал: «Смирно, едет председатель Государственной думы!» — ему отдавали честь, и он проезжал. Вечером он приехал в Думу и объявил, что особенного ничего не происходит, и тут же говорил: «Форменная анархия — революция». Без чьего-либо ведома он послал телеграмму Государю с просьбою сменить правительство (конечно, [колено]преклоненно и с мольбою), а также начальнику Штаба Верховного главнокомандующего и всем начальникам фронтов (??). Члены Думы растеряны, передают друг другу невероятные слухи, не знают, что делать. Некоторые требуют заседания немедленного, чтобы реагировать, октябристы не соглашаются — Милюков только упрекает Родзянко, что он скрывает от них в такое время свои действия, но засим приходит к нему извиняться, и [они] целуются. Родзянко опять прав?! Выход из

положения находит в том, что назначает на 27-е сеньорен-конвент и Частное совещание членов Государственной думы. Между тем со всех сторон доносятся слухи, что же делает Дума, что же она молчит. А она все не знает, что ей надо делать, ни кадеты, ни октябристы все еще не решили.

27 февраля. Утром взбунтовались запасные батальоны Литовского полка, Преображенского и саперы. Патрули солдат разоружали на улицах проходящих офицеров и реквизировали автомобили. Все сосредоточилось в районе Кирочной улицы, стрельба целый день.

[ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ][1]

Революция в разгаре. Войска с распущенными знаменами перед Таврическим дворцом, члены Государственной думы с подъезда говорят речи. Начальник караула у Таврического дворца, пытавшийся не пропустить к дворцу (Государственной думе) толпу, ранен[2]. Из Ставки в Петроград направлены отборные воинские части. Они были задержаны тем, что на подступах к Петрограду был разобран железнодорожный путь. Навстречу стягивающимся к Петрограду войскам выезжали члены Государственной думы и, разъясняя им положение, добивались того, что и эти части прибывали к зданию Думы и изъявляли свою покорность революции. Ввиду такого положения, создавшегося вне зависимости от действий Государственной думы, и ввиду того, что Государственная дума не проявляла своих намерений в дальнейшем, Городская управа отправила к Родзянко депутацию с просьбою, чтобы Государственная дума стала во главе революционного движения, так как авторитет ее мог предупредить нежелательные разрушительные действия, обычно сопровождающие революцию. Родзянко долго не поддавался этим уговорам и только в 2 ч. ночи с 28 на 29 февраля дал свое согласие на создание Временного комитета членов Государственной думы по водворению порядка[3]. Пока шли переговоры, Совет рабочих депутатов в 5 ч. дня 28-го переехал в Таврический дворец, заняв его правое крыло, где помещалась бюджетная комиссия Государственной думы[4]. У дверей как Думского комитета, так и Совета рабочих депутатов стояли караулы воинских гвардейских частей. В большом зале Таврического дворца большой непрекращающийся митинг. На огромной бочке, изображающей трибуну, матрос произносит горячую речь, рядом с ним мы видим Родзянко. Царь сообщал, что он готов дать ответственное министерство, и, получив ответ, что теперь это уже поздно, решил ехать в Петроград. На станции Бологое Николаевской железной дороги жандармский полковник предупредил Николая, что ему сейчас ехать в Петроград небезопасно, почему Николай II решил вернуться в Ставку свою

в Могилев. Но и это ему не удалось, так как по распоряжению Думского комитета и с согласия Совета рабочих депутатов его поезд крейсировал некоторое время между Бологое и станцией Дно, а потом пригнан был на станцию Псков, где и последовало отречение царя от престола. Много было споров, кому ехать в Псков для получения этого акта. Левые не доверяли октябристам, а октябристы боялись резких эксцессов со стороны левых. Поехали за отречением октябрист Гучков, который, как говорили, мстил этим Николаю за его отношение к нему в бытность его председателем Думы, и правый националист Шульгин. Почему Шульгин? Тут, как мне кажется, сыграло роль то обстоятельство, что Шульгин был редактор газеты «Киевлянин». Вся царская семья была перевезена в Царское Село и поселена во дворце под охраной. В то же время в Петрограде растерявшиеся члены Государственной думы бездействовали. Образовались молодежные бригады, которые по своей инициативе являлись к министрам, арестовывали их и препровождали их в Думу. Там их помещали в Правительственный павильон[5]. В министерства были откомандированы комиссарами члены Государственной думы, при них состояли чины Канцелярии Государственной думы. Много и долго думали, что делать с арестованными министрами. Положение Родзянко было затруднительно, но и здесь он нашелся. В Думе был член Государственной думы Керенский [от] партии с[оциалистов]-р[еволюционеров][6]. Неврастеник, адвокат по профессии, [он] горячо произносил свои речи, производил впечатление на женский пол и доставлял большое неудовольствие сидящим под кафедрой оратора стенографам, обрызгивая их пенящейся у рта слюною. Многие считали его кретином. Он находился под негласным надзором полиции. Это последнее обстоятельство дало Родзянко основание сказать: «Он (Керенский) их не любит и пускай с ними расправляется. Назначим его комиссаром юстиции». Керенский был в восторге и много пережил, пока удостоился разрешения на это своей партии.

Меня назначили управляющим делами временного Комитета членов Государственной думы. Комитет не имел никакой самостоятельности. Все его решения и принимаемые меры должны были получить санкцию Совета рабочих депутатов. Получалось двоевластие. Настала необходимость сформировать кабинет министров. В него вошли: Гучков — военный министр, Милюков — министр иностранных дел, Шингарев — министр земледелия, Годнев — государственный контролер, Керенский — министр юстиции, Львов — министр внутренних дел, В. Львов — обер-прокурор Св. Синода.

Меня упрашивали принять должность управляющего делами Совета министров[8]. Я категорически отказался от этого предложения и согласился взять на себя эти обязанности впредь до подыскания подходящего человека; вскоре был назначен на это место В. Набоков[9], а меня, невзирая на мои протесты и нежелание, назначили сенатором. На первом же заседании Совета министров, на котором мне пришлось присутствовать, меня поразило то, что первым был поставлен вопрос об уничтожении Государственной думы как учреждения, то есть сами вырвали у себя из-под ног фундамент, на который могли опираться. Они сами себя назначали, сами себя увольняли. Под давлением обстоятельств очень скоро из состава Совета министров вынуждены были уйти Гучков и Милюков. Премьером и военным министром был назначен Керенский. 1 мая я прибыл к нему как министру юстиции представляться по случаю назначения меня в Сенат и тут был свидетелем его телячьего восторга по случаю его назначения военным министром. Чем руководились, о чем мечтали и чего хотели достигнуть все эти люди, непонятно. Ясно одно, что все эти уродливые явления, все эти люди, ничтожные, не способны были создать что-либо положительное, и их роль сводилась к выжиданию того момента, когда появится новый хозяин, с ясными планами и твердой волей, и могучим порывом сметет все старое до основания, чтобы строить новую жизнь.

После волнующей, кипучей и подвижной деятельности за последние 12 лет попасть в Сенат равносильно тому, как после шумной жизни большого света угодить в монастырь. Меня не тешило, что я в сравнительно раннем возрасте (47 [лет]) достиг высших ступеней государственной службы и сдан как бы в архив. Не видя смысла дальнейшего пребывания на службе, я воспользовался вакантным в Сенате временем (июль), уехал на Украину, где находилась моя семья, и решил твердо больше не возвращаться к месту моей службы.

Октябрьская революция меня застает на Украине. Я проживал с семьей на хуторе в 12 верстах от города Житомира. Украина тяжело переживала переходный период, пока окончательно там не утвердилась советская власть[10]. Мы пережили там жуткий бандитизм в связи с оставлением войсками фронта, Украинскую раду, нашествие немцев гетмана Скоропадского. На этом периоде я несколько задержусь, чтобы описать комические эпизоды и глупость тогдашних так называемых государственных

деятелей. Поставленный немцами на пост гетмана Украины генерал Скоропадский не отличался ни умом, ни талантами. Его избрание основывалось на том, что род его происходил от бывших гетманов Скоропадских. Он окружил себя свитой из гвардейских офицеров (сам он бывший кавалергард), одел их в старинную украинскую форму, обрил им головы, оставив только на макушке чубы, и заставил говорить на украинском языке; если не умели, то читали по шпаргалке. Председателем Совета министров был приглашен московский адвокат Кистяковский, сын профессора Киевского университета Кистяковского[11]. Нужда в людях, видимо, была большая, несмотря на то что у министерских кабинетов толпился народ в ожидании очереди. Среди них было много знакомых лиц. То были бывшие члены Государственной думы от правого крыла, бесталанные и незначущие. Все они мечтали как-нибудь пристроиться. Несмотря на то, что среди правых я далеко не пользовался симпатиями, тем не менее они нашли меня в моем уединении копающим канавы и стали убеждать меня в необходимости ехать в Киев и приняться за работу. Конечно, я категорически отказался. С другой стороны, меня разбирало любопытство, что там творится, и я согласился поехать посмотреть. Мне устроили свидание с Кистяковским (он по университету мой однокашник) в его квартире по Институтской улице. Он меня принял в роскошном кабинете, рослый, дородный, с окладистой русой бородой, холеный — типичный адвокат-знаменитость прежнего времени. После кратких приветствий он сразу делает мне предложение быть его товарищем по Министерству внутренних дел. Меня это ошеломило, так как и в университете мы не были близки, а после университета он был в Москве, я в Петербурге, и ни разу нигде не встречались. «По какой же части?» — спрашиваю я. «По департаменту полиции», — отвечает он. Я еле сдержался, чтоб не разразиться гомерическим хохотом, но решил разыграть комедию до конца. «Но ведь, — говорю я, — приглашая сотрудничать, нужно же познакомиться с вашим credo, како веруеши, чтобы не получилось разноголосицы». Кистяковский стал излагать свою программу, применяя столыпинские приемы и его программу по земельному вопросу. Все это было уж очень дико, и я остановил его, сказав: «Извините меня за мою резкость, но все, что я здесь видел и слышал, мне напоминает оперетту, но с трагическим концом». На этом окончился наш деловой разговор, и мы отправились с ним вдвоем в сад Купеческого собрания поужинать. Туда мне подали ав-

томобиль, на котором я отправился домой. И действительно, не прошло и десяти дней, как все полетело кубарем.

Жизнь на Украине становилась тревожной. За короткий период времени мы пережили и безвластие, и 21 перемену власти. Бывали дни, когда, просыпаясь, вы узнавали, что в городе новая власть. Прошел со своими полчищами Петлюра, прошли польские войска. Периодически захватывали власть большевики. На моем цензовом для земства (100 десятин) хуторе я проживал в полном мире и согласии с окрестными крестьянами, которые после земельной реформы наделили и меня с семьей по количеству душ 8 десятинами. Советская власть не сочла возможным оставить меня проживать в этом районе, и я должен был покинуть хутор и переселиться в город Житомир. Явилась забота об изыскании средств существования. Семья была многочисленная — жена, четверо детей, мать, сестра моя и сестра матери, итого 9 человек. Жена ходила по деревням, изыскивая провиант, а я со старшей дочерью стал ходить на поденщину. Недалеко от нас находилось здание Дворянского собрания, которое приспособляли под Дом просвещения. Я попал на работу по устройству сада при нем в качестве землекопа. Засим строил деревянную ограду, а потом поступил в артель плотников, которые ремонтировали здание, и когда приступили к постройке сцены, представил план и был назначен начальником строительства. По окончании строительства мне предложили должность рабочего сцены. Я принял это предложение. Ворочал вставки, готовил сцену для различных заседаний, открывал и закрывал занавес. В это же время при Доме просвещения образовались две студии — драматическая во главе с режиссером Людвиком Казимировичем Людвиговым[12] и оперная во главе с певицей Скорульской и ее мужем-музыкантом. Любя театр с детства, я присоседился к этому делу и с большим интересом принялся содействовать этому делу, оформляя спектакли. Мои успехи на этом поприще послужили основанием назначить меня художником красноармейского театра в Житомире, а когда ЧК решило строить 2-й театр в Житомире и эксплуатировать его, я был назначен его строителем, а засим назначен художником этого нового театра. Под этот театр было приспособлено помещение Общества взаимного кредита. Труппа была большая — 75 человек творческого состава. Режиссерами были Людвигов Л.К., А.Н. Казарин, Борисов Борис Иванович и Загорский. Заведующим труппой был Григорий Шейн. Его три сына, Абрам, Михаил и Александр, были в труппе. В труппе были Троянов, героиней служила Стопорина[13].

Нынешний режиссер Козловский, артистка Гремина были тогда во вспомогательном составе[14]. Этот театр через некоторое время перешел в ведение Нарообраза, а засим перешел на коллективные начала. В коллективе я был избран председателем правления. Здесь я прошел все стадии театральной деятельности. Я выполнял обязанности и машиниста сцены, и инспектора сцены, помощника режиссера и даже суфлера, оставаясь все время в своей основной роли художника.

С этого времени начинается моя вторая жизнь, ничего общего не имеющая с моей прежней деятельностью. Я вступаю в семью артистов и всей душой отдаюсь искусству. Я обрел свое призвание. Одно время я заведую мастерской художников, а затем перехожу художником при театре г. Коростеня. Здесь я знакомлюсь с рядом директоров и режиссеров драмы, оперы и оперетты. Здесь я принимаю приглашение антрепренера Берлова [?] и уезжаю в Днепропетровск, откуда начинаются мои странствования по Украине, Кавказу, Крыму, Сибири, Казахстану и ССР в Поволжье[15].

ПРИЛОЖЕНИЕ I
Докладная записка временно заведующего Канцеляриею Государственной думы (декабрь 1907 г.)

На основании ст. 56 Высочайше утвержденных 18 сентября 1905 г. Правил о применении и введении в действие Учреждения Государственной думы[1] обязанности по производству дел Государственной думы, а равно обязанности пристава и его помощников, впредь до образования ее Канцелярии, исполняют лица, назначенные государственным секретарем.

Ввиду сего с 16 апреля 1906 г. последним было командировано для занятий в Канцелярии Государственной думы около 25 чинов Государственной канцелярии. Из них половина исполняла обязанности помощников пристава, а остальные были заняты работой по Канцелярии.

Начальствующего и ответственного по Канцелярии лица не было.

С избранием в секретари Государственной думы кн. Д.И. Шаховского командированные чины перешли в непосредственное его ведение и в самое короткое время почти все были заменены приглашенными им по вольному найму лицами преимущественно свободных профессий и земскими служащими (так называемый третий элемент), мало понимавшими в канцелярском деле и совсем незнакомыми с техникой законодательного делопроизводства.

Канцелярия Думы не успела получить тогда полной организации.

Кн. Шаховской обращал свое внимание главным образом на редактирование стенографических отчетов и общую постановку этого дела.

Председатель сосредоточил при себе делопроизводство по подготовке дел к заседаниям Думы и сношения с ведомствами, а остальная часть делопроизводства Канцелярии была оставлена без всякого руководства.

Отсутствие начала единства в организации Канцелярии, а также ответственного за весь ход ее работы лица быстро сказалось полной дезорганизацией как самого делопроизводства, так и личного состава. При полном беспорядке вступивших и исходивших бумаг не велись самые необходимые книги, не составлялись журналы заседаний комиссий и не формировались дела.

При отсутствии внесенных правительством и рассматривавшихся Думою законопроектов не обнаруживалась слишком резко полная дезорганизация Канцелярии, но среди членов Государственной думы часто слышали нарекания на неспособность Канцелярии сделать хотя самую простую справку из законов.

С роспуском Государственной думы ордером государственного секретаря мне было предложено вступить в заведование Канцеляриею и принять дела, представлявшие из себя груду неразобранных бумаг. При подготовке дел к сдаче состав Канцелярии обнаружил полное свое незнание, сформировал все делопроизводства в совершенном беспорядке при отсутствии какой-либо систематизации материалов. За неимением книг и реестров пришлось принять то, что было предложено.

Составленная распоряжением государственного секретаря временная Канцелярия в составе 5 человек была занята в междудумский период переформированием и приведением в систему полученных дел. Только после этой работы обнаружилось отсутствие в делах Канцелярии таких материалов, которые в будущем могли иметь важное значение для истории первой Государственной думы.

В междудумский период был составлен теми же чинами временной Канцелярии указатель к стенографическим отчетам. Отрицательные стороны, обнаруживавшиеся в деле организации Канцелярии Думы 1-го созыва и неуверенность в возможности, путем соглашения с будущим секретарем Думы, ввести в Канцелярии должную организацию, побудили меня войти с представлением к государственному секретарю об издании временных правил о назначении служащих Канцелярии до утверждения ее штатов, которые позволили бы поставить ее на правильных основаниях, соответствующих требованиям делопроизводства Государственной думы.

18 февраля 1907 г. последовало Высочайшее утверждение положения Совета министров о временных правилах для лиц, служащих в Канцелярии Государственной думы, до введения в действие штата означенной Канцелярии.

В силу этих правил делопроизводство Канцелярии было возложено на Государственную канцелярию, причем для исполнения канцелярских и стенографических обязанностей было разрешено государственному секретарю приглашать лиц по вольному найму. В случае необходимости привлечь к занятиям новых, не числящихся по Государственной канцелярии,

служащих, лица эти должны приглашаться государственным секретарем по соглашению с председателем и секретарем Думы.

Не препятствуя пополнять состав служащих лицами, приглашенными с его согласия по вольному найму секретарем Государственной думы 2-го созыва М.В. Челноковым, государственный секретарь в то же время настаивал, чтобы до утверждения штатов во главе Канцелярии стояло лицо, назначенное им временно заведующим Канцелярией и ответственное как перед ним, так и перед председателем и секретарем Думы. Это положение действовало как во время Думы 2 [-го] созыва, так продолжается и в настоящее время. Оно не только не повело к каким-либо недоразумениям, но, напротив того, вызвало одобрение со стороны М.В. Челнокова, выразившего его после роспуска Государственной думы в письме к государственному секретарю от 7 июня 1907 г.

Естественное желание секретаря Думы М.В. Челнокова быть независимым в деле управления Канцелярией и распоряжения кредитами заставляло ускорить составление штатов, которые и были им внесены в Думу через месяц после ее открытия.

Штаты были составлены применительно к практике Государственной Думы 1 [-го] созыва и хотя предполагали значительные против прежнего улучшения в деле постановки Канцелярии, но ко времени рассмотрения их Думой и Государственным советом обнаружили уже крупные недочеты. Нельзя не указать, что одной из ошибок в этом деле являлось то, что составление самих штатов не во всех частях сообразовалось с требованиями дела, а применялось к положению тех лиц, которые были намечены для занятия некоторых должностей Канцелярии. Существенным недостатком штатов следует признать то, что они, отвергнув право государственной службы, не обеспечивали прочности [и] устойчивости положения служащих.

В организации Канцелярии было отвергнуто начало объединения ее деятельности в лице особого ее начальника, ответственного перед председателем и секретарем за работу всего учреждения. Канцелярия была разделена на два совершенно самостоятельных отдела с двумя особыми начальниками, подчиняющимися непосредственно одному секретарю.

Вследствие роспуска Государственной думы не последовало утверждения штатов; были уволены все служившие по вольному найму делопроизводители, за исключением лишь нескольких, опыт и знание которых были необходимы для предстоявших в междудумский период работ.

Временной Канцелярией, в составе 10 человек, вместе с командированными из Государственной канцелярии, ко времени открытия Думы 3 [-го] созыва были изданы указатель к стенографическим отчетам, материалы по Наказу [Государственной думы], сборник документов Государственной думы 2-го созыва вместе с указателем к нему и, наконец, обзор деятельности комиссий и отделов; составлен и отпечатан каталог библиотеки, устроен архив и разослано более 1000 объявлений на поступившие в Думу в 1906—[190]7 гг. прошения.

С открытием работ Государственной думы 3 [-го] созыва Канцелярия на расстоянии полутора лет сформирована в третий раз с новым составом служащих.

До введения в действие составленных Государственной думой штатов Канцелярии последняя будет находиться в ведении государственного секретаря, за которым остается распоряжение кредитами.

Опыт двух первых Дум дает достаточные указания для того, чтобы выяснить те основания, на которых должна быть организована Канцелярия и выработан ее штат. В связи с этими основаниями стоит необходимость введения некоторых изменений в существующие законоположения, определяющие порядок подчиненности Канцелярии Государственной думы и ее организации.

Работая в Канцелярии Государственной думы с самого ее возникновения и пройдя последовательно должность помощника пристава, пристава, заведующего Канцелярией при председателе Думы 1 [-го] созыва и находясь в ныне занимаемой мной должности временно заведующего Канцелярией Думы, я имел возможность ознакомиться во всех подробностях с ходом ее работ и выяснить себе необходимые основания ее организации, которые и позволяю себе предложить Вашему вниманию.

Прежде всего надлежит остановиться на вопросе об отношениях председателя и секретаря к делу управления Канцелярией.

Закон, устраняя председателя от всякого влияния на ход работ Канцелярии, поручает управление последней секретарю, труды которого разделяют его помощники (ст. 27 Учр[еждения Государственной думы]). Ему же (п. 2 приложения к ст. 30 Учр[еждения Государственной думы]) принадлежит назначение и увольнение всех чинов Канцелярии.

Закон не содержит точного указания на пределы власти председателя в делопроизводстве Государственной думы. Такое положение последнего можно объяснить лишь спешностью составления закона, не разграничив-

шего пределы ведения двух главных должностных лиц, избираемых Думою. Возлагая управление Канцелярией на секретаря, закон не имел, конечно, в виду умалить значение председателя и устранить его от наблюдения и руководства делопроизводствами Государственной думы.

Основательность такого предположения определяется указаниями того же закона, предоставляющего председателю направление всей деятельности Государственной думы.

Председателю принадлежит не только председательство в Общих собраниях Думы, но и распоряжения во всех подготовительных к ним работах, требующих исполнения Канцелярии.

Обращаясь к постановлениям закона, мы усмотрим, что все вступающие в Государственную думу дела, заявления, обращения, законопроекты, законодательные предположения (ст. 49, 55, 56, 58 Учр[еждения] Гос[ударственной] думы) направляются на имя председателя и от него получают дальнейшее необходимое движение. Все сношения с верхней палатой и правительством по делам Думы ведутся исключительно через его председателя; он призван охранять законные права и пределы ведения Государственной думы. Под его председательством состоит (ст. 12 Учр[еждения] Гос[ударственной] думы) совещание для соображения общих возникающих относительно деятельности Думы вопросов, и ему предоставлено право (ст. 10) всеподданнейше повергать на Высочайшее благовозрение о занятиях Думы.

Председателю также принадлежит право распоряжений в видах поддержания порядка в помещениях Государственной думы.

Определяя, как мы видели, направление всех дел, находящихся на рассмотрении Государственной думы, председатель должен иметь в Канцелярии исполнительный орган, деятельность которого стоит в тесной связи с его распоряжениями. Председатель поставлен в необходимость быть всегда осведомленным о всем ходе внутренней подготовительной работы Думы и Канцелярии.

Некоторые делопроизводства Канцелярии целиком по существу своему должны находиться в непосредственном распоряжении председателя. Таковыми являются делопроизводства по делам Общего собрания, по ведению журналов, по совещанию (ст. 12 Учр[еждения Государственной думы]), по направлению законодательных предположений, заявлениям о запросах. То должностное лицо, на которое будут возложены все эти обязанности, не может быть обособлено от Канцелярии, а, напротив, [дол-

жно быть] тесно связано со всеми ее производствами, неся одинаковую ответственность как перед председателем, так и перед секретарем Государственной думы.

Представляется странным, что председатель при таком характере своей должности был бы лишен всякого участия в деле организации и управлении Канцеляриею Государственной думы. Совершенно несообразно, что Канцелярия, ведя сношения с ведомствами и лицами от имени Думы исключительно через ее председателя, находилась бы вне всякой зависимости от последнего. Такое положение допускало бы возможность нежелательных трений между председателем и секретарем Думы, которые нанесли бы несомненный вред правильной деятельности Канцелярии, что отразилось бы на общем течении думских работ.

Находящемуся в постоянных деловых сношениях с Канцеляриею председателю необходимо иметь в ней доверием облеченных и известных ему лиц, руководящих работами Канцелярии.

На этой почве в первой Государственной думе обнаружилось стремление создать особую при председателе Канцелярию. Мысль эта была отчасти приведена в исполнение председателем С.А. Муромцевым, отделившим часть Канцелярии в свое ведение.

Практика быстро показала полную невозможность такого разделения и существования двух канцелярий при одном учреждении, когда зачастую одни и те же бумаги и дела касаются как председателя, так и секретаря и отдельных членов, работающих в комиссиях. При этом порядке получалась полная запутанность, двойная регистрация и громоздкая переписка между канцеляриями.

Разделение Канцелярии было уничтожено с открытием Думы 2-го созыва, когда Совещание [Государственной думы] признало необходимым, не учреждая особого председательского секретариата, сосредоточить все дела в Канцелярии Думы, заведующий которой и другие чины по роду своих дел являлись бы докладчиками у председателя.

Что касалось личной переписки председателя, учреждалось в Канцелярии особое делопроизводство, делопроизводители которого исполняли должность личных его секретарей.

Не подлежит сомнению, что Канцелярия должна быть едина, обслуживать все учреждения Государственной думы как таковой, вмещая в себе делопроизводства Общего собрания, комиссий, отделов, председателя и секретаря.

13 Зак. 2660.

Единство это предусматривал и закон, кот[орый] гласит (ст. 26 Учр[еждения Государственной думы]), что «для производства дел по Государственной думе состоит при ней Канцелярия», не предусматривая особого какого-нибудь секретариата председателя.

Это производство дел в широком смысле слова Государственная дума поручает избираемому ею своему председателю и секретарю, которые должны иметь каждый по существу своих должностей участие в деле организации Канцелярии.

Представлялось бы правильным, оставляя за секретарем непосредственное управление Канцелярией, ввести соглашение председателя и секретаря в вопросах общей организации Канцелярии и в назначении высших должностных лиц (начальника и заведующих отделами), входящих со своими служебными обязанностями в постоянные сношения с председателем Думы.

В вопросе об организации самой Канцелярии опыт первых Дум дает не только указания, но и проверенные на деле данные.

С первых шагов деятельности Канцелярии обнаружилась необходимость деления ее по роду дел на несколько крупных отделов, что не предусмотрено существующим законом (приложениями к ст. 30 Учр[еждения] Гос[ударственной] думы), установившим только должность делопроизводителя.

Предметы ведения Государственной думы сами собой намечают эти отделы Канцелярии, в которой сосредоточивается вся исполнительная и служебно-подготовительная работа, связанная с деятельностью Думы.

Таковыми являются общая Канцелярия и отделы законодательные и финансовый. В первой сосредоточиваются, кроме дел характера исполнительного, все делопроизводства, связанные с работой Общего собрания Думы; по подготовке дел к заседаниям, по заявлению о запросах, исполнению постановлений Думы распорядительного характера, по составлению стенографических отчетов, журналов заседания, указателя к ним, по личным делам и переписке председателя и секретаря; сюда же войдут делопроизводства Совещания (ст. 12 Учр[еждения Государственной думы]) и комиссий, на которые Думой будут возложены поручения незаконодательного свойства — Распорядительной, по Наказу, исследованию незакономерных действий правительства и других, Экспедиция и казначейская часть.

Все работы, которых требует рассмотрение Думой законопроектов, государственной росписи доходов и расходов, финансовых ассигнований и деятельность всех образованных ею законодательных и финансовых комиссий, разделяются по принадлежности между законодательными и финансовыми отделами.

Разделение на отделы было проведено Думой 2-го созыва и включено в выработанные тогда штаты.

Такая организация Канцелярии выдвигает вопрос о необходимости объединения и деятельности всей Канцелярии под управлением одного начальника, как ответственного перед председателем и секретарем лица за порядок, правильную работу Канцелярии и дисциплину между всеми входящими в нее чинами и служащими.

Деление Канцелярии на отделы вызвало в Государственной думе 2-го созыва предположение о возможном замещении должностей начальников отделов товарищами секретаря, по закону разделяющими с ним управление Канцеляриею. Эта мысль была отвергнута Думой, признавшей, что не представляется целесообразным занимать членов Думы канцелярским делом, которое отняло бы у них все время, лишая их возможности исполнять свои прямые обязанности. Такое предположение является тем более невыполнимым, что совершенно недопустимо занятие членами Думы той или иной должности по Канцелярии, связанной с определенной служебной ответственностью и подчиненностью. Вопрос об объединении деятельности отделов Канцелярии под управлением особого ее начальника во II Думе при выработке штатов был решен отрицательно, ибо секретарь полагал, что это объединение дается им самим. Но существование двух самостоятельных отделов скоро вызвало неизбежные при таком порядке трения, которые не могли не отразиться на работе Канцелярии.

Следует остановиться на одной характерной особенности Канцелярии Думы, которая приводит к необходимости поставить во главе ее отдельного начальника или директора. Думская Канцелярия существенно отличается от всех обычных действующих у нас канцелярий административных и судебных мест. В последних секретари являются прямыми подчиненными председателей, докладчиками и исполнителями их приказаний. Совершенно иные отношения в Государственной думе, где и председатель и секретарь являются равноправными членами и где последний ни в коем случае не может стать докладчиком председателя по делам Канцелярии и принимать к исполнению его распоряжения.

При таком строе отношений и необходима должность начальника, который исполняет эти обязанности как при председателе, так и [при] секретаре Государственной думы. Кроме того, при выборной должности секретаря, который может быть и не знаком с технической стороной канцелярского дела, на начальника будет возложена ответственность за весь ход работ Канцелярии. Нельзя забывать, что при настоящей работе Го-

сударственной думы Канцелярия ее вырастет в большое и сложное учреждение, непосредственно управлять которым при самостоятельности необъединенных ее отделов представит для секретаря непосильную задачу. К тому же и сам закон предусматривает со стороны секретаря управление Канцелярией, существенно отличающееся от того ответственного начальствования, которое предполагается во всякой канцелярии и всяком административном учреждении.

Успешность и правильность работы Канцелярии Государственной думы стоит в прямой зависимости от состава служащих, которые, обладая высшим образованием, должны быть хорошо обучены, опытны, дисциплинированны и знакомы с техникой законодательного дела.

Службе в Канцелярии необходимо создать такие преимущества, которые сделали бы ее наиболее устойчивой и дали бы возможность привлечь к вполне соответствующей работе постоянный персонал служащих.

В основе организации Канцелярии должно лежать начало беспартийности ее состава; при нем всякий служащий не ставил бы свое положение в зависимость от смены господствующих в Государственной думе партий, а твердо бы знал, что оно определяется лишь его опытом, знанием и добросовестной работой.

Именно партийным подбором состава служащих отличались Канцелярии Государственной думы 1 [-го] и 2 [-го] созыва, и это начало вскоре же обнаружило все его отрицательные для деятельности Канцелярии последствия.

У каждого служащего должно быть твердое сознание, что он служит учреждению независимо от происходящих в личном составе членов Государственной думы перемен, и только при таком отношении к делу может создаться та необходимая преемственность и традиция Канцелярии, которыми должно отличаться всякое правильно поставленное и развивающееся учреждение.

Достигнуть устойчивости и работоспособности в составе служащих возможно лишь при том условии, если им будут предоставлены все права государственной службы, что принято и во всех законодательных учреждениях Западной Европы.

Декабря 10 1907 г. Я. Глинка

ПРИЛОЖЕНИЕ II
Записка, подготовленная Я.В. Глинкой для представления императору Николаю II (март 1916 г.)

ЗАПИСКА[1]

Отечество в смертельной опасности от внешнего врага, и перед этою грозою в страхе умолкли все раздоры. Соединились между собой люди, не понимавшие до сих пор друг друга. Объяты все одной мыслью победить врага, и каждый желает, как может, принести пользу. Сознание велико, что войску без народа не победить врага. Народ нетерпеливо ждет того мгновения, когда ему дадут свободу вершить в тылу святое дело помощи ведомой Вами армии. И ждет народ таких вождей, которые, поняв его чувства и желания, вели бы его по этому пути. И верьте, Государь, что если бы в правительстве нашлись люди, в силе и умении которых народ не сомневался бы, народ бы пошел за ними и забыл бы все прошлые обиды, прощая им ошибки. Разве не знаменательна фраза социал-демократов с трибуны Государственной думы о том, что если бы они, социал-демократы, были уверены в том, что наше правительство способно способствовать победе, то и они умолкли бы[2]. Но ведь не только они сейчас не верят способностям правительства, и это сомнение начинает вселять сомнение в исход войны.

Ваше Величество, как ни ответственен нынешний момент, как он ни накладывает печать молчания на те факты и обстоятельства, раскрытие которых в мирное время является долгом каждого гражданина, этот крик наболевшей души народной вырывается все-таки из груди русского человека, вызывая коварную улыбку врага.

Не чем иным, как этим, Государь, нельзя объяснить те речи, которые раздаются теперь в Гос[ударственной] думе почти со всех скамей. И в этом трагедия: говорить не следует, молчать нельзя. Хочется быть услышанным, хочется быть понятым в своих чистых стремлениях на пользу Царя и своей Родины, находящейся в опасности.

И не к народу теперь несутся эти голоса, не в нем теперь они ищут поддержки, они несутся к подножию Вашего трона, заключая в себе слез-

ную мольбу выслушать их и стать судьею между народом и правительством. Какой тревогой отозвались начавшиеся забастовки, как страшно стало думать, что все надежды на будущее России могут рухнуть. Но, слава Богу, долг перед родиной преодолел, протест отсрочен, но нет уверенности в том, что при существующем отношении правительственной власти он не возгорелся бы вновь еще до окончания войны, нанеся смертельный удар нашей родине, и не разлился бы после войны в беспредельное зарево пожаров. Гроза еще далеко, ее сдерживает гром наших пушек, но зарницы уже блистают на горизонте. Они предупреждают о надвигающейся непогоде, которую предупредить сейчас же не трудно. Россия терпелива, она не избалована людьми, стоящими у власти. Тот круг лиц, из которого выбирались до сих пор государственные деятели, сильно поредел. Развившаяся общественная деятельность отвлекла в свои ряды многих из тех, которые в былое время стремились бы подготовлять себя к бюрократической карьере. Круг бюрократической семьи все суживается, туда стало вливаться мало молодых свежих сил, а столпы бюрократии, умудренные опытом и поседевшие в государственных делах, протекавших до 1905 г. с большою постепенностью, не в силах уже более примениться к той эволюции, которая с такой стремительной быстротой свершается в области общественной и государственной жизни России.

Государь, разве это положение не подтверждается тем, что в настоящее время кандидаты на посты м[инистро]в уже более не выплывают сами по себе, их надо уже отыскивать, и отыскивать долго...

Государь, как мало нужно, чтобы ободрить русский народ и вселить в него веру. Ведь тогда достаточно видеть ему лишь одно желание прислушиваться к нему, и это вызовет уже ликование. Как эта черта характерно обрисовалась сейчас, когда м[инист]р земледелия нынешнего Кабинета нашел подходящие для того только слова в Гос[ударственной] думе. Ему устроили овацию[3]. России нужны искренние, честные работники, имеющие смелость своих поступков и не страшащиеся ответа за них. Не могу, Государь, сказать, чтобы такие люди, за некоторым исключением, были бы теперь в составе правительства. Вздохнуло общество, когда сменили Горемыкина, но не обрадовалось оно, когда был назначен Штюрмер. Не ему, с его несколько тусклым прошлым, как гласит молва, быть посредником между Вами и народом. Не стоит касаться его мелких промахов, а ярких фактов пока нет, которые можно было бы выставить для доказательства его непригодности[4].

Более того, видимость — как бы благожелательство, но никто не чувствует, не видит в нем той силы, той мощи, той любви к народу и по-

нимания важности момента и настроений, того, чем должны обладать стоящие у власти, а в особенности в такие критические для страны дни[5]. Что может сделать он, когда ему никто не верит, а как же верить, когда те темные силы, которые копошились до сих пор на дне, выплыли теперь наружу и, окружив его, стали у всех будить его прошлое. Этот человек, ответственный перед Вами, Государь, перелагает пред народом ответственность на Вас, и эта тень ложится и омрачает Ваш светлый лик.

Но ведь нельзя же сказать, что в России нет вовсе людей, их мало, это верно, но они есть, надо только расширить тот круг, из которого можно было бы черпать, и их можно найти. Без сомнения, и среди бюрократии есть достойные люди, как есть и среди нынешнего кабинета, но не всякий из них обладает всеми теми качествами, которые должны быть присущи человеку, стоящему на посту министра или председателя Совета министров. Но, Государь, я повторяю, народ не избалован, и хотя России нужны сейчас великие люди, все же она с радостью встретит и назначение только хотя бы такого лица, которое, будучи не запятнанным в своей репутации, не возбуждало бы сомнения в искренности и добросовестности своих действий, согласованных [с] законными и справедливыми стремлениями народа и направленных к благу и спасению нашей родины. И такие люди имеются сейчас в рядах правительства — это граф Игнатьев. Ему верят, и это уже много. Но сделайте его действительно ответственным перед Вами, для этого дайте ему сотрудников по его выбору, и только тогда он действительно будет ответственен за себя и за них, и это будет великий шаг вперед по пути, принятому Вами[6].

Не страшитесь, Государь, идите и далее вперед по этому пути, время не ждет, и чем скорее, тем лучше; пользоваться моментом является государственной необходимостью. Момент настал, и близок его уже конец, когда ту же меру Вы сознаете нужным провести, но она будет проведена уже как бы под давлением, в силу создавшейся обстановки. Не скрою от Вас, Государь, что ошибка промедления сопутствовала и величайшему акту Вашего великого царствования, когда верховная власть самоотверженно, по свободному волеизъявлению, пошла на трудный, но великий шаг сокращения своих прав, в твердом сознании блага своего народа. Промедление появления этого акта в значительной степени понижало настроение, а сопровождавшие его печальные события придавали ему, кроме того, как бы[7] значение акта, как бы вынужденного обстоятельствами.

Правда, не жизнь идет за законом, а закон за жизнью, и акты верховной власти следуют за жизнью, а не опережают ее, но они не должны запаздывать, чтобы не возбуждать раздражения и не вызывать тех собы-

тий, которые в конце концов вынуждают власть к выражению своей воли, по существу свободной, а по внешности вынужденной.

Ваше Величество, Вам известно, что с дарованием населению права законодательствовать в значительной части общества раздавались голоса, находившие необходимым уже в то время перейти к ответственному министерству: это были те прогрессивные элементы, которые в пылу своей политической деятельности хотели достичь сразу всех[8] тех форм, которые в других странах создавались постепенно. Это мнение тогда не разделялось большинством, и я скажу — тогда было рано. Ужасная война, неподготовленность к ней страны и правительства, неверное освещение правительством перед Царем и народным представительством положения дел, доходящее иногда до обмана, преступная небрежность в исполнении своих обязанностей, перекладывание всей ответственности за свои деяния на Вас, Государь, а вместе с тем рост народной массы и пробужденное в ней сознание, что так дальше идти нельзя, ибо Россия может погибнуть, заставили переменить мнение и тех, кто был ярым противником этой реформы. И к этой неотступной мысли уже теперь огромного большинства привело сознание не только пользы государству, но страх за своего Царя, за те устои русского государства, которые должны быть незыблемы и без которых существование России немыслимо и которые так подрываются бессознательными действиями правительства. Теперь это исповедуют убежденные монархисты, обожающие своего Царя, жаждущие его видеть в ореоле славы. Волна слишком сильна, и никакой плотине не удержать ее. Может настать время, когда эта волна перекатится через нее и, не попавши в свое русло, сметет на своем пути все, что так дорого, так необходимо, оставив за собою на поверхности земли всю муть и грязь, в руках которой окажется Россия. Предупредить это нетрудно, надо открыть тот маленький клапан, который успокоит эту волну и даст выход в русло светлой и чистой воде. Этот момент настал, и надо торопиться.

Государь, чем объяснить, что это мнение, которое теперь у всех почти в сердцах — необходимость ответственного министерства, не выставляется теперь как лозунг дня. Сейчас о нем молчат и те, которые так давно ждут этого преобразования: ведь и они перестали об этом говорить. Они говорят лишь о назначении на министерский пост достойного доверия общества лица, но не об ответственном министерстве. Не показывает ли это, Государь, что время стало столь тяжким, столь обильным событиями, чреватыми последствиями, а война застала нас в такой неподготовленности, благодаря исключительно, скажу я, действиям правительства, что взять на себя ответ теперь за все последствия они считают не в силах,

что указывает уже и на неуверенность за благополучный исход. И так ответственным за все будете Вы, Государь. Неведомы судьбы пока России, и рисовать их нельзя. Вы не должны брать на себя ответственность. Вы с народом единое целое. Вы ведете вместе с ним яростную борьбу с врагом. Вы, Государь, призвали его к совместной работе государственного строительства, Вы воочию явили с ним единение в Госуд[арственной] думе, Вы только с ним можете разделить и ответственность за судьбы России. Это необходимо. Пути истории к тому ведут, и скоро, очень скоро наступит время, когда Вы будете вынуждены обстоятельствами к этому прийти.

Государь, настоящий момент затишья дает Вам возможность взять этот заключительный аккорд, который увенчает бессмертной славой Ваше царственное имя и послужит вящим укреплением монархического строя в России. Как велико будет значение свободного волеизъявления Царя, и как глубоко правы будете Вы, поступивши так.

Государь, за Вами в этом деле должен быть почин. Обсудить вопрос Вы предоставьте по основным законам законодательным учреждениям, они Вам скажут то, о чем сейчас молчат.

Государь, Вы знаете, как тяжела ответственность, и это бремя пока Вы несете одни. Поверьте, что если это бремя Вы переложите, что справедливо, на других, как каждый из тех, на ком оно будет лежать, будет иначе относиться к своим обязанностям, как каждый из нас будет внимателен при выборах, сознавая и свою ответственность перед страной, ибо его избранник будет ответственен за каждое свое слово и каждое действие, могущее иметь реальное последствие.

Государь, какое великое дело совершите Вы, как глубоко Вы заставите каждого вдумываться в свои поступки и слова.

Государь, страна в опасности, и каждый русский гражданин спешит помочь ей чем может. Так не лишайте же теперь этого величайшего блага тех из них, которые провинились перед Вами, Государь, и родиной, даруйте им свободу, явите акт этой величайшей милости, присущей монарху в дни тяжелых испытаний и радостных событий страны[9]. Сколько слез Вы осушите, скольких Вы осчастливите, скольких Вы, Государь, возвратите к труду на пользу дорогой нашей родины. О как славно будет Ваше имя. Как велико и значительно будет оно в истории народа»[10].

ПРИЛОЖЕНИЕ III
Всеподданнейший доклад М.В. Родзянко (10 февраля 1917 г.)

14 февраля предстоит возобновление занятий Государственной думы, поэтому позвольте мне, Государь, высказать мои соображения о линии возможного ее поведения и мотивировать его.

Одиннадцать лет существования Государственной думы и одиннадцать лет непрерывной борьбы между правительством и теми, кто отстаивает новый конституционный строй.

В первый период русской жизни при новом строе бюрократическое правительство имело значительное количество сторонников. В то время правительство, поддержанное значительным большинством, имело основание своего критического отношения к Государственной думе 1-го и 2-го созывов, так как разногласие между правительством и народными представителями касалось коренных вопросов и, кроме того, со стороны народного представительства было предъявлено требование ответственного министерства, как следствия, вытекающего из манифеста 17 октября.

Необходимо, тем не менее, отметить, что этот лозунг раздался после того, как правительство выступило в Государственной думе с ответом на всеподданнейший адрес в агрессивном тоне.

Далека от этих стремлений была Государственная дума 3-го созыва, и еще менее заслуживает этого упрека Государственная дума нынешнего созыва, которую война заставила отказаться от всяких партийных лозунгов и программ. Ее единственной целью было объединение всех сил для успешной борьбы с врагом.

В это же время правительство испугалось этого могучего общественного порыва, видя в нем стремление к захвату власти, и, в целях предотвращения этого, не только не постаралось использовать этот общественный подъем, но всячески стремилось погасить его.

Этим способом, который имел свои реальные последствия, в смысле расстройства нашего тыла, правительство с каждым днем утрачивало своих

сторонников, и в настоящее время оно насчитывает их отдельными единицами. Образовалось два лагеря — на одной стороне правительство и на другой стороне страна.

Война показала, что без участия народа страной править нельзя.

В тягчайшее время наших военных испытаний (отход наших войск из Галиции) пришлось прибегнуть к содействию народных представителей. Дума сумела поддержать бодрость духа и возбудить общественную самодеятельность до степени тех результатов, которые достигнуты в деле снабжения армии.

Эта заслуга Государственной думы была учтена страной, эту заслугу почувствовала и оценила армия, которая и в настоящее время чутко прислушивается ко всему, что происходит у нас в тылу.

Мы подходим к последнему акту мировой трагедии в сознании, что счастливый конец для нас может быть достигнут лишь при условии самого тесного единения власти с народом во всех областях государственной жизни. К сожалению, в настоящее время этого нет, и без коренного изменения всей системы управления быть не может. Это убеждение не только нас, членов Государственной думы, но в настоящее время это убеждение и всей мыслящей России, ибо недоверие правительства к общественным силам, ревнивое и недоброжелательное отношение к ним и умышленные препятствия, чинимые в их энергичной патриотической работе, естественно не могут вселить в стране доверие к такому правительству и служить залогом счастливого окончания войны.

Россия объята тревогой, эта тревога не только естественна, но и является совершенно необходимой. Она вылилась в многочисленных резолюциях, известных уже Вашему Величеству. К Вам неоднократно доносилась мольба о том, что надо спасать отечество, которое находится в опасности исключительно вследствие коренного разногласия между народом и правительством и взаимного их непонимания друг друга.

Мы видим, как во время войны перестроилась власть соответственно с требованиями момента у наших союзников и каких огромных результатов достигли они этой мерой. Что же в это время делаем мы? В то время, как вся Россия сумела сплотиться воедино, отбросив в сторону все свои разногласия, правительство в своей среде не сумело даже сплотиться, а единение страны вселило даже в него страх. Оно не только не изменило своих методов управления, но и вспомнило свою старую, уже дав-

но отжившую систему. С прежней силой возобновились аресты, высылки, притеснения печати. Под подозрением находятся даже те элементы, на которые раньше всегда опиралось правительство, под подозрением вся Россия.

Создавшееся соединение правительство стремится разрушить. Запрещая деловые съезды всевозможных общественных организаций, правительство вместе с тем разрешает съезды так называемых монархических организаций, очевидно, с специальною целью возбудить партийный раздор.

Неужели же этими мерами можно достигнуть благополучного конца? Неужели же эти меры могут изменить настроение и успокоить тревогу? Меры эти оскорбительны и являются не чем иным, как вызовом обществу, а следовательно, и результаты их будут совершенно обратные. Раздражения, внесенные в слои населения, будут усугубляться по мере того, как самые меры, применяемые правительством в этом отношении, становятся все более крутыми. Этим правительство окончательно подрывает свой авторитет.

Этого авторитета у правительственной власти уже нет, и бюрократическому правительству не удастся его более приобрести после печального и неудачного опыта править страной в тяжелые годины ее существования, не умея приспособляться ни к нуждам, ни к настроению страны.

Я с горечью должен отметить, что тревога эта передалась нашим союзникам после того, как делегации имели возможность воочию убедиться в справедливости причин, вызывающих нашу тревогу.

Чувствуя возможность приближения окончания войны, тревога наша усиливается, так как мы сознаем, что в момент мирных переговоров страна может быть сильна в своих требованиях только при том условии, когда у нее будет правительство, опирающееся на народное доверие. Без этого условия на этой конференции наш голос будет слабый, и мы не сможем пожать тех плодов, которые достойны будут принесенных нами жертв.

Эта наша тревога усугубляется еще тем, что расстройство тыла угрожает нам возможностью беспорядков на почве продовольственной разрухи, которые, конечно, нельзя будет прекратить силою оружия.

Уже многое испорчено в корне и непоправимо, если бы даже к делу управления были привлечены гении. Но, тем не менее, смена лиц, и не только лиц, а и всей системы управления, является совершенно настоятельной и неотложной мерой.

Хотя, как я указал, новые лица не смогут много исправить и многое наладить, но, тем не менее, вера населения в них даст уверенность, что все возможное в этом отношении делается, и эта вера будет стимулом к более терпеливому отношению к тем тягостям жизни, в значительной доле коих повинно правительство последних лет.

Переходя к предстоящим работам Государственной думы, если они будут иметь место при прежних условиях, мы должны обратить внимание на ту программу работ, которую в этом отношении намечает правительство.

Все вопросы, связанные с войной, оно разрешает самостоятельно. Что же оно вносит в Думу? Оно заваливает ее бессистемно законопроектами, имеющими отдаленное значение для мирного времени.

В предвидении возможности резкой критики своих действий, правительство, устами председателя Совета министров, обращается к председателю Думы с заявлением о том, что мы должны употребить героические усилия, дабы сохранить спокойствие. Разве эти слова не свидетельствуют сами по себе, что условия нашей жизни не таковы, чтобы можно было соблюсти это спокойствие? Рекомендуя нам употребить героические усилия, в свою очередь, правительство не желает употребить даже малейших усилий для того, чтобы сделать нашу работу спокойной.

Государственная дума высказывала уже не раз свое отношение к моменту и от этого отступить не может.

К сожалению, с тех пор не только ничто не изменилось к лучшему, а наоборот, правительство все ширит пропасть между собой и народным представительством. Министры всячески устраняют возможность узнать Государю истинную правду. Разве не характерно в этом отношении поведение военного министра, который даже отказал доложить Вашему Величеству просьбу членов Особого совещания? Разве возможна общая работа с министром внутренних дел, которого товарищ его по делегации уличает в преднамеренной лжи и который не находит нужным так или иначе оправдаться? Разве возможна совместная работа с этим министром, который в опьянении своей властью распространяет слухи о том, что им помимо Думы будут разрешены и еврейский, и аграрный вопросы, который, в то время когда посредством рабочих депутатов в Военно-промышленном комитете удается сдерживать на фабриках и заводах, работающих на дело обороны, волнения, опубликовывает правительственное сообщение, в котором опорочивает всю их деятельность, весьма полезную, и указыва-

ет на то, что эта деятельность была направлена исключительно на создание революции. Он грозит нашу тревогу подавить пулеметами, он усиленно прибегает к арестам и высылкам, он, как никогда, стеснил печать. Если такого рода цензура будет применена и к стенографическим отчетам Государственной думы, то это, несомненно, снова породит те же уродливые явления, которые имели место ранее. Будут появляться апокрифические речи членов Государственной думы возмутительного содержания, что уже имело место, и раздаваться чьей-то невидимой рукой в население и в армию, подрывая авторитет законодательного учреждения, этого единственного сдерживающего в настоящий момент центра.

Государственной думе грозят роспуском, но ведь она в настоящее время по своей умеренности и настроениям далеко отстала от страны. При таких условиях роспуск Думы не может успокоить страну, а если в это время, не дай Бог, нас постигнет, хотя бы частичная, военная неудача, то кто же тогда поднимет бодрость духа народа?

Кроме того, страна должна быть уверена, что во время мирной конференции правительство должно иметь опору в народном представительстве. Изменение состава народных представителей к этому времени, при полной неизвестности, какие результаты может дать эта мера, представляется крайне опасным. Поэтому необходимо немедля же разрешить вопрос о продлении полномочий нынешнего состава Государственной думы вне зависимости от ее действий, ибо самое условие, которое ставится правительством о том, что полномочия могут быть продлены лишь в случае сохранения спокойствия Государственной думы, является само по себе оскорбительным, так как оно доказывает, что правительство не только не нуждается, но даже не интересуется правдивым и искренним мнением страны. Такую меру продления полномочий на время войны признали естественной и необходимой наши союзники.

Колебания же принятия такой меры нашего правительства, равным образом как и отсрочка принятия этой меры, порождает убеждение, что именно в момент мирных переговоров правительство не желает быть связанным с народным представительством. Это, конечно, вселяет еще большую тревогу, ибо страна окончательно потеряла веру в нынешнее правительство.

При всех этих условиях никакие героические усилия, о которых говорил председатель Совета министров, предпринимаемые председателем

Государственной думы, не могут заставить Государственную думу идти по указке правительства, и едва ли председатель, принимая с своей стороны для этого какие-либо меры, был бы прав и перед народным представительством, и перед страной. Государственная дума потеряла бы доверие к себе страны, и тогда, по всему вероятию, страна, изнемогая от тягот жизни, ввиду создавшихся неурядиц в управлении, сама могла бы стать на защиту своих законных прав. Этого допустить никак нельзя, это надо всячески предотвратить, и это составляет нашу основную задачу.

Председатель Государственной думы

Михаил Родзянко

10 февраля 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV
Характеристика Я.В. Глинки, выданная местным комитетом краевой музкомедии Зап[адно-] Сиб[ирского] края. Г. Прокопьевск. 8 февраля 1935 г.

Художник Краевого Государственного театра музыкальной комедии Западной Сибири Яков Васильевич Глинка из дворян Смоленской губернии, родился 19 мая 1870 г. в г. Житомире. По окончании С.-Петербургского университета по юридическому факультету, служил все время до революции в канцеляриях законодательных учреждений. В государственной думе состоял начальником отдела канцелярии по делам общего собрания гос[ударственной] думы. Ни к каким политическим партиям не принадлежал (по закону чины канцелярии не имели права состоять в каких бы то ни было партиях, выступать или писать по политическим вопросам. Полож[ение] о Гос[ударстенной] Думе). Никаких административных и судебных должностей не занимал. В Февральскую революцию первый из канцелярии заявил себя сторонником революционного движения и повел за собою всю канцелярию Гос[ударственной] Думы и назначен был управляющим делами временного Комитета Гос[ударственной] Думы. С упразднением Комитета просил совсем освободить его от службы, но временным правительством был назначен сенатором. Воспользовавшись отпуском, уехал на родину и обратно на службу не возвратился, вступив в качестве художника в августе месяце 1917 г. в Волынский Союз театральных тружеников. Этот союз явился ядром образованного засим Волынского отдела Союза рабочих, членом которого он состоит от основания непрерывно и до настоящего времени. В 1919 г. вслед за занятием Красной армией Волыни служил сперва рабочим сцены, а засим художником в Доме просвещения при Волынском Губвоенкомате. В 1920 г. переведен в Красноармейский театр Волгубвоенкомата и в том же году назначен художником в театр Волынской Губ[ернской] Чрезвычайной комиссии. В 1921 г.

с переходом театра в ведение Наробраза перешел на службу туда. В 1923 г. по предложению Союза рабочих избирается Председателем правления коллектива русской драмы в г. Житомире. С 1923 г. и по настоящий день служит художником в театрах еврейской, украинской и русской драмы, русской оперы и музыкальной комедии в разных городах Украины, Крыма, Сев[ерного] Кавказа и РСФСР, в том числе в гг. Сталинграде, Днепропетровске, Кривом Роге, Одессе, Киеве, Харькове, Москве, Ленинграде, Новосибирске, Томске, в Кузбассе — в Сталинске и Прокопьевске. С 1931 г. состоит в рядах ударников. В Сталинграде за ударную работу премирован (1931 г.). В г. Сталинске дирекция театра, отмечая особенно сознательное отношение «выполнением своих обязанностей художника т. Глинка, выразившееся в напряженной работе по оформлению спектаклей», выносит свою благодарность и премирует 1/2 мес. окладом (июнь 1934 г.). В Новосибирске дирекция театра «Красный Факел», учитывая все трудности, какие стоят в смысле декоративного оформления спектаклей в зависимости от объективных причин и тем не менее все трудности преодолены благодаря исключительной любви к делу, большому художественному чутью и работоспособности художника Глинка, дирекция «Красного Факела» премирует его бесплатным проездом в мягком вагоне от Новосибирска до Ленинграда и обратно до г. Прокопьевска (сент. 1934 г.). Особая благодарность за работу получена и от дирекции Томского Гос[ударственного] театра (1933 г.).

По профработе работает все время в местных комитетах, занимал должности председателя и секретаря. В г. Коростене был членом правления Горкома Союза Рабис. Состоял председателем рев[изионной] комиссии Волынского Губ. Рабиса. На протяжении всей службы — редактор стенгазеты. Права избирательного голоса никогда лишен не был. Своего происхождения и прошлого не только не скрывал, а, наоборот, открыто заявлял всем организациям, с которыми приходилось соприкасаться по служебным и профессиональным делам. Никаким взысканиям ни по административной, ни по профессиональным линиям не подвергался, под судом не состоял.

Свидетельствуя правильность вышеизложенного, удостоверенного: трудовым списком, документами и опросами работников, Местный комитет Краевой Музкомедии Зап[адно-] Сиб[ирского] края считает необ-

14 Зак. 2660.

ходимым удостоверить, что художник Я.В. ГЛИНКА является большим общественником и весьма полезным работником для производства.

Председатель М.К.Р. Елинов
Секретарь М.К. Слободский
8 февраля 1935 г.
г. Прокопьевск.

Настоящим подтверждаю, что Я.В. Глинка, работая в качестве художника в системе УТЗП Зап[адно-] Сибирского края, показал себя исключительным сознательным работником, понимающим значение советского театра. Своею ударною работою, как производственной, так и общественной, т. Глинка был примером для всего молодняка и трижды премирован Зап[адно-] Сиб[ирского] край УТВП.

Директор краевого театра Музкомедии /подпись/
9 февраля [19]35
г. Прокопьевск

КОММЕНТАРИИ

[Воспоминания о Государственной думе в 1906—1910 гг.]

[1] *Портсмутский мирный договор* — договор о мире, позволивший России закончить войну с Японией 1904—1905 гг. Заключенный 23 августа (5 сентября) 1905 г. в г. Портсмут (США), этот договор предусматривал отказ России от прав на аренду Ляодунского полуострова, включая Порт-Артур и Дальний, уступку Японии половины Сахалина, признание Кореи сферой японского влияния и т.д. (см.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 391—449; *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны: 1895—1907. М.; Л., 1955. С. 404—577; *Игнатьев А.В.* Граф С.Ю. Витте — дипломат. М., 1989. С. 218—238).

[2] 18 февраля 1905 г. рескриптом, данным Николаем II на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, на него возлагалось председательствование в Особом совещании для подготовки законопроекта о привлечении «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке законодательных предположений». Разработанный под руководством Булыгина законопроект предполагал создание законосовещательного выборного учреждения — Государственной думы. «Булыгинская дума» должна была стать второй (наряду с Государственным советом) законосовещательной палатой, причем за императором в полном объеме сохранялась законодательная власть. После обсуждения в июле 1905 г. на Особом совещании в Петергофе были изданы императорский манифест 6 августа 1905 г., «Учреждение Государственной Думы», определявшее ее круг ведения и порядок деятельности, и «Положение о выборах в Государственную Думу». Однако создание выборного совещательного органа в обстановке нараставшего подъема революционного и общественного движения уже в момент издания этих актов никак не устраивало практически все политические силы страны (подробнее см.: *Ганелин Р.Ш.* Царизм и 1905 год // Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 189—214; *Он же.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991, С. 85—191; *Он же.* Реформы в период революции. Шаг к конституционной монархии // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 480—497).

[3] Пункт 3-й Манифеста 17 октября 1905 г. гласил: «Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия поставленных

от нас властей» — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее — 3 ПСЗ). Т. XXV. Отд. I. № 26803.

[4] Вопреки этому замечанию Глинки и утверждениям С.Ю. Витте в своих, изданных уже после смерти автора, «Воспоминаниях», он покинул пост председателя Совета министров отнюдь не по доброй воле. Николай II, уже давно крайне неприязненно относившийся к Витте, но вынужденный под давлением обстоятельств назначить его первым российским премьер-министром, воспользовался поданным премьером прошением об отставке. Последнее было своего рода ультиматумом, целью которого для Витте было увольнение из своего кабинета министра внутренних дел П.Н. Дурново; премьер-министр предлагал императору уволить либо Дурново, либо его, Витте. Император предпочел избавиться от обоих и отправил в отставку весь кабинет, чего Витте совершенно не ожидал (см.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 334—346; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 339—343).

[5] Представление на рассмотрение впервые созданной законодательной палаты этих двух незначительных законопроектов большинство лидеров Думы, либеральная и демократическая пресса расценили как злонамеренное унижение достоинства народного представительства со стороны кабинета И.Л. Горемыкина. Упоминание об этих законопроектах в качестве примера пренебрежительного отношения правительства к Думе стало впоследствии дежурным почти во всех курсах истории советского времени, включая школьные учебники. Не забыл вспомнить о них и Глинка, как и о двух других непременных примерах, которые автоматически приводились в связи с деятельностью Думы почти в любом очерке истории России начала века, включая курсы истории КПСС, — о знаменитой фразе министра А.А. Макарова по поводу Ленского расстрела и о провокаторстве депутата социал-демократа Р.В. Малиновского. Представляется, что мемуарист, не терявший надежду когда-либо в будущем издать дневник, поэтому сначала отдает дань общепринятым в ту пору представлениям о первом российском парламенте и сразу после этого переходит к собственным, достаточно далеким от привычной советской ортодоксальности воспоминаниям.

[6] *Канцелярия Государственной думы* — согласно «Учреждению Государственной Думы» образовывалась для ведения делопроизводства Государственной думы. В случае роспуска Думы управление Канцелярией впредь до избрания секретаря новым составом Думы возлагалось на возглавлявшего Государственную канцелярию государственного секретаря. Начало формированию думского рабочего аппарата было положено 16 апреля 1906 г., когда в Думу была временно командирована группа чиновников Государственной канцелярии. Во время деятельности I Думы структура ее Канцелярии еще не определилась: организовывались два отдела — 1-й (Общая канцелярия) и 2-й (Законодательный), а при председателе Думы сосредоточивались дела по подготовке думских засе-

даний и переписка с ведомствами. По ходу работы Думы секретарь по собственному усмотрению проводил набор сотрудников на службу в Канцелярию, постепенно заменявших командированных чиновников Государственной канцелярии. После роспуска I Думы ее Канцелярия была расформирована с передачей дел образованной по распоряжению государственного секретаря Временной канцелярии. Ведение делопроизводства II Думы было вновь возложено на командированных чиновников Государственной канцелярии во главе с Я.В. Глинкой. В период работы Думы 2-го созыва Канцелярия подразделялась на Общую канцелярию, Законодательный и Финансовый отделы. После роспуска II Думы вновь была образована Временная канцелярия, на которую была возложена подготовка к началу работы палаты нового созыва. Лишь в ходе деятельности III Думы ее Канцелярия получила наконец законодательное оформление – 1 июля 1908 г. были утверждены ее штат и новая редакция правил о порядке службы в думском аппарате (см.: 3 ПСЗ. Т. XXVIII. Отд. I. № 30594). Эта новая редакция приравняла службу в Думе к государственной и распространила на думских служащих действие «Устава о службе по определению от правительства». В 1912 г. Совещание Государственной думы приняло «Наказ Канцелярии Государственной Думы и прочим установлениям, при Государственной Думе состоящим», который закреплял сложившуюся к тому времени структуру и порядок делопроизводства в Канцелярии. С 1908 г. она состояла из трех отделов: Отдела Общего собрания и общих дел, Законодательного отдела и Финансового отдела. На 1912 г. расписание должностей в Канцелярии выглядело следующим образом: 3 начальника отделов, 15 старших делопроизводителей, 27 делопроизводителей, 38 помощников делопроизводителей, экспедитор, 4 помощника экспедитора, регистратор, 2 помощника регистратора, архивариус, старший стенограф, казначей, бухгалтер, помощник бухгалтера, 7 старших журналистов, 11 младших журналистов. На службе в Канцелярии по вольному найму состояло также 86 писцов и 26 стенографов. 18 (31) декабря 1917 г. Канцелярия Государственной думы была упразднена декретом Совета народных комиссаров. О Канцелярии Государственной думы и аппарате Думы в целом см.: *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 137–146; Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 192–194; см. также «Докладную записку временно заведующего Канцелярией Государственной думы» Я.В. Глинки от 10 декабря 1907 г. (Приложение I в настоящем издании).

[7] Государственный совет был открыт 1 января 1810 г. (по разработанному М.М. Сперанским плану) как высшее законосовещательное учреждение Российской империи. Председатель и члены совета назначались императором. Совет подразделялся на департаменты, на которые возлагалось рассмотрение определенного круга вопросов. После рассмотрения в департаментах законопроекты

передавались в общее собрание Государственного совета; итоги рассмотрения (т.н. «мнения» большинства и меньшинства) представлялись на утверждение императора. К 1906 г. в состав Государственного совета входили 4 департамента: законов; государственной экономии; гражданских и духовных дел; промышленности, наук и торговли. Делопроизводство Государственного совета вела Государственная канцелярия во главе с государственным секретарем (первым эту должность занял сам М.М. Сперанский). В состав канцелярии входили отделения, которые вели дела департаментов совета. В 1893 г. к канцелярии перешли функции упраздненного Кодификационного отдела (существовал в составе Государственного совета с 1882 г.); для ведения переданных из него дел в составе канцелярии 1 января 1894 г. было образовано Отделение Свода законов, которое осуществляло систематизацию и издание имперского законодательства. 20 февраля 1906 г. Государственный совет был преобразован в верхнюю палату российского парламента. Половина членов Государственного совета отныне избиралась (от губернских земских собраний, губернских и областных дворянских обществ, православной церкви, от торгово-промышленных организаций, Академии наук и университетов) сроком на 9 лет; ежегодно треть совета выбывала по жребию. Половина членов в состав совета по-прежнему ежегодно назначалась императором (т.н. «присутствующие члены Государственного совета»); для не попавших в их число членство в совете становилось почетным званием. Император ежегодно назначал также председателя и вице-председателя Государственного совета. Старые департаменты были упразднены; созданы Первый и Второй департаменты для рассмотрения дел незаконодательного свойства, перешедших от прежнего Государственного совета. Государственная канцелярия с этого времени вела дела общего собрания и комиссий Государственного совета, а также дела его Первого и Второго департаментов, особых присутствий. После Февральской революции Государственный совет фактически прекратил свою деятельность. 5 мая 1917 г. были упразднены должности членов Государственного совета по назначению, а 6 октября 1917 г. признаны утратившими силу полномочия членов совета по выборам. 14 (27) декабря 1917 г. Государственный совет и Государственная канцелярия были упразднены декретом Совета народных комиссаров. (См.: Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801—1917. Т. 1. Высшие государственные учреждения. С. 20—23, 28—30, 179—183).

[8] В итоге выборов в I Государственную думу подавляющее большинство получили партии, находившиеся в оппозиции к власти. В работе Думы, открытой 27 апреля 1906 г., приняло участие 499 депутатов при номинальном численном составе в 524 члена палаты. Вначале в Думе было 153 кадета; 107 трудовиков; 63 автономиста (т.е. депутата национальных фракций и групп); 105 беспартийных; 13 октябристов; 4 члена партии демократических реформ, 2 представителя умеренно-прогрессивной партии, 1 от торгово-промышленной

партии. К моменту роспуска Думы число кадетов в ней возросло до 161; появились фракции социал-демократов (численностью в 17 депутатов), «мирного обновления» (25 депутатов), группа прогрессистов (12 депутатов) — см.: История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968. Т. 6. С. 217.

[9] В оригинале после слов «не могли вместить толпы» зачеркнуты слова «желающих присутствовать» и поверх вписаны слова «жаждущей получить пропуск».

[10] Так в тексте, написанном, как сообщает ниже автор, не ранее 1949 г.

[11] Это утверждение мемуариста представляется в известной степени преувеличением, навеянным последующей его деятельностью в качестве хранителя традиций Думы и его попыткой в своем дневнике вести хронику повседневной жизни российского народного представительства.

[12] Слово «еще» вписано чернилами над строкой.

[13] Слова «уже тогда» вписаны карандашом над строкой.

[14] Далее опущено повторное упоминание двух законопроектов, внесенных правительством И.Л. Горемыкина в Думу: «Характерно, что при открытии Государственной думы правительством были внесены [на ее рассмотрение] лишь два законопроекта. Вы спросите, какие? “Об устройстве бани и оранжереи при Юрьевском Университете” — этим сказано все».

[15] *Кадет* (к.-д.) — общепринятое обозначение члена партии конституционных демократов (партия народной свободы), образованной на основе ранее существовавших либеральных организаций — «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» в октябре 1905 г. Партия представляла широкие круги либерально настроенной интеллигенции и находилась на левом фланге российского либерализма. Она выступала за преобразования существующего государственного строя, включая, при сохранении монархии, создание ответственного перед парламентом министерства, введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и т.д. О кадетской партии см.: Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 267—273 (статья Н. Канищевой); Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905—1920. М., 1994—1998. Т. 1—3.

[16] Подробнее о положении дел в Канцелярии I Думы в ходе деятельности палаты и после ее роспуска см. в Приложении I.

[17] Император в июне — начале июля 1906 г. находился не в Царском Селе, а в своей летней резиденции Петергоф (см.: Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991. С. 318—323). Впрочем, не только Глинка, но и кадет Д.И. Бебутов рассказывает о полученном тогда известии из Думы о том, что там «только ждут телефона, чтобы Муромцеву ехать в Царское Село по поводу образования кадетского министерства». — См.: *Старцев В.И.* Князь Д.И. Бебутов и его воспоминания // Английская набережная, 4: Ежегодник / Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. СПб., 1997. С. 363. С другой

стороны, надо учитывать, что под «Царским Селом» в бюрократических и парламентских кругах того времени, а затем и в мемуарах государственных и общественных деятелей зачастую подразумевали не императорскую резиденцию, а самого монарха и его окружение (см., напр.: *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 91).

[18] Речь идет о переговорах между представителями правительства и думскими и общественными деятелями о создании кабинета, пользующегося доверием Думы либо ответственного перед нею. В любом случае в состав правительства должны были войти представители думских фракций и других общественных сил. Эти переговоры, слухи о которых дошли и до Глинки, велись в июне — начале июля 1906 г. История переговоров весьма сложна, их ход и хронология до сих пор не вполне ясны. Переговоры практически одновременно вели, во-первых, дворцовый комендант Д.Ф. Трепов, по инициативе которого эти переговоры, собственно, и начались, и лидер кадетов П.Н. Милюков, во-вторых, министр внутренних дел П.А. Столыпин и министр иностранных дел А.П. Извольский с группой умеренных либералов, а затем и с председателем Думы С.А. Муромцевым — см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 375—386; *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 116—124; *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 446—460 (см. также: Российские либералы: кадеты и октябристы / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 214—225); *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 283—302; *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897—1917: Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 190—196; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг.: (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 71—109. С Муромцевым, кроме того, втайне от других кадетских лидеров несколько раз встречался товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский, действовавший сначала по своей собственной инициативе, а затем по поручению своего шефа Столыпина (см.: *Крыжановский С.Е.* Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 124). Наряду с обсуждением главного вопроса, будет ли новое правительство коалиционным (т.е. включающим и представителей бюрократии, и общественных деятелей), особый интерес всех участников переговоров вызывал персональный состав будущего кабинета. В их ходе возникли и несколько списков его возможного состава. Кандидатура С.А. Муромцева в качестве возможного премьера присутствовала во всех таких списках, известных на сегодня, — и в списке, приведенном в мемуарах В.Н. Коковцова (Из моего прошлого: Воспоминания 1903—1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 175), и в составе, намечавшемся умеренными либералами, с которыми совещался А.П. Извольский (*Извольский А.П.* Воспоминания. С. 123).

Есть фамилия Муромцева, правда, как одного из трех кандидатов на этот пост, причем лишь на последнем, третьем месте, и в списке, представленном

Д.Ф. Треповым Николаю II после своих переговоров с лидерами кадетов. Этот список был после роспуска I Думы передан императором министру двора барону В.Б. Фредериксу. Последний 12 июля 1906 г. вручил его директору Канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолову как «полученный им от Государя Императора с приказанием хранить его как исторический документ» (РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (195/2683). Д. 4. Л. 2). В соответствии с этим указанием список в дальнейшем хранился в секретном шкафу Канцелярии Министерства двора. Приводим этот документ:

«Партия конституционалистов-демократов (кадетов), имеющая в составе Государственной думы наибольшее число членов, добивается образования Министерства из своего состава и намечает следующих кандидатов:

Председателем Совета министров	Милюков Петрункевич Муромцев
Военным министром: добиваются замены генерала Редигера другим лицом.	
Министром финансов	Кутлер
Министром юстиции	Набоков
Министром земледелия	Петрункевич
Народного просвещения	Мануйлов
Внутренних дел	Милюков
Товарищами Министра внутренних дел	Кн. Львов Н.Н. Щепкин Кокошкин
Обер-прокурором Св. Синода	Н.Н. Львов кн. Е.Н. Трубецкой»

(РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (195/2683). Д. 4. Л. 3; машинопись, с надписью синим карандашом: «Получен от Его Величества. Б[арон] Ф[редерикс]. 11 июля 1906»).

Свидетельство Глинки о том, что Муромцев ожидал в самом конце июня приглашения к императору и назначения на пост премьера, подтверждается и другими источниками (см.: *Винавер М.М.* Сергей Андреевич Муромцев // Винавер М.М. Недавнее: (Воспоминания и характеристики). Пг., 1917. С. 91—92; *Старцев В.И.* Князь Д.И. Бебутов и его воспоминания. С. 363).

[19] Имеется в виду дочь Я.В. Глинки Ирина, родившаяся, согласно записи в его формулярном списке, 7 июля 1906 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 997. Л. 8). По-видимому, отпуск Глинки в разгар думской сессии не остался незамеченным в самых высоких сферах, пристально наблюдавших за всем происходившим в Таврическом дворце. По рассказу Крыжановского, противопоставляемые им Муромцеву «кадеты», «пронюхав» о его переговорах с председателем Думы, «строго следили за своим председателем», причем «у Муромцева отобрали даже секретаря, дабы личная его переписка шла не ина-

че, как через канцелярию Думы, где имел наблюдение правоверный кадет Шаховской» (*Крыжановский С.Е.* Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 124). Если «секретарем» Муромцева С.Е. Крыжановский именует Глинку (а это, скорее всего, именно так), то тайная полиция попала впросак, приписав его отъезд политическим интригам внутри кадетского руководства.

При этом стоит отметить, что в последние недели работы I Думы будущее Я.В. Глинки в ее аппарате отнюдь не представлялось безоблачным. Причиной тому, судя по воспоминаниям Н.И. Астрова, был «антагонизм» между большинством командированных чиновников Государственной канцелярии, включая и Глинку, и принятыми уже в ходе думской сессии служащими из числа «Бог весть откуда понаехавшего третьего элемента» (*Астров Н.И.* Воспоминания. М., 2000. С. 161). В итоге, как это отмечает и Глинка, почти все командированные чиновники были вынуждены покинуть Думу. По свидетельству Астрова, Муромцев в разговоре с ним даже обещал с осени передать бразды правления Канцелярией в его руки. На недоуменный вопрос собеседника: «А как же Я.В. Глинка?» — председатель Думы ответил: «Он выполнил возложенное на него поручение. Теперь мы сами поведем дело. А Яков Васильевич пусть возвращается в Государственную канцелярию» (Там же. С. 167).

Представляется, однако, что Муромцев, в те самые дни, как мы знаем из воспоминаний Глинки, в качестве потенциального премьера связывавший со своим ближайшим сотрудником определенные надежды на будущее, не был при этом с Астровым вполне искренен. С другой стороны, эта коллизия свидетельствует о том, что упоминаемые Крыжановским полицейские донесения о противоречиях между председателем Думы и его «кадетским» окружением были не лишены оснований.

[20] В ходе деятельности I Государственной думы с полной определенностью выявилась ее полная несовместимость со всей системой государственного управления империи. Уже в начале июня 1906 г. большинство в Совете министров во главе с его председателем И.Л. Горемыкиным полагало, что «без распущения Государственной Думы, которое может быть произведено на точном основании действующего закона и без принятия самых энергичных мер к подавлению возможных, вследствие сего, революционных вспышек, обойтись невозможно» (Особый журнал Совета министров. Заседания 7 и 8 июня 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. [Т.]. 1 / Отв. сост. Б.Д. Гальперина и А.Е. Иванов. М., 1982. С. 41). Принятие палатой 6 июля 1906 г., в ответ на правительственное сообщение по аграрному вопросу, обращения к населению было использовано властями как долгожданный предлог для роспуска Думы, последовавшего 8 июля 1906 г. (3 ПСЗ. Т. XXVI. Отд. I. № 28105).

[21] Так в тексте.

[22] Приводим текст Выборгского воззвания, принятого 10 июля 1906 г. депутатами распущенной I Государственной думы:

«Граждане всей России! Указом 8-го июля Государственная дума распущена. Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей.

Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне не действительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая воля устоять не может. Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами» (Выборгский процесс. СПб., *1908*. С. 6—7).

[23] Автор имеет в виду, что I Дума не успела принять законопроект о штатах думской Канцелярии.

[24] Всего после роспуска I Думы на службе в ее Канцелярии были оставлены 9 человек — В.П. Таранович, Н.В. Голицын, Г.Л. Белостоцкий, Г.А. Алек-

сеев, В.И. Бегляков, А.В. Гордов, Б.И. Григорьев, Е.В. Споре и Е.И. Дворжицкая-Богданович (РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 1284. Л. 7). Что касается упоминаемого здесь Глинкой Д.М. Щепкина, его ближайшего сотрудника в последующие годы, то тут автор допустил неточность: Щепкин, исполнявший обязанности помощника пристава Думы с 5 июля 1906 г., после ее роспуска был уволен и вновь появился в Думе лишь в феврале 1907 г. уже в качестве командированного чиновника Государственной канцелярии (Там же. Оп. 9. Д. 1275. Л. 1, 8–10). О Д.М. Щепкине см.: Энциклопедический словарь [фирмы «Брокгауз — Ефрон»]. СПб., 1904. Т. 40. С. 62; *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М., 1975. С. 116, 349–352, 354; *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С. 214–216, 273–275, 286; см. также биографическую справку о Д.М. Щепкине в примечаниях Т. Эммонса и С. Утехина в кн.: *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 531.

[25] *Совет министров* был образован в 1857 г. как высший совещательный орган для рассмотрения дел высшего государственного управления, возглавляемый императором; с 1882 г. фактически прекратил свою работу. В феврале 1905 г. деятельность Совета министров была возобновлена; на него было возложено рассмотрение проектов государственных преобразований. 19 октября 1905 г. Совет министров был преобразован по западноевропейскому образцу с целью объединить деятельность министерств и ведомств; возглавлялся назначавшимся императором председателем, получившим право всеподданнейшего доклада императору. В состав Совета министров входили все министры, главноуправляющий землеустройством и земледелием (с 1915 г. — министр земледелия), государственный контролер и обер-прокурор Синода. На Совет министров, в частности, было возложено предварительное рассмотрение разработанных министерствами и ведомствами законопроектов, подлежавших направлению в законодательные палаты. Он имел также значительные права в области государственного управления и других сферах, к нему перешли дела и компетенция упраздненного Комитета министров. По 87-й ст. Основных законов, Совет министров имел право законодательства во время прекращения работы законодательных палат, к которому власть охотно прибегала, особенно в годы Первой мировой войны.

В ходе Февральской революции 27 февраля 1917 г. Совет министров прекратил свою работу. 2 февраля его полномочия перешли к образованному по соглашению Временного комитета Государственной думы и Петроградского совета Временному правительству (см.: Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917. Т. 1. Высшие государственные учреждения. С. 196–198).

[26] Данное сообщение вызывает сомнение, так как главой кабинета в это время уже стал Столыпин, а вся ситуация напоминает известный по многим источникам рассказ про принятые Горемыкиным при роспуске Думы предосторож-

ности на случай, если император вдруг захочет отменить свой манифест (см.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 364; *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1991. С. 71).

[27] Первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии состоялся в Минске в 1898 г; фактически создана на II съезде (июнь—июль 1903 г., Брюссель—Лондон). Возникший затем раскол партии на большевиков и меньшевиков был преодолен на IV съезде партии в апреле 1906 г. в Стокгольме. В 1912 г. вновь организационно оформился фактически уже произошедший к тому времени раскол партии на большевиков и меньшевиков [см.: Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века. С. 516—519 (статья И. Розенталя)].

[28] Глинка, вспоминая события почти полувековой давности, неверно назвал фамилию выборгского губернатора — им был в это время генерал-лейтенант Н.А. Рехенберг. Следует отметить, что в описании обстоятельств переговоров губернатора с депутатами и председателем распущенной Думы источники значительно расходятся. Из протокольной записи заседания 10 июля 1906 г. в Выборге известно, что 10 июля губернатор Рехенберг явился в гостиницу «Бельведер», где шло в это время обсуждение поправок к проекту воззвания, «вел переговоры, кажется, с Протопоповым (имеется в виду депутат I Думы кадет Д.Д. Протопопов, брат будущего последнего императорского министра внутренних дел. — *Б.В.*)» и «настоятельно просил немедленно закончить заседание, указывая, между прочим, и на то, что Выборг — крепость, которая во всякий момент может быть объявлена на военном положении с передачей всей власти военному начальству» (Первая Государственная Дума в Выборге // Красный архив. 1933. Т. 2 (57). С. 96—97). Н.Н. Львов в своих показаниях на процессе над подписавшими воззвание депутатами вспоминал, что приехавший в «Бельведер» выборгский губернатор «имел переговоры с несколькими членами Госуд. думы, кажется, в саду» (Выборгский процесс. С. 31). Однако многие участники выборгских заседаний подтверждают факт личных переговоров Муромцева с губернатором. Так, М.М. Винавер сообщает, что после вызова Муромцева из зала в тот момент, когда заседание должно было возобновиться после перерыва, стало известно, что, «не желая применять силы, ни производить демонстрацию, стесняясь вместе с тем вызывать к себе вчерашнего председателя Думы», выборгский губернатор «приехал сам к Муромцеву и беседует с ним внизу, у крыльца гостиницы». Последовавшие события Винавер описывает так: «Через четверть часа явился Муромцев; весь бледный, сильно взволнованный, он подошел к столу и, держа шляпу в руке, объявил, что имел беседу с губернатором, который ему особенно подчеркнул неизбежность гибельных последствий для приютившей нас Финляндии, если наше собрание немедленно не разойдется. Вследствие этого он счел долгом дать слово за себя, что собрания продолжать не будет, и полагает, что долг всех нас по отношению к Финляндии — уехать из Выборга.

Раздались возгласы неудовольствия, изумления, крики: Останьтесь! останьтесь! Но Муромцев категорическим жестом ответил: “нет”, — сказал, что это уже вопрос его чести, он остаться не может, поклонился и немедленно вышел» (*Винавер М.М.* История Выборгского воззвания (Воспоминания). Пг., 1917. С. 34).

Сходную картину рисует и присутствовавший в это время в Выборге П.Н. Милюков: вызванный из зала заседания для переговоров Муромцев «обещал губернатору закрыть собрание. Он это и сделал и, надев перчатки, удалился» (*Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 404).

Все приведенные выше свидетельства делают факт неожиданной встречи Муромцева и Рехенберга на выборгском бульваре, о которой рассказывает Глинка, более чем сомнительным. Подчеркнем, что при этом конкретное содержание приведенного им диалога губернатора и председателя Думы подтверждается некоторыми другими источниками.

[29] Рассказ Я.В. Глинки об истории Выборгского воззвания содержит ряд фактических неточностей. Прежде всего, с идеей воззвания выступили не социал-демократы, а кадеты. Первоначальный проект будущего воззвания составил П.Н. Милюков еще в Петербурге, после совещания ЦК кадетской партии, собравшегося по получении известия о роспуске Думы (см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 399—401; *Винавер М.М.* История Выборгского воззвания. С. 10—11). Затем уже в Выборге до начала первого заседания с кадетским проектом ознакомились трудовики и социал-демократы. По поручению совещания к утру 10 июля редакционная комиссия из 6 человек (по 2 от социал-демократов, трудовиков и кадетов) составила проект воззвания. Против излишнего, на их взгляд, радикализма последнего при его обсуждении 10 июля собранием депутатов под председательством С.А. Муромцева выступил ряд кадетских деятелей, включая упоминаемого Глинкой Л.И. Петражицкого (речь которого никак не могла быть столь длительной, как сообщает Глинка, поскольку в утреннем заседании, происходившем с 9 ч. утра до 11 ч. 20 мин., кроме Петражицкого выступили еще 11 ораторов — см.: Первая Государственная дума в Выборге. С. 89—91). После закрытия Муромцевым собрания Выборгское воззвание подписали 180 депутатов, включая и многих его принципиальных противников (см.: *Винавер М.М.* История Выборгского воззвания. С. 35—36). Подписал это воззвание и Петражицкий, однако он не только не был инициатором присоединения к воззванию его противников и колеблющихся депутатов, но, как вспоминает присутствовавшая в «Бельведере» в это время журналистка кадетской газеты «Речь» А.В. Тыркова, сделал это, лишь уступив ее настояниям (см.: *Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. L., 1990. С. 331—332). Впоследствии к воззванию присоединились еще 52 депутата, отсутствовавшие или не подписавшие его в Выборге, включая и С.А. Муромцева. Против всех подписавших воззвание депутатов было возбуждено уголовное дело. 169 из них были

преданы суду Особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты. Заседания суда проходили 12–18 декабря 1907 г. Депутатам инкриминировалась, в частности, ст. 129 Уголовного уложения, пункт 3-й части 1-й которой предусматривал за призыв «к неповиновению или противодействию закону или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти» наказание в виде «заключения в исправительном доме не свыше 3 лет». По этой статье 167 депутатов были приговорены судом к трехмесячному тюремному заключению. В результате этого все они лишались избирательных прав, а следовательно, и возможности впредь избираться в законодательные палаты (стенограмму процесса см.: Выборгский процесс. СПб., 1908).

[30] См: 3 ПСЗ. Т. XXVI. Отд. I. № 28105. В квадратных скобках восстановлены пропущенные Глинкой при цитировании манифеста слова.

[31] За два дня до открытия II Думы, 18 февраля 1907 г., было издано утвержденное императором положение Совета министров о временных правилах службы в аппарате Думы. Этими Правилами ведение делопроизводства II Думы было вновь возложено на чиновников Государственной канцелярии. Однако право приема новых служащих на этот раз, до введения в действие нового штата Думы (который палате нового состава еще только предстояло принять), предоставлялось государственному секретарю «по соглашению с председателем и секретарем Государственной думы» (3 ПСЗ. Т. XXVII. № 28899). Таким образом, права секретаря Думы в отношении подбора состава служащих были существенно ограничены на начальном периоде ее работы.

[32] II Государственная дума начала свою работу 20 февраля 1907 г. По своему составу она оказалась еще радикальнее, чем ее предшественница. В Думу было избрано 65 социал-демократов, партии народнической ориентации (эсеры, трудовики и народные социалисты) имели в Думе 157 голосов. До 98 мандатов сократилось представительство в Думе кадетов. Национальные группы имели в Думе 76 мест, октябристы и умеренные — 32, правые — 22 (см.: История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 6. С. 239–240).

[33] Имеются в виду усы, концы которых загибались перпендикулярно вверх, введенные в моду германским императором Вильгельмом II.

[34] Подробнее об этом см.: Разгон II Государственной думы // Красный архив. 1930. Т. 6 (43). С. 55–91; *Маклаков В.А.* Вторая Государственная Дума: (Воспоминания современника). London, 1991. С. 242–248; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 317–319.

[35] По-видимому, имеются в виду сотрудники столичного Отделения по охранению общественной безопасности и порядка, т.н. охранного отделения (об охранных отделениях см.: *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. С. 101–121).

[36] Имеется в виду фракция «Союза 17 октября», обычно именовавшегося партией октябристов. Создание партии, символически названной в честь ма-

нифеста 17 октября 1905 г., положившего начало гражданским свободам в России, было завершено на ее первом съезде в феврале 1906 г. в Москве. Партия, возглавляемая с момента ее создания А.И. Гучковым, выражала интересы крупных и средних предпринимателей, крупных земельных собственников, значительной части чиновной бюрократии. В III Думе являлась ведущей проправительственной партией. В конце 1913 — начале 1914 г. разногласия в партии по ключевым вопросам внутренней политики привели ее к расколу. О «Союзе 17 октября» см.: *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 г. Л., 1978; *Он же.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988; *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914. М., 1981; *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой российской революции. М.:, 1987; *Он же.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907—1914 гг. М., 1991; *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994. См. также: Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. 1.

[37] То есть социал-демократов.

[38] Упоминаемая Глинкой должность статс-секретаря Государственного совета не имела ничего общего с почти полностью совпадающим с ней по наименованию высшим почетным званием *статс-секретаря его величества.* Последнее давалось императором гражданским чиновникам, как правило, наиболее высокопоставленным, и было знаком особого доверия (см.: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 152—153).

[39] В 1908 г. распределение депутатских мандатов по партиям, по подсчетам В.И. Ленина, сделанным по кн.: «Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. (ч. I—III). Третий созыв. Сессия I. 1907—1908 гг.» (СПб., 1908), было следующим: правые — 49, национальная группа и умеренно-правые — 95, октябристы — 148, прогрессисты — 25, кадеты — 53, национальные группы (поляки, белорусы и мусульмане) — 26, трудовики — 14, социал-демократы — 19. Это объективно позволяло правительству опираться на два большинства — одно октябристы могли образовать, блокируясь с правыми, другое — вступая в союз с кадетами (см.: *Ленин В.И.* Итоги выборов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 22. С. 322; *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. С. 83—84).

[40] Имеется в виду принадлежность П.Н. Крупенского к фракции националистов в III Думе. Фракция возникла в октябре 1909 г. при слиянии национальной группы и фракции умеренно-правых. В III Думе примыкала к октябристам. Подробнее см.: Всероссийский национальный союз // Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века. С. 135—137 (статья Д. Коцюбинского).

[41] Имеется в виду разработанный и принятый Думой регламент ее деятельности. Подготовку Наказа начинали, но не успели довести до конца Думы 1-го и 2-го созывов. III Дума завершила разработку этого важнейшего для де-

ятельности нижней палаты документа; 2 июня 1909 г. он был принят Общим собранием Думы (текст см.: Наказ Государственной думы // Демин В.А. Государственная Дума России (1906—1917): механизм функционирования. Приложения. С. 187—213), однако по различным формальным причинам так никогда и не был утвержден Сенатом.

[42] Ежедневная газета «Русское знамя» издавалась в 1905—1917 гг. в Петербурге Союзом русского народа. Союз объединял в своих рядах большинство возникших при активной поддержке властей в ходе революции 1905—1907 гг. массовых монархических черносотенных организаций и занимал в российской политической жизни крайне правые позиции. В его практической деятельности значительную роль играл политический террор, направленный как против членов левых революционных организаций, так и против либеральных общественных деятелей; было также подготовлено, но не удалось и покушение на ненавистного черносотенцам отца русской конституции графа С.Ю. Витте [о Союзе русского народа см.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992; Союз русского народа // Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века. С. 576—579 (статья Ю.И. Кирьянова)]. Издателем «Русского знамени» был лидер Союза русского народа А.И. Дубровин. «Русское знамя» было ярым и непримиримым противником российского парламента как такового и, в частности, во время председательства в Государственной думе Н.А. Хомякова подвергало деятельность последнего как главы нижней палаты постоянным демагогическим нападкам в крайне грубой форме, часто доходившей до личных оскорблений в его адрес. Однако заметки, о которой вспоминает Глинка, в «Русском знамени» за время думских сессий в 1907—1910 гг. обнаружить не удалось.

[43] Скандалы Пуришкевича, о которых Я.В. Глинка рассказывал дома, по-видимому, не менее красочно, чем в воспоминаниях, производили настолько сильное впечатление в семье, что «дети Якова Васильевича, слушая, как он делился событиями дня с Еленой Николаевной (женой Я.В. Глинки. — *Б.В.*), любили играть в "Пуришкевича", которого за хулиганство выносили из зала заседания на руках» (Письмо В.Н. Шмигельского составителю от 10 февраля 1999 г. // Личный архив составителя).

[44] *Совещание Государственной думы* — совещательный орган во главе с председателем Думы. Его существование предусматривалось ст. 12 Учреждения Думы, в соответствии с которой Совещание создавалось «для соображения общих, возникающих относительно деятельности Государственной Думы вопросов» (Учреждение Государственной Думы. С. 72). В состав Совещания входили товарищи председателя Думы, секретарь Думы и один из его товарищей по назначению Думы.

[45] *Приставская часть* — имеется в виду Приставская часть Государственной думы. Приставская часть непосредственно подчинялась председателю Думы;

15 Зак. 2660.

который собственной властью назначал пристава и помощников пристава. С 1908 г. назначение на должность пристава Думы осуществляло Совещание Думы. Помимо обязанностей по поддержанию порядка на заседаниях Общего собрания и комиссий Думы, служащие Приставской части выполняли ряд других вспомогательных функций (в т.ч. вели учет присутствующих и отсутствующих депутатов, обслуживали все виды голосования в Общем собрании, выдачу публике входных билетов на открытые заседания и т.д.). На Приставскую часть возлагались также подготовка и издание ежегодного «Справочника Государственной думы» (выходил в 1909—1914 гг.) — см.: Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801—1917. Т. 1. Высшие государственные учреждения. С. 194.

[46] Предложение об учреждении должности начальника думской Канцелярии содержалось в переданном Совещанием Думы на рассмотрение Общего собрания Думы законопроекте штатов Канцелярии и состоящих при Государственной думе должностных лиц (Доклад комиссии для рассмотрения проекта штата Канцелярии Государственной думы и состоящих при Государственной думе должностных лиц // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Приложения. СПБ., 1908. Т. II. Стб. 449—450). Оно оказалось в центре всего обсуждения этого законопроекта в июне 1908 г. на пленарных заседаниях Думы и вызвало острую критику практически всех ораторов. С особенно резкими нападками обрушился на эту идею проекта бывший секретарь II Думы и в этом качестве недавний непосредственный начальник Глинки М.В. Челноков, усматривавший в ней опасность установления бюрократического контроля над Думой. «Нам нужно, — заявил он, — чтобы и в Государственной думе, и в ее Канцелярии, в ее делопроизводстве хозяином была бы Государственная дума. Поэтому все, что умаляет влияние секретаря Государственной думы на ход распорядка дел в Канцелярии, мы, по моему глубокому убеждению, принять ни в коем случае не можем (*Голоса*: верно, *рукоплескания*) <...> У нас не должен быть этот директор, а достаточно нам трех заведующих отделами <...>» (Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. III. СПБ., 1908. Стб. 2216). В защиту учреждения должности начальника Канцелярии энергично выступил лишь председатель III Думы Н.А. Хомяков. В итоге это предложение было отклонено Думой (см.: Там же. Стб. 2238—2251).

[47] Имеется в виду то обстоятельство, что Глинка, в тот момент имевший всего лишь чин VII класса — надворного советника (Ф. 1278. Оп. 9. Д. 997. Л. 10 об.), в случае утверждения предложенного Совещанием Думы проекта нового штата претендовал на должность директора Канцелярии, согласно этому проекту отнесенную к IV классу (см.: Доклад комиссии для рассмотрения проекта штата Канцелярии Государственной думы и состоящих при Государственной думе должностных лиц. Стб. 449—450). Это значило, что в случае назна-

чения на этот пост он по должности принадлежал бы к высшим разрядам из числа установленных для гражданских чиновников «по мундиру», присвоенная этим разрядам парадная форма предусматривала те самые «белые штаны» (см.: *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России XVIII – начала XX вв. СПб., 1999. С. 227–229, 262–269), о которых язвительно напоминает Созонович. Впрочем, форменная одежда для чиновников Думы так никогда и не была введена. Усилия властей в этом направлении не пошли дальше учреждения в феврале 1907 г. особых знаков, надеваемых приставом Думы и его помощниками при исполнении ими служебных обязанностей (3 ПСЗ. Т. XXVII. 1907. № 28895). Как вспоминает К.Н. Голицын, ко времени, когда его отец, кн. Н.В. Голицын, прослужив почти 10 лет в Канцелярии Думы и имея уже чин статского советника, получил пост директора Государственного и Петроградского Главного архивов Министерства иностранных дел и должен был представляться императору «в мундире при шпаге и треуголке», у него «и в помине не было никакого мундира»; старая же треуголка Н.В. Голицына давно находилась у сына, которому и «служила необходимой принадлежностью наших воинственных игр со сверстниками» (*Записки князя Кирилла Николаевича Голицына.* М., 1997. С. 28–29).

[III Государственная дума. 1910–1912]

[1] В ноябре 1907 – марте 1910 гг. представители партий и групп Думы периодически созывались председателем Думы для ознакомления с позициями фракций по вопросам организации работы палаты. Совещания представителей партий и групп (неофициально называвшиеся советом старейшин или сеньоренконвентом) не носили официального характера, т.к. не были предусмотрены регламентировавшими ее деятельность Учреждением Государственной Думы и Наказом Государственной Думы, и не принимали решений по затрагивавшимся на совещаниях вопросам. Последнее такое совещание состоялось 18 марта 1910 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 171. Л. 1–1 об., 3).

[2] По всей видимости, речь идет о конфликте, связанном с деятельностью Совещания представителей партий и групп (см. примеч. 1). 19 ноября 1909 г. фракция правых направила в Совещание Думы заявление, в котором протестовала в связи с тем, что, по ее мнению, «г. председатель Государственной Думы превратил “Совет старейшин” в особую руководящую комиссию с решающим голосом, не предусмотренную ни законом, ни Наказом [Государственной думы], организованную помимо Общего собрания Государственной Думы и не избранную в установленном для всех комиссий порядке, возложил на нее руководство занятиями Думы и ходом ее работ – тогда как, по закону, и то и другое является предметом ведения Совещания...». В заключение фракция правых заявляла, что ее представители не будут впредь посещать «противозаконные совместные заседания Совещания и “представителей партий”, отнюдь

не выражающие своими голосованиями настроения большинства членов Государственной Думы и, благодаря попустительству г. председателя, предоставившие решающий голос левому меньшинству» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 166. Л. 31—31 об.). 24 ноября председатель Думы Н.А. Хомяков дал на это заявление официальный ответ. Отметив, что совещания представителей партий носят «ознакомительный характер», Хомяков констатировал, что обсуждаемые на них вопросы «никогда не подвергаются окончательным голосованиям и по ним не принимается никаких постановлений», а следовательно, они не выходят за рамки регламента деятельности Думы (Там же. Л. 31 об. — 32). Однако этот ответ главы палаты не удовлетворил правых. Полемика правых и Хомякова по этому поводу была тут же опубликована издававшейся Союзом русского народа газетой «Русское знамя» как веский аргумент в разворачивавшейся в это время правыми кампании травли председателя Думы — см.: Любопытная переписка между фракциею правых членов Гос. Думы и Хомяковым // Русское знамя. 1909. 2 декабря.

[3] В заседании Думы 3 марта 1910 г. рассматривался доклад бюджетной комиссии по смете расходов Министерства народного просвещения. Министр Н.А. Шварц, уже выступавший до перерыва в заседании по этому непосредственно касавшемуся его ведомства вопросу, после бурного обсуждения вновь выступал, на сей раз с разъяснениями, а затем, когда подходило время нового перерыва, еще раз попросил слова и уже вышел на трибуну, когда по требованию депутатов с мест председатель Думы Н.А. Хомяков вынужден был все же объявить перерыв (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. II. СПб., 1910. Стб. 2864—2882).

[4] После слова «Хомяковым» зачеркнуты слова «вышедшим из терпения от поголовной травли»; слова «своего решения» вписаны сверху над строкой.

[5] Так называли представителей фракций, совещания которых в думских кулуарах неофициально иногда именовались «сеньорен-конвентом» (см. выше примеч. 1)

[6] Гр. В.А. Бобринский (Бобринский 2-й, в отличие от также депутата III Думы гр. А.А. Бобринского 1-го) имеет в виду, что фракция националистов не будет проводить кандидатуру кн. В.М. Волконского на пост председателя Думы.

[7] Конфликт председателя Думы Н.А. Хомякова с думской библиотечной комиссией и особенно ее председателем гр. В.А. Бобринским первоначально возник из-за того, что в думскую библиотеку поступил «тючок с нелегальной литературой», вследствие чего возник принципиальный вопрос, может ли она хранить книги и брошюры «нелегального характера». По существу это был один из нескольких возникших в это время конфликтов председателя с правым крылом Думы, в руководстве палаты поддерживаемым ее секретарем И.П. Созоновичем. Рассмотрев этот вопрос, библиотечная комиссия, в которой боль-

шинство составляли принадлежавшие к фракциям националистов и правых депутаты, постановила подобные издания в библиотеку Думы не принимать, а полученную нелегальную литературу «препроводить в Императорскую Публичную библиотеку на том основании, что книги эти, по всей вероятности, присланы преступной организацией» (Протокол Совещания Государственной думы от 1 декабря 1909 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 166. Л. 35).

Хомяков же счел возможным внести этот вопрос на рассмотрение Совещания Думы, которое по его настоянию, невзирая на противодействие Бобринского и поддержавшего его секретаря Думы И.П. Созоновича, сочло, что в библиотеке следует создать особый отдел для хранения как «нелегальной литературы, так и других изданий, не подлежащих обращению вне круга членов Государственной Думы». Библиотечной же комиссии Совещание рекомендовало эти издания «рассмотреть по существу» и «отказать в приеме тех из них, кои интереса для библиотеки не представляют» (Там же. Л. 35–36; см. также «Соображения председателя Государственной Думы» по этому вопросу: Там же. Л. 38–39 об.).

Конфликт на этом не закончился. Следующее столкновение Хомякова с библиотечной комиссией произошло в феврале 1910 г. из-за предложенной комиссией на должность библиотекаря кандидатуры коллежского советника А.М. Белова. Хомяков отказался представить эту кандидатуру Совещанию, мотивируя свое решение в письме председателю комиссии от 13 февраля 1910 г. тем, что лично его не знает и даже не получил прошения о приеме на службу от этого кандидата (см.: Там же. Л. 63–63 об.). Затем, правда, 16 февраля Совещание Думы несколько смягчило позицию председателя, постановив «признать целесообразным, чтобы намеченный комиссией кандидат <...> предварительно самого утверждения был бы приглашен в качестве исполняющего обязанности библиотекаря» (Там же. Л. 62 об.). В итоге после отставки Хомякова А.М. Белов все-таки получил в апреле 1910 г. искомую должность (см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 961. Л. 83 об).

[8] По-видимому, имеется в виду Журнал Совещания Государственной думы от 21 февраля 1910 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 166. Л. 76–78 об.), которое в ответ на протест библиотечной комиссии в связи с решением Совещания от 16 февраля (см. выше примеч. 7) постановило оставить его в силе.

[9] Выборы нового состава библиотечной комиссии взамен подавшей в отставку состоялись 23 февраля 1910 г.; в комиссию были вновь избраны октябрист В.К. фон Анреп, националисты С.Н. Алексеев, гр. В.А. Бобринский, С.М. Богданов и принадлежавший к фракции правых П.В. Березовский 2-й (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. II. Стб. 2300).

[10] Имеется в виду, что к этому времени многие законопроекты, уже принятые Думой, задерживались рассмотрением в Государственном совете или с воз-

ражениями против их отдельных положений направлялись им обратно в Думу для создания согласительных комиссий.

[11] Имеется в виду всеподданнейший доклад председателя Думы императору. Право всеподданнейшего доклада императору было предоставлено ее председателю законодательством: ст. 10 Учреждения Государственной Думы гласила: «Председатель Государственной думы всеподданнейше повергает на высочайшее благовоззрение о занятиях Думы» (Учреждение Государственной Думы // Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 72).

[12] Зачеркнуто следующее слово — «твердо».

[13] Обычная помета (знак рассмотрения) Николая II на просмотренных им документах представляла собой косую черточку с двумя точками, одна из которых ставилась над чертой, а другая — под ней. Этот знак, не предусмотренный ни одним из существующих типографских шрифтов, иногда заменялся в современных публикациях документов, имеющих эту помету Николая II, знаком «%» (см., напр.: Особые журналы Совета министров царской России. М., 1982. [Т.] 1).

[14] Удаления из зала заседаний и часто следовавшие за ними исключения на различное число заседаний являлись самыми строгими наказаниями, предусматривавшимися Наказом Государственной Думы для нарушителей порядка в зале заседания. Приводим параграфы Наказа, определявшие основания для применения санкций и порядок применения последних:

«§ 143. Если оратор не подчиняется указаниям председательствующего или допускает в своей речи оскорбительные, резкие или, вообще, несовместные с достоинством Государственной думы выражения, или стремится нарушить порядок в заседании, то председательствующий, смотря по важности нарушения, или призывает оратора к порядку или лишает его слова, а в случаях особо важных предлагает Государственной думе об удалении его из заседания, или об устранении его от участия в заседаниях общего собрания на время от 1 до 15 заседаний.

§ 144. Член Государственной думы, нарушивший порядок заседания, призывается председательствующим к порядку, а при неподчинении этому, — по постановлению Государственной думы, сделанному по предложению председательствующего, — может быть удален из заседания или устранен от участия в нем на время от 1 до 15 заседаний» (см.: Наказ Государственной Думы // Демин В.А. Государственная Дума России... Приложения. С. 203—204).

[15] В.М. Пуришкевич в своей речи 3 марта при обсуждении доклада бюджетной комиссии по смете расходов Министерства народного просвещения в свойственном ему скандальном и оскорбительном тоне обрушился на высшие учебные заведения, в которых обнаружил засилье революционеров и евреев (что, по его мнению, было одно и то же): «...в высшей школе распоряжаются студентами студенты левые, сплошь евреи, а над студентами-евреями стоят профес-

сора, в недра которых сейчас, опять-таки, допускается колоссальное количество евреев». В частности, Пуришкевич обрушился и на Петербургский университет с обвинениями, что якобы здесь «среди совета старост находится женщина, — член совета старост по юридическому факультету. Эта женщина еврейка, — но не это, гг., страшно — а эта еврейка носит название юридической матки и находится в близких физических отношениях со всеми членами совета» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. II. Стб. 2895, 2897). После перерыва, вызванного возникшей в результате провокации Пуришкевича стычки депутатов, Н.А. Хомяков, заявив, что «Пуришкевич позволил себе совершенно недопустимые слова в собрании, которое сколько-нибудь уважается говорящим», лишил Пуришкевича права продолжить свою речь (Там же. Стб. 2898).

Однако в заседании Думы 6 марта, проходившем под председательством кн. В.М. Волконского, Пуришкевич продолжил нападки на столичный университет, заявив: «Что происходит в стенах университета? Разврат. Что в стенах университета происходит? Воровство». В знак протеста кадеты (кроме Милюкова) вышли из зала. Затем произошла перепалка между левыми и правыми депутатами, в результате которой из зала были удалены и исключены на одно или два заседания социал-демократ Е.П. Гегечкори (назвавший Пуришкевича «мерзавцем») и правый Ф.Ф. Тимошкин (отвечавший Гегечкори и левым «сами вы мерзавцы»; одновременно не указанный в стенограмме правый депутат назвал Гегечкори «кавказской обезьяной»). Далее из зала были один за другим удалены протестовавшие левые члены Думы А.А. Булат, М.В. Захаров, Н.С. Чхеидзе, а потом и поддержавший их лидер кадетов Милюков. Негодование левых вызвало то обстоятельство, что зачинщик всего скандала Пуришкевич не был остановлен председателем и не подвергся никаким санкциям. С удалением после перерыва и социал-демократа Г.С. Кузнецова общее число исключенных депутатов достигло семи (Там же. Стб. 3129—3242).

[16] Имеется в виду речь, произнесенная правым депутатом П.В. Новицким не на Совещании Думы, как также ошибочно записал Глинка, а в том же заседании Думы 6 марта, о котором идет речь в этой записи. В этой речи оратор, возвращаясь к происшедшему на заседании 3 марта инциденту с министром народного просвещения, утверждал, что «министру императорского правительства совершенно не дозволили говорить...». Эта тирада Новицкого не вызвала никакой реакции председательствовавшего на заседании В.М. Волконского (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. II. Стб. 3145), что и отмечает Глинка в своей записи.

[17] Процедура голосования в Общем собрании Государственной думы в это время проводилась уже в соответствии с разделом шестым главы пятой Наказа Государственной Думы, принятого 2 июня 1909 г. Подача голосов за отсутствующих была запрещена. Предусматривалось два основных вида голосования — открытое и закрытое.

Открытое голосование производилось «посредством сидения и вставания». В случае сомнения в его итогах могло производиться «голосование посредством разделения голосующих». При этом депутаты, голосовавшие по данному вопросу утвердительно, выходили в одну дверь зала, а отрицательно — в противоположную.

Закрытое (т.е. тайное) голосование проводилось при помощи шаров белого цвета (т.н. избирательные шары) и черного цвета (т.н. неизбирательные шары) или записками. К закрытому голосованию прибегали «при выборах должностных лиц и членов комиссии, при разрешении вопроса об отмене выборов членов Государственной думы, по представлениям судебной власти» в отношении членов Думы и «при разрешении денежных ассигнований в пользу кого-либо из состава Государственной думы». При выборах должностных лиц сначала обычно подавались записки. В них депутаты указывали фамилии своих кандидатов на данную должность. Затем председательствующий испрашивал согласие собравших более трех записок в свою пользу кандидатов на баллотировку. После этого проводилась баллотировка шарами по оставшимся кандидатурам, начиная с набравшей наибольшее число записок.

Подсчет голосов при закрытом голосовании происходил «немедленно по окончании голосования» в этом же заседании Думы. Голоса воздержавшихся во всех случаях не учитывались при определении итогов голосования, за исключением «определения законности состава собрания» (см.: Наказ Государственной Думы. С. 208–209).

[18] В своей первой речи в качестве председателя Государственной думы А.И. Гучков так сформулировал свои политические взгляды:

«Гг., я убежденный приверженец конституционно-монархического строя и притом (*движение справа*) не со вчерашнего дня. Вне форм конституционной монархии, а отнюдь не парламентаризма, я не могу мыслить мирное развитие современной России со всеми теми особенностями, которые завещаны русской историей и коренятся в русской действительности, с народным представительством, облеченным широкими правами в законодательстве и надзоре за управлением, но и с правительством сильным и ответственным только перед монархом, а не пред политическими партиями (*Рукоплескания центра*)».

Далее Гучков остановился на тех принципах, которые предполагал положить в основу своей деятельности в должности председателя Думы:

«Гг., та председательская власть, которую вам угодно было мне вручить, те статьи Наказа, которые предоставлены в мое распоряжение, могут быть использованы мною в интересах ограждения достоинства Государственной Думы, <...> охранения того порядка, без которого немыслима серьезная законодательная работа, только при вашем, гг., участии, при вашей поддержке. Но нужно помнить, что одним их самых драгоценных приобретений нового строя является та независимость слова и та свобода критики, которые связаны с этой

находящейся передо мной трибуной. Правда, эти гарантии свободы и независимости трибуны, эти коренные устои всякого государственного строя, покоящегося на началах политической свободы, могут, как всякие гарантии свободы, вызвать естественный соблазн злоупотреблений. Но я бы сказал, что лучше погрешить в сторону излишнего расширения свободы, нежели в сторону слишком нетерпимого или боязливого ее стеснения. В борьбе со словом неправды сильнее слово правды, нежели председательский звонок и применение соответствующих статей Наказа» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. III. СПб., 1910. Стб. 451–452).

[19] Ст. 16 Учреждения Государственной Думы гласила: «Для лишения свободы члена Государственной думы во время ее сессии должно быть испрошено предварительное разрешение Думы, кроме случая привлечения члена Думы к ответственности в порядке, указанном в статье 22, равно как случая задержания при самом совершении преступного деяния или на следующий день» (Учреждение Государственной Думы. С. 72). Ст. же 22, к которой имеется отсылка в процитированной выше ст. 16, предусматривала привлечение членов Думы «за преступные деяния, совершенные при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на них по сему званию <...> в порядке и на основаниях, установленных для привлечения к ответственности высших чинов государственного управления» (Там же. С. 73).

Говоря о еще не опубликованном тогда решении Сената «о толковании ст. 16 Учреждения Государственной Думы», Я.В. Глинка имел в виду решение Уголовного кассационного департамента Сената по возбужденному министром юстиции И.Г. Щегловитовым вопросу «о пределах применения ст. 16 Учрежд. Государственной Думы», принятое 10 ноября 1909 г. (см.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1909 г. Издание неофициальное. Екатеринослав, 1911. С. 17–19). Это обращение министра в Сенат было вызвано приговором, вынесенным В.М. Пуришкевичу по делу об оскорблении им А.П. Философовой (см. примеч. 20). Рассмотрев вопрос о том, «должно ли для лишения свободы члена Государственной Думы во время ее сессии быть испрошено предварительное разрешение Думы <...> и в тех случаях, когда таковое лишение свободы принимается не как предварительная мера при возбуждении уголовного преследования, а наступает во исполнение состоявшегося судебного приговора», сенаторы пришли к заключению, что «подобный приговор может быть приведен в исполнение и во время сессии Государственной Думы без разрешения ее...» (Там же. С. 17, 19).

[20] В конце 1908 г., сразу же по завершении в Петербурге работы Первого всероссийского женского съезда, В.М.Пуришкевич направил трем его руководительницам, включая и А.П. Философову, явно провокационные письма, в которых называл съезд публичным домом. А.П. Философова, принадлежавшая к числу виднейших российских общественных деятелей еще с 60-х гг. XIX в.,

обратилась по этому поводу с жалобой к мировому судье. Рассмотрев дело, мировой судья Ю.М. Антоновский приговорил Пуришкевича к месяцу ареста без замены штрафом (см.: Сборник памяти А.П. Философовой. Т. 1. *Тыркова А.В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. С. 436).

Затем этот приговор был смягчен императором и заменен семидневным домашним арестом (Новое время. 1910. 9 марта). Чтобы обойти рассмотрение, согласно ст. 16 Учреждения Государственной Думы, вопроса об отбытии им наказания в Общем собрании Думы, 10 марта Пуришкевич подал в Совещание Думы заявление, в котором ходатайствовал об увольнении его в недельный отпуск «для отсидки по делу Философовой домашнего ареста». Рассмотрев 13 марта это заявление, Совещание Думы, «принимая во внимание: 1) что заявление это по существу своему является не ходатайством об увольнении в отпуск, а о разрешении члену Государственной Думы отбыть назначенный согласно состоявшемуся судебному приговору арест, 2) что для лишения свободы члена Государственной Думы во время ее сессии по силе ст. 16 Учреждения Государственной Думы должно последовать ее разрешение и 3) что таким образом разрешение члену Государственной Думы Пуришкевичу отпуска для отбывания во время думской сессии ареста от Совещания исходить не может», постановило «рассматриваемое заявление внести на уважение Государственной Думы, предложив ей, на основании ст. 16 ее Учреждения, разрешить члену Государственной Думы Пуришкевичу отбыть во время сессии назначенный ему согласно состоявшемуся судебному приговору арест» (Журнал Совещания Государственной Думы от 13 марта 1910 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 166. Л. 84). В заседании Думы 16 марта А.И. Гучков, сообщив депутатам о заявлении Пуришкевича и принятом Совещанием Думы по его поводу решении, предложил «согласиться с заключением Совещания». Рекомендованное Совещанием решение было принято Думой без какого-либо обсуждения (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. III. Стб. 806; Новое время. 1910. 17 марта. С. 1). В тот же день «Русское знамя» опубликовало переписку Пуришкевича с руководством Думы в связи с этим инцидентом (см.: Четыре документа о депутатской неприкосновенности // Русское знамя. 1910. 16 марта).

[21] Товарищ секретаря III Думы В.С. Соколов, юрист по образованию и в прошлом присяжный поверенный, не имел профессорского звания.

[22] См.: Журнал Совещания Государственной Думы от 13 марта 1910 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 166. Л. 84—85 об.

[23] В заседании 17 марта 1910 г. А.И. Гучков сообщил о внесении председателем Совета министров П.А. Столыпиным в Думу законопроекта «о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» и что Совещание Думы предполагает создать для его предварительного рассмотрения особую комиссию. Затем Гучков решительно пресек

попытку Милюкова коснуться сути этого вопроса, заявив: «Законопроект этот членам Государственной Думы еще не известен; он будет раздаваться только сегодня. Значит, всякие суждения по существу не могут встретить какой-либо критики, так как большинству членов Государственной Думы, повторяю, этот законопроект не известен» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. III. Стб. 935—936; о прохождении этого закона в Думе см.: *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 64—78).

[24] 18 марта 1910 г. Совещание Думы рассмотрело 14 вопросов. К числу достаточно серьезных относились утверждение инструкции для библиотечной комиссии, представленной ее председателем, и вопрос о возмещении дворцовому ведомству освобождаемых последним в Таврическом дворце квартир, остальные касались обычных текущих дел. Наиболее важным для дальнейшей деятельности руководства Думы было принятое по предложению Гучкова постановление отныне заменить созывавшееся ранее совещание представителей думских фракций приглашением представителей фракций в Совещание Государственной думы (Журнал Совещания Государственной Думы от 18 марта 1910 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 166. Л. 89—90 об.) — об этом см. в дневнике Глинки запись от *31* марта *1910* г.

[25] При обсуждении сметы Главного интендантского управления Военного министерства выступавший от крайне-правых Н.Е. Марков 2-й заявил, что это ведомство, по его мнению, обнаруживает «чрезвычайную слабость, даже, скажу более, влечение, род недуга, болезненное расположение к центральным, монопольным, по большей части иудейского типа организациям всякого рода». Затем Марков обрушился на нового председателя Думы Гучкова, в качестве главы думской комиссии по государственной обороне одного из авторов представленного по этой смете доклада бюджетной комиссии. Речь свою Марков 2-й завершил утверждением, что «тенденции» этого доклада «не соответствуют ни нуждам, ни интересам, ни взглядам русского народа» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. III. Стб. 1205—1206).

[26] Термин «объединенное дворянство» появился со времени проведения в мае 1906 г. I съезда уполномоченных дворянских обществ, впервые избравшего для работы в промежутках между съездами Постоянный совет дворянских обществ. Здесь речь идет о работе VI съезда уполномоченных дворянских обществ, проходившего 14—20 марта 1910 г. в зале Дворянского собрания в Петербурге. На съезде тон задавали крайне-правые. В частности, председатель Постоянного совета, депутат III Думы гр. А.А. Бобринский выступил с докладом «О допущенных в государственном учреждении нападках на общественный строй и на дворянство», посвященным «антидворянским» выступлениям левых фракций и депутатов в Думе. На съезде выдвигались также требования к власти строго соблюдать ограничительное законодательство в отношении евреев (в том числе

установленную для евреев процентную норму при приеме в высшие учебные заведения); высказывались и пожелания отодвинуть существующую границу с Великим княжеством Финляндским как можно дальше от Петербурга (см.: Новое время. 1910. 18 марта, 20 марта. См. также: Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. С 14 марта по 22 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 186–256, 268–301, 362–369). Об объединенном дворянстве см.: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981 (гл. III); *Он же.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990.

[27] Речь идет о дуэли лидера октябристов А.И. Гучкова с членом этой же фракции гр. А.А. Уваровым. Причиной поединка был их острый конфликт, начавшийся внутри фракции октябристов и переросший затем в непримиримую личную вражду. Депутат от Саратовской губернии Уваров, знавший премьер-министра П.А. Столыпина (которого октябристы с Гучковым во главе энергично поддерживали в своей парламентской деятельности) еще в бытность его саратовским губернатором, свои оппозиционные лидеру фракции действия пытался подкрепить ссылками на свое якобы близкое знакомство со Столыпиным. В итоге, по рассказу свидетеля развития этого конфликта, также члена фракции «Союза 17 октября» Н.В. Савича, между ними возникло «соперничество, которое очень скоро привело к полной изоляции Уварова, вокруг коего образовалась пустота» (*Савич Н.В.* Воспоминания. С. 85). Дело кончилось тем, что лидер октябристов публично, в здании Таврического дворца, в присутствии членов своей фракции А.И. Звегинцова и Савича обвинил Уварова во лжи и через день получил от него вызов на дуэль. Не подлежит сомнению, что Гучков, для которого дуэль была обычным способом разрешения конфликтных ситуаций – первая известная его дуэль произошла еще в 1899 г., – сознательно спровоцировал своего бывшего сподвижника по «Союзу 17 октября». Поединок состоялся 17 ноября 1909 г. на окраине Петербурга, в Старой деревне (это место два с половиной года спустя, 22 апреля 1912 г., было выбрано и для самой знаменитой дуэли Гучкова с жандармским подполковником С.Н. Мясоедовым – см.: *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 68–69). Секундантами с обеих сторон были члены законодательных палат: у Гучкова – члены Думы националист П.Н. Крупенский и октябрист А.Ф. Мейендорф, у Уварова – член Государственного совета Д.А. Олсуфьев и депутат Думы прогрессист Н.Н. Львов. Лидер октябристов стрелял первым и ранил своего противника; Уваров же выстрелил в воздух. Дуэль была остановлена. Рана Уварова оказалась неопасной – он получил касательное ранение в области правой лопатки (см.: Дуэль Гучкова с гр. Уваровым // Новое время. 1910. 18 ноября; *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 86–88). В результате дуэли, как отмечал Савич, Гучков достиг своей политической цели: «...Уваров вышел из фракции, с тех пор он стал политически мертвым человеком, его провал на следующих выборах был обеспечен» (*Савич. Н.В.* Воспоминания. С. 88).

[28] Имеется в виду т.н. Министерский павильон. Идея его строительства принадлежала председателю I Думы С.А. Муромцеву. 1 мая 1906 г., спустя лишь несколько дней после начала ее работы, он направил председателю Особой комиссии по приспособлению здания Таврического дворца для помещения в нем Государственной думы Н.Ф. Дерюжинскому письмо по этому поводу, в котором говорилось:

«Первые заседания Государственной Думы выявили настоятельную необходимость устройства особого помещения для гг. министров, так как отсутствие отдельных комнат, где бы могли совещаться представители правительства, не будучи тревожимы проходом гг. членов Государственной Думы, весьма неудобно.

Для этой надобности мною предполагалось бы соответственным возвести в саду при Таврическом дворце особый павильон с отдельным подъездом и залом для совещаний» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. 1 созыв. Д. 750. Л. 1).

Идея создания особого павильона при Таврическом дворце для представителей власти была очень быстро реализована. Министерский павильон был построен по проекту известного архитектора А.И. фон Гогена уже к середине февраля 1907 г., к предстоящему открытию II Думы. К этому же времени «для несения дежурства и устройства канцелярской и справочной части» в павильон был командирован чиновник особых поручений при министре внутренних дел Л.К. Куманин, в распоряжение которого поступили пять человек из состава служителей Думы: швейцар, служитель, состоящий при буфете, и три сторожа (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 11. Л. 1). 25 декабря 1909 г. законодательно был определен порядок заведования Министерским павильоном; «для несения дежурства при Государственной Думе и исполнения поручений председателя Совета Министров и членов Совета Министров» в штат Канцелярии Совета министров были дополнительно введены должности чиновника особых поручений V класса, старшего помощника экспедитора VII класса и чиновника для письма первого разряда (3ПСЗ. Т. XXIX. № 32835). Должность чиновника особых поручений, заведующего Министерским павильоном, занял все тот же Л.К. Куманин (о нем см. примеч. 60).

[29] В заседании 22 марта 1910 г. рассматривался вопрос о расходах по Главному военно-медицинскому управлению. Октябрист М.Я. Капустин и кадет А.И. Шингарев оспорили содержавшееся в пункте 3 заключения комиссии по государственной обороне предложение о прекращении доступа в число студентов Военно-медицинской академии лиц иудейского вероисповедания. В ответ, как и следовало ожидать, крайне эмоционально поддержали этот пункт лидеры крайне-правых В.М. Пуришкевич и Н.Е. Марков 2-й. Против предложенной правыми формулы перехода, признававшей «безусловную и настоятельную необходимость немедленного прекращения доступа иудеев в число студентов Императорской Военно-медицинской академии», резко выступили представи-

тели социал-демократов, трудовиков и кадетов. Глинка не совсем точен в описании хода голосования в этот день. При голосовании формулы перехода она была отклонена 143 голосами против 105. Затем на голосование был поставлен сам пункт 3 заключения комиссии. Он также был отвергнут 115 голосами против 97, что и вызвало описанную автором бурную реакцию правых. Поэтому было проведено повторное голосование, на этот раз с разделением голосующих. Его результат был противоположным предыдущему — пункт был принят 144 голосами против 116 (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. III. Стб. 1396—1444).

[30] Решение об этом было принято Совещанием Думы 18 марта 1910 г., по предложению А.И. Гучкова, постановившим «признать более целесообразным приглашать представителей фракций в Совещание Государственной думы в порядке § 222 Наказа» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 166. Л. 90 об.). Послуживший юридическим основанием для этого решения § 222 Наказа гласил: «Председатель может пригласить к участию в заседании Совещания, с правом совещательного голоса, тех членов Государственной Думы, которых он признает полезным привлечь к рассмотрению данного вопроса» (Наказ Государственной Думы. С. 212).

[31] Далее вычеркнуты слова: «ввиду отсутствия определенной формы».

[32] В Совещание Думы 31 марта 1910 г. были приглашены 13 представителей фракций и групп. А.И. Гучков предложил Совещанию «обсудить вопросы о том, сколько заседаний надлежит иметь до перерыва занятий Государственной Думы на пасхальные каникулы, когда назначить этот перерыв, а также какие законопроекты поставить на повестку по возобновлении занятий Думы». По всем этим вопросам Совещание приняло постановление (Журнал Совещания Государственной Думы от 31 марта 1910 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 166. Л. 99—100).

[33] Речь П.А. Столыпина, произнесенную в Государственной думе 31 марта 1910 г. в ответ на заявление 32 членов Думы, см.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911. М., 1991. С. 261—269. Разъяснения, которые Столыпин давал в этой речи, касались ст. 96 Основных законов 1906 г., гласившей: «Постановления по строевой, технической и хозяйственной частям, а равно положения и наказы учреждениям и должностным лицам военного и военно-морского ведомств по рассмотрении Военным и Адмиралтейств советами по принадлежности непосредственно представляются государю императору, если только сии постановления, положения и наказы относятся собственно к одним упомянутым ведомствам, не касаются предметов общих законов и не вызывают общего расхода из казны...» (Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 25—26). В апреле 1909 г. император отказался утвердить принятый законодательными палатами законопроект о штатах Морского генерального штаба, усмотрев в нем, вслед за оставшимися в меньшин-

стве при его рассмотрении консерваторами верхней палаты во главе с П.Н. Дурново и В.Ф. Треповым, расширение прав законодательных учреждений в военной и военно-морской сферах, выходящее за рамки, установленные ст. 96, в ущерб собственной верховной власти. По приказанию императора Совет министров разработал особые правила, регулировавшие применение этой статьи Основных законов. Эти правила были приняты в порядке верховного управления 24 августа 1909 г. (см.: *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 134–142; *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 61–65). В своей речи в Думе 31 марта Столыпин заверил депутатов, что права Государственной думы изданием правил 24 августа не нарушены и что правительство «никогда на права Государственной думы не покушалось» (*Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... С. 269).

[34] Сложив свои председательские полномочия, Гучков отбывал наказание в Петропавловской крепости, но вскоре был помилован императором (см.: *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 88; Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Коммент. С. Ляндреса и А.В. Смолина. М., 1993. С. 86).

[35] С.А. Муромцев скончался в Москве 5 октября 1910 г.

[36] Имеется в виду статья Рогдая [И.И. Колышко] «Живой символ», посвященная памяти С.А. Муромцева. Она заканчивалась словами: «“А счастье было так близко, так возможно”. Вот лучшая эпитафия на могиле Муромцева» (Новое время. 1910. 7 октября).

[37] В записи в своем дневнике от 14 октября 1910 г. член III Думы гр. А.А. Бобринский, как и Глинка, также остановился на возникшей накануне открытия сессии из-за кончины С.А. Муромцева ситуации, тревожной для правых, к которым принадлежал Бобринский: «Завтра *открывается сессия Государственной Думы,* и политический мир волнуется: что будет. Все из-за того же шута выборгского, покойного Муромцева. Левые и кадеты требуют почтения его памяти, в официи первого председателя Государственной Думы, вставанием, правое крыло видит в Муромцеве подписчика Выборгского воззвания, ergo изменника, и не хочет вставать. Как и что выйдет из этой кашицы, неизвестно. А собрать, обсудить, условиться, переговорить — недосуг и лень и Столыпину, и Гучкову, и Волконскому, и tutti quanti» (Дневник А.А. Бобринского (1910–1911 гг.) // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 136–137).

[38] Знаки, выражающие реакцию Глинки «(?!)», приписаны им поверх строки позднее другими чернилами.

[39] О том, как отразилось это событие на раскладе политических сил в борьбе за пост председателя Думы, можно судить по записи А.А. Бобринского, сделанной 18 октября: «Сегодня 74 члена Государственной Думы *подносили образ Владимиру Волконскому* в благодарность за его гражданское мужество 15 октября. Столыпину эта демонстрация не нравится, потому что Петр Аркадьевич

проводит в председатели Думы Гучкова, а Волконский может явиться серьезным конкурентом. А что Столыпину это не нравится, видно по поведению Крупенского, который отвиливает на второй план. Выборы председателя Думы начинают уже принимать тот специфический кисло-сладкий октябрьский привкус, который дал нам сперва горе-председателя Хомякова, а потом Гучкова. Очевидно, Гучков и останется на кресле, а с ним останется и поколебленное значение нашей злополучной палаты» (Дневник А.А. Бобринского. С. 137).

[40] Торжественный обед октябристов — депутатов Государственной думы и членов Государственного совета, о котором идет речь, состоялся 17 октября 1910 г. в клубе общественных деятелей (клуб находился в Санкт-Петербурге на Моховой ул., д. 36) в честь пятилетнего юбилея Манифеста 17 октября 1905 г. В ответ на «пессимистическое» выступление П.С. Чистякова А.И. Гучков «в краткой речи ответил, что нет повода к пессимизму. Он прежде всего указал на то, что думские октябристы не могут еще справлять пятилетия своей деятельности, так как действуют они всего три года, а если принять во внимание организационный период первого года, то и того менее. И за то краткое время сделано все-таки немало. Упорядочены государственные финансы, улучшено военное положение империи и, наконец, проведена земледельческая реформа, которая положила конец разврату крестьянского населения, вызванному бессовестными обещаниями кадетской и более левых партий. Сбиваясь то вправо, то влево, партия октябристов искала точно впотьмах верного пути, покуда его не нашла. Ей предстоит решить еще трудный вопрос в школьном деле, но и тут она сделает все от нее зависящее, чтобы Россия приблизилась к идеалу всеобщей народной грамотности. Воодушевляющую речь свою А.И. Гучков окончил тостом за Того, Который по собственной воле наметил основы конституционной России (т.е. за императора Николая II. — *Б.В.*)» (Обед октябристов // Новое время. 1910. 18 октября).

[41] Бывший председатель Думы Н.А. Хомяков, со слов самого Волконского, — см. в дневнике Глинки запись от 4 декабря.

[42] Дата «12 ноября» вписана карандашом между двух тетрадных строк после слова «сегодня» позднее. Поставив эту дату, Глинка далее задним числом продолжил запись о событиях, произошедших в зале заседаний Думы 1 ноября.

[43] Речь идет об одном из многочисленных думских скандалов, связанных с именем В.М. Пуришкевича. Выступая 1 ноября 1910 г. в ходе обсуждения законопроекта о начальных училищах, он позволил себе заявить с думской трибуны: «...наш общественный элемент, так называемая интеллигенция русская, в переводе на простой русский язык — извините за выражение — сволочь (*слева шум и голоса*: пошел вон, долой)» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. I. СПб., 1910. Стб. 831). Выкрики протестовавших депутатов и шум в зале не позволили Пуришкевичу продолжить речь. То обстоятельство, что председательствовавший в это время

А.И. Гучков не только не лишил оратора слова, но даже не сделал ему замечания, возмутило левых и умеренных депутатов. Однако, несмотря на их протестующие реплики с мест, председатель лишь поставил на голосование вопрос о прекращении записи ораторов. На это с места отреагировал, в частности, и кадет А.И. Шингарев: «Значит, можно ругаться в Думе? это кабак, а не Государственная Дума...» (Там же. Стб. 832). Лишь на следующем заседании, 3 ноября, Гучков вынужден был дать с председательской кафедры объяснения своему поведению во время этого инцидента. Признав, что Пуришкевич «охарактеризовал наш общественный элемент, как он выразился, нашу так называемую интеллигенцию, в очень резких и, скажу, грубых выражениях», председатель Думы отметил, что «это явление не единичное» и что левые депутаты выражались в стенах Думы в этот день не менее грубо. «Что касается существа речи члена Государственной Думы Пуришкевича, — продолжал далее Гучков, — то при всем моем коренном несогласии с ним, при всем моем убеждении, что наша интеллигенция сыграла, особенно в деле народного просвещения, громадную и благодетельную роль (*голоса слева*: верно), я себя, как председателя, не считал вправе пользоваться своей властью для борьбы с своим политическим противником. Мы очень склонны в этой зале требовать от председателя драконовских, беспощадных мер по отношению к нашим политическим противникам, мы всегда протестуем во имя свободы, когда это исходит от наших сторонников. Вот от этого одностороннего увлечения я вас и предостерегаю. Я приложу все старания к тому, чтобы водворить у нас некоторый элементарный уровень парламентских нравов (*Голоса справа*: верно, *шум слева*). Но я бессилен, если будет вестись систематический подкоп против этих моих попыток, которые будут поддержаны, я убежден, громадным большинством Государственной Думы. (*Рукоплескания справа и в центре; шиканье слева*; **Булат,** *с места*: слабенько)» (Там же. Стб. 846–847). Как видно уже по ремаркам в этой стенографической записи, разъяснения Гучкова вызвали в зале весьма противоречивые чувства и не были приняты значительной частью депутатов.

[44] 19 ноября А.А. Бобринский резюмировал дошедшие до него слухи об этом: «Государь, насколько можно судить, не сдался на уверения Гучкова, который, по-видимому, вернулся из Царского Села ни с чем. Наоборот, Волконского обласкали, но Волконский по мозгам ничего не значит, и что его обласкали, ничего не доказывает» (Дневник А.А. Бобринского. С. 138).

[45] О поездке Алексеенко в Царское Село как важном событии во внутридумских интригах рассказывает и А.А. Бобринский: «*Представлялся государю* председатель бюджетной комиссии *Алексеенко...* и пошла писать политика. Опасаются. Алексеенко умен и хитер, за ним есть карьеристические заслуги. Это бывший попечитель округа. Он легко может повлиять на государя. Алексеенко давно метит в министры. Он кандидат на место шатающегося будто бы Коковцова, а не то — в министры торговли. Это дело Гучкова, а может быть, и са-

мого Столыпина в его единоборстве с Гучковым. Устроили это представление Волконский и Крупенский» (Дневник А.А. Бобринского. С. 140. Запись 1 декабря 1910 г.).

[46] Имеются в виду слова, сказанные А.И. Гучковым 12 марта 1910 г. в своей первой речи в Думе в качестве ее председателя. В этой речи Гучков, в частности, говорил о препятствиях, с которыми сталкивается в своей законодательной работе Дума: «Мы часто жалуемся на различные внешние препятствия, тормозящие нашу работу или искажающие ее конечные результаты. Мы не должны закрывать на них глаза; с ними нам приходится считаться, а может, придется и сосчитаться» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. III. Стб. 451). В.С. Дякин и вслед за ним А.С. Сенин считают, что Гучков под «внешними препятствиями» подразумевал не только Государственный совет, о чем более чем определенно говорит в своей записи Глинка, но и так называемую «придворную камарилью», т.е. антиреформистски настроенную часть окружения императора (*Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. С. 193; *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. С. 59).

[47] Речь идет об одной из предпринятых по инициативе П.А. Столыпина реформ, которая первоначально предусматривала ликвидацию крестьянского волостного суда и лишение земских начальников их судебных функций. В ходе проведения этого законопроекта через законодательные учреждения Столыпин и министр юстиции И.Г. Щегловитов пошли на значительные уступки Государственному совету, отказавшись от упразднения волостного суда в обмен на согласие верхней палаты на другие основные положения реформы — в частности, введение избираемых земством мировых судей. 15 июня 1912 г. принятый палатами закон утвердил Николай II (см.: *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. С. 155—157; Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 607—608).

[48] Имеется в виду речь В.М. Пуришкевича при обсуждении Думой в заседании 3 декабря 1910 г. под председательством А.И. Гучкова запроса социал-демократической фракции в связи со студенческими волнениями в высших учебных заведениях столицы. В этой речи Пуришкевич, в частности, в риторической форме рассказывал о происходившем в ходе студенческой сходки в Петербургском университете, в конце концов разогнанной полицией. Упомянув о председателе сходки, некоем «товарище Борисе», он, в частности, задал и следующий риторический вопрос: «...не говорил ли товарищ Борис, что пора покончить с сатрапами кровавого Николая II?» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. I. Стб. 2491; РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 338. Первый вариант стенограммы. Л. 186). Таким образом, фраза, содержавшая в себе признаки состава преступления, квалифицированного в российском законодательстве как «оскорбление величества»,

прозвучала из уст монархиста Пуришкевича в стенах Думы (правда, в виде пересказа чужих слов, да еще и в косвенной форме), не вызвав при этом никакой реакции председательствовавшего, обязанного в таких случаях останавливать ораторов. Ряд газет, поместивших полный текст этой тирады, не изъяв употребленного в ней применительно к императору эпитета «кровавый», в том числе «Речь», «Петербургский листок» и др., были 4 ноября конфискованы цензурой, а «Новое время», сократившее все выражение до «покончить с сатрапами Николая II», не подверглось цензурным карам (см.: *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 343; Новое время. 1910. 4 декабря).

[49] Дело по обвинению барона Э.П. Унгерн-Штернберга, российского подданного, представителя Австрийского императорского телеграфного агентства в Петербурге в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, слушалось в Особом присутствии столичной судебной палаты 28 октября 1909 г. (Новое время. 1910. 29 октября). Унгерн-Штернберг обвинялся, в частности, в передаче австро-венгерскому военному агенту капитану графу Л. Спаноки копии внесенного военным министром в Государственную думу представления о величине контингента новобранцев в призыв 1909 г. и экземпляра доклада комиссии Думы по государственной обороне по тому же вопросу (РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 467. Л. 245). П.М. Михайлов давал свои показания в суде как делопроизводитель этой комиссии.

[50] В 1930-х гг. Гучков рассказал об этой скандальной истории, связанной с недолгой службой в Канцелярии Думы в должности делопроизводителя думской комиссии государственной обороны П.М. Михайлова, следующее: «Канцелярию комиссии государственной обороны мне приходилось формировать. <...> я думал, что полезно привлечь военных канцеляристов; обратившись к начальнику Главного штаба, я просил его рекомендовать кого-нибудь. Через некоторое время я получил записку, что он рекомендует капитана Михайлова, который кончил Академию и был все время в канцелярии Куропаткина и т.д. И обременен семейством. Я его вызвал. Рекомендация была хорошая. Так вот когда уже начали обостряться отношения между комиссией и Военным министерством (со стороны государя было явно недоброжелательное отношение к комиссии, к ее работе), то я узнал, что Михайлов приставлен к комиссии, ко мне в качестве соглядатая. Он знал о существовании кружка ген. Гурко. Когда поступал к нам какой-либо законопроект, то я писал: "Пошлите столько-то экземпляров генералу Гурко", и он несколько раз говорил мне очень настойчиво: "Ведь я мог бы быть полезен и там, может быть, вы пригласите меня". Но я это отклонил. Через некоторое время я узнал, что им составлен обстоятельный донос, потом повторившийся, где говорилось о создании в армии такого кружка, который должен подготовлять антимонархические течения, а может быть, и действия, в самой армии.

Затем я узнал, что этого Михайлова приглашают к себе крайние правые, что он вошел в переговоры с Марковым 2-м и Пуришкевичем, а затем про-

изошел следующий эпизод. Я не хотел из этого, что называется, делать историю, но вышло так, что Михайлов оказался как канцелярист никуда не годным, был ленив и хамски груб со своими подчиненными. Помню эпизоды его хамского отношения. Я его вызвал (в то время я был председателем Гос. думы) и говорю: "Имейте в виду, что вы у нас больше не будете. Вы ленивы, неаккуратны, ваши доклады очень неудовлетворительны. Я не желаю портить вашу карьеру, поэтому я вас не удаляю своей властью, а только предупреждаю, что даю такой срок. Найдите себе какие-нибудь занятия, но вы не должны остаться". Из этого разыгралась целая история, потому что он побежал к Маркову и Пуришкевичу. Но я был непреклонен.

Вдруг ко мне приезжает один из высших чинов Главного управления Генерального штаба из разведывательного отделения и говорит мне: "У вас служит капитан Михайлов?" Как выясняется, он под подозрением, что он разные секретные сведения, которые получает у нас, продает одной иностранной державе. "Есть у вас какие доказательства?" — "Доказательств нет, но он у нас сильно под подозрением". Это усилило мою решимость, и я его еще раз вызвал и сказал: "С завтрашнего дня я вас увольняю в отпуск". Одна подробность меня успокаивала, что когда он поступил на службу к нам, то произошло некоторое междуцарствие, он из Главного штаба еще не был отчислен и у нас не был зачислен — так не получал жалованья. Он пришел как-то ко мне и просил, чтобы я ему помог. Я ему дал несколько сот рублей. Меня успокаивала мысль, что он мне не отдавал. Будь он шпион — он бы отдал» (Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 80—82).

[51] Далее вычеркнута фраза: «Вспомяните графа Гейдена — и ему даже не удалось попасть в III Думу».

[52] Речь идет о стенограмме, содержавшей оскорбление императора в речи В.М. Пуришкевича в Думе 3 декабря 1910 г. «Новое время» сообщало: «Председателем Государственной думы получено предложение прокурора Петербургского окружного суда препроводить ему один экземпляр "стенографически записанной" речи В.М. Пуришкевича по вопросу о насилиях в высших учебных заведениях» (Новое время. 1910. 10 декабря).

[53] В стенограмме заседания 3 декабря сохранились следы этого редактирования ее текста, о котором рассказывает Глинка (см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 388. Второй (отредактированный) вариант стенограммы. Л. 186). Злополучные слова «кровавого Николая II», содержавшие оскорбление величества, в этой отредактированной стенограмме подчеркнуты жирным красным карандашом и аккуратно вычеркнуты чернилами. Под правленым машинописным текстом на этой странице сделана чернилами пояснительная запись: «Слова "кровавого Николая II" подлежат исключению», внизу следуют дата — 4 декабря 1910 г. — и подписи Глинки и Гучкова. Любопытно, что, судя по тому, что слово «Николая II» вписано над этой записью и вставлено в ее текст обычной в

таких случаях галочкой, оба «редактора» первоначально хотели вычеркнуть лишь оскорбительный эпитет «кровавый», как и поступило вышедшее в тот же день «Новое время». Затем, однако, они сочли за благо вычеркнуть из тирады Пуришкевича и имя императора. В итоге после редактирования слова Пуришкевича, послужившие причиной одного из крупнейших скандалов в истории Думы, приобрели в ее официальном стенографическом отчете следующий вид: «А не говорил ли этот самый товарищ Борис, председатель сходки, не говорил ли товарищ Борис, что пора покончить с сатрапами?» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. I. СПб., 1910. Стб. 2491), — не дающий, казалось бы, формального повода для последующей констатации Пуришкевичем их юридического значения: «И вот только после этих безобразий, только после того, как было произведено оскорбление Величества, только после этого в стены Петербургского университета была введена полиция и разогнала ту шваль, которая там собралась и позволяла себе оскорблять священное имя (*Рукоплескания справа*)» (Там же. Стб. 2492).

[54] Речь идет о заявлении секретаря Думы И.П. Созоновича, направленном в Совещание Думы и датированном 3 декабря 1910 г.

«Считаю необходимым обратить внимание Совещания на следующее обстоятельство:

В Государственной Думе представителям прессы предоставлены места в зале Общего собрания в целях осведомления публики с производящимися в Государственной Думе делами, и в частности, для ознакомления той же публики с речами или мыслями, высказанными ораторами с трибуны.

Для той части столичной и иногородней прессы, которая имеет значительный круг читателей, предоставлены лучшие места и, кроме того, для облегчения корреспондентов и для возможно точной передачи ими происходящего в заседаниях Общего собрания выдаются, по мере изготовления, из Канцелярии Государственной Думы еще не отредактированные стенографические записи.

Не считая, конечно, себя вправе предъявлять корреспондентам, пользующимся этими льготами, какие бы то ни было требования в отношении тех выводов или впечатлений по поводу происходящего в Государственной Думе, которыми они сопровождают свои отчеты о заседаниях, я, тем не менее, считаю необходимым настаивать на том, что достоинство самого учреждения обязывает сотрудников газет к добросовестному отношению к тому материалу, которым они пользуются из Канцелярии Государственной Думы.

Отступление от этого правила простой корректности, заключающееся в искажении не только смысла речей, но даже и фактов, может послужить основанием предполагать, что эти ошибки заимствованы из получаемых из Канцелярии стенографических записей.

Считая своей обязанностью оградить вверенную мне Канцелярию Государственной Думы от возможности подобных нареканий, я высказываюсь за то,

чтобы тем органам печати, которые допускают систематическое искажение истины, хотя бы это происходило по причине неуменья пользоваться готовым материалом, не были выдаваемы неотредактированные стенографические записи.

В качестве подобного органа печати в настоящее время я смею указать на "Новое время", где, за подписью А. Пиленко, появляются отчеты о заседаниях Государственной Думы с систематическим искажением данных, заимствованных из стенографических записей Канцелярии.

Вместе с тем я считал бы своевременным возбудить вопрос о выпуске официальных стенограмм на следующий день после заседания.

Секретарь Государственной думы И. Созонович» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 167. Л. 56–57).

[55] В «Новом времени» 5 декабря 1910 г. в разделе «Письма в редакцию» было опубликовано письмо корреспондента газеты в Государственной думе А.А. Пиленко следующего содержания: «М.г. В печати сегодня появились выдержки из какой-то бумаги, подписанной "Секретарь Г. Думы И. Созонович" и обвиняющей меня в том, что я *систематически искажаю* данные стенографического отчета о происходящем в Г. Думе. Вследствие сего имею честь заявить, что означенный Созонович привлекается мною к уголовной ответственности за клевету».

[56] См.: Журнал Совещания Государственной Думы от 11 декабря 1910 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 167. Л. 51–51 об. Согласно этому журналу, А.И. Гучков в ходе обсуждения отметил, что претензии Созоновича к «Новому времени» должны быть отнесены «и к другим органам повременной печати, допускающим нередко отчеты с неточностями, неправильным освещением, а подчас и искажениями». В связи с этим Гучков полагал, что «было бы целесообразным, прежде всего, войти в переговоры с представителями правления общества думских журналистов по вопросу об устранении указанных недочетов» (Там же. Л. 51 об). Дневниковая запись Глинки во всех деталях подтверждается содержанием журнала — суждения членов Совещания о прессе в нем действительно не нашли отражения, зато в журнале зафиксировано, что относительно «Нового времени» председатель Думы «находил возможным предоставить секретарю обратиться с соответствующим письмом к редактору этой газеты» (Там же). В итоге обсуждения Совещание постановило: «...не принимая в настоящее время мер, предлагаемых в рассматриваемом заявлении секретаря, поручить председателю и одному из членов Совещания вызвать для переговоров по возбужденному вопросу представителей правления общества думских журналистов» (Там же. Л. 51).

[57] Совещание Думы рассматривало вопрос об «усилении штата» думской Канцелярии 14 декабря 1910 г. (см.: Журнал Совещания Государственной Думы от 14 декабря 1910 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 167. Л. 61–63 об.). Отделы Канцелярии Думы иногда именовались по номерам: 1-й отдел — Отдел Обще-

го собрания и общих дел, 2-й отдел — Законодательный, 3-й отдел — Финансовый; к этим наименованиям и прибегает в этой записи Глинка.

[58] Имеется в виду В.Н. Маиевский, занимавший должность начальника Финансового отдела в 1908–1917 гг. (формулярный список о службе В.Н. Маиевского см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1123. Л. 13–15).

[59] Пунктуация оригинала. Вопрос о дополнении штатов думской Канцелярии Совещание Думы вновь рассмотрело 15 февраля 1911 г. — см.: Журнал Совещания Государственной Думы от 15 февраля 1911 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 167. Л. 80; Доклад о дополнении штата Канцелярии Государственной Думы и состоящих при Государственной Думе должностных лиц... // Там же. Л. 81–89 об. Закон «Об изменении штата Канцелярии Государственной Думы и состоящих при Государственной Думе должностных лиц», принятый Думой и одобренный Государственным советом, был 23 марта 1911 г. утвержден императором (ЗПСЗ. Т. XXXI. Отд. I. № 34948). Согласно этому закону, штат Канцелярии был дополнен шестью должностями старшего делопроизводителя, пятью — делопроизводителя, одной — старшего журналиста и пятью — младшего журналиста. Кроме того, вводилась также особая должность делопроизводителя по хозяйственной части с возложением на него одновременно обязанностей «смотрителя зданий» Государственной думы.

[60] Речь идет о Льве Константиновиче Куманине (1869–1920), заведовавшем Министерским павильоном, с 1907 г. чиновнике особых поручений при министре внутренних дел, в 1910–1917 гг. — чиновнике особых поручений при председателе Совета министров. О нем и его деятельности см.: Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года / Вступ. статья Б.Д. Гальпериной, З.И. Перегудовой, В.И. Старцева // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 3–5.

[61] Трехдневный перерыв занятий Думы, объявленный императорским указом 11 марта 1911 г., явился кульминационной точкой мартовского министерского кризиса. Поводом для него послужила ожесточенная политическая борьба вокруг законопроекта о введении земства в шести западных губерниях, избранного правым крылом Государственного совета для атаки на политический курс премьер-министра П.А. Столыпина. После того как верхняя палата 4 марта отклонила одну из статей этого законопроекта (причем правые голосовали против нее с разрешения императора, переданного через получившего у него накануне аудиенцию члена Государственного совета В.Ф. Трепова), Столыпин просил царя об отставке. 9 марта Николай II отклонил эту просьбу, а 11 марта согласился выполнить ряд выдвинутых премьером условий, при которых он был готов остаться на своем посту. Одним из этих условий и был перерыв в работе законодательных палат с 12 по 15 марта, во время которого проваленный законопроект о земстве в западных губерниях был проведен по дававшей правительству такое право ст. 87-й Основных законов (см.: *Аврех А.Я.* Столыпин и Тре-

тья Дума. С. 318—349; *Он же.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 190—211; *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. С. 212—222; *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992. С. 103—105).

[62] Действия Столыпина вызвали протест и негодование в Думе и слева, и справа; высказывались и предположения (впоследствии не оправдавшиеся), что начинается диктатура Столыпина. А.А. Бобринский записал в этот же день в дневнике: «*Возмущению Петербурга нет границ.* Люди всяких политических течений сходятся на том, что Столыпин дошел до геркулесовых столбов нахальства. Говорят, что ему дано право сослать до 25 членов Государственного Совета и что, вслед за Дурново и Треповым, очередь теперь за Витте. И то правда, что со времен Бирона мы не испытывали подобного самодурства» (Дневник А.А. Бобринского. Запись 14 марта 1910 г. С. 147). См. об этом также: *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. С. 349—366.

[63] Глинка имеет в виду, что по своим взглядам Родзянко скорее должен был бы принадлежать к фракции правых, нежели к правому крылу партии октябристов.

[64] Глинка приводит здесь итоги голосования шарами, ошибаясь на один неизбирательный шар. При избрании председателя Государственной думы в заседании 22 марта 1911 г., согласно регламенту, первоначально подавались записки с указанием фамилий кандидатов: за Родзянко было подано 188 записок, за кн. В.М. Волконского —124 записки. Затем в ходе голосования кандидатура Родзянко получила 199 избирательных и 123 неизбирательных шара (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. III. СПб., 1911. Стб. 1454—1455).

[65] Родзянко иронически обыгрывает название должности Глинки — начальника Отдела Общего собрания и общих дел Канцелярии Думы.

[66] На депутата Думы трудовика А.А. Булата 1 января 1911 г. «за неизвещение домовой администрации о прибытии в его квартиру на жительство двух лиц в течение двух суток» петербургским градоначальником Д.В. Драчевским был в административном порядке наложен штраф в размере 200 руб. (переписку градоначальника и руководства Думы по этому поводу см.: Д.В. Драчевский — А.И. Гучкову, 26 февраля 1911 г.; В.М. Волконский — Д.В. Драчевскому, 17 марта 1911 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 106. Л. 23—23 об., 24—24 об.). В связи с тем, что депутат этот штраф не уплатил, столичный градоначальник 12 мая 1911 г. отдал приказ о его замене арестом сроком на шесть недель. Сам Булат в своем выступлении по этому поводу на заседании Думы 13 мая оспорил правомерность этого приказа, противоречившего, по его мнению, ст. 15 ее Учреждения (эта статья гласила: «Член Государственной думы может быть подвергнут лишению или ограничению свободы не иначе, как по распоряжению судебной власти, а равно не подлежит судебному задержанию за долги» —

см.: Учреждение Государственной Думы. С. 72). Булат, в частности, задал своим коллегам вопрос: «...если вопреки прямой статье закона с членами Государственной думы градоначальник так поступает, присваивая себе права судебных властей, и постановляет об их аресте, то чего же, гг., надо ожидать обыкновенным обывателям?» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. III. СПб., 1911. Стб. 4391—4393). Вопрос по почину П.Н. Милюкова был передан в Совещание Думы «с просьбой оградить членов Думы от возможности подобных нарушений закона». 14 мая 1911 г. Совещание Думы, рассмотрев сложившуюся юридически неоднозначную ситуацию, постановило: «Просить председателя путем личных с председателем Совета Министров переговоров, а также и письменного к нему обращения, выяснить вопрос об отданном в отношении члена Государственной Думы А.А. Булата приказе с.-петербургского градоначальника» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 167. Л. 125). Выполняя решение Совещания, председатель Думы М.В. Родзянко обратился к председателю Совета министров П.А. Столыпину. 23 мая 1911 г. премьер-министр ответил, что данный приказ «подлежит приведению в исполнение лишь по истечении полномочий» Булата «как члена Государственной Думы» и «при таких условиях» приказ об аресте Булата «не противоречит точному смыслу ст. 15 Учр[еждения] Гос[ударственной] Думы» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 137. Л. 48).

[67] Речь идет о статье Ал. Кс. [А.И. Ксюнина] «Четвертая сессия», опубликованной в «Новом времени» 15 мая 1911 г. и подводившей итоги только что завершившейся думской сессии. В статье, в частности, говорилось: «Четвертая и предпоследняя сессия (имеется в виду, что данная сессия была предпоследней для Думы третьего созыва. — *Б.В.*) закончилась. От своих предшественниц она отличалась тем, что Г. Дума в течение этой сессии меньше занималась и больше волновалась. Заседания устраивались реже, чем в прошлые года, и в результате остался довольно длинный ряд нерассмотренных существенных законопроектов».

[68] Речь идет о речи Гучкова, произнесенной 17 октября 1911 г. на ужине в петербургском клубе общественных деятелей, Глинка пересказывает несколько фраз из этого тоста лидера октябристов. Ср. с его текстом, приведенным в газете «Новое время»: «Не легкое время мы переживаем, <...> наступили сумерки, кажется, будто стоим на распутьи. Невольно закрадывается малодушие, но стараешься его побороть и говоришь, что надо бодро и радостно смотреть вперед, верить в Россию, верить в светлое будущее. Не будем унывать. Акт 17 октября явился ответом на долгие чаяния русского народа. Кто бы ни был его истолкователем, его жизненные начала дадут ему осуществиться в полной мере. Я поднимаю бокал за политическую свободу, за господство права, за человечность» (Новое время. 1911. 18 октября).

[69] Имеется в виду опубликованное 14 октября 1911 г. в прессе сообщение Осведомительного бюро Главного управления по делам печати Министерства

внутренних дел, гласившее: «13 октября председателем Совета министров В.Н. Коковцовым был принят член Г. Думы А.И. Гучков» (Новое время. 1911. 14 октября).

[70] Речь идет об отколовшейся от националистов т.н. фракции центра (фракции независимых националистов) во главе с П.Н. Крупенским, затем претендовавшей на роль правительственного «центра» при премьере В.Н. Коковцове. К концу сессии 1911—1912 гг. фракция насчитывала 16 депутатов.

[71] Как в современной юридической литературе, так и в работах русских юристов начала века применительно к парламентскому праву термины «интерпелляция» и «запрос» обычно рассматриваются как синонимы (см.: *Магазинер Я.* Запрос // Новый энциклопедический словарь. СПб. [б.г.]. Т. 18. Стб. 277—281; Интерпелляция // Юридический энциклопедический словарь. М., 1987. С. 161). Таким образом, скорее всего Глинка допускает здесь тавтологию.

[72] Имеется в виду, что в речи не затрагивались аспекты дела, подлежавшие рассмотрению в закрытых заседаниях.

[73] *Ценз* — в данном случае земельная собственность в данной губернии, дающая право ее владельцу избирать и быть избранным от нее в Думу по курии землевладельцев.

[74] Несмотря на неудачу этого своего ходатайства, В.М. Пуришкевич все-таки добился своей цели: в IV Думу он был избран от Курской губернии.

[75] В феврале 1912 г. М.В. Родзянко получил поручение императора, переданное через дворцового коменданта В.А. Дедюлина, произвести «расследование по делу Распутина». При этом председатель Думы по распоряжению Николая II получил от товарища обер-прокурора Синода П.С. Даманского секретное дело о Распутине, содержавшее материалы синодского расследования обвинений «старца» в принадлежности к секте хлыстов. Однако от приема Родзянко с всеподданнейшим докладом по этому вопросу, испрашивавшегося председателем Думы в начале марта, император уклонился и предложил представить ему письменный доклад. В составлении последнего кроме Глинки принимал участие постоянный консультант и советник председателя Думы член Государственного совета В.И. Карпов. Доклад был отослан императору, но никаких последствий для Распутина не возымел, с этого момента отношения Родзянко с императором были испорчены раз и навсегда (см.: *Родзянко М.В.* Крушение империи // Архив русской революции. М., 1993. Т. 17. С. 42—54; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 2. С. 29—30, 41—45; Г.Е. Распутин глазами официальных властей / Вводная статья, подгот. текста и коммент. С.Л. Фирсова // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 6. С. 131—147).

[76] Имеется в виду открытие памятника императору Александру III в Москве, состоявшееся 30 мая 1912 г. (об открытии этого памятника и связанных с ним торжествах в Москве см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 651—667). Государственная дума была представлена на торжествах делега-

цией численностью в 60 депутатов во главе с М.В. Родзянко. Сопровождать председателя Думы на дни торжеств в Москве с 28 по 31 мая были командированы старший делопроизводитель Канцелярии Думы Д.М. Щепкин и пристав Думы барон Э.Н. Ферзен (см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1275. Л. 34—35). Глинка не вполне точно, но по сути верно называет Д.М. Щепкина секретарем Родзянко: в это время Щепкин возглавлял 4-е делопроизводство Отдела Общего собрания и общих дел, выполнявшего, в частности, функции секретариата председателя Думы.

[77] Прием депутатов в Царском Селе в связи с завершением деятельности III Думы состоялся 8 июня 1912 г. Об этом приеме см.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 54—55. Переписку Канцелярии Думы с Министерством двора, связанную с организацией этого приема и его проведением, см.: РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1663 («Дело о приеме 8 июня 1912 г. Его Императорским Величеством членов Государственной Думы III созыва, по случаю окончания сроков полномочий»).

[78] При обсуждении в думском заседании 17 мая 1912 г. доклада особой (согласительной) комиссии о преобразовании местного суда кадет К.К. Черносвитов, внося поправки к законопроекту от имени своей фракции, предложил изменить текст одного из пунктов, с тем чтобы избираться волостными судьями не могли лишь лица, лишенные прав по суду или приговоренные к тюремному заключению исключительно за «корыстные преступления». При этом оратор заметил: «...гг., не забывайте, что за последнее время тюрьма сделалась тем учреждением, в котором отбывают наказание во многих случаях лучшие сыны родины (*Шум справа*)» (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч. IV. СПб., 1912. Стб. 1726). Докладчик комиссии октябрист Н.П. Шубинской, выступая с думской трибуны, по поводу этой предложенной кадетами поправки заявил, что Черносвитову «удалось сказать крылатое слово, которое, вероятно, сохранится в истории: он (т.е. Черносвитов. — *Б.В.*) сожалел, скорбел и желал, чтобы попали в состав волостных судей лучшие сыны родины (*голос слева*: пошляк), каковыми он именовал сидевших в тюрьмах, а я прочитаю его поправку: “за кражу, за мошенничества, за присвоение вверенного имущества, за укрывательство похищенного, за покупку заведомо краденого или добытого через обман имущества, или ростовщичество”. Вот, собственно, о чем скорбел сей член Государственной Думы (*голос слева*: балаган)» (Там же. Стб. 1733). Тут же выяснилось, однако, что возмущение Шубинского было чистой воды лицемерием. Черносвитов потребовал от докладчика прочитать полный текст поправки, поскольку в ней совершенно определенно указывалось, что весь предложенный Шубинским перечень правонарушений определяет как раз круг лиц, которые по причине их совершения «не могут быть избраны в должность мирового судьи». «Таким образом, — заключил возмущенный Черносвитов, обращаясь к залу, — при вас, на этой

трибуне докладчик показал ту ловкость рук, которая носит название шулерства» (Там же. Стб. 1734). Разразился скандал. Социал-демократ Е.П. Гегечкори с места прокричал: «Шубинской шулер – вот крылатое слово» (Там же. Стб. 1734). Досталось и председательствовавшему на этом заседании М.В. Родзянко, не принявшему должных мер ни к Шубинскому, ни к Черносвитову. Последний в итоге был исключен на два заседания, поскольку, как констатировал председатель Думы, «непозволительно произносить подобные резкие слова, это недопустимо по адресу своих товарищей» (Там же. Стб. 1734–1739).

[79] По-видимому, имеется в виду делопроизводитель думской Канцелярии Г.А. Алексеев, исполнявший с апреля 1911 г. секретарские обязанности при председателе Думы М.В. Родзянко (см.: Журнал Совещания Государственной Думы от 4 апреля 1911 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 167. Л. 110–111).

[80] Имеется в виду речь А.И. Гучкова, произнесенная 6 июня 1912 г. при обсуждении в III Думе программы усиленного судостроения на 1912–1916 гг. (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч. IV. Стб. 3902–3913). В этом своем выступлении Гучков, своей предыдущей деятельностью на посту председателя думской комиссии по государственной обороне подтвердивший приверженность делу модернизации армии и флота, тем не менее высказал сомнения в обоснованности предложенной программы. Последняя, как отметил Гучков, на 1913 г. предусматривала расходы по морской смете в сумме 330 млн руб., намного превосходившие аналогичные затраты (на 1911 г.) таких первоклассных в военном отношении стран, как Япония (72 млн руб.), Франция (141 млн руб.) и даже Германия (213 млн руб.). В заключение Гучков предложил с утверждением части предполагаемых программой расходов повременить, передав их на рассмотрение новой Думы.

[81] 19 марта 1912 г. Совещание Думы с участием членов ее распорядительного комитета рассмотрело вопрос о целесообразности строительства нового здания Государственной думы. При этом, как отмечено в журнале Совещания, М.В. Родзянко «обратил внимание на то, что стоимость нового здания вместе с приобретением для него соответствующего земельного участка должна быть определена в сумме около 20 милл[ионов] рублей. Производство из средств Государственного казначейства такого значительного расхода с точки зрения своевременности и целесообразности такового может вызвать вполне справедливые возражения. При этом надо иметь в виду, что при решении вопроса о постройке нового здания в положительном смысле, последнее не могло бы быть закончено ранее 5–7 лет, а в силу этого обстоятельства представлялось бы все же неизбежным производство капитального ремонта Таврического дворца, без которого дальнейшее в нем пребывание Государственной думы, как свидетельствует о том распорядительный комитет, не может быть признано безопасным». Совещание сочло аргументацию председателя Думы убедительной и постано-

вило: «Признать постройку нового для Государственной Думы здания излишней и произвести капитальное переустройство Императорского Таврического дворца в целях полного приспособления его для надобностей Государственной думы...» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 168. Л. 104–104 об.). В соответствии с этим решением под наблюдением членов распорядительной комиссии к открытию первой сессии IV Думы был проведен капитальный ремонт значительной части помещений дворца.

[82] Далее текст продолжается с новой страницы, над которой автор надписал красным карандашом «IV Дума», однако под этим заголовком он продолжил свои записи о работе III Думы.

[83] В соответствии со ст. 24 Учреждения Государственной Думы, устанавливавшей, что секретарь Думы и его товарищи после роспуска Думы «исполняют свои обязанности впредь до выбора секретаря и его товарищей новым составом Думы» (Учреждение Государственной Думы. С. 73), секретарь III Думы И.П. Созонович оставался в этой должности вплоть до избрания 20 ноября 1912 г. секретарем вновь избранной IV Думы И.И. Дмитрюкова, которому и передал дела.

[84] Имеется в виду назначение попечителем учебного округа Министерства народного просвещения, которое мечтал получить И.И. Созонович. Ни этого, ни какого-либо иного подобного служебного назначения он после завершения своей парламентской карьеры не получил.

[85] 19 ноября 1912 г. М.В. Родзянко обратился к министру двора барону В.Б. Фредериксу с просьбой о приеме императором бывшего секретаря III Думы И.П. Созоновича в связи с окончанием его полномочий (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1093. Л. 1; об этом см. также: Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 24). 3 декабря министр двора известил председателя Думы о том, что на эту просьбу последовало «высочайшее соизволение» и что «о времени приема И.П.Созонович будет уведомлен непосредственно Церемониальной частью» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д.1093. Л. 2).

IV Государственная дума. 1912[–1914]

[1] Автором раздел озаглавлен так: «IV Государственная дума (1912)».

Записи Я.В. Глинки о событиях первой сессии IV Думы относятся лишь ко времени первых недель ее деятельности; затем сразу следуют записи, относящиеся уже ко времени завершения этой сессии в июне 1913 г. Причиной этого длительного перерыва в записях Глинки была его серьезная болезнь. 28 февраля 1913 г. Совещание Думы выделило Глинке пособие на лечение в размере 350 руб.; 6 апреля постановлением Совещания «на производство операции» ему было в изъятие из существовавших правил назначено 500 руб. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 169. Л. 245–245 об., 258). Во время болезни Глинки исполнение его

служебных обязанностей было возложено на его ближайшего сотрудника, старшего делопроизводителя Отдела Общего собрания и общих дел Канцелярии кн. Николая Владимировича Голицына (о нем см.: *Голицын С.М.* Записки уцелевшего. М., 1990. С. 172, 185, 189, 262, 283, 304, 353, 626; Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997). 25 июня 1913 г., в день завершения работы первой сессии, Совещание Думы постановило выразить Голицыну благодарность «за весьма успешное и заслуживающее полного одобрения исполнение» этих обязанностей в течение четырех месяцев (РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 169. Л. 283—283 об.). К этому времени Глинка, по-видимому, уже оправился от болезни. Во всяком случае, с конца июня 1913 г. в дневнике вновь появляются подробные записи, сделанные по горячим следам событий.

[2] Эта фраза вписана автором позднее другими чернилами на остававшейся незаполненной строке между заголовком и началом записей. В своем донесении председателю Совета министров от 29 октября 1912 г. заведующий Министерским павильоном при Думе Л.К. Куманин комментировал это поражение лидера октябристов следующим образом: «По сведениям журналистов, провал А.И. Гучкова в Москве объясняется всецело тем, что администрация Москвы усиленно муссировала среди именитого купечества слухи: "Если хотите войны и ослабления торговых оборотов — выбирайте Гучкова"» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 10).

[3] В начале работы IV Думы депутатские мандаты, по подсчетам П.Н. Милюкова, распределялись следующим образом: правые и примыкающие — 65, националисты и умеренно-правые — 88, группа центра — 32, октябристы и примыкающие — 98, прогрессисты и примыкающие — 48, кадеты и примыкающие — 59, национальные группы — 21, трудовики — 9, социал-демократы — 15, беспартийные — 7 (см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 341). Заметим, что подсчет Милюкова почти полностью совпадает с оценкой распределения депутатских мест в IV Думе, сделанной В.И. Лениным на основании данных «Справочного листка Государственной Думы» (1912. 2 декабря. № 14). Основное различие заключается в том, что Ленин суммировал в графу, отведенную им для националистов и умеренно-правых, также и мандаты группы центра (см.: *Ленин В.И.* Итоги выборов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 321—322).

[4] О проекте создания «новой большой политической партии умеренно-правых», выдвинутом в самом начале деятельности IV Думы лидером независимых националистов П.Н. Крупенским, сообщал и заведующий Министерским павильоном Таврического дворца Л.К. Куманин. В своем донесении от 2 ноября 1912 г. он привел выдержки из проекта инициатора этой затеи Крупенского, раскрывающие суть его замысла: «Партия эта должна работать в единении с октябристами. Она призвана создать думский центр без примеси к нему во-

инствующего национализма, который должен быть отброшен вправо и составить вместе с правыми такую же безответственную группу справа, какую слева составляет оппозиция. Путем создания умеренно-либерального центра партия умеренно-правых избавит народное представительство от бесплодной борьбы двух равновеликих правого и левого крыльев и спасет новую Думу от разгона». План Крупенского, как отмечает далее Куманин, как правыми, так и левыми в Думе оценивался как неприемлемый. При этом, по словам заведующего Министерским павильоном, «сами октябристы видят в попытках Крупенского фактор, хотя и ведущий к усилению позиции октябристов, но, к сожалению, неспособный сколько-нибудь изменить создавшегося положения вещей, а потому безразличный для тактики фракции Союза 17 октября» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 11). В немалой степени из-за такой позиции октябристов из затеи Крупенского ничего не вышло — проектируемая большая новая центристская партия создана так и не была. Произошло лишь некоторое усиление возглавлявшейся Крупенским группы депутатов, за которой закрепилось название «группа центра».

[5] В это время Совет министров весьма занимали шансы на избрание председателем Думы В.М. Волконского, товарища председателя III Думы, формально бывшего беспартийным, но близкого к правым. В своем донесении от 12 ноября Л.К. Куманин, касаясь этого вопроса, сообщал: «В последние дни оказывается сильно поколебленной кандидатура в председатели Гос. думы кн. Волконского. Против его кандидатуры выставляются следующие доводы: 1) с общеполитической точки зрения, председатель высшего законодательного учреждения без образовательного ценза и без политического прошлого — это свидетельство бедности, выдаваемое Гос. думою самой себе; с точки зрения представительства и в Царском Селе и в верхней палате, кандидатура кн. Волконского ниже всякой критики; с точки зрения внутридумской жизни, кн. Волконский — человек весьма самоуправный, и его самоличные вспышки часто могут создавать весьма нежелательные трения; с точки зрения партийной, кн. Волконский — беспартиен, и нет партии, которая могла бы считать его кандидатуру своей кандидатурой и быть заинтересованной в проведении кн. Волконского в председатели Гос. думы. Об этом усиленно хлопочет лишь Крупенский...» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 15–16).

[6] Имеются в виду выборы в IV Думу в Екатеринославской губернии, от которой избирался и, проявив недюжинную тактическую находчивость, был избран М.В. Родзянко.

[7] Подробное описание подготовки и хода Бородинских торжеств, проводившихся в связи с празднованием столетия сражения русской и французской армий при с. Бородине, происходившего 26 августа 1812 г., см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 5–69.

[8] В мемуарах М.В. Родзянко об этом конфликте между властью и руководством Думы, возникшем в связи с порядком проведения празднования Боро-

динской годовщины, говорится следующее: «Во время пребывания моего летом за границей в Наугейме я прочел в газетах и узнал из письма члена Думы Ковзана, что роспуск Думы предполагается за три дня до Бородинских торжеств, назначенных на 26 августа, так что народные представители не будут участвовать в торжествах. Зная, какое неприятное впечатление произведет это распоряжение, я тотчас написал Коковцову письмо с усердной просьбой во что бы то ни стало убедить Государя не распускать Думы до 26 августа. Через несколько дней я получил ответ, что Дума будет распущена 30 августа. Вернувшись в Петербург, я сейчас же поехал в Думу, где застал человек двадцать депутатов; среди них несколько человек крестьян, съехавшихся в надежде получить билет для присутствия на торжествах. Разочарование их было велико, когда, прочитавши церемониал, они увидели, что мест для членов Думы не назначено ни на Бородинском поле, ни в Москве. Ознакомившись с церемониалом, я обратил внимание на то, что председатель Думы всюду поставлен наравне с председателем Г. Совета, – члены обеих палат не уравнены. Члены Г. Совета имеют места на торжествах, члены Думы, даже товарищи председателя – нигде не упомянуты.

Меня такое отношение к народному представительству крайне возмутило, и мое первое движение было отказаться от участия в торжествах. Но меня убедили члены Думы, особенно из крестьян, которые говорили: "Если не мы, так хотя бы председатель должен быть на этой великой годовщине славы народной".

После некоторых колебаний я решился на следующее: 26 августа ехать на Бородино и уклониться от других церемоний. Причину своего отсутствия в Москве я объяснил Коковцову и церемониймейстеру барону Корфу. Последний дал мне довольно характерный ответ: "Члены Думы не имеют приезда ко Двору". На что я возразил: "Это торжество народное, а не придворное, и не церемониймейстеры спасли Россию, а народ".

На Бородинском поле Государь, проходя очень близко от меня, мельком взглянул в мою сторону и не ответил мне на поклон. Я понял, что причина его неблаговоления ко мне была снятие с повестки ассигнования на церковно-приходские школы и опять-таки доклад по распутинскому делу» (*Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 55–56).

[9] М.В. Родзянко был избран председателем IV Думы в ее первом же заседании 15 ноября 1912 г. При этом при предварительной закрытой подаче голосов записками в 234 из них значилась его фамилия, в 147 записках – лидера националистов П.Н. Балашова, в 10 – кн. В.М. Волконского. После отказа Балашова и Волконского баллотироваться осталась лишь кандидатура Родзянко. В ходе голосования он получил 251 избирательный шар и 150 неизбирательных. 20 ноября прогрессист кн. Д.Д. Урусов был избран товарищем председателя, а октябрист И.И. Дмитрюков – секретарем IV Думы (см.: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 5–6, 14, 19).

[10] Выборы членов президиума Думы проводились при помощи белых и черных шаров. В.М. Волконский хотел сказать, что не желает быть избранным товарищем председателя Думы, получив голоса депутатов левых фракций. То обстоятельство, что Волконский в тот момент принял решение отказаться от выдвижения на этот пост под давлением справа, подтверждает донесение Л.К. Куманина от 18 ноября: «Кн. В.М. Волконский уполномочил гр. В.А. Бобринского и В.В. Шульгина заявить во фракции националистов, что на левых голосах он в состав президиума не пойдет» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 23). И действительно, в заседании 20 ноября Волконский дважды отказывался баллотироваться на должность товарища председателя Думы (см.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. Стб. 15, 19).)

[11] В своей речи после избрания председателем Государственной думы 15 ноября 1912 г. М.В. Родзянко, в частности, заявил: «Господа члены Государственной Думы. Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах (*Голоса*: браво; *продолжительные рукоплескания*), который дарован России великим манифестом 17 октября 1905 г. (*Голоса*: браво; *продолжительные рукоплескания*), укрепление основ которого должно составить первую и непреложную заботу русского народного представительства» (Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. Стб. 7). Таким образом, избранный председателем голосами центра и умеренных левых Родзянко в знак благодарности демонстративно подчеркнул конституционный характер установленного в Российской империи в итоге реформ 1905—1906 гг. государственного строя. Сам император и в подавляющем большинстве своем правительственная бюрократия придерживались на этот счет другого мнения, хотя полного единства взглядов в правящих верхах здесь не было. В частности, Государственная дума противопоставлялась парламенту западноевропейского типа. Сменивший Столыпина на посту председателя Совета министров В.Н. Коковцов в бытность свою министром финансов еще в самом начале работы III Думы, 24 апреля 1908 г., в ответ на попытку лидера кадетов Милюкова инициировать создание «парламентской» следственной комиссии заметил с думской трибуны, что «у нас, слава Богу, нет еще парламента» (*Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Кн. 1. С. 269). Прекрасно понимая, что это его заявление вызовет недовольство императора, Родзянко как опытный царедворец завершил свою речь адресованным Царскому Селу широким жестом, под аплодисменты зала предложив Думе: «...так как Ваш председатель, ныне избранный, будет иметь счастье предстать перед Государем Императором, <...> своим постановлением поручить ему передать чувства верноподданнической радости по поводу выздоровления Наследника Цесаревича (*Голоса*: просим; *продолжительные аплодисменты*)» (Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. Стб. 8).

17 Зак. 2660.

[12] Николай II имел в виду сходство названий думской комиссии с наименованием Совета государственной обороны, образованного 8 июня 1905 г. для рассмотрения вопросов укрепления обороноспособности страны. Председателем Совета был вел. кн. Николай Николаевич, в его состав входили высшие должностные лица Военного и Морского министерств, генерал-инспекторы родов войск и шесть постоянных членов по назначению императора из числа генералов и адмиралов. После освобождения в июле 1908 г. вел. кн. Николая Николаевича от должности председателя Совета последний практически прекратил свою деятельность; 12 августа 1909 г. Совет государственной обороны был упразднен (см.: Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917. Т. 1. Высшие государственные учреждения. С. 204–205).

[13] В кабинет Родзянко по возвращении его из Царского Села был вызван кроме Глинки и исполнявший обязанности секретаря председателя Думы Г.А. Алексеев, который не преминул в написанном на следующий день, 18 ноября 1912 г., письме в Москву к своему отцу, А.С. Алексееву, воспроизвести рассказ их общего с Глинкой патрона о подробностях своего доклада императору. В пересказе Алексеева прием императором главы народного представительства оказывается несколько более холодным, нежели это следует из записи его прямого начальника Я.В. Глинки: то обстоятельство, что Николай II даже не предложил Родзянко сесть, было, по приведенному Алексеевым выражению Родзянко, «небывалым прецедентом». Жалобы же председателя Думы на чрезмерное воздействие властей на ход выборов в нижнюю палату 4-го созыва были императором отвергнуты. Как сообщает Алексеев, Николай II заявил, что «даже в республиках правительство влияет на ход выборов», на что Родзянко будто бы ответил, что в таких странах подобные действия остаются «в рамках законности, а у нас все законы были отброшены» (цит. по: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912–1914. М., 1981. С. 34).

Л.К. Куманин посвятил этому событию донесение от 17 ноября 1912 г., в котором пересказывались немедленно появившиеся в кулуарах Таврического дворца слухи (источниками которых, несомненно, послужили доверительные рассказы самого Родзянко, весьма вольно, в зависимости от своих политических симпатий или антипатий, интерпретированные его слушателями):

«По поводу Высочайшей аудиенции, дарованной председателю Гос. думы, создались две версии.

Среди кадетов утверждают, что аудиенция отличалась большою холодностью. В ответ на выражение чувств радости по поводу выздоровления Наследника Цесаревича Его Величеству угодно было указать, что, к сожалению, при выражении этих чувств отсутствовала треть членов Думы, а в дальнейшем Государь спросил даже, надеется ли М.В. Родзянко на возможность образования работоспособного центра в Гос. думе, как бы давая понять, что большинство, избравшее Родзянко, неработоспособно.

Во фракции же Союза 17 октября, со слов М.В. Родзянко, было доложено, что аудиенция прошла блестяще, Государь был чрезвычайно милостив и встретил М.В. Родзянко словами: "Я с удовольствием прочел вашу великолепную речь. Очень жаль, что не все члены Думы ее слушали". Когда М.В. Родзянко доложил Его Величеству о чувствах радости членов Гос. Думы по поводу выздоровления Наследника Цесаревича, Государь горячо благодарил Думу, и когда М.В. Родзянко спросил разрешения передать благодарность Его Величества с трибуны, Государь сказал: "Да, передайте с трибуны Мою благодарность членам Гос. думы, выразившим эти чувства". В дальнейшем Его Величество касался отдельных вопросов и между прочим выразил пожелание, чтобы Комиссия по государственной обороне впредь именовалась Комиссией по военным и морским делам» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 22).

Подробности этого первого приема только что избранного председателя Думы нового созыва не случайно вызывали повышенный интерес в правительстве и самой палате. По ним пытались определить, какой характер примут отношения между верховной властью и народным представительством нового состава.

В воспоминаниях М.В. Родзянко находим еще один вариант его рассказа об этом, столь памятном для председателя Думы, всеподданнейшем докладе:

«Тотчас после своего избрания я испросил аудиенцию у Государя. Государь встретил меня с некоторым волнением, причем, вопреки обычаю, прием происходил стоя и продолжался всего двадцать минут.

Я сказал:

— Честь имею явиться, как вновь избранный председатель Г. Думы.

— Да, скажите, как это скоро случилось... — со смущением начал Государь. — Я с удовольствием, Михаил Владимирович, узнал о вашем избрании. Благодарю вас за вашу прекрасную речь. Так должен думать и чувствовать каждый русский человек. Но отчего вы наш строй называете конституционным?

— Государь, вам угодно было великодушно призвать к участию в законодательных работах представителей народа. Это участие есть конституция, и я не счел возможным, хотя бы единым словом, идти против Державной воли вашего величества.

— Да, да, я теперь вас понимаю. Но объясните мне, почему ушли от вашей речи правые и националисты? Как это было неуместно и непонятно, когда вы произносили вашу глубоко патриотическую речь.

— Государь, они ждали других слов и, так сказать, авансом хотели протестовать и не участвовать в "революционных выступлениях", но смею вас уверить, что, несмотря на ряд несправедливостей, которые позволило себе правительство во время избирательной кампании, — в Г. Думе или по крайней мере в ее большинстве революционного настроения нет. Моя речь является верным отражением мыслей и чувств, царящих среди членов Думы. Таким образом уходом во

время моей речи националисты и правые поставили себя в оппозиционное положение: они не приняли участия в воодушевленном порыве Думы, когда я предложил выразить вашему величеству чувство радости по поводу выздоровления Наследника Цесаревича, чем и были наказаны за свою бестактность.

— Императрица и я, мы были очень тронуты вашими словами, и я прошу вас передать Думе нашу благодарность» (*Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 56–57).

[14] Запись сделана Глинкой уже в самом конце первой сессии, не ранее июня 1913 г. К этому времени состав президиума, о ситуации в котором идет речь в этой записи, претерпел серьезные изменения. 1 декабря 1912 г. кн. В.М. Волконский был все-таки вновь избран товарищем председателя Думы; он был также избран старшим товарищем председателя, заменяющим последнего в его отсутствие. Второй товарищ председателя кн. Д.Д. Урусов сложил полномочия члена Думы 24 мая 1913 г.; на его место 1 июня 1913 г. был избран прогрессист кн. Н.Н. Львов, до этого занимавший должность старшего товарища секретаря Думы.

[15] То есть входят во фракцию прогрессистов, возникшую в III Думе (во главе с И.Н. Ефремовым). Выражала интересы предпринимательских кругов (в том числе московских, группировавшихся вокруг А.И. Коновалова и братьев В.П. и П.П. Рябушинских) и части либеральной интеллигенции. Фракция выступала за упрочение конституционного строя в России, придавая особое значение усилению политической роли деловых кругов. В ноябре 1912 г. на основе фракции была создана Партия прогрессистов (см.: Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 428–430 (статья В. Селецкого); *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994. С. 72–93, 104–129).

[16] 27 мая 1913 г. ультраправый депутат Н.Е. Марков 2-й выступил в ходе обсуждения доклада бюджетной комиссии по смете расходов Особенной канцелярии министра финансов по кредитной части с резкой критикой положения дел в финансовом ведомстве. В заключение своей речи Марков 2-й при одобрительных криках, главным образом со стороны крайне-левых депутатов, заявил: «...я далек от того, чтобы обвинять в непорядках и злоупотреблениях, которые представляются перед нашим умственным взором в делах этого темного царства, именуемого Министерством финансов, одно лицо, т.е. нынешнего министра финансов. <...> Министр совершил чудо, гг., он объединил четвертую Государственную думу в одном порыве, и этот один порыв, гг., он гласит два слова (*Голоса слева*: в отставку): красть нельзя (**Чхеидзе:** позвольте вашу руку)» (Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 65–66). Об этом инциденте и последовавшей за ним «забастовке министров» см.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 67–68, 70; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Кн. 2. С. 137–140, 194–

195; Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 9–14, 20–21).

Отметим, что руководство Думы, пытаясь смягчить реакцию властей на прозвучавшее в стенах Таврического дворца прямое оскорбление правительства, пошло на откровенный подлог. В машинописном тексте первого же, немедленно после заседания подготовленного стенографистами варианта расшифровки его стенограммы появилось аккуратно вписанное замечание, якобы сделанное Маркову занимавшим во время его речи председательскую кафедру товарищем председателя Думы В.М. Волконским: «Председательствующий: Член Государственной Думы Марков 2, будьте осторожнее в ваших выражениях» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 57. Л. 102). Затем эта реплика председательствующего появилась и в официальной стенограмме злополучного заседания 27 мая 1913 г (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 66). Согласно позднейшей дневниковой записи Я.В. Глинки от 12 ноября 1913 г., это замечание было внесено в стенограмму по приказанию самого В.М. Волконского, пытавшегося, очевидно, таким образом спасти не столько престиж Думы, сколько собственную политическую карьеру.

[17] Глинка излагает предполагавшийся М.В. Родзянко план устного всеподданнейшего доклада. В воспоминаниях Родзянко рассказывает о том, как проходил этот доклад императору: «При докладе в конце июня 1913 года в Петергофе после роспуска Думы я опять говорил Государю о внешней политике, настаивал на решительных действиях, а потом сказал о министрах:

— Ваше Величество, министры не являются в Думу, не желают принимать участие в законодательной работе. Ведь это может породить в народе несколько озорную мысль.

— Какую?

— Да ту, что можно и без них обойтись.

На это Государь сказал:

— К осени они одумаются» (*Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 67).

Отметим, что Родзянко ошибочно относит свой доклад императору к концу июня — с 9 июня по 12 июля император с семьей совершал плавание на яхте «Штандарт» по Финскому заливу и Балтийскому морю, отдыхал в финских шхерах. Прием же Родзянко императором состоялся уже после его возвращения в Петергоф, 16 июля 1913 г. (см.: Дневники императора Николая II. С. 405–412; РГИА. ф. 516. Оп. 1 (219/2728). Д. 37. Л. 51–51 об.).

Л.К. Куманин в донесении председателю Совета министров В.Н. Коковцову от 18 сентября сообщал об этом приеме по сведениям, почерпнутым в кулуарах Таврического дворца, следующее: «Председатель Гос. думы во время летнего перерыва специально приезжает в Петербург, чтобы осуществить свое право всеподданнейшего доклада и вывести Гос. думу из того тупика, в кото-

ром она оказалась из-за "своеобразной забастовки министров". Председателю Гос. думы удалось выполнить свое задание, и он уехал из Петергофа, унося убеждение, что конфликту правительства с Думой будет положен предел и по крайней мере с внешней стороны между правительством и Думой установятся приличные отношения» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 3).

[18] Своей записи рассказа Родзянко о его поездке в Киев Глинка предпослал этот специальный заголовок.

[19] Имеется в виду барон Э.Н. Ферзен, занимавший должность пристава Государственной думы в 1912—1917 гг. (формулярный список о службе Э.Н. Ферзена 1917 г. см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1242. Л. 7—13).

[20] Супруга М.В. Родзянко — Анна Николаевна Родзянко (урожденная кн. Голицына); кто именно из их трех сыновей — Михаил, Николай или Георгий — присутствовал при этом рассказе, установить затруднительно; скорее всего, речь идет о двух последних.

[21] Торжественное открытие памятника П.А. Столыпину в Киеве состоялось 6 сентября 1913 г., во вторую годовщину его смерти. В ходе церемонии открытия М.В. Родзянко возложил венок к памятнику от Государственной думы, причем сделал это третьим — после представлявшего императора генерал-адъютанта кн. В.С. Кочубея и возложившего венок от имени Совета министров В.Н. Коковцова. Описание церемонии см.: Памяти П.А. Столыпина // Новое время. 1913. 7 сентября.

[21а] У Глинки, по-видимому, описка; по смыслу должно быть «помещено опровержение».

[22] Имеется в виду император.

[23] *Куверт* — устаревшее название столового прибора (от фр. «couvert»).

[24] Один из вариантов рассказа Родзянко об этом событии, распространяемого по Петербургу слушателями Родзянко, можно обнаружить в пространном донесении заведующего Министерским павильоном Л.К. Куманина от 19 сентября 1913 г. председателю Совета министров В.Н. Коковцову: «Облетевший всю русскую прессу с легкой руки "Русского слова" разговор председателя Совета министров с председателем Гос. думы по поводу дальнейшего продолжения конфликта правительства с Думой — членами Бюджетной комиссии объявляется апокрифическим.

В действительности, как передает А.И. Савенко со слов М.В. Родзянко, имели место две следующие беседы на эту тему.

При открытии уездного земского дома, заканчивая общий разговор, председатель Гос. думы обратился в числе прочих к председателю Совета министров с прощальным "до свидания", но при этом добавил: "Надеюсь, в Таврическом дворце".

Председатель Совета министров ответил на это вполне благожелательно приблизительно словами: "Ну, это не от нас зависит".

На этом беседа оборвалась.

Возобновил ее Родзянко на завтраке у губернского предводителя дворянства Безака. Здесь М.В. Родзянко также в совершенно благожелательном тоне высказал председателю Совета министров, что во время своего последнего всеподданнейшего доклада М.В. Родзянке пришлось коснуться и "своеобразной забастовки министров", причем М.В. Родзянко вынес впечатление, что государь "осудил" эту "забастовку", так как Его Величеству благоугодно было, между прочим, сказать по этому поводу: "Я надеюсь, что за лето они образумятся".

Председатель Совета министров, выслушав М.В. Родзянко, заявил, что по этому вопросу он никаких указаний от Его Величества не получал.

Тогда М.В. Родзянко, продолжая, высказал, что, с своей стороны, хотя лично он, Родзянко, во всей этой истории совершенно неповинен, всемерно готов идти навстречу, чтобы создать наиболее удобный путь для появления в Думе министров.

Зная, что заставить всю Думу извиняться из-за выходки одного Маркова 2-го, которую вся Дума осуждает, невозможно, он, с своей стороны, предлагает перед открытием Думы послать всем министрам официальные приглашения пожаловать на молебен по случаю открытия Думы.

После этого председатель Совета министров сказал, что он испросит по этому поводу Высочайших указаний, и спросил – не имеет ли чего-либо М.В. Родзянко против того, чтобы, испрашивая Высочайшие указания, председатель Совета министров сослался на М.В. Родзянко, передавшего ему Собственные Его Величества слова.

М.В. Родзянко ответил на это полным согласием и считает, что таким путем конфликт между правительством и Думой будет, наконец, улажен» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 6–7).

Не менее колоритный, чем записанный Глинкой, но значительно менее подробный вариант рассказа Родзянко о поездке в Киев см. в его мемуарах: *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 67–70.

[25] Официальное название должности главы контрольного ведомства — Государственного контроля; государственный контролер входил по должности в состав Совета министров.

[26] Выход из майского инцидента, приведшего к тому, что и на открытии осенней думской сессии члены кабинета, вопреки традиции, отсутствовали, вскоре был найден. Родзянко и представлявший в переговорах с ним правительство министр юстиции И.Г. Щегловитов договорились считать инцидент исчерпанным при условии принесения виновником скандала, Н.Е. Марковым 2-м, публичных извинений. 1 ноября Марков 2-й на заседании Думы принес свои извинения, после чего «забастовка министров» была прекращена (см.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 70; Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 3–4, 6).

[27] По-видимому, Родзянко имеет в виду императора.

[28] Имеется в виду процесс по делу М. Бейлиса, проходивший 25 сентября — 30 октября 1913 г. в Киевском окружном суде. Приказчик кирпичного завода М. Бейлис, еврей по национальности, был обвинен в убийстве в марте 1911 г. 12-летнего мальчика Андрея Ющинского. Дело было инспирировано черносотенными организациями, пытавшимися доказать, что убийство совершено в ритуальных целях. Эта версия была поддержана органами следствия и Министерством юстиции, несмотря на полную необоснованность обвинений. Бейлис был предан суду, но в итоге процесса оправдан присяжными за недостатком улик (о деле Бейлиса см.: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 1—3. Киев. 1913; *Тагер А.С.* Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1996; *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 265—321; Дело Менделя Бейлиса: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве / Составители Р.Ш. Ганелин, В.Е. Кельнер, И.В. Лукоянов. СПб., 1999). Депутат Думы, член фракции крайних правых Г.Г. Замысловский, один из лидеров черносотенного Союза Михаила Архангела, принимал участие в киевском процессе в качестве гражданского истца, представляя мать убитого мальчика. Впоследствии по заказу Министерства внутренних дел, отпустившего с этой целью с санкции императора 75 тыс. руб. из т.н. «секретных сумм», он написал книгу «Убийство Андрюши Ющинского» (Пг., 1917).

[29] Так в тексте.

[30] См. ордер № 15 по Канцелярии Государственной думы, 24 октября 1913 г. // РГИА. Ф.1278. Оп. 9. Д. 1292. Л. 28.

[31] Имеется в виду, что Марков 2-й выплачивает штраф за стенографов.

[32] М.И. Козак был вновь зачислен на службу 31 октября 1913 г.; см. ордер № 16 по Канцелярии Государственной думы (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1292. Л. 29).

[33] Глинка имеет в виду, что в соответствии со ст. 27 Учреждения Государственной Думы управление ее Канцелярией полностью сосредоточивалось в руках секретаря Думы (см.: Учреждение Государственной Думы. С. 74). При этом, согласно Правилам о порядке назначения и увольнения служащих в Канцелярии Государственной думы, утвержденным 1 июля 1908 г. (3ПСЗ. Т. XXVIII. Отд. I. № 30594), «определение, перемещение и увольнение по должностям ниже *шестого* класса чинов Канцелярии, а равно канцелярских чиновников и служителей, вольнонаемных писцов и стенографов» также относились к компетенции секретаря Думы. Таким образом, служебная судьба виновников возникшего в Канцелярии Думы скандала стенографов Н.И. Казаровой и М.И. Козака, согласно букве этих Правил, должна была полностью зависеть от секретаря Думы И.И. Дмитрюкова, товарищей секретаря и их прямого начальника Я.В. Глинки, на чем все они в ходе конфликта и настаивали. Однако здесь

в споре с Родзянко Глинка не вполне точен: назначения на более значительные должности V и VI классов (которым соответствовали чины статского советника и коллежского советника) в Канцелярии в соответствии с этими же Правилами хотя и производились по представлению секретаря Думы, но требовали утверждения Совещанием Думы, возглавлявшимся ее председателем.

[34] Прошение об оставлении на службе, о котором идет здесь речь, было подано Н.И. Казаровой на имя председателя Думы 30 октября 1913 г. Резолюция М.В. Родзянко на этом прошении датирована 1 ноября. Я.В. Глинка воспроизвел ее в своем дневнике не вполне точно. Она гласила: «Препровождая это прошение г. секретарю, усердно прошу его снизойти к обстоятельствам дела и ходатайство Казаровой удовлетворить» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1050. Л. 37).

[35] Имеется в виду сослуживица и коллега М.И. Козака и Н.И. Казаровой графиня Ольга Васильевна Капнист.

[36] Приводим полный текст этой датированной 2 ноября резолюции старшего товарища секретаря Думы В.А. Ржевского (исполнявшего в тот момент обязанности секретаря), приведенной в дневнике Глинкой по памяти: «Состоявшийся приказ об увольнении отменен быть не может. К приему же вновь на службу, о чем, между прочим, не ходатайствует просительница, не усматриваю каких-либо оснований, а потому прошение оставить без последствий» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1050. Л. 37). В тот же день, 2 ноября, Казарова подала новое прошение, теперь на имя секретаря Думы: «Честь имею просить Ваше превосходительство об оставлении меня на службе в должности стенографа Государственной Думы ввиду того, что опоздание мое к началу занятий было вызвано разрешением председателя Государственной думы М.В. Родзянко и телеграфным подтверждением товарища председателя князя Волконского» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1050. Л. 38. Подчеркнуто в тексте). В тот же день последовала и реакция В.А. Ржевского: «Оставить без последствий (см[отри] резолюцию на прошении от 30 октября г-жи Казаровой)» (Там же).

[37] Так в тексте.

[38] В тексте ошибочно *«декабря»*.

[39] В тексте ошибочно *«декабря»*.

[40] См. рапорт Глинки секретарю Думы И.И. Дмитрюкову от 12 ноября 1913 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1050. Л. 39–39 об.), которым он сопроводил это новое прошение Казаровой (Там же. Л. 40).

[41] См. выше примеч. 16.

[42] Еще в донесении от 14 октября 1913 г. Л.К. Куманин констатировал крайнюю напряженность отношений Родзянко со старшим товарищем председателя Думы кн. В.М. Волконским: «М.В. Родзянко в кругу особенно близких к нему лиц заявил, что долее он не желает оставаться в составе президиума Гос. думы вместе с кн. Волконским. Непосредственная причина этого нежелания

заключается в том, что весь конфликт между Гос. думой и правительством возник из-за кн. Волконского, а когда пришла пора не милыми келейными разговорами, а открытым публичным самобичеванием этот конфликт устранить, то кн. В.М. Волконский умыл руки и не пожелал даже воздействовать на свои правую и национальную фракции, его избравшие (товарищем председателя Думы. — *Б.В.*), чтобы они пошли в этом остром вопросе на необходимые уступки» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 16). Разумеется, главной причиной этой напряженности, существовавшей и раньше, еще во времена III Думы, были на самом деле притязания Волконского на председательское кресло. Осенью же 1913 г. их отношения были окончательно испорчены и последствиями истории с «забастовкой министров», вину за которую Родзянко возлагал на Волконского, и затронувшим престиж председателя Думы скандалом вокруг взятых Волконским под свое покровительство стенографистов думской Канцелярии, столь подробно описанным Глинкой в его дневнике. Существенным мотивом при этом для Родзянко был, по сведениям Куманина, и мотив политический: председатель Думы считал, что «система коалиционного президиума не выдерживает критики, так как на практике, хотя все фракции участвуют в избрании членов президиума, но президиум в его целом при этой коалиционной системе не опирается ни на какое большинство и не имеет за собою никакой поддержки. Поэтому, — передавал Куманин дальнейший ход мыслей Родзянко, — систему коалиционного президиума надо оставить и вернуться к прежней системе, при которой все должности должны замещаться по избранию большинства Гос. думы» (Вопросы истории. 1999. № 8. С. 16).

[43] Родзянко скорее всего имеет в виду свои визитные карточки, обладателям которых пристав Думы должен был по этому его указанию вне очереди выдать входные билеты для публики на заседания Общего собрания.

[44] Всеподданнейшие доклады прежних председателей Думы были затребованы Родзянко в связи с необходимостью в соответствии с традицией представить находившемуся в это время в Ливадии императору доклад по случаю своего нового избрания главой палаты. В своем дневнике после слов «высочайшую резолюцию» Глинка оставил место для воспроизведения привлекшей внимание Родзянко царской резолюции на докладе Н.А. Хомякова, но затем, видимо, забыл или не смог это сделать. Однако этот пробел восполняет одно из донесений Л.К. Куманина от 10 декабря 1913 г.: «М.В. Родзянко очень удручен, что на возвращенном ему из Ливадии всеподданнейшем его докладе о новом избрании его председателем Гос. думы положена лишь краткая Высочайшая отметка “Читал”.

Имея в виду прецедент, когда на таком же докладе Н.А. Хомякова Его Величеству угодно было начертать: “Желаю Вам успеха. Помните всегда только об одном — о благе России”, М.В. Родзянко считает плохим предзнаменованием для предстоящей ему у его Величества аудиенции вышеприведенную

лаконичную высочайшую отметку» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 22).

[45] Это прошение см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1050. Л. 41—41 об.

[46] См. ордер № 1 по Канцелярии Государственной думы от 2 января 1914 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1292. Л. 33.

[47] Датированные январем 1914 г. записи сделаны задним числом и относятся к событиям политической жизни ноября—декабря 1913 г.

[48] Здесь и далее речь идет о произошедшем в конце 1913 — начале 1914 г. расколе думской фракции, а в итоге и партии октябристов. Поводом к расколу послужила ноябрьская конференция октябристов, на которой верх взяли представители левого крыла партии во главе с А.И. Гучковым, требовавшие от своей фракции в Думе добиваться от правительства воплощения в жизнь преданных, по их мнению, забвению реформаторских начал, провозглашенных Манифестом 17 октября 1905 г. Фракция отказалась выполнять решения Центрального комитета партии, а затем раскололась. Раскол окончательно оформился в декабре 1913 — январе 1914 г. Левые октябристы образовали думскую группу «Союза 17 октября» (18 депутатов). Сторонники М.В. Родзянко вошли во фракцию земцев-октябристов, насчитывавшую 65 членов Думы. Группа правых октябристов во главе с Н.П. Шубинским и Г.В. Скоропадским осталась «вне фракций» (см.: *Аврех А.Я.* Раскол фракции октябристов в IV Думе// История СССР. 1978. № 4. С. 115—128; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. С. 148—153; *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994. С. 152—163; *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 77—82).

[49] Рассказанная здесь Глинкой история об интриге, затеянной депутатом А.Г. Лелюхиным, за спиной которого стоял давнишний соперник председателя Думы — кн. В.М. Волконский, относится к началу декабря 1913 г. Целью этой интриги было вывести из-под контроля Родзянко создававшуюся им фракцию земцев-октябристов и в конечном счете создать правооктябристское большинство в IV Думе. В этой затее лично участвовал премьер-министр В.Н. Коковцов, проводивший совещание у себя на квартире с лидерами предполагавшегося правительственного большинства, включая Волконского и Лелюхина (см.: *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. С. 167—170; см. также донесение Л.К. Куманина председателю Совета министров от 10 декабря 1913 г. — Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 23—29). Эта попытка создания правительственного большинства окончилась неудачей, а сам Коковцов, позиции которого к этому времени уже были подорваны, был вскоре отправлен в отставку.

[50] Речь идет о приеме М.В. Родзянко императором, состоявшемся в Царском Селе 22 декабря 1913 г. (см.: Дневники императора Николая II. С. 439). Подробности этой аудиенции приводит в своем донесении председателю Сове-

та министров от 24 декабря 1913 г. Л.К. Куманин: «Установлено, что всеподданнейший доклад М.В. Родзянко состоял из двух частей.

В первой части своего всеподданнейшего доклада М.В. Родзянко говорил о деловой работе Гос. думы, исходя из того основного положения, что если мало сделано в Общем собрании Гос. думы, то зато весьма большая работа произведена и ведется в думских комиссиях. Эта работа в скором будущем перейдет на рассмотрение Общего собрания. Ввиду серьезности предстоящей Общему собранию законодательной работы необходимо образование в нем определенного большинства. Стремление к образованию такого большинства ощущается и слева и справа, но цели, для достижения которых такое большинство образовывается, различны. На этом различии тактических заданий произошел раскол в центральной думской фракции октябристов. Однако фактического изменения в соотношение партийных сил в Гос. думе раскол этот не внес, так как небольшие фланги фракции октябристов, отошедшие вправо и влево, почти одинаково усилили правое и левое крылья Гос. думы, решение же всякого вопроса по-прежнему будет зависеть от оставшейся на своем месте центральной группы октябристов в зависимости от того, какому крылу — правому или левому — группа эта отдаст свои голоса.

Его Величеству, по словам М.В. Родзянко, угодно было проявить глубокий интерес к этой части доклада председателя Гос. думы и задавать ряд наводящих вопросов, на основании которых М.В. Родзянко считает себя вправе констатировать вполне благожелательное отношение Его Величества к Гос. думе.

Это высокомилостивое отношение Его Величества к Гос. думе дало М.В. Родзянко, по его словам, основание перейти ко второй части его всеподданнейшего доклада, основным тезисом которого была мысль о том, насколько затрудняет положение центральной группы октябристов, силою вещей ответственных за ход думской работы, инертность правительства, упорно тормозящего осуществление великих реформ, возвещенных 17 октября 1905 г. священной волею Его Императорского Величества.

Правительство как будто всецело поглощено текущей работой государственного механизма, путем вермишельного законодательства оно лишь питает государственную машину, поддерживая ее безостановочный ход, но оно вовсе не заботится о проведении в жизнь тех реформ, которые действительно могли бы обновить устаревшие, обветшавшие части государственного механизма. Однако центральная группы октябристов, наблюдая, с одной стороны, эту инертность правительства и его нежелание идти навстречу Гос. думе, должна, с другой стороны, с глубокою грустью констатировать, что на местах это топтанье на одном месте и отсутствие давно жданных реформ вызывает глубокое нестроение, открывающее в перспективе тяжелые возможности повторения тех взрывов, которые омрачили печальной памяти 1905 год.

Его Величеству, по словам М.В. Родзянко, угодно было не только без неудовольствия выслушать эту “тяжелую” часть доклада, но, наоборот, весьма

участливо отнестись к опасениям председателя Думы и в общих чертах признать нежелательность дальнейшей задержки в осуществлении реформ. <...>

Резюмируя свои впечатления, М.В. Родзянко заявляет, что таким милостивым приемом он удостоен впервые» (Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 33—34).

[51] Речь идет о Николае Пенде, курьере Канцелярии Государственной думы в 1912—1913 гг. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1300. Л. 298, 355). Во время описываемого Глинкой инцидента в Государственной думе служили два врача. Доктором, в отношении которого Пенда позволил себе «непозволительную дерзость», вряд ли мог быть занимавший в 1908—1917 гг. должность старшего врача Государственной думы В.И. Фомилиант, уже имевший ко времени этого инцидента чин статского советника; скорее, речь идет о тогдашнем младшем враче Думы, надворном советнике М.Е. Груздеве (см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1012, 1245).

[52] И.Л. Горемыкин во второй раз стал председателем Совета министров 30 января 1914 г., сменив на этом посту В.Н. Коковцова. В это время «новому» премьеру было уже 74 года.

[53] Упоминаемое Глинкой заявление товарищ министра народного просвещения барон М.А. Таубе сделал в Думе 28 марта 1914 г., выступая с разъяснениями по законопроекту об «улучшении высшей школы» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 367—369). Выступившие в связи с этим заявлением Таубе представители различных думских фракций (кадет П.Н. Милюков, октябрист гр. Д.П. Капнист, националист гр. В.А. Бобринский) единодушно расценили его как попытку явочным порядком ограничить предоставленное Думе законом право законодательной инициативы (Там же. Стб. 370—373. См. об этом также: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. С. 118—119).

[54] См. об этом: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. III. Стб. 370.

[55] Член IV Думы социал-демократ Н.С. Чхеидзе в выступлении в Думе 11 марта 1914 г. заявил, что «наиболее подходящим режимом для достижения обновления страны является режим демократический, режим парламентский и, если хотите еще более точное определение, режим республиканский». Эти слова были использованы Советом министров как предлог для привлечения в апреле 1914 г. Чхеидзе к ответственности перед Первым департаментом Государственного совета за якобы содержавшийся в них открытый призыв к ниспровержению существующего государственного строя. В ответ судебная комиссия Думы предложила немедленно рассмотреть внесенный годом ранее фракциями кадетов и прогрессистов проект закона об установлении безответственности депутатских речей, а кадеты и левые предложили не обсуждать бюджет, пока этот проект не будет принят Думой. И это предложение, и другое, призывавшее

отложить на одно заседание палаты обсуждение бюджета, были отклонены, после чего и последовала знаменитая обструкция, устроенная 22 апреля премьер-министру И.Л. Горемыкину. В конечном счете власти вынуждены были прекратить дело Чхеидзе ввиду действительно отсутствовавшего состава преступления (см.: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. С. 119—120; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. С. 210—213).

[56] Ст. 14 Учреждения Государственной Думы гласила: «Члены Государственной думы пользуются полной свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями» (Учреждение Государственной Думы. С. 72).

[57] В ходе заседания Думы 22 апреля 1914 г. за обструкцию, устроенную председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, участвовавшие в ней депутаты были удалены председателем Думы М.В. Родзянко из зала и исключены на 15 заседаний. По числу исключенных (21 депутат за одно заседание) на заседании 22 апреля был установлен своего рода абсолютный рекорд (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. III. Стб. 785—806)

[58] Речь идет о принятой Думой 3 мая 1914 г. 186 голосами против 95 формуле перехода по смете Министерства внутренних дел по общей части, предложенной фракцией центра, группой земцев-октябристов и думской группой «Союза 17 октября». Эта формула перехода, беспрецедентная со времен первых двух Дум по резкости по отношению к правительству, гласила: «Принимая во внимание, что Министерство внутренних дел не только продолжает систематически пренебрегать общественным мнением, но и игнорирует неоднократные существеннейшие пожелания законодательных учреждений, Государственная Дума, разделяя по существу пожелания, принятые бюджетною комиссиею, считает бесполезным высказывать ныне какие-либо новые пожелания по смете Министерства внутренних дел и находит: 1) что политика министерства, стесняющая и ограничивающая деятельность земских и городских учреждений, подрывает местные силы, которые в течение 50 лет принимали самое деятельное участие в духовном и экономическом развитии страны, 2) что, поощряя повсеместный административный произвол, она вызывает недовольство и глухое брожение в широких, спокойных слоях населения и тем способствует возникновению и усилению противогосударственных течений, 3) что, препятствуя проведению в жизнь ряда Высочайших манифестов и указов, она противодействует возвещенной с высоты Престола непреклонной воле монарха и 4) что такое положение, ослабляя мощь России, угрожает ей неисчислимыми бедствиями, — Государственная Дума обращает внимание правительства на опасность такой политики и переходит к рассмотрению № 66 росписи государственных расходов (т.е. следующему пункту законодательной работы палаты. — *Б.В.*)» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вто-

рая. Ч. III. Стб. 1881). Отметим, что, говоря о голосах, которыми прошла эта формула перехода, автор имеет в виду, что она получила более 2/3 голосов присутствовавших в зале депутатов (при этом слегка завышая это соотношение, все же чуть-чуть не достигшее этого уровня). Кворум же, необходимый для принятия Думой решений, составлял, как было установлено ст. 7 Учреждения Думы, «не менее *одной трети* всего числа данного состава членов Думы» (Учреждение Государственной Думы. С. 71).

[59] 7 мая в заседании Думы депутат А.Ф. Керенский огласил заявление социал-демократов и трудовиков с протестом по поводу событий 22 апреля и, в частности, насильственного, «с помощью военной силы» удаления депутатов из зала. М.В. Родзянко не дал Керенскому закончить выступление, лишив его слова. Р.В. Малиновский в этот день также пытался выступить и также был лишен слова с помощью думского пристава (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. Стб. 114—117).

[60] Порядок слов в оригинале: «*никто как свой!*».

[61] Депутат IV Думы, член думской фракции социал-демократов (с 1912 г. член ЦК РСДРП) Р.В. Малиновский был секретным сотрудником Департамента полиции. 8 мая 1912 г. под давлением товарища министра внутренних дел В.Д. Джунковского, решившего «прекратить это провоцирование Думы», он был вынужден сложить депутатские полномочия и уехать за границу. В своих мемуарах Джунковский сообщает: «Председатель Думы Родзянко как-то в разговоре со мной спросил меня насчет Малиновского о причине его таинственного исчезновения. Он подозревал, что Малиновский был провокатором, так как всегда удивлялся моей осведомленности о настроении в социал-демократической фракции Думы. Я всегда предупреждал Родзянко о всех ожидаемых выступлениях в Думе социал-демократической фракции, чтобы эти выпады, могшие повлечь к конфликту правительства с Думой, могли быть вовремя обезврежены. Я сначала отрицал, но когда он попросил меня сказать ему правду не как Председателю Думы, а просто по-товарищески, конфиденциально, то я раскрыл завесу этого дела — он сдержал слово и никому не проговорился. Так это дело до переворота и осталось тайной как для Государственной думы, так и для всей Социал-демократической партии, — Малиновский так сумел себя поставить, что был в партии вне подозрения» (*Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 79—80). Описываемую Глинкой сцену в кабинете Родзянко (происходившую не 7-го, а 8 мая — в дневнике Глинки эта запись, очевидно, сделана задним числом) впоследствии, на допросе в ВЧК, происходившем 29 октября 1918 г., сам Малиновский вспоминал так: «Обстановка подачи мною заявления о сложении депутатских полномочий была такова: через Екатерининский зал я вошел в кабинет Родзянко. Рядом с ним стоял, кажется, Глинка. Я бросил на стол свое заявление и, не произнесши ни одного слова, вышел» (Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 152).

[62] Глинка довольно подробно рассказывает об очередном думском скандале, произошедшем 13 мая 1914 г. Поводом для столь необычной реакции весьма выдержанного П.Н. Милюкова послужил вызывающий тон Н.П. Шубинского. Последний в своей речи демагогически противопоставил (в качестве образца служения профессиональному долгу) юристам, защищавшим Бейлиса, представителей противоположной стороны, т.е. крайне-правых Г.Г. Замысловского и А.С. Шмакова. Последовал частично запечатленный стенограммой обмен оскорблениями, в который, по обыкновению, включился и В.М. Пуришкевич: «**Милюков**: Мерзавец; **Пуришкевич**: скотина, сволочь, битая по морде... Плюю на мерзавца». Шубинской также не остался в долгу, но его «слово» в стенограмму не было включено, по-видимому, ввиду его нецензурности. В итоге Милюков, Пуришкевич и также вмешавшийся в перепалку на стороне лидера кадетов А.Ф. Керенский были удалены на одно заседание; предложение же удалить и Шубинского было отклонено 111 голосами против 108 при 10 воздержавшихся. Такой результат голосования побудил председательствовавшего А.И. Коновалова отказаться от должности товарища председателя (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. Стб. 596—610).

[63] «Доклад об изменении штата Канцелярии Государственной Думы и состоящих при Государственной Думе должностных лиц», подготовленный Совещанием Думы (см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1124. Л. 3—11), был внесен на рассмотрение Общего собрания 10 мая 1914 г. и его решением передан в бюджетную комиссию (Там же. Л. 1). Как представляется, помимо упоминаемых в дневнике причин, решающее значение для отзыва этого законопроекта из комиссии, об обстоятельствах которого рассказывает Глинка, имело отношение к законопроекту самого Родзянко. Последний имел тогда чин IV класса — действительного статского советника (и, кстати говоря, следующего чина так никогда и не получил). В случае же принятия Думой предложенного проекта начальники отделов Канцелярии, и в первую очередь Глинка, получали права на производство в скором времени в чины более высокого III класса — в тайные советники. Это поставило бы Родзянко, крайне чуткого ко всему, что могло касаться поддержания его собственного престижа и соблюдения служебной субординации, в весьма неудобное положение.

[64] Глинка имеет в виду только что преодоленный кризис президиума Думы.

[65] Подчеркнуто автором.

[66] Имеется в виду начальник Финансового отдела Канцелярии В.Н. Маиевский.

[67] То есть ставит вопрос на голосование в Общем собрании Думы.

[68] *Итальянская забастовка* — своеобразная форма забастовок, получившая распространение в XIX в. на железных дорогах Италии, почему и получила такое наименование. При проведении ее рабочие или не покидали предприятий, но

не выполняли работы, или вели работу в таком строгом соответствии со всеми служебными правилами, что это парализовало деятельность предприятия, или искусственно затягивали сроки проведения работ. Поступок Глинки, в ответ на очередную выходку своего председателя демонстративно покинувшего президиум Думы в ходе заседания, даже при самом расширительном понимании этого понятия никак нельзя назвать «итальянской забастовкой», как это сделал Родзянко.

[69] При переизбрании 21 мая М.В. Родзянко, являясь единственным кандидатом на должность главы палаты, получил 217 избирательных и 9 неизбирательных шаров (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. Стб. 1207–1208).

[70] Глинка имеет в виду, что и сам Родзянко, и оба его товарища — С.Т. Варун-Секрет и А.Д. Протопопов — в молодости служили в кавалерии.

[71] Имеется в виду принадлежность оратора к группе центра.

[72] Согласно стенограмме этого заседания, Пуришкевич заявил: «Буду рад, когда через пятого повесят; *шум*; *голоса слева:* вон», а затем еще и добавил по адресу левых депутатов: «Дурачье (*шум слева*)» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. Стб. 1336).

[73] Речь идет о максимальном количестве заседаний Общего собрания, на которые могли исключаться члены Думы, т.е. имеется в виду удаление на 15 заседаний.

[74] Восклицание относится к исключению Пуришкевича, в чрезмерной снисходительности к выходкам которого обвиняли поправевшее после последних выборов руководство Думы демократические и левые депутаты. На этот раз и сам Родзянко применил к Пуришкевичу карательные санкции, по-видимому, не без удовольствия, а за возражения наказанного тут же добавил исключение еще на одно заседание (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. Стб. 1336—1338).

[75] Две последние фразы написаны не ранее конца июля 1915 г. — Я.В. Глинка попытался придать своим позднейшим воспоминаниям характер естественного продолжения записи 21 мая.

[Государственная дума в годы мировой войны]

[1] Начало этой части дневника, вплоть до фразы «этот маневр Милюкова мне не кажется искренним», представляет собой воспоминания о событиях военного времени 1914—1915 гг., записанные, судя по характеру текста, не ранее конца июля 1915 г.

[2] Имеется в виду Комитет членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны, созданный Думой 27 июля 1914 г. Председателем комитета был избран М.В. Родзянко, товарищами пред-

седателя — депутаты кн. В.М. Волконский, И.И. Дмитрюков и А.И. Шингарев. Комитет координировал деятельность многочисленных созданных по инициативе руководства и депутатов Думы санитарных отрядов и госпиталей, вел сбор пожертвований благотворительных и других общественных организаций и частных лиц в пользу раненых. Упразднен после официального роспуска IV Думы с 9 октября 1917 г.; имущество и средства комитета переданы Главному управлению Российского общества Красного Креста (см.: Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801—1917. Т. 1. Высшие государственные учреждения. С. 195).

[3] Возможно, речь идет о записях, сделанных Глинкой в ходе этой поездки в отдельной тетради, не сохранившейся в его семейном архиве.

[4] В мае 1915 г. М.В. Родзянко в сопровождении видных деятелей финансово-промышленного мира А.И. Путилова и А.И. Вышнеградского и бывшего управляющего Отделом промышленности Министерства торговли и промышленности В.П. Литвинова-Фалинского приехал в Ставку в Барановичи, где находился в это время император, с целью добиться осуществления инициативы торгово-промышленных кругов по созданию Особого совещания под председательством военного министра, на которое было бы возложено рассмотрение вопросов по улучшению снабжения действующей армии. 12 мая Родзянко был принят царем (см.: Дневники императора Николая II. С. 528); ему удалось получить согласие императора на осуществление этого своего предложения. По устному распоряжению царя Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич 13 мая 1915 г. отдал соответствующее приказание военному министру В.А. Сухомлинову. В состав образованного таким образом Особого совещания по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия, первое заседание которого состоялось 14 мая 1915 г., вошли представители Государственной думы (М.В. Родзянко, А.Д. Протопопов, И.И. Дмитрюков и Н.В. Савич), военного и морского ведомств; частную промышленность в совещании представляли спутники Родзянко в его недавней поездке в Ставку Путилов, Вышнеградский и Литвинов-Фалинский (см.: *Крупина Т.Д.* Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. М., 1969. Т. 83. С. 58—63).

[5] Появление В.А. Маклакова и П.Б. Струве на квартире Родзянко в качестве его консультантов отнюдь не было случайностью. Оба они были к этому времени умеренными либералами, и это сближало их с председателем Думы. Оба выступали за сотрудничество с правительством, но условия этого представляли себе по-разному. В.А. Маклаков, один из лидеров правого крыла кадетской партии, был сторонником организации объединенной оппозиции, которая оказала бы давление на власть. За три дня до этого своего визита к Родзянко на заседании кадетского ЦК, проходившем 14 июля, он заявлял: «...мы должны изменить политику правительства и организовать общество. <...> Мы дол-

жны сказать министрам, что победа обеспечена, если вы поведете страну, как вам указали, а [если] вы не сделаете так, то вы погубите страну и нас вместе [с ней]. Мы это знаем, но вас мы поддерживаем для успокоения страны» (Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3: 1915—1920 гг. С. 130—131). П.Б. Струве же летом 1915 г. выступал в роли негласного советника министров А.В. Кривошеина, С.Д. Сазонова и В.Н. Шаховского, рекомендуя привлечь общественных деятелей в состав правительства. Разногласия с руководством кадетской партии именно по поводу создания думского оппозиционного блока вынудили его в июне 1915 г. выйти из кадетского ЦК. После визита к Родзянко пути Маклакова и Струве окончательно разошлись: Маклаков, как и Родзянко, стал одним из лидеров Прогрессивного блока (см. примеч. 12), а Струве, продолжавший оставаться сторонником компромисса с правительством, в сентябре 1915 г. был назначен председателем секретного Особого междуведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при возглавляемом Шаховским Министерстве торговли и промышленности (см.: Письма П.Б. Струве С.Д. Сазонову в 1915 г. // Красный архив. 1933. Т. 4 (59). С. 145—148; А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы первой мировой войны. Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве / Вводная статья, подгот. текста и коммент. С.В. Куликова // Русское прошлое. СПб., 1994. Кн. 5. С. 50—56; *Pipes R.* Struve: Liberal on the Right. 1905—1944. Cambridge (Mass.), 1980. P. 219—231; *Витенберг Б.М.* П.Б. Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915—1917 гг.) // Английская набережная, 4: Ежегодник / Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. СПб., 1997. С. 217—228).

[6] Речь Родзянко, произнесенная им при открытии думской сессии 19 июля 1915 г., была посвящена главным образом необходимости единства действий власти и общества для достижения военной победы. Очевидно, наибольшую сложность для составителей, в том числе и самого Родзянко, при подготовке текста этой речи представляло дипломатичное и осторожное формулирование требований оппозиции к власти. Приводим соответствующие фрагменты этой речи: «Переживаемая война не является уже единоборством армий, но властно требует участия в ней всего нашего народа. <...> Напряженная, но ограниченная известными пределами работа наших общественных сил за минувший год удостоилась с высоты престола знаменательной оценки, и если действительно эти труды облегчили нашей армии трудную задачу борьбы с жестоким противником, то нельзя не сказать здесь с гордостью и чувством глубокого удовлетворения, что за это трудное и ответственное время общественные силы России и их организация вписали прекрасную страницу в историю своего государственного бытия. (*Рукоплескания и голоса*: браво). Но далеко не достаточны еще и эти вдохновенные любовью к родине их усилие и труды. Потребности войны

все возрастают, и с высоты престола раздался вновь призыв к усиленным трудам и новым жертвам. Долг наш, не щадя ни сил, ни времени, ни средств, безотлагательно приняться за работу. Пусть каждый отдает свой труд в сокровищницу народной мощи. Кто чем богат, кто что умеет, да жертвует в нее на благо всей страны. И армия и флот уже подают нам всем пример бестрепетного исполнения долга; они свершили все, что было в силах человека; настал и наш черед, и объединенные ныне общественные силы, работая не покладая рук, я уверен, смогут снабдить армию всем необходимым для дальнейших ее боевых подвигов (*Продолжительные рукоплескания и голоса*: верно). Но для успеха этих ответственных общественных трудов необходимо, помимо доброжелательного отношения отдельных лиц, поставленных во главе ведомств, изменение самого духа и управления действующей системы (*Продолжительные рукоплескания и голоса*: браво, правильно). Я твердо верю, гг. члены Государственной Думы, что в настоящее тяжелое лихолетье обновленное правительство не поколеблется положить в основу своей деятельности доверчивое и отзывчивое отношение к запросам общественных сил, призывая их тем самым к общей дружной с ним работе во славу и счастье России (*Продолжительные рукоплескания*)» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 4—5).

[7] При обсуждении формулы перехода к очередным делам в думском заседании 20 июля 1915 г. фракция прогрессистов внесла формулу, предлагавшую констатацию Думой того обстоятельства, что «действительное объединение всех сил и всей воли народной, необходимое для ускорения победы, достижимо лишь при немедленном установлении ответственности перед Государственною Думою правительства, составленного из лиц, пользующихся доверием страны» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стб. 189). Таким образом, ставился вопрос о необходимости ответственного перед Думой правительства. В ответ на это лидер кадетов П.Н. Милюков, добивавшийся в это время объединения большинства Думы под другой, более умеренной формулой, выдвинутой фракциями правых, центра и земцев-октябристов и гласившей, что «привести к скорой победе может лишь тесное единение со всей страной правительства, пользующегося полным ее доверием...» (Там же), выступил с принципиально важным заявлением. Отметив, что кадетская партия всегда, «во всех четырех Государственных Думах», выступала за «необходимость создания ответственного министерства для полного обновления России», Милюков тем не менее заявил, что теперь фракция считает «невозможным требовать внесения этого партийного нашего <...> требования во внепартийную формулу, которую должна сегодня вынести вся Государственная Дума, которая должна знаменовать наше единение перед грозной опасностью» (Там же. Стб. 194—195). В итоге предложенная тремя фракциями формула, настаивавшая лишь на создании правительства, пользу-

ющегося доверием Думы, была принята, и таким образом появились реальные предпосылки для объединения в дальнейшем большинства Думы в рамках так называемого Прогрессивного блока (см. примеч. 12).

[8] Автор по привычке использует старое (использовавшееся до 1912 г.) название думской комиссии по военным и морским делам.

[9] Речь идет об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства и для обеспечения армии и флота предметами боевого и прочего материального снабжения. Оно было образовано 17 августа 1915 г.; ему предшествовало созданное в мае 1915 г. Особое совещание, в состав которого вошли представители Государственной думы и торгово-промышленных кругов (см. примеч. 4). Торжественное открытие Особого совещания по обороне и трех других одновременно с ним учрежденных особых совещаний — по топливу, по продовольствию и по перевозкам — состоялось 22 августа 1915 г. в Белом зале Зимнего дворца при участии императора. В состав Совещания, председателем которого являлся по должности военный министр, входили председатели Государственного совета и Государственной думы и по 9 членов от каждой из законодательных палат. Кроме последних в совещании были представлены также министерства и ведомства; в него были включены и представители всероссийских Земского и Городского союзов и Центрального военно-промышленного комитета. При Особом совещании был образован ряд комиссий и комитетов. В частности, М.В. Родзянко возглавлял Эвакуационную комиссию совещания, А.И. Гучков — Комиссию по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения армии. После Октябрьской революции Особое совещание сначала было передано в ведение Народного комиссариата торговли и промышленности, затем перешло в военное ведомство, а оттуда — в Высший совет народного хозяйства; оно было переименовано в Совещание по финансированию, затем упразднено 26 января 1918 г. (см.: *Крупина Т.Д.* Политический кризис лета 1915 г. и создание Особого совещания по обороне. С. 62—69; Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801—1917. Т. 1. Высшие государственные учреждения. С. 206—209).

[10] Упоминаемая Глинкой комиссия (полное название — Верховная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снаряжения армии) была учреждена 25 июля 1915 г. На комиссию было возложено расследование деятельности военного министра В.А. Сухомлинова и других должностных лиц, которые были сочтены главными виновниками неудач русской армии на фронте. 1 августа 1915 г. председателем комиссии был назначен член Государственного совета генерал Н.П. Петров. Свое заключение комиссия представила в марте 1916 г. в Первый департамент Государственного совета: в нем предлагалось возбудить против Сухомлинова уголовное преследование по обвинению в противозаконном бездействии, превышении власти, служебных

подлогах, лихоимстве и государственной измене. 10 марта 1916 г. Первый департамент принял соответствующее постановление. (см.: *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 273—274; Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. VII. С. 422).

[11] *Милюка* — одно из думских прозвищ лидера кадетов П.Н. Милюкова.

[12] *Прогрессивный блок* был образован в августе 1915 г. после длительных переговоров лидеров ряда думских фракций и групп, а также некоторых групп Государственного совета. В создании блока ведущую роль действительно играл лидер кадетов П.Н. Милюков: в то же время шаги к созданию этого парламентского объединения со своей стороны предпринимал претендовавший на роль премьера лидер сторонников сотрудничества с Думой в Совете министров А.В. Кривошеин (см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 176—192). В состав блока вошли думские фракции кадетов, прогрессистов, земцев-октябристов, фракция центра, группа «Союза 17 октября» и прогрессивная группа националистов (возникшая в результате раскола националистов на сторонников и противников вхождения в блок), а также группа центра и академическая группа Государственного совета. 25 августа их представители подписали программу блока. В преамбуле этой программы провозглашалось, что создатели блока исходят «из уверенности, что только сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе и что такою может быть лишь власть, опирающаяся на народное доверие...». Далее формулировались условия, выполнение которых блок считал необходимым: «Создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы. Решительное изменение применявшихся до сих пор приемов управления, основывавшихся на недоверии к общественной самодеятельности, в частности: а) строгое проведение начала законности в управлении, б) устранение двоевластия военной и гражданской власти в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению операций военных, в) обновление состава местной администрации, г) разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами».

Затем в программе перечислялись меры, которые, как предлагали подписавшие ее лидеры оппозиционных политических партий, фракций и групп, должны были быть приняты «как в порядке управления, так и в порядке законодательства:

1. <...> прекращение дел, возбужденных по обвинению в чисто политических и религиозных преступлениях, не отягченных преступлениями общеуголовного характера, освобождение от наказания и восстановление в правах, включая право участия в выборах в Государственную Думу, в земские и городские учреждения и т.д., лиц, осужденных за те же преступления, и смягчение

участи остальных осужденных за политические и религиозные преступления, за исключением шпионов и предателей.

2. возвращение высланных в административном порядке за дела политического характера.

3. полное и решительное прекращение преследований за веру <...>.

4. разрешение русско-польского вопроса <...>.

5. вступление на путь отмены ограничений в правах евреев <...>.

6. примирительная политика в финляндском вопросе <...>.

7. восстановление малорусской печати, немедленный пересмотр дел жителей Галиции, содержащихся под стражей и сосланных <...>.

8. восстановление деятельности профессиональных союзов и прекращение преследования представителей рабочих в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегализованной партии; восстановление рабочей печати» (цит. по: *Яхонтов А.* Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров — 16 июля — 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. С. 109—110). Кроме того, программа предусматривала проведение правительством в согласии с законодательными палатами ряда мер в области либерализации различных сфер внутренней политики. В создании Прогрессивного блока активно участвовали созданные в начале войны общественные организации — Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, военно-промышленные комитеты, лидеры которых затем приняли активное участие в его работе.

О возникновении Прогрессивного блока и его последующей деятельности см.: *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг.: борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия». Л., 1977; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

[13] *Левая Государственного совета* — имеется в виду левая (т.н. академическая) группа в верхней законодательной палате. В 1915—1917 гг. в нее входили 23 члена палаты, прошедших в нее по выборам; назначенных членов Государственного совета в левой группе не было (см.: *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 9. С. 3—22).

[14] Работа законодательных палат была прервана с 3 сентября 1915 г. в соответствии с императорским указом, датированным 30 августа. Указ назначал возобновление их занятий на срок «не позднее ноября 1915 г., в зависимости от чрезвычайных обстоятельств» (Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. Отд. I. № 245. Ст. 1848).

[15] Имеется в виду работа комиссий Государственной думы.

[16] Имеется в виду письмо Родзянко Горемыкину от 19 декабря 1916 г. Текст этого письма, распространявшегося в копиях по стране и на фронте, воспроизведен (с незначительными разночтениями) в обеих книгах воспоминаний председателя IV Думы (*Родзянко М.В.* Государственная дума и февральская

1917 года революция. С. 35—36; *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 113—114). Машинописную копию этого письма, оставленную в бумагах Канцелярии Думы, см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1101. Л. 99—100.

[17] Штюрмер был назначен при поддержке Распутина, а в окружении его были авантюристы и темные личности типа И.Ф. Манасевича-Мануйлова.

[18] Далее вычеркнуто «Шидловским» — имелся в виду председатель Прогрессивного блока С.И. Шидловский.

[19] Имеется в виду Николай II.

[20] Наиболее полный очерк биографии А.А. Клопова см.: *Лукоянов И.В.* Тайный корреспондент Николая II А.А. Клопов // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6. С. 64—86. Письма Клопова к Николаю II, императрице Александре Федоровне и вел. кн. Михаилу Александровичу за октябрь 1916 — февраль 1917 гг. опубликованы: Письма чиновника Клопова царской семье // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 204—222.

[21] Машинописная копия этого письма императору сохранилась в архивном фонде А.А. Клопова. Письмо датировано 1 февраля 1916 г. Как и другие копии своих писем императору, Клопов снабдил ее порядковым номером (№ 23). Ниже приводим текст этого документа:

«Господи благослови.

Ваше Императорское Величество.

Вы знаете меня 16 лет. Все это время я пользовался Вашим не только вниманием, но и доверием и даже симпатией. Я чувствую, что жизнь моя уже на волоске, поэтому не могу я, Дорогой Государь, в такой исторический момент не воспользоваться своим положением. Нет, я обязан по совести сказать Вам свое слово, прямо, как перед Богом. Умоляю, Государь, прочтите мое послание терпеливо, с добрым чувством и не сердитесь на меня.

Глубокий, низкий поклон Вам, Государь, за то, что Вы созываете теперь Государственную Думу. Я твердо уверен, что этот шаг Вы совершаете исключительно по Вашей инициативе.

Вы, во имя блага родины, приняв на себя командование армией, как бы несколько удалились от непосредственного управления страной, вверив ее министрам во главе с Горемыкиным. Люди же эти, к несчастью, в силу ли традиций, в силу ли полной изолированности их от народа и недоверия к нему, всеми способами старались управлять страной по-прежнему — бюрократически*. Вам они или боялись, или не хотели говорить правду о многом, а иногда и сами совершенно не понимали требований минуты и жизни. К земствам, к союзу земств и городов, к разным общественным организациям, к общественным силам, так могуче проявившим себя с самого начала войны, они постоянно относились недружелюбно и недоверчиво, с предвзятостью, придумывая всевозможные препятствия к их правильному и более широкому развитию. Такое же пренебрежительное недоверие и страх они проявили и к деятельности Государственной Думы, постоянно оттягивая ее созыв.

Что же получилось в результате? Дружная неустанная сплоченная работа всех нас на защиту родины, столь рельефно проявившаяся в начале войны**, была парализована. Вместо этого выползло наружу и получило силу все низкое, все темное в русской жизни. Явились на сцену преступная халатность, измена, воровство, взяточничество, нажива, мошенничество, дороговизна, железнодорожная разруха, трамвайная анархия и т.д. и т.д. Прибавьте к этому печальные факты недостатка боевых припасов, отдачи Царства Польского, Брест-Литовска, Ковны, Вильны. Все это несомненно вызывает в обществе и народе злобу и справедливое недовольство Правительством.

Неожиданное же закрытие Государственной Думы окончательно расторгло добрую связь общества с Правительством, которая так рельефно проявилась между ними в самый момент объявления войны, несмотря на многие предыдущие промахи и недостатки. Такое обидное и незаслуженное отношение Правительства к обывателю и обществу вызвало даже в самой лучшей его части апатию, безнадежность, полное недоверие, а в остальной части самые низкие инстинкты, о которых сказано выше. Проявление же всего этого теперь представляется самым страшным во всем деле войны при современных ее условиях. Настоящая война, Ваше Величество, есть война народная, и победа над врагом возможна только при участии всей страны, при общем подъеме патриотизма, одушевления и самопожертвования. Все это было в начале войны... и во что бы то ни стало надо, Государь, это вернуть.

Вот почему созыв Думы возбуждает во всех радость и надежды на лучшее будущее. Но это только первый шаг к возрождению. Теперь же требуются и другие шаги, более решительные и ясные для всех.

1) Прежде всего надо установить более устойчивые и доверчивые отношения Правительства к Думе. Премьер и министры должны выработать для себя объединенную программу, которая удовлетворяла бы современным требованиям жизни и времени.

2) Признать, что для общего блага и успеха самой войны нельзя откладывать «до окончания войны» реформы многих жгучих вопросов внутренней жизни. Опять повторяю, успех войны при современных условиях прямо зависит от правильного течения нашей внутренней жизни, ибо, если под влиянием всеобщего недовольства, наступит во внутренней жизни катастрофа, как это было в 1905 г., тогда уже не спасет дела войны никакая армия.

3) Памятуя свои многие грехи, вольные и невольные, Правительство должно терпеливо выслушать в заседаниях Думы и ее комиссиях все то, что там будет высказано в обличительном или порицательном смысле. Слишком много накопилось в стране недовольства, и оно должно быть высказано, а тогда уже пойдет спокойная совместная работа.

4) Твердо и неуклонно признать в принципе, что Дума и Правительство должны быть друзьями народа и преследовать одну и ту же цель — дать благо

стране, а в данный момент изыскать все средства во что бы то ни стало одержать победу над врагом. Только при этом принципе может явиться всеобщее доверие и правильная совместная и, повторяю, дружная работа.

Но самое важное, что надо сделать для общего подъема, для умиротворения всех страстей, для примирения Правительства с Думою и для дальнейшей их совместной плодотворной работы, — это зависит уже лично от Вас, Ваше Величество, но тут у меня дух захватывает продолжать мою речь, ибо я хочу прямо дать Вам совет:

Государь, приезжайте в Думу, хотя бы на молебствие до открытия заседания, и скажите слово привета народным представителям. (В зале, где совершается молебствие, публики не бывает, а присутствуют одни депутаты.) Послушайте своего сердца и больше никого, оно наверное подскажет вам сделать этот шаг и этим окончательно сблизиться со своим народом.

Господи, если бы Вы приехали, каким могучим подъемом патриотизма ответила бы Вам вся страна! Этот величественный и простой акт единения Царя со своим народом как поднял бы престиж России в глазах союзников и какое уныние вызвал бы среди наших врагов!

Дорогой и глубокоуважаемый Государь, умоляю Вас, приезжайте. Послушайте меня, старика, так любящего Вас и Россию.

Беру на себя смелость приложить к этому схему краткой речи.

Для проверки правильности моего взгляда и чтобы осведомиться о действительном настроении депутатов, мне кажется, хорошо бы Вам предварительно вызвать Родзянку. Я не знаю личных Ваших отношений к нему, я сам мало с ним знаком, но, судя по его поступкам, речам и настроению и тем наблюдениям, которые мне случалось иметь, я вывел бы о нем заключение как о человеке искреннем, правдивом, глубоко патриотически настроенном и беспредельно любящем Вас и родину.

Скажу еще, Государь, и то, что Ваш приезд в Думу есть не только моя личная мечта, нет, желательность этого шага чувствуется всеми, висит в воздухе. Скажу прямо, я слышал это от многих лучших представителей самой Государственной Думы и от опытных государственных людей.

1 II 1916 г.

Петроград.

Ставропольская, 1.

* Конечно, и здесь надо выделить некоторых, как, например, гр. Игнатьев и вновь назначенный Покровский. Оба они пользуются всеобщими симпатиями, доверием и уважением. Назначение Покровского искренно всех порадовало [*Примеч. автора*].

** Вспомните хотя бы стачки и брожения среди рабочих накануне войны и какой резкий поворот в их настроении произошел после ее объявления. Вспомните подъем всей учащейся молодежи и горячее стремление идти в ряды армии [*Примеч. автора*]» (РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 14. Л. 1—3 об.).

[22] В бумагах Клопова сохранилась машинописная копия этого варианта:

«Господа.

Сердечно рад быть среди вас и тем самым среди моего народа, представителями которого вы являетесь. Призываю Божье благословение на ваши ответственные передо мною и родиною труды, в особенности в такую тяжелую годину. Твердо верую, что вами будет руководить исключительно горячая любовь к отечеству, что в основу вашей работы вы положите весь ваш опыт и знание местных условий, я желаю Государственной Думе полного успеха в предстоящих занятиях» (РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 14. Л. 56).

Этот проект был положен в основу речи, произнесенной Николаем II в Екатерининском зале Таврического дворца 9 февраля 1916 г., что очевидно при его сравнении с официально опубликованным ее текстом:

«Мне отрадно было вместе с Вами вознести Господу Богу благодарственные молитвы за дарованную Им нашей дорогой России и нашей доблестной армии на Кавказе славную победу.

Счастлив также находиться посреди вас и посреди верного Моего народа, представителями которого вы здесь являетесь. Призывая благословение Божие на предстоящие вам труды, в особенности в такую тяжкую годину, твердо верую, что все вы и каждый из вас внесете в основу ответственной перед родиной и Мною Вашей работы весь свой опыт, все свое знание местных условий и всю свою горячую любовь к Нашему отечеству, руководствуясь исключительно ею в трудах своих.

Любовь эта всегда будет помогать вам и служить путеводною звездою в исполнении вами долга перед родиной и Мною.

От всей души желаю Государственной Думе плодотворных трудов и всякого успеха».

[23] Имеется в виду проживавшая в это время в России королева эллинов Ольга Константиновна (1851—1926), дочь вел. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Александры Иосифовны, вдова греческого короля Георга I (1845—1913).

[24] В.Н. Садыков, чиновник Государственной думы, в феврале 1916 г. исполнявший обязанности секретаря при Родзянко, в своих написанных в 1924 г. воспоминаниях рисует совсем иную картину взаимоотношений председателя Думы и императора в ходе этого визита, нежели Глинка (см.: *Садыков В.* Последний председатель Государственной Думы // Архив русской революции. М., 1993. Т. 17. С. 13—14).

[25] Речь идет о волнениях на столичном Путиловском заводе в феврале 1916 г. В ответ на начавшуюся 3 февраля в одном из цехов забастовку, быстро превратившуюся в почти общезаводскую, Путиловский завод был закрыт. После того как все принимавшиеся администрацией и военным командованием меры, вплоть до закрытия завода и начала призыва военнообязанных рабочих на во-

енную службу, не принесли результата, военный министр А.А. Поливанов с 28 февраля наложил секвестр на предприятия общества Путиловских заводов (см.: *Паялин Н.П.* Путиловский завод в годы империалистической войны // Красная летопись. Л., 1932. № 1/2 (46/47). С. 164—170; История рабочих Ленинграда. Л., 1972. Т. 1. С. 493—495). 7 марта Государственная дума рассмотрела на закрытом заседании запрос, поданный 30 депутатами об обращении к министру торговли и промышленности «за разъяснениями по поводу приостановления работ на Путиловском заводе». В итоге обсуждения депутаты единогласно приняли формулу перехода, предложенную С.И. Шидловским и гласившую, что в сложившихся условиях Дума считает необходимым «1) планомерное использование <...> права регулирования размера заработной платы в целях приведения ее к соответствию с современными общими условиями экономической жизни страны; 2) устранение препятствий для легальной деятельности профессиональных рабочих организаций, преследующих чисто экономические цели, и проведение в жизнь института старост на фабриках и заводах; 3) учреждение законодательным порядком примирительных камер для регулирования столкновений рабочих и капитала» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стб. 2886—2888).

[26] Имеются в виду так называемые примирительные камеры, в состав которых должны были войти избранные промышленниками и рабочими представители. Намерения создать такие учреждения для рассмотрения конфликтных ситуаций между трудом и капиталом неоднократно провозглашались, начиная с 1905—1906 гг., в правительственных инстанциях, однако дальнейшего хода не получали. Вопрос о создании примирительных камер вновь стал для властей и либеральной общественности актуальным в начале 1916 г. в связи с волнениями на Путиловском заводе (см.: Кризис самодержавия. 1895—1917. Л., 1984. С. 306—313, 413—416; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 154—164).

[27] Эти слова Глинки свидетельствуют о том, что записи о событиях весны 1916 г. делались им значительно позже описываемых событий.

[28] Имеется в виду Особое совещание по обороне, возглавлявшееся А.А. Поливановым как военным министром.

[29] В июне 1916 г. после поездки российской парламентской делегации по странам—союзницам России ее глава А.Д. Протопопов, возвращавшийся в Петроград через Стокгольм, встретился там (вместе с членом Государственного совета гр. Д.А. Олсуфьевым) с представителем германских финансовых кругов Ф. Варбургом, действовавшим в Скандинавии по конфиденциальным поручениям германских официальных кругов. Встреча происходила в номере стокгольмской гостиницы, снятом московским предпринимателем Л.С. Поляком. В ходе беседы с русскими парламентариями Варбург завел речь и о возможных условиях сепаратного мира. По возвращении 18 и 19 июля Олсуфьев и

Протопопов доложили об этой встрече Николаю II. Впоследствии, когда Протопопов возглавил Министерство внутренних дел, стокгольмская встреча послужила поводом для обвинений его в причастности к подготовке сепаратного мира, прозвучавших в том числе и в знаменитой речи П.Н. Милюкова в Думе 1 ноября 1916 г. (см.: Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 183—184). О том, имелись ли для подобных обвинений в адрес Протопопова реальные основания, мнения историков расходятся (см.: *Ганелин Р.Ш.* Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 143—155; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 187—192).

[30] Далее в оригинале следует незаконченная фраза: «В течение указанного периода с 16 мая до роспуска Государственная Дума провела: ». После двоеточия Глинка оставил место (примерно 2/3 страницы), очевидно, для того, чтобы затем вставить перечень принятых Думой в этот период законопроектов, но это намерение не было впоследствии выполнено автором. Последующие записи, вплоть до недатированной записи, начинающейся фразой «Трепов усиленно поддерживает сношения с Родзянко» (между записями 6 и 16 декабря), фактически являются воспоминаниями Я.В. Глинки, написанными, скорее всего, в начале декабря 1916 г. Характер почерка и цвет чернил этих записей почти идентичны. Возможно, при этом автор пользовался какими-то заметками, сделанными непосредственно в дни описываемых событий.

[31] Встреча членов Прогрессивного блока с управляющим Министерством внутренних дел А.Д. Протопоповым состоялась на квартире у М.В. Родзянко 19 октября 1916 г. Сделанная П.Н. Милюковым запись этого совещания, о которой упоминает Глинка, разошедшаяся затем в многочисленных копиях, опубликована А.А. Блоком: *Блок А.* Последние дни императорской власти. Р., 1978. Приложение V. С. 144—157. Отметим, что разговор представителей блока с Протопоповым действительно заканчивался — как и пересказывает, а может быть, и цитирует по собственной копии этот его финал Глинка — пожеланиями министру: «*Голоса:* "Ал. Дм., идите спать". *Шингарев:* "Я могу вам на прощанье дать медицинский совет: ложитесь спать и отдохните"» (Там же. С. 157).

[32] Подробнее см.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 135—138.

[33] Подразумевается всеподданнейший доклад Родзянко императору.

[34] Имеется в виду фракция прогрессистов в Думе.

[35] Об этой истории с фактическим ограничением императором права всеподданнейшего доклада председателя Думы см.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 143—145. 28 октября 1916 г. председатель Думы на заседании бюро Прогрессивного блока сообщил присутствующим об этой резолюции Николая II и своем последующем объяснении по этому поводу с премьер-министром; при этом Родзянко попросил П.Н. Милюкова, который по ходу заседаний обычно вел их краткую протокольную запись, на сей раз таких записей не делать — такая

предосторожность была принята, по-видимому, из-за особой сложности внезапно возникшей новой политической ситуации (см.: Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 109—110).

[36] Проекты декларации Прогрессивного блока обсуждались на заседаниях бюро блока 22, 24, 27, 28, 30 и 31 октября (см.: Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 93—117. Декларацию блока см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Стб. 12—13). Глинка почти точно цитирует фразы из зачитанной С.И. Шидловским декларации блока. Последняя из них, как отмечает В.И. Старцев, была «формулой фактического недоверия правительству Штюрмера» (*Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. С. 211).

[37] В ноябре 1917 г. заканчивался установленный законом пятилетний срок деятельности Государственной думы 4-го созыва, и вопрос о возможном продлении ее полномочий активно обсуждался и в правительственных, и в парламентских кругах (см. об этом: *Ганелин Р.Ш.* Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России. С. 137—139).

[38] Открывая ноябрьскую сессию Думы, М.В. Родзянко, призвав депутатов приложить все силы к достижению победы, далее остановился и на требованиях, предъявляемых парламентом (а фактически Прогрессивным блоком) к власти. Обращаясь к депутатам, он сказал: «Правительство должно узнать от вас, что нужно для страны. (*Голос слева*: уйти ему). В часы борьбы и напряжения народных сил нельзя гасить народный дух ненужными стеснениями (*Рукоплескания в центре и справа*). Правительство не может идти путем, отдельным от народа (*голоса*: верно), но, сильное доверием страны, оно должно, возглавив общественные силы, идти не врозь, а вместе с ним, в согласии с народными стремлениями, стезею победы над врагом. Вне этого пути идти нельзя (*голоса слева*: правильно), и уклонение от него лишь может задержать успех и отдалить победу. (*Голоса слева*: долой их, пусть уйдет правительство). Внутри себя страна не будет смутой помогать врагу отказом от труда на пользу родине, не будет ослаблять и колебать всю силу народной воли. (*Голоса*: правильно)» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 3—4).

[39] О речи П.Н. Милюкова, произнесенной в Думе 1 ноября 1916 г., см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 237—238; *Резанов А.С.* Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова. Париж, 1924. Текст этой речи см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия V. Стб. 35—48 (с цензурными сокращениями); Российские либералы: кадеты и октябристы. С. 176—186; Хрестоматия по отечественной истории (1914—1945 гг.). М., 1996. С. 17—25.

[40] Глинка довольно точно пересказывает содержание двух писем, направленных председателем Совета министров Б.В. Штюрмером М.В. Родзянко 1 ноя-

бря 1916 г. по поводу прозвучавшей в этот день в Думе речи Милюкова и полученных председателем Думы, как он сообщает в мемуарах, уже поздно ночью (см.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 147). Одно из них касалось выдвинутых Милюковым лично против премьера обвинений:

«Милостивый Государь, Михаил Владимирович.

До сведения моего дошло, что 1-го сего ноября в заседании Государственной Думы в речи члена Думы Милюкова содержались личные, заключающие в себе явные признаки клеветы, выпады против меня.

Встречая надобность иметь подлинную, без цензуры Вашей, стенограмму этой речи г. Милюкова, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство о доставлении мне копии этой стенограммы.

Вместе с тем, принимая во внимание, что указанная речь может быть предметом судебного разбирательства, считаю долгом просить Вас принять меры к сохранению подлинного экземпляра соответствующей стенограммы в полной ее неприкосновенности, так как стенограмма эта будет иметь значение доказательства на суде.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Борис Штюрмер» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 7 б. Л. 25; машинописная копия).

2 ноября Родзянко в ответ на это письмо препроводил Штюрмеру расшифрованную стенографическую запись заседаний Думы 1 ноября (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1151. Л. 23).

Другое письмо Штюрмера относилось к приведенной Милюковым в ходе речи по-немецки цитате из газеты «Neue Freie Presse». В расшифровке полной стенографической записи этой речи ее фрагмент, заинтересовавший премьер-министра, выглядит так: «<...> Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер. Это та “придворная партия”, победой которой, по словам “Нейе Фрейе Прессе”, было назначение Штюрмера: “Дер зиг дер хофпартай, ди зих ум ди юнге Царин группирт”» (эта немецкая фраза в расшифровке записана русскими буквами; в переводе: «Победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой царицы». – *Б.В.*) (РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 7 б. Л. 13; Российские либералы: кадеты и октябристы. С. 184).

Текст второго полученного от премьера письма М.В. Родзянко приводит в своих мемуарах (см.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 147), но он содержит некоторые разночтения с сохранившимися в архиве копиями этого письма, поэтому приводим текст этого письма по одной из архивных копий:

«Милостивый Государь, Михаил Владимирович.

До сведения моего дошло, что в сегодняшнем заседании Государственной Думы член Думы Милюков в своей речи дозволил себе прочитать выдержку из газеты, издающейся в одной из воюющих с нами стран, в которой упоминалось Августейшее Имя Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны в недопустимом сопоставлении с именами некоторых

других лиц, причем со стороны Председательствовавшего не было принято никаких мер воздействия.

Придавая совершенно выдающееся значение этому обстоятельству, небывалому в летописях Государственной Думы, и не сомневаясь в том, что Вами будут приняты решительные по сему поводу меры, я был бы весьма признателен Вашему Превосходительству, если бы Вы сочли возможным уведомить меня о постановленном Вами решении.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Борис Штюрмер» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1151. Л. 26; идентичную копию см.: Там же. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 40).

Любопытно, что в этой возникшей в связи с речью Милюкова чрезвычайно опасной для Думы ситуации Глинка занялся сбором информации для своего шефа о происходящем в Совете министров. «Начальник думской Канцелярии Глинка, — пишет в мемуарах Родзянко (как это не раз бывало, констатируя реальное положение, которое его ближайший сотрудник занимал в аппарате Таврического дворца. — *Б.В.*), — рассказывал мне, что в этот вечер на квартире Штюрмера происходило совещание министров. Штюрмер настаивал на роспуске Думы, но в результате ограничились полученными мною письмами, а министр юстиции Макаров не нашел в словах Милюкова состава преступления и отказался привлечь его к суду» (*Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 147).

[41] Неточность автора: в 1913 г. барон В.Б. Фредерикс был возведен в графское достоинство.

[42] Речь идет о письме, направленном 2 ноября 1916 г. в связи с речью Милюкова министром двора гр. В.Б. Фредериксом председателю Думы. Приводим текст этого письма, снабженного грифом «секретно», по машинописному отпуску с чернильной правкой, сохранившемуся в делах Канцелярии Министерства двора:

«Милостивый Государь, Михаил Владимирович.

До сведения моего дошло, что во вчерашнем заседании Государственной Думы член Думы Милюков огласил в общем собрании выдержку из статьи «Neue Freie Presse» пасквильного характера, в которой упоминалось и имя Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Не сомневаясь, что, если это сведение верно, Ваше превосходительство, как лицо, неоднократно пользовавшееся доверием Государя Императора и обласканное милостью Его Величества, носящее придворное звание, примете надлежащие репрессивные меры по отношению к виновному в нарушении порядка прений, затронувшему в своей речи Августейшую Особу Государыни Императрицы, но считаю, однако, нужным, в качестве министра Императорского двора, просить Вас уведомить меня о последовавшем, дабы я мог своевременно о сем доложить Его Императорскому Величеству.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Граф Фредерикс» (РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 41).

[43] 3 ноября 1916 г. товарищ председателя Думы С.Т. Варун-Секрет дал с трибуны Таврического дворца разъяснения происшедшему 1 ноября в духе достигнутой накануне на совещании руководства палаты договоренности, о которой рассказывает Глинка: «В заседании Государственной Думы 1 ноября член Государственной Думы Милюков допустил цитату из немецких газет, касающуюся лиц, упоминание которых здесь не принято, а суждение о них недопустимо. Ввиду того, что эта цитата была произнесена на немецком языке, которым я не владею, а также ввиду того, что расшифрованная стенограмма доставлена была мне лишь по окончании заседания, я был лишен возможности как выяснить содержание цитаты, так равно и применить соответствующую цензуру председателя, которая предусмотрена Наказом. Вместе с тем я упустил из вида заявить члену Государственной Думы Милюкову о недопустимости употребления иностранного языка и, хотя эта часть стенограммы и устранена по моему распоряжению, тем не менее, я не могу не признать себя виновным в сделанном упущении и приношу Государственной Думе свои извинения». В заключение Варун-Секрет объявил о том, что слагает свои полномочия товарища председателя Думы (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия V. Стб. 67).

[44] 4 ноября М.В. Родзянко направил министру двора В.Б. Фредериксу официальный ответ на его письмо от 2 ноября следующего содержания:

«Милостивый Государь, Граф Владимир Борисович.

Не усматривая в законе указаний на право Министра Императорского двора требовать отчета о действиях председателя Государственной Думы, независимо от того, носит ли он придворное звание или нет, считаю своим долгом поставить в известность Ваше Сиятельство, что я, на основании ст. 10 Учр[еждения] Гос[ударственной] Думы, буду иметь счастье о происшедшем в заседании Общего собрания Государственной Думы 1-го ноября доложить лично Его Императорскому Величеству во всех подробностях.

Прошу, Ваше Сиятельство, принять уверение в глубоком уважении и преданности.

М. Родзянко» (РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 42; подлинник, машинопись, на бланке председателя Государственной думы с подписью Родзянко).

В посланном, очевидно одновременно с официальным ответом, и упомянутом Глинкой «частном письме» М.В. Родзянко дал министру двора необходимые пояснения:

«Глубокоуважаемый Граф Владимир Борисович.

Вынужденный, по занимаемой мною должности председателя Государственной Думы, ответить, к моему прискорбию, формальным отказом на поставленные вами в письме от 2-го ноября вопросы, но глубоко уважая Вас как человека и вспоминая наши давнишние добрые отношения, я, как Михаил Владимирович Родзянко, считаю своим долгом сообщить Вам нижеследующее.

В заседании Государственной Думы 1-го ноября имени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны произнесено не было. Этого и не могло быть допущено председательствующим. Что же касается факта прочтения оратором цитаты из немецкой газеты, послужившей основанием для Вашего письма, я должен сообщить Вам, что, по закону и по Наказу Государственной Думы, меры по отношению к оратору, нарушившему порядок, принимаются только тем лицом из состава президиума, которое председательствует в данный момент, и наложение мер взыскания возможно по Наказу только (подчеркнуто в тексте. — *Б.В.*) в том же заседании. Во время речи члена Государственной Думы П.Н. Милюкова я, по болезненному состоянию, не председательствовал, ввиду чего, конечно, не мог принять никаких мер в том же заседании и не имел права по закону принимать таковые в последующих заседаниях.

По поводу допущенных П.Н. Милюковым в его речи выражений председательствовавший товарищ председателя Государственной Думы С.Т. Варун-Секрет в заседании Общего собрания Государственной Думы 3-го ноября дал соответствующие объяснения.

Стенографические записи обоих заседаний я при сем препровождаю Вам частным образом.

Пользуясь настоящим случаем, прошу Вас, граф Владимир Борисович, принять уверение в моем глубоком к вам уважении и совершенной преданности.

М. Родзянко» (РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 44—44 об.; подлинник, машинопись на листе бумаги без бланка председателя Государственной думы, с подписью Родзянко чернилами, без даты).

По поводу произошедшего в Думе 1 ноября инцидента министр двора В.Б. Фредерикс представил находившемуся в Ставке императору датированный 6 ноября всеподданнейший доклад, составленный на основании разъяснений председателя Думы. В докладе министр сообщил императору о том, что получил «два письма от камергера Родзянко, первое официальное в весьма резкой форме, очевидно, составленное в таких выражениях, чтобы быть показанным в кулуарах Думы, и другое в форме частного письма, присланное мне (т.е. Фредериксу. — *Б.В.*), вероятно, для смягчения впечатления первого». К докладу министр приложил свою переписку с Родзянко и ряд других связанных с инцидентом материалов. Николай II наложил на доклад резолюцию: «Я поговорю с Родзянко, когда его увижу» (см.: Всеподданнейший доклад В.Б. Фредерикса от 6 ноября 1916 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 43—43 об.). Датированный 3 ноября текст официального ответа Родзянко Б.В. Штюрмеру, как и отмечает Глинка, почти полностью совпадал с его официальным ответом, отосланным министру двора, — см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1151. Л. 25 (машинописная копия). В итоге история с затрагивавшей имя императрицы злополучной цитатой из «Neue Freie Presse», зачитанной Милю-

ковым 1 ноября 1916 г. в стенах Таврического дворца, была оставлена Николаем II без юридических последствий. В то же время вопрос о возбуждении уголовного преследования против лидера кадетов по обвинению в клевете в адрес Штюрмера по ходатайству последнего был 3 ноября поднят Советом министров. 9 ноября император утвердил Особый журнал Совета министров по этому поводу. В соответствии с этим решением дело было внесено министром юстиции А.А. Макаровым в Первый департамент Государственного совета, но его рассмотрение там так и не было закончено до Февральской революции (см.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 7 б. Л. 28—30).

[45] Автор напоминает, что гр. Э.П. Беннигсен, член фракции земцев-октябристов, ставший в 1915—1916 гг. одним из активных деятелей оппозиционного Прогрессивного блока, в III Думе отличился в проведении палатой законов, направленных на устранение особого статуса Великого Княжества Финляндского в рамках Российской империи. В частности, Беннигсен был докладчиком думской комиссии, готовившей внесенный императорским манифестом в Думу законопроект о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. При этом он заявлял в Думе о том, что гордится своей службой в прошлом в администрации генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова, снискавшего печальную известность своей политикой русификации Финляндии (см.: *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 65, 84—85).

[46] Имеется в виду отсутствие представителей правительства, таким образом прореагировавшего на беспрецедентную критику его деятельности в думском заседании 1 ноября, на следующих заседаниях Думы вплоть до 4 ноября.

[47] Автор приводит заключительные слова речи одного из кадетских лидеров В.А. Маклакова в заседании 3 ноября 1916 г. Заканчивая свою речь, Маклаков, в частности, сказал: «...мы, гг., либо должны быть распущены и уступить место этой власти, или мы должны нашим поведением показать, что мы ее не покрываем и что мы этой власти не терпим; и потому-то мы должны сказать всю правду, чего бы она нам ни стоила, как бы на нее ни посмотрели. Но если наш голос не будет услышан, если подобно тому, как часто бывает в истории, обреченный режим будет бояться тех, кто его может спасти, и верить тем, кто его погубит вместе с собой, если будет распущена Дума, — как будто можно распустить всю страну, — если на наших глазах будет зажжен тот пожар, на котором спалят доброе имя и национальную будущность родины, то, гг., тем больше мы должны все говорить, говорить затем, чтобы там, в стране, знали, что по крайней мере мы не изменники, чтобы сбитая с толку страна не сказала Государственной Думе: в этот момент вы промолчали, вы тоже нас предали. И если власть пойдет на эту авантюру, если она нас поведет к катастрофе, то Дума еще может понадобиться, Дума еще может стать в будущем единственной опорой власти, единственным оплотом порядка. И чтобы Дума смогла это сделать, нужно, чтобы она имела право, не краснея, взглянуть в

лицо нашей родине. И потому-то мы заявляем этой власти: либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна (*Продолжительные и бурные рукоплескания центра, левой и справа; голоса*: браво)» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия V. Стб. 135).

[48] На уже упоминавшемся Глинкой выше совещании с членами Прогрессивного блока на квартире у М.В. Родзянко 19 октября 1916 г. А.Д. Протопопов действительно заявил обрушившимся на него с обвинениями в пособничестве реакции своим недавним соратникам по Прогрессивному блоку: «Это недолго — уйти. Но кому передать власть. Я вижу только одного твердого человека — это Трепов» (*Блок А.* Последние дни императорской власти. Приложение V. С. 148).

[49] Речь идет о заседании думской Комиссии по военным и морским делам, состоявшемся 8 ноября 1916 г. Журнал этого заседания комиссии см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 403—409 об.

[50] В своем всеподданнейшем докладе от 3 ноября 1916 г., направленном в Ставку находившемуся там императору, премьер-министр Б.В. Штюрмер сообщал, что «Совет министров возложил на министров военного и морского поручение выступить в Думе с напоминанием о том, что чрезвычайные обстоятельства военного времени настоятельно требуют принятия неотложных мер к содействию армии и флоту в его борьбе с внешним врагом, и что к разрешению этой первостепенной важности задачи долг патриотизма повелевает немедля обратить все силы законодательных учреждений» (Монархия перед крушением: 1914—1917: Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семенникова. М.; Л., 1927. С. 133). Об обстоятельствах своего, совместно с военным министром Д.С. Шуваевым, появления в думском заседании 4 ноября рассказал впоследствии в своих мемуарах занимавший тогда пост морского министра И.К. Григорович: «...Совет министров принял предложение министра путей сообщения просить военного министра и меня выступить в Государственной думе и просить ее приступить к работе». Сам Григорович полагал, что «эта просьба Штюрмера и министров была провокационной. Не желая распускать Государственную думу только из-за нападок на себя и Протопопова, он решил попробовать выпустить нас, рассчитывая на то, что меня и военного министра примут как их, но он глубоко ошибся. Мы были приняты отменно хорошо, в особенности это выразилось по отношению к моему выступлению» (*Григорович И.К.* Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 190).

[51] Имеется в виду появившаяся 5 ноября в кадетской газете «Речь», редактировавшейся лидером партии П.Н. Милюковым, заметка Я.Л. (Я.Б. Лившица) в разделе «Парламентский дневник», в которой упоминаемый Глинкой эпизод описывается следующим образом: «Объявляется перерыв, но депутаты не расходятся. Оба министра спускаются в зал заседаний и присоединяются к группам депутатов, окружающих их тесным кольцом. Появление министров среди

депутатов вызывает новый взрыв аплодисментов. Военный министр при общем внимании направляется к П.Н. Милюкову и обращается к нему со словами:

— Благодарю Вас.

В парламентских кругах эта сцена вызвала очень много толков и всячески комментировалась».

[52] В круглых скобках заключено пояснение Глинки к этой фразе проекта всеподданнейшего доклада.

[53] Употребление этого слова в служебных документах характерно для Глинки — см. Приложение 2.

[54] Всеподданнейший доклад Родзянко, представленный им императору в Ставке 16 ноября, не опубликован. Его оригинал нами не обнаружен. Приведенный Глинкой в дневнике текст составленного им проекта этого доклада, по всей видимости, идентичен представленному императору тексту: процитированные Родзянко на заседании бюро Прогрессивного блока 18 ноября 1916 г. первые фразы этого доклада почти полностью совпадали с текстом в дневнике Глинки (см.: Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 127).

[55] Речь идет, по всей видимости, о гоф-фурьере Высочайшего двора Викторе Глазунове, фигурирующем в списках служащих придворного ведомства, состоявших при императоре в его поездке в Киев в конце октября 1916 г. и в ходе его пребывания затем в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 439. Л. 183).

[56] Речь идет о Канцелярии по гражданскому управлению, образованной 3 октября 1914 г. приказом Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича при Штабе Верховного главнокомандующего (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 628. Л. 50—53 об.). А.А. Лодыженский исполнял обязанности начальника этой Канцелярии с ноября 1915 г. (Там же. Л. 75). О Канцелярии по гражданскому управлению и А.А. Лодыженском см.: *Лемке М.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пб., 1920. С. 273, 469—470, 478, 682, 767.

[57] В круглых скобках пояснение Глинки к словам Родзянко.

[58] На заседании бюро Прогрессивного блока 18 ноября 1916 г. Родзянко подробнейшим образом рассказывал об обстоятельствах этого своего приема у императора в Ставке: «В 1 час 3/4 был принят, задушевный разговор, несмотря на мои резкости. Доклад о происшедшем прочел <...>. Государь выслушал с большим волнением: курил и бросал курить... "Ваше величество, позвольте вручить как доказательство, что здесь выражено общее настроение, хотя многое смягчено. Каждый должен положить жизнь. Я должен доложить правду..." (Помолчал). "Ну хорошо, говорите правду". Я прочел ему в подлиннике обращение общественных организаций, 28 председателей. "Когда *земля* начинает шевелиться — положение критическое. — Заявление рабочих, воззвание по

поводу забастовок — сразу остановились забастовки: сейчас все одушевлены победой". — "Да, это меня радует, делает вам честь"».

Далее Родзянко обратил внимание императора на всеобщую ненависть к Протопопову, на что император, по словам председателя Думы, отвечал, что тот «болен, даже больше сказал, не хочется повторять». Затронув затем «распутинскую тему», вызвавшую резкий отпор императора — «*"Что же, я первый изменник?"* (рассердился)», Родзянко обратился к перспективам сотрудничества правительства и Думы: «"...со всех сторон мы слышим, что правительство убеждает ваше величество в необходимости роспуска". — "Я в первый раз слышу от вас". — "Тогда ваши министры — предатели, потому что они нас пугают, что ваше величество хотите распустить, а роспуск — угроза вам и династии". — "Я это отлично понимаю и намерения распустить не имею. Я преподал указания Трепову (имелся в виду только что назначенный премьер-министр А.Ф. Трепов. — *Б.В.*), он — мне читал, и я одобрил". — "Ваше величество, я не вправе просить ваше величество разрешить мне сказать с кафедры, но можно ли передать друзьям?" — "Можете передать, что я очень желаю, чтобы Дума работала вместе с правительством"» (Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 127—128).

[59] Имеется в виду Трудовая группа в Государственной думе. Возникшая еще в Думе 1-го созыва, группа претендовала на представительство интересов самых широких слоев «трудящихся классов народа» и выступала за осуществление далеко идущих демократических реформ, в т.ч. введение всеобщего избирательного права, отмену национальных и религиозных ограничений, аграрную реформу и т.д. После третьеиюньского государственного переворота 1907 г. утратила большинство депутатских мандатов: в III Думе группа насчитывала 14 депутатов, в IV—10. В годы мировой войны признавала необходимость обороны страны. С 1915 г. председатель фракции А.Ф. Керенский.

[60] В круглых скобках заключен иронический комментарий Глинки к тираде Маркова. Смысл всей этой фразы Маркова при прочтении остается не вполне ясным. Очевидно лишь, что слова оратора «оскорбить вас» относятся к депутатам Думы и автор должен был взять их в кавычки. Но не очень понятно, к чему, собственно, относится комментарий Глинки. Может показаться, что здесь автор, как и в других местах дневника, иронизирует над симпатиями Родзянко к подвергшимся оскорблениям «высоким особам». Но подобные симпатии Родзянко относились лично к императору, и приписать ему подобное отношение к ненавидевшей председателя Думы императрице (а именно она была намеренно оскорблена Милюковым в своей речи 1 ноября) Глинка, отлично знавший характер их отношений, не мог. С другой стороны, вряд ли можно было упрекнуть Родзянко в этот момент и в пристрастии к самим крайним правым — ни в прямом, ни в переносном смысле. На наш взгляд, здесь типичный для Глинки случай перестановки выражений в сочетании со столь же обыч-

ным для него пропуском слов, и это место должно было выглядеть так: «...ввиду того, что здесь позволяли безнаказанно оскорблять высоких особ, ([пристрастных] я бы сказал, к ним [крайним правым]), он в лице пристрастного и непорядочного председателя хотел оскорбить вас». В таком случае это замечание Глинки оказывается сделанным по поводу широко известных симпатий верховной власти к крайне-правым, постоянно получавшим правительственные субсидии «на поддержание правых организаций и правой печати» (см.: Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 180—188; *Блок А.А.* Записные книжки. М., 1965. С. 378—381).

[61] *«"Мы и они" вместе»* — Глинка вновь обращается к выражению В.А. Маклакова, констатируя, что, вопреки брошенному власти вызову, Дума продолжила поиск сосуществования с правительством.

[62] С этой фразы начинается запись, охватывающая события с 6 по 18 декабря 1916 г., сделанная, по-видимому, задним числом.

[63] *Земский союз* — созданный 30 июля 1914 г. Всероссийский земский союз помощи раненым. Главноуполномоченным (председателем Главного комитета) союза при его создании был избран кн. Г.Е. Львов. *Союз городов* — Всероссийский союз городов, созданный с той же целью помощи раненым в августе 1914 г.; главой этого союза стал М.В. Челноков. В июле 1915 г. был создан координирующий их деятельность орган — Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (т.н. Земгор). *Военно-промышленные комитеты* — сеть комитетов, возникших на местах по инициативе IX съезда представителей промышленности и торговли (май 1915 г.). На комитеты возлагалась организация промышленности в интересах обороны страны. В июле 1915 г. объединявший деятельность местных комитетов Центральный военно-промышленный комитет возглавили А.И. Гучков (председатель) и А.И. Коновалов (товарищ председателя). Созданные формально для решения задач, не носивших политического характера, союзы и военно-промышленные комитеты развернули активную политическую деятельность, не только поддерживая основные требования парламентского блока, но зачастую и добиваясь их радикализации. См.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. Гл. 2—7; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 191—212.

[64] Речь идет об одном из самых громких политических скандалов конца 1916 г. Входивший в ближайшее распутинское окружение И.Ф. Манасевич-Мануйлов, один из наиболее влиятельных сотрудников премьер-министра Б.В. Штюрмера (см. о нем: *Щеголев П.Е.* Охранники. Агенты. Палачи. М., 1992; Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 504—505, статья А.И. Рейтблата), в августе 1916 г. был арестован по обвинению в попытке шантажа директора Московского соединенного банка. Руководству последнего Манасевич обещал за взятку в 20 тыс. руб. предотвратить проверку

со стороны возглавлявшейся генералом Н.С. Батюшиным комиссии по расследованию злоупотреблений тыла. Отказавшийся прекратить расследование этого дела министр внутренних дел А.А. Хвостов был уволен. Назначенное к слушанию на 15 декабря 1916 г. в первом отделении столичного окружного суда дело было отложено под формальным предлогом неявки свидетелей (Дело И.Ф. Манасевича-Мануйлова // Новое время. 1916. 16 декабря), а на самом деле ввиду полученного накануне министром юстиции А.А. Макаровым повеления Николая II. Затем Макарову, добивавшемуся приема у императора, чтобы объяснить ему незаконность закрытия этого дела, было отказано в аудиенции, а 20 декабря министр юстиции был уволен от должности. Однако императорское повеление о прекращении дела все же не было исполнено, и оно было рассмотрено в суде накануне Февральской революции (см.: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 125—126, 131—132; «Позорное время переживаем»: Из дневника великого князя Андрея Владимировича // Источник. 1998. № 3 (34). С. 45—46).

[65] Любопытно сравнить запись Глинки об этом инциденте с тем, как он подается в воспоминаниях Родзянко: «...1 января, как всегда, во дворце был прием. Я знал, что увижу там Протопопова, и решил не подавать ему руки. Войдя, я просил церемониймейстеров барона Корфа и Толстого предупредить Протопопова, чтобы он ко мне не подходил. Не передали ли они ему или Протопопов не обратил на это внимания, но я заметил, что он следит за мною глазами и, по-видимому, хочет подойти. Чтобы избежать инцидента, я перешел на другое место и стал спиной к той группе, в которой был Протопопов. Тем не менее Протопопов пошел напролом, приблизился вплотную и с радостным приветствием протянул руку. Я ему ответил:

— Нигде и никогда.

Смущенный Протопопов, не зная, как выйти из положения, дружески взял меня под локоть и сказал:

— Родной мой, ведь мы можем столковаться.

Он был мне противен.

— Оставьте меня, вы мне гадки, — сказал я.

Это происшествие, хотя и не во всех подробностях, появилось в газетах: писали также, что Протопопов намерен вызвать меня на дуэль, но никакого вызова не последовало» (*Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 161—162).

Говоря о сообщениях прессы о своем столкновении с Протопоповым, Родзянко имеет в виду, скорее всего, заметку «Инцидент М.В. Родзянко — А.Д. Протопопов», опубликованную в «Новом времени» 3 января 1917 г., в которой сообщалось: «В городе сегодня много говорят по поводу следующего случая, имевшего место в первый день Нового года. К председателю Г. Думы М.В. Родзянко из группы министров подошел А.Д. Протопопов и протянул руку.

М.В. Родзянко был чрезвычайно изумлен и резко заметил:

— Никогда и нигде.

А.Д. Протопопов все-таки продолжал идти рядом с Родзянко, заявляя что-то о возможности сговориться.

М.В. Родзянко еще резче заметил:

— Покорнейше прошу ко мне не прикасаться.

— В таком случае я вам пришлю вызов, — заявил А.Д. Протопопов.

— Слушаю, — ответил М.В. Родзянко.

На том окончился "разговор"» (Новое время. 1917. 3 января.).

Надо заметить, что Глинка, судя по совпадению некоторых приводимых им подробностей этой истории с рассказом его патрона в мемуарах, записал ее явно со слов самого Родзянко. Журналисты также основывались на информации либо самого председателя Думы, либо кого-то из его окружения.

Остается неясным, действительно ли имел место заключительный, связанный с возможным вызовом на дуэль «обмен любезностями» между Родзянко и Протопоповым. Сам Родзянко в «Крушении империи», как видим, такого поворота в его столкновении с министром не подтверждает, а слухи о нем приписывает газетчикам. Не исключено поэтому, что последние две реплики их диалога, приводимые (в различных, правда, версиях) и Глинкой, и «Новым временем», обязаны своим происхождением вольной импровизации Родзянко, характерной для многих его устных рассказов о только что произошедших с его участием событиях политической или придворной жизни.

[66] Имеется в виду Императорский Санкт-Петербургский яхт-клуб, открытый в 1846 г. Яхт-клуб объединял принадлежавших почти исключительно к высшей аристократии владельцев весьма дорогих яхт и исполнял функции своеобразного светского салона.

[67] 31 декабря 1916 г. вел. кн. Николай Михайлович через министра двора В.Б. Фредерикса получил приказание Николая II выехать из Петрограда в свое имение Грушевку в Херсонской губ. В ответ на недоуменное письмо, тотчас же направленное великим князем по этому поводу царю («Ввиду преклонного возраста графа Фредерикса опасаюсь, чтобы в передачах твоих приказаний не вкралось недоразумение», — писал Николай Михайлович), тот немедленно подтвердил свое решение. «Очевидно, гр. Фредерикс перепутал, — он должен был передать тебе мое повеление об отъезде из столицы на два месяца в Грушевку, — сообщил император своему опальному ныне родственнику. — Прошу это исполнить и завтра не являться на прием» («Позорное время переживаем»: Из дневника великого князя Андрея Владимировича // Источник. 1998. № 3 (34). С. 39). 1 января 1917 г. великий князь покинул столицу.

[68] А.Д. Самарин, в сентябре 1915 г. оставивший пост обер-прокурора Синода, с декабря 1916 г. был председателем Постоянного совета объединенного дворянства.

[69] Имеется в виду — как представители дворянства, так и лидеры союзов и ЦВПК.

[70] Ср. с описанием этого визита в «Крушении империи» М.В. Родзянко, ошибочно, по-видимому, отнесенного автором к 8 января:

«8 января ко мне на квартиру неожиданно приехал великий князь Михаил Александрович.

— Мне хотелось с вами поговорить о том, что происходит, и посоветоваться, как поступить... Мы отлично понимаем положение, — сказал великий князь.

— Да, ваше высочество, положение настолько серьезное, что терять нельзя ни минуты и спасать Россию надо немедленно.

— Вы думаете, что будет революция?

— Пока война, народ сознает, что смута — это гибель армии, но опасность в другом. Правительство и Императрица Александра Феодоровна ведут Россию к сепаратному миру и к позору, отдают нас в руки Германии. Этого нация не снесет и, если бы это подтвердилось, а довольно того, что об этом ходят слухи — чтобы наступила самая ужасная революция, которая сметет престол, династию, всех вас и нас. Спасти положение и Россию еще есть время и даже теперь царствование вашего брата может достичь еще небывалой высоты и славы в истории, но для этого надо изменить все направление правительства. Надо назначить министров, которым верит страна, которые бы не оскорбляли народные чувства. К сожалению, я должен Вам сказать, что это достижимо только при условии удаления Царицы. <...>

— Вы считаете, что необходимо ответственное министерство?

— Все просят только твердой власти и ни в одной резолюции не упоминается об ответственном министерстве. Хотят иметь во главе министерства лицо, облеченное доверием страны. Такое лицо составит кабинет, который будет ответствен перед Царем.

— Таким лицом могли бы быть только вы, Михаил Владимирович, вам все доверяют.

— Если бы явилась необходимость во мне, — я готов отдать все свои силы родине, но опять-таки при одном условии: устранении Императрицы от всякого вмешательства в дела. Она должна удалиться, так как борьба с ней при несчастном безволии Царя совершенно бесплодна. Я еще 23 декабря послал рапорт о приеме и до сих пор не имею ответа. Благодаря влиянию Царицы и Протопопова, Царь не желает моего доклада, и есть основание предполагать, что Дума будет распущена и будут назначены новые выборы. У меня есть сведения, что под влиянием разрухи тыла начинаются волнения и в армии. Армия теряет спокойствие... Если вся пролитая кровь, все страдания и потери окажутся напрасными, — возмездие будет ужасным.

— Вы, Михаил Владимирович, непременно должны видеть Государя и еще раз сказать ему всю правду.

— Я очень прошу вас убедить вашего державного брата принять меня непременно до Думы. Ради Бога, ваше высочество, повлияйте, чтобы Дума была

созвана и чтобы Александра Феодоровна с присными была удалена» (*Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 160—161).

[71] 23 декабря 1916 г. М.В. Родзянко направил императору всеподданнейший доклад с просьбой о приеме, составленный по обычному в таких случаях трафарету (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1125. Л. 46). Не получив никакого ответа, председатель Думы 4 января 1917 г. послал повторный доклад с той же просьбой, которая на этот раз была сформулирована в нарушение всех традиций в самых энергичных выражениях, с беспрецедентной для подобных докладов настойчивостью:

«Приемлю смелость испросить разрешения явиться к Вашему Императорскому Величеству. В этот страшный час, который переживает родина, я считаю своим верноподданнейшим долгом, как председатель Думы, доложить Вам во всей полноте об угрожающей российскому государству опасности.

Усердно прошу, Вас, Государь, повелеть мне явиться и выслушать меня» (*Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 161. Датировка доклада, который Родзянко относит здесь к 5 января, уточнена по его сохранившейся в архиве копии: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1125. Л. 47).

Две последние фразы этого доклада привела супруга председателя Думы, А.Н. Родзянко, в письме, направленном 7 января 1917 г. своей ближайшей подруге кн. З.Н. Юсуповой, матери одного из участников недавнего убийства Г. Распутина кн. Ф.Ф. Юсупова; см.: К истории последних дней царского режима (1916—1917 гг.) // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 244.

[72] В оригинале инициалы не указаны. Поэтому остается не вполне ясным, кто именно из братьев Гучковых — Александр Иванович или Николай Иванович — имелся в этом списке в виду. Скорее всего это был Н.И. Гучков, видный московский предприниматель и общественный деятель, который в это время был членом Совета министра торговли и промышленности.

[73] В приведенном Глинкой в дневнике списке состава предполагаемого кабинета, записанном им, видимо, по памяти после этого разговора с Родзянко, против должности министра народного просвещения фамилия кандидата на эту должность отсутствует. Это противоречит его же собственному замечанию, сделанному чуть выше, — в списке, как Глинка отметил особо, «единственно не было заполнено» против названия должности премьера.

[74] Утверждение Глинки о том, что исполнявший в это время взамен заболевшего М.В. Алексеева обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего В.И. Гурко приехал в Петроград «инкогнито», ошибочно: 5 января его прибытие в столицу отметил в дневнике сам Верховный главнокомандующий — Николай II, находившийся в это время в Царском Селе: «Перед обедом принял Гурко, кот. приехал из Могилева на 3—4 дня» (Дневники императора Николая II. С. 618).

[75] По-видимому, речь идет о настоятеле находившейся в Таврическом дворце церкви Воздвиженья Креста Господня протоиерее Сергее Александровиче Вознесенском.

[76] Имеется в виду М.В. Родзянко.

[77] А.С. Ермолов скончался 4 января 1917 г.

[78] Надпись сделана, очевидно, спустя некоторое время после окончания записи за эти дни.

[79] По-видимому, имеется в виду письмо А.А. Клопова, датированное днем его приема у императора — 29 января 1917 г. (см.: Письма чиновника Клопова царской семье // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 210—211).

[80] Текст всеподданнейшего доклада М.В. Родзянко от 10 февраля 1917 г. воспроизводится в Приложении 3.

[81] Об этом см.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 166; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. С. 294.

[82] Текст этой речи см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия пятая. Стб. 1261—1286.

[83] Имеется в виду заявление, подписанное рядом лидеров Прогрессивного блока и зачитанное на этом заседании С.И. Шидловским. В этом заявлении лидеры блока настаивали на том, что для успешного ведения войны «необходимо прежде всего, чтобы люди, управляющие страной, были признанными вождями нации, затем, чтобы люди эти были объединены друг с другом общностью понимания очередных задач управления и, наконец, чтобы понимание это встречало поддержку страны и законодательных учреждений». Приводя в пример российской власти союзников, которые в ходе войны не остановились перед «коренным переустройством системы и органов исполнительной власти», авторы заявления констатировали: «Совершенно иное наблюдаем, к великому нашему горю, в одном только нашем отечестве. В течение всей войны у нас на постах министров слишком часто являлись лица, не известные стране и не возбуждавшие ее доверия, не согласные между собою, не стоявшие на уровне сплошных и трудных задач переживаемого времени и не способные работать в согласии с законодательными учреждениями. Неизбежная вследствие этого частая смена подобных лиц лишала правительство окончательно возможности вести строго продуманную и последовательно проводимую политику. Последствием этого явилось то расстройство управления, которое повело к ряду печальных и грозных явлений в области снабжения армии и страны продовольствием и топливом и своевременной перевозки того или другого к местам назначения...». Далее, подчеркнув, что, «таким образом, вопрос о правильном устройстве снабжения армии и населения всем необходимым не мыслится страною вне связи с тем самым вопросом о коренном переустройстве исполнительной власти на началах, неоднократно, но тщетно указывавшихся законодательными палатами», авторы, согласно ст. 40 Учреждения Думы, обращались к главе кабинета и ряду министров «с вопросом: “что будет предпринято

для устранения вышеизложенного нетерпимого положения вещей?"» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия пятая. Стб. 1286—1288). 15 февраля, после завершения обсуждения этого заявления, это обращение было поддержано Думой (Там же. Стб. 1392).

[84] Согласно записи в стенографическом отчете о заседании 25 февраля 1917 г., оно было начато в 12 ч. 4 мин. дня и закрыто в 12 ч. 50 мин. (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия пятая. Стб. 1741, 1758)

[85] Речь в этой сбивчивой записи Глинки идет о восстании 4-й роты запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка, начавшемся при получении приказа о выступлении для прекращения беспорядков к городской думе. При этом командир батальона полковник А.И. Экстен, пытавшийся остановить солдат, был на Конюшенной площади тяжело ранен в шею кем-то из собравшейся толпы, а затем скончался от ран (см.: *Черняев В.Ю.* Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г. Л., 1989. С. 152—177; Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка / Публикация В.Г. Бортневского и В.Ю. Черняева. Вступ. статья и коммент. В.Ю. Черняева // Русское прошлое. СПб., 1991. Кн. 1. С. 21, 24, 36—37). До Глинки, вероятно, первоначально дошли сведения о ранении Экстена, а уже затем о его смерти. Этот разнобой почему-то был перенесен из дневника в составлявшийся впоследствии Глинкой «"Протокол событий" Февральской революции», в котором отмечается, в частности, что 26 февраля «был [убит] тяжело ранен командир роты полковник Экстен». Восстание павловцев и ранение Экстена произвели такое впечатление на Родзянко, что, как особо отмечено в «Протоколе событий», именно вследствие этого происшествия председатель Думы направил в этот день императору телеграмму о сложившейся ситуации, завершавшуюся призывом безотлагательно создать правительство доверия (Февральская революция 1917 года. С. 109—110).

[Воспоминания о Февральской революции и последующем жизненном пути]

[1] Воспоминания Глинки, написанные в 1950 г., следуют в тетради-вкладыше, вложенной в дневник, непосредственно вслед за его последней дневниковой записью от 27 февраля 1917 г.

[2] Об этом инциденте, произошедшем 27 февраля еще до начала частного совещания членов Думы, упоминается во многих мемуарах непосредственных участников событий, происходивших в Думе и вокруг нее в этот решающий день (см., напр.: *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 199; *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 252). Глинка не случайно более чем 30 лет спустя вспомнил именно

этот эпизод решающего дня революции. Во-первых, это была «первая кровь», первый инцидент с применением оружия в зданиях, занимаемых Думой. Во-вторых, как чрезвычайное событие он был описан уже в составлявшемся Глинкой и его сотрудниками «"Протоколе событий" Февральской революции». Там о нем сообщается следующее: «В 2 часа дня все выходы, телефоны и телеграф Таврического дворца были заняты революционными войсками; этими же войсками (преображенцы) было занято и караульное помещение, в котором был тяжело ранен кем-то из толпы караульный начальник Медведев, не оказывавший сопротивления, но отказавшийся, по долгу службы, покинуть свой пост» (Февральская революция 1917 года. С. 112). В самое последнее время этот инцидент и события, с ним связанные, подробнейшим образом исследовал А.Б. Николаев (см.: *Николаев А.Б.* Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции: Персональный состав // Из глубины времен. СПб.,1998. Вып. 10. С. 27—31). Как он установил, дело обстояло следующим образом. Получив сведения о том, что к Таврическому дворцу направляются толпы восставших солдат и рабочих, М.В. Родзянко дал приказ начальнику охраны не применять оружия. Этот приказ был передан и начальнику караула при Таврическом дворце прапорщику М.К. Медведеву. Как вспоминал впоследствии последний, суть этого приказа заключалась в том, чтобы «охранять и поддерживать порядок словами убеждения и не прибегать ни в каком случае к действию оружия» (*Николаев А.Б.* Военная комиссия... С. 28). Когда толпа подошла к дворцу, отказавшийся оставить свой пост Медведев был ранен несколькими выстрелами в грудь и правую руку (которую впоследствии пришлось ампутировать). О том, где были сделаны выстрелы, сведения источников расходятся — это произошло или у дворца, или в караульном помещении. По мнению А.Б. Николаева, восставших привел к Таврическому дворцу не кто иной, как А.Ф. Керенский, затем заменивший подвергшийся нападению караул новым из числа приведенных им к Думе «революционных войск» (*Николаев А.Б.* Военная комиссия... С. 29—31, 87).

[3] Явная ошибка памяти автора: 29 февраля в невисокосном 1917 г. вообще быть не могло. Очевидно, что Глинка уже не успел вернуться к этой записи, сделанной незадолго до его кончины. В действительности Временный комитет Государственной думы был образован 27 февраля днем по решению частного совещания членов Думы, собравшихся в Таврическом дворце после получения императорского указа о перерыве работы Думы с 26 февраля. В состав Временного комитета, избранного, после получения согласия на это председателя Думы М.В. Родзянко, по поручению частного совещания Советом старейшин, вошли: М.В. Родзянко (председатель), И.И. Дмитрюков, М.А. Караулов, А.Ф. Керенский, А.И. Коновалов, В.Н. Львов, П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов, В.А. Ржевский, Н.С. Чхеидзе, С.И. Шидловский, В.В. Шульгин; позднее в состав комитета был кооптирован Б.А. Энгельгардт. В ночь на

28 февраля комитет решил «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Именно это решение комитета Глинка, по-видимому, спутал с согласием Родзянко на его избрание, данным после взятых им «1/4 часа на размышление», на самом деле еще накануне днем (см.: *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 27—37; Февральская революция 1917 года. С. 146—149; *Lyandres S.* Zur Errichtung der revolutionären Macht in Petrograd. S. 305—324).

[4] Глинка неточно датирует и это событие, произошедшее днем раньше, 27 февраля 1917 г., но суть его передает в основном верно. Как отмечено в «"Протоколе событий" Февральской революции», около 2 часов дня 27 февраля «в комнате № 13 (зал заседаний бюджетной комиссии) началась организация бюро представителей Совета рабочих депутатов». В 7 часов вечера того же дня в Таврическом дворце состоялось первое заседание Совета рабочих депутатов (Февральская революция 1917 года. С. 112, 115; см. также: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы и материалы. Т. 1: 27 февраля — 25 октября 1917 года. Л., 1991. С. 19—20).

[5] Имеется в виду Министерский павильон Таврического дворца.

[6] В IV Думе А.Ф. Керенский входил во фракцию Трудовой группы и весьма тесно, особенно в годы войны, сотрудничал с партией социалистов-революционеров (эсеров), с которой его имя стало ассоциироваться уже после Февральской революции, — см.: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 251, 440.

[7] 2 марта 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко издал приказ об этом назначении Глинки следующего содержания:

«Начальник Отдела общего собрания и общих дел Канцелярии Государственной Думы Яков Васильевич Глинка назначается управляющим делами Временного комитета Государственной Думы с оставлением его в занимаемой должности.

Председатель Временного комитета Государственной Думы,

Председатель Государственной Думы М. Родзянко» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 35).

В тот же день другим своим приказом Родзянко предложил Глинке «сформировать управление делами Временного комитета Государственной Думы и назначать в состав его лиц по Вашему усмотрению» (Там же. Л. 33).

Во исполнение этого распоряжения Родзянко, приступив к исполнению обязанностей управляющего делами Временного комитета, Глинка своим приказом от 3 марта 1917 г. назначил «для производства дел по Управлению делами Временного комитета Государственной Думы» 13 чиновников и служащих думской Канцелярии (Там же. Л. 78).

[8] В журнале заседания Временного комитета Государственной думы от 1 марта 1917 г. (фактически, как указано в публикации этого документа, заседание

происходило в ночь на 2 марта) будущее правительство России также именуется Советом министров (см. Февральская революция 1917 года. С. 153—154). Это может свидетельствовать о том, что предложение Глинке занять должность управляющего делами нового кабинета было сделано в тот момент, когда новое название правительства еще окончательно не установилось. С другой стороны, Глинка мог в своих воспоминаниях именовать Временное правительство, начавшее свою работу 2 марта, Советом министров и по своей собственной многолетней привычке к этому названию.

[9] В своих мемуарах В.Д. Набоков сообщает, что уже вечером 4 марта 1917 г. присутствовал на заседании Временного кабинета, а 6 марта в Мариинском дворце «принял канцелярию» (см.: *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 24).

[10] Окончательное установление советской власти на Волыни стало возможным после отступления оккупировавшей в апреле—мае 1920 г. большую часть Украины польской армии. В результате успешного завершения Киевской операции Красной армии к середине июня 1920 г. поляки были отброшены от Киева; значительная часть Украины, включая Житомир, была освобождена.

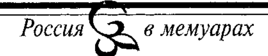
[11] И.А. Кистяковский не был премьером гетманского кабинета министров, он занимал в правительстве Украины сначала пост державного (государственного) секретаря, а затем — министра внутренних дел. Описанная Глинкой сцена происходила, очевидно, не ранее июля 1918 г., когда Кистяковский занял последнюю из этих своих должностей, и не позднее октября 1918 г., когда он был уволен с этого поста. Об его деятельности в администрации гетмана в этот период см.: *Скоропадский П.П.* «Украина будет!..»: Из воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994 (по именному указ.). Т. 17; *Зеньковский В.* Пять месяцев у власти: (15 мая — 19 октября 1918 г.): Воспоминания. М., 1995. С. 58—59, 142—146.

[12] Людвигов Людвиг Казимирович (наст. фам. Маевский; 1854? — 1929).

[13] Об известном провинциальном актере А.Г. Штейне см.: Театральная жизнь. 1972. № 1. С. 16—18; сведений о других театральных деятелях разыскать не удалось.

[14] Глинка имеет в виду артиста Д.А. Козловского, впоследствии режиссера Магнитогорского драматического театра им. А.С. Пушкина, и свою собственную дочь Татьяну, ставшую актрисой и выступавшую под сценическим псевдонимом Гремина. Выйдя замуж за Д.А. Козловского, Татьяна Яковлевна работала в его театре, а после выхода на пенсию — режиссером самодеятельного театра. Скончалась в Ленинграде (Письмо В.Н. Шмигельского составителю от 10 февраля 1999 г.).

[15] По-видимому, имеются в виду входившие в состав РСФСР Башкирская и Татарская автономные советские социалистические республики, а также Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья.

Приложение I
Докладная записка временно заведующего Канцелярией Государственной думы (декабрь 1907 г.)

Печатается по машинописной копии: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1. Л. 66—74 об.

[1] См.: 3 ПСЗ. Т. 25. № 26721.

Приложение II
Записка, подготовленная Я.В. Глинкой для представления императору Николаю II (март 1916 г.)

Печатается по: РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 14. Л. 45—48 об.

[1] На первом листе записки над заголовком карандашные надписи, сделанные, по-видимому, А.А. Клоповым: «Отметы сдел[аны] В[еликим] К[нязем] Н[иколаем] М[ихайловичем]» и «к № 27». Этим номером Клопов снабдил хранившуюся в его бумагах копию письма Николаю II от 7 марта 1916 г. (РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 14. Л. 19—24.), в качестве приложения к которому была подготовлена записка. Непосредственно справа от заголовка скорее всего тем же Клоповым сделана помета карандашом, указывающая автора записки: «Я.В. Глин[ка]».

[2] Возможно, Глинка имеет в виду декларацию социал-демократов, зачитанную Н.С. Чхеидзе на заседании Думы 10 февраля 1916 г., однако в ней утверждение, которое можно бы было истолковать подобным образом, отсутствовало (см.: Меньшевики: Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. М., 1996. С. 419—422). Напротив, в конце этой декларации говорилось: «Настал час, когда жребий должен быть брошен: с народом против правительства или с правительством против народа? Страна в разрухе. Или под дружным натиском всех общественных сил власть из рук поработителей перейдет в руки народа, или нашей стране предстоит пойти по пути разложения и экономического вырождения. Спасти страну может лишь сам народ, взявший судьбу его в собственные руки» (Там же. С. 422).

[3] Имеется в виду выступление министра земледелия А.Н. Наумова на заседании Государственной думы 18 февраля 1916 г. (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1831—1856). Овацию в Думе вызвали заключительные фразы этой речи, в которых министр выразил надежду на сотрудничество с общественными силами страны. «Я считаю, — заявил Наумов, — что общность работы Министерства земледелия со всеми местными общественными организациями есть тот фундамент, на котором можно осуществить огромнейшую задачу, возложенную на

20 Зак. 2660.

ведомство. Вне этого общения я не мыслю совершенно работать. <...> Работу всех лиц на местах я называю не иначе, как самоотверженной работой. Но если вся эта могучая сила, все эти, так сказать, деловые пружины, которые облегли всю Россию, если они сольются с местными общественными силами, то я думаю, что в этом единении мы, гг., безусловно победим того врага, который имеет главную, основную ставку на нашей разобщенности и на нашей дезорганизации» (Там же. Стб. 1856).

[4] Две последние фразы зачеркнуты Николаем Михайловичем карандашом с пометой «выпустить».

[5] По-видимому, Николаем Михайловичем эта фраза отмечена вертикальной чертой на поле слева от текста; перед чертой поставлен знак вопроса.

[6] Последние три фразы зачеркнуты Николаем Михайловичем с пометой: «Не надо портить положения гр. Игнатьева»; кроме того, слева от фразы проведены две вертикальные черты и поставлен вопросительный знак.

[7] Слова «как бы» зачеркнуты карандашом, по-видимому, также рукой великого князя.

[8] Слово «всех» зачеркнуто великим князем.

[9] Эта фраза зачеркнута Николаем Михайловичем, пометившим на полях: «Не надо».

[10] На последней странице записки чуть ниже машинописного текста вел. кн. Николай Михайлович написал черным карандашом:

«В общем хорошо, ясно и тепло.

Да благословит Вас Господь!

Н.М.

26. X. [1]916».

Приложение III
Всеподданнейший доклад М.В. Родзянко

Печатается по: Блок А. Последние дни императорской власти. Paris, 1978. Прил. VI. С. 158–166.

Приложение IV
Характеристика Я.В. Глинки

Печатается по копии из личного архива В.Н. Шмигельского.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

В данный словарь включены подробные биографические справки о двух категориях персонажей дневника и воспоминаний. Во-первых, это депутаты Государственной думы и члены Государственного совета, чиновники и служащие думского аппарата и Государственной канцелярии. Во-вторых, лица, принадлежавшие к бюрократическому миру, — министры, товарищи министров, директора департаментов и т.д., в силу своих служебных обязанностей тесно соприкасавшиеся с парламентскими кругами. Остальные справки имеют аннотативный характер. О нескольких упоминаемых Я.В. Глинкой лицах сведений обнаружить не удалось. При подготовке словаря использованы справочники и научные издания (см. список основных использованных источников), а также архивные материалы — послужные и формулярные списки, дела о службе, личные дела, на основании которых во многих случаях уточнены и дополнены данные справочных изданий. Временное исполнение той или иной должности, как правило, особо не оговаривается и в случаях последующего утверждения в этой должности объединяется со временем временного исполнения ее. В справках приводятся также последние чины, полученные на гражданской и военной службе, с указанием времени их получения. Все указываемые придворные чины и должности, за особо оговоренными исключениями, относятся к императорскому (высочайшему) Двору. Партийная принадлежность членов Думы, проследить которую в ряде случаев оказывается весьма затруднительно, дается на время начала работы нижней палаты данного созыва, с некоторыми уточнениями.

Помимо биографических данных в справки включены также сведения об опубликованных воспоминаниях и дневниках данных лиц; в случае наличия нескольких изданий указываются лишь последние по времени выхода в свет или наиболее доступные.

Все даты до 1 февраля 1918 г. даются по старому стилю, с 15 февраля 1918 г. — по новому.

Азеф Евгений Филиппович (Евно Фишелевич; 1869 — 24 апреля 1918). Из мещан иудейского вероисповедания. Учился в Германии в Политехническом институте в Дармштадте, получил диплом инженера. С 1893 добровольно сотрудничал с охранкой. Занимая одно из первых мест в партийной иерархии эсеров (возглавлял Боевую организацию партии, с января 1906 член ЦК), в то же время продолжал работу на Департамент полиции, пытаясь манипулировать как партией, так и охранкой. Разоблачен В.Л. Бурцевым с помощью бывшего

директора Департамента полиции А.А. Лопухина в 1908—1909. Затем проживал в Берлине под фамилией А. Неймайера, паспорт на имя которого получил от российских властей. В 1915—1917 заключен в Моабитскую тюрьму в Берлине в качестве международного террориста, подлежащего после окончания войны выдаче России; скончался вскоре после освобождения.

Акимов Михаил Григорьевич (8 ноября 1847 — 9 августа 1914). Из дворян, землевладелец (на 1914 в Саратовской губ. 5000 дес., в Пензенской — 400 дес.). Окончил юридический факультет Московского университета, после чего служил по судебному ведомству в провинции и в Москве. С 1899 — сенатор Уголовного кассационного департамента. С 16 декабря 1905 по 23 апреля 1906 министр юстиции в кабинете С.Ю. Витте. При отставке с поста министра назначен членом Государственного совета с оставлением в звании сенатора. С 10 апреля 1907 — председатель Государственного совета. Действительный тайный советник (1907), статс-секретарь (1908). Скончался в Петербурге.

Александр Михайлович, великий князь (1 апреля 1866 — 26 февраля 1933). Внук Николая I, сын вел. кн. Михаила Николаевича. Службу начал в 1885 в морском Гвардейском экипаже. В качестве морского офицера совершил ряд плаваний, в т.ч. кругосветное. В 1894 с разрешения Николая II вступил в брак с дочерью Александра III вел. кн. Ксенией. Продолжая состоять по морскому ведомству, занимал ряд связанных с мореплаванием гражданских должностей: председатель Совета по делам торгового мореплавания, главноуправляющий торговым мореплаванием и портами (1902—1905). В 1905—1909 младший флагман Балтийского флота. Один из создателей российского воздухоплавания. В Первую мировую войну — командующий авиацией фронта, с 1916 генерал-инспектор военно-воздушного флота. Адмирал (1915). С марта 1917 в отставке. С 1918 в эмиграции. Оставил мемуары: Книга воспоминаний. М., 1991.

Александра Федоровна, императрица (25 мая 1872 — 16 июля 1918). Дочь вел. герцога Гессенского, по материнской линии внучка английской королевы Виктории. 14 ноября 1894 вступила в брак с российским императором Николаем II. После начала Первой мировой войны встала во главе Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов; с мая 1915 стояла во главе Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным. После Февральской революции содержалась под стражей в Царском Селе. Расстреляна в Екатеринбурге вместе со своей семьей.

Алексеев Григорий Александрович (26 октября 1883 — ?). Сын действительного статского советника. Выпускник Московского университета. Приглашен

С.А. Муромцевым на службу в Канцелярию I Думы с 15 июня 1906. После роспуска Думы остался в думской Временной канцелярии. В августе 1906 причислен к Государственной канцелярии; при этом продолжал служить в думском аппарате. С 1908 помощник делопроизводителя VII кл. Канцелярии Думы. В 1911 назначен на должность делопроизводителя; исполнял обязанности секретаря при председателе Думы М.В. Родзянко. Надворный советник (1914). В июле 1914 стал уполномоченным и секретарем Главного комитета Всероссийского земского союза и в дальнейшем, продолжая вплоть до лета 1917 числиться на службе в Канцелярии Думы, работал почти исключительно в аппарате союза в Москве; был избран членом Главного комитета Всероссийского земского союза.

Алексеев Михаил Васильевич (3 ноября 1857 — 25 сентября 1918). Сын выслужившегося из фельдфебелей офицера. Выпускник Московского пехотного юнкерского училища, в 1890 окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Службу начал в 1876 в 64-м Казанском пехотном полку. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878, ранен под Плевной. С 1894 служил в Главном штабе. Одновременно с 1898 профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре истории русского военного искусства. В Русско-японскую войну генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии. С 27 сентября 1906 обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. С 1908 начальник штаба Киевского военного округа, с 12 июля 1912 командир 13-го армейского корпуса. В Первую мировую войну с июля 1914 начальник штаба Юго-Западного фронта. Генерал от инфантерии (1914). С 22 марта 1915 главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. С августа 1915, после принятия Николаем II на себя верховного главнокомандования, начальник его штаба в Ставке в Могилеве. После отречения Николая II от престола был Временным правительством назначен Верховным главнокомандующим. 22 мая 1917 смещен с этого поста. С 30 августа по 11 сентября 1917 вновь занимал пост начальника Штаба Верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции уехал в Новочеркасск, где приступил к созданию Добровольческой армии. Возглавлял 1-й и 2-й Кубанские походы Добровольческой армии. Скончался в Екатеринодаре.

Алексеенко Михаил Мартынович (5 октября 1847 — 18 февраля 1917). Из купцов. В 1868 окончил юридический факультет Харьковского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Затем преподавал в этом университете. В 1879 защитил докторскую диссертацию («Действующее законодательство о прямых налогах»). С 1880 — ординарный профессор, с 1886 — декан юридического факультета, с 1890 — ректор Харьковского университета. Заслуженный профессор (1895). Тайный советник (1899). Избирался депутатом III и IV Дум от Екатеринославской губ., где обладал земельным цен-

зом (на 1899 ему принадлежало ок. 2800 дес. земли). Возглавлял бюджетную комиссию Думы и в этом качестве играл важнейшую роль в парламентской и государственной жизни страны. В Думе принадлежал к фракции октябристов, а с 1914 – к фракции земцев-октябристов. С августа 1914 член от Государственной думы Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Скончался в Петрограде.

Андреев Федор Дмитриевич (1868 – не ранее 1917). Крестьянин деревни Амелино Холмовской волости Пошехонского уезда Ярославской губ., землевладелец (15 дес. купленной и 1 1/2 дес. надельной земли). Получил низшее образование в земской школе. Волостной старшина, три года состоял губернским земским гласным. Избран в III Думу от Ярославской губернии; примыкал к октябристам. Член Распорядительной комиссии Думы.

Антонов Николай Иванович (17 сентября 1859 – 12 мая 1938). Из дворян, землевладелец Изюмского уезда Харьковской губ. (на 1912 – 608 дес.; имел также дом в Киеве). Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. С 1882 служил по судебному ведомству, с 1904 товарищ прокурора Киевской судебной палаты. В 1906–1907 – начальник 1-го уголовного отделения Департамента Министерства юстиции. Действительный статский советник. Избирался в III и IV Думы от Харьковской губ., октябрист. С ноября 1912 председатель фракции октябристов, после ее раскола вошел во фракцию земцев-октябристов. В III и IV Думах – товарищ секретаря Думы; одновременно возглавлял комиссию законодательных предположений. 27 марта 1917 Временным комитетом Государственной думы назначен комиссаром складов-поездов б. императрицы Александры Федоровны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны, 29 марта – комиссаром по Романовскому комитету. С конца марта – член, затем председатель комиссии Красного Креста для приема учреждений б. императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны. После Гражданской войны – в эмиграции. Скончался в русском госпитале в Панчево (Югославия).

Базилевский Петр Александрович (18 декабря 1855 – 1920). Из дворян, крупный землевладелец (на 1915 – 31 тыс. дес. в Минской, Полтавской и Харьковской губ.). Воспитывался в Лицее цесаревича Николая в Москве. В 1878–1888 служил в л.-гв. Гусарском Его Величества полку, вышел в отставку с чином ротмистра. В 1902–1905 сверхштатный чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе вел. кн. Сергее Александровиче. В 1903 избран директором Московского филармонического общества. В 1905–1914 предводитель дворянства Московского уезда. Действительный статский советник (1910). Состоял в звании камергера Двора (1906), затем в должности шталмей-

стера Двора (1912). С 1913 — почетный опекун. С сентября 1915 — предводитель дворянства Московской губернии. После Октябрьской революции оставался в России; скончался в Москве.

Балашов Петр Николаевич (2 ноября 1871 — после 1927). Из дворян; принадлежал к одной из богатейших семей России (на 1906 за родителями числилось 330 000 дес., в т.ч. — в Киевской губ. — 43 000 дес., в Уфимской — 250 000 дес., в Саратовской — 35 000 дес., в Подольской — 12 000 дес). Учился в С.-Петербургском университете, затем поступил рядовым на правах вольноопределяющегося в л.-гв. Гусарский полк; вышел в отставку поручиком. В 1900 назначен брацлавским уездным предводителем дворянства. С 1901 камер-юнкер Двора. Избирался депутатом III и IV Дум, где последовательно возглавлял фракции умеренно-правых, русскую национальную (в III Думе) и националистов и умеренно-правых (в IV Думе, с ноября 1912). Один из основателей Всероссийского национального союза (1908), председатель его Главного совета. Статский советник; пожалован в должность егермейстера Двора. После революции в эмиграции.

Бальц Владимир Александрович (19 января 1871 — ?). Из дворян. Окончил Училище правоведения, после чего с 1891 служил по судебному ведомству. С 1906 товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты, с 1909 — прокурор Казанской судебной палаты. 17 августа 1915 назначен директором Второго департамента Министерства юстиции, 11 августа 1916 — товарищем министра внутренних дел. 4 января 1917 назначен к присутствованию в Сенате с производством в тайные советники. В 1917 — председатель Особой комиссии для расследования злоупотреблений по военному ведомству.

Барк Петр Львович (6 апреля 1869 — 16 января 1937). Сын лифляндского уроженца, лесного чиновника Екатеринославской губ. В 1892 окончил юридический факультет С.-Петербургского университета и поступил на службу в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов. С 1894 — в Государственном банке, с 25 февраля 1905 управляющий его столичной конторой, с 21 января 1906 товарищ управляющего Государственным банком. Одновременно с 1898 председатель правления Ссудного банка Персии, с 1899 член правления от правительства в Русско-Китайском банке, с 1901 товарищ председателя фондового отдела петербургской биржи. Выйдя в 1907 в отставку, становится директором и членом правления Волжско-Камского коммерческого банка. 10 августа 1911 назначен товарищем министра торговли и промышленности. 30 января 1914 сменил В.Н. Коковцова на посту министра финансов. Тайный советник (1 января 1915). В годы мировой войны принадлежал к либеральной группе членов кабинета. 29 декабря 1915 назначен членом Государ-

ственного совета с оставлением министром финансов, а 1 января 1916 определен к присутствованию в нем. После 1917 — в эмиграции; поселился в Англии, где становится советником управляющего Банком Англии. Королем Великобритании, по поручению которого Барк вел имущественные дела эмигрировавших членов российского императорского дома, был возведен в рыцарское достоинство. Скончался во Франции близ Марселя. Оставил мемуары: Воспоминания П.Л. Барка, последнего министра финансов Российского императорского правительства // Возрождение (Париж). 1965—1967. № 157—184.

Басаков Виктор Парфеньевич (16 сентября 1874 — 4 марта 1933). Из дворян. Окончил Училище правоведения. Служил в Министерстве юстиции (редактор отделения личного состава), в должности товарища прокурора Виленского окружного суда, в Сенате (состоял за обер-прокурорским столом в Судебном департаменте). Статский советник. Избран в IV Думу от Черниговской губернии, где в г. Кролевец находилась его родовая усадьба. Товарищ секретаря Думы. Примыкал к умеренно-правым, затем вошел во фракцию центра (товарищ председателя). Масон, возглавлял «английскую» масонскую ложу в Петербурге, с 1912 вошедшую в масонский союз «Великий Восток народов России». С 8 февраля по 7 марта 1917 — комиссар Временного комитета Государственной думы по Министерству юстиции, затем (вплоть до 15 мая 1917) — по Особой комиссии по призрению раненых и увечных воинов и по учреждениям Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. С 25 мая 1917 член Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Впоследствии жил в эмиграции во Франции; скончался в Париже.

Безак Федор Николаевич (21 сентября 1865 — ?). Из дворян, землевладелец (на 1907 имение в 1800 дес.). Обучался в Нижегородском гр. Аракчеева кадетском корпусе, затем прикомандирован к Пажескому корпусу. В 1885—1901 служил в л.-гв. Кавалергардском имп. Марии Федоровны полку; уволен от службы с награждением чином полковника. В 1901 пожалован в звание камергера, в 1911 назначен в должность шталмейстера Двора. Депутат III (фракция умеренно-правых, затем националист) и IV (националист) Дум от Киевской губернии; 1 августа 1913 сложил полномочия члена Думы. С 30 января 1912— киевский губернский предводитель дворянства. В сентябре 1913 избран членом Государственного совета, где принадлежал к правому центру; в связи с истечением срока выбыл из состава верхней палаты в сентябре 1916. В 1918 участник монархического «Особого политического бюро на Украине».

Бейлис Менахиль-Мендель (1873—1934). Из мещан Киевской губернии иудейского вероисповедания. В 1911 — приказчик киевского кирпичного за-

вода Зайцева. Был арестован по сфабрикованному обвинению в совершении ритуального убийства христианского мальчика А. Ющинского и предан суду. Процесс по делу Бейлиса вызвал поляризацию политических сил и общественного сознания России и закончился оправдательным вердиктом присяжных. После освобождения вместе с семьей уехал в Палестину, с 1920 жил в США.

Белецкий Степан Петрович (1873 — 5 сентября 1918). Сведения о происхождении расходятся: по одним данным, происходил из мещан, по другим — из купцов. Окончил юридический факультет Киевского университета св. Владимира, в 1894 поступил на службу в канцелярию киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. С ноября 1899 правитель канцелярии ковенского губернатора. 10 февраля 1907 назначен самарским вице-губернатором. С 31 июля 1909 вице-директор, с 21 февраля 1912 директор Департамента полиции. 28 января 1914 назначен сенатором с производством в тайные советники. В 1915 — нач. 1916 был весьма близок к Г.Е. Распутину и его кружку. С 28 октября 1915 по 13 февраля 1916 товарищ министра внутренних дел. 13 февраля 1916 назначен иркутским генерал-губернатором, но в должность не вступил и 15 марта 1916 был от нее уволен. В ходе Февральской революции был арестован и доставлен в Государственную думу; с 3 марта по 25 ноября 1917 содержался в Петропавловской крепости, давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После Октябрьской революции перевезен в Москву; расстрелян в дни красного террора. Изданная после смерти Белецкого под его именем книга «Григорий Распутин» (Пг.: Былое, 1923) представляет собой произвольную переработку его письменных показаний Чрезвычайной следственной комиссии.

Белостоцкий Григорий Львович (15 августа 1882 — 1921). Из мещан еврейского происхождения; по исповеданию православный. Окончил в 1905 юридический факультет Киевского университета св. Владимира. В июне 1906 приглашен кн. Д.И. Шаховским на службу в Канцелярию I Думы. После ее роспуска оставлен в составе Временной канцелярии, затем служил в аппарате II и III Дум. С августа 1908 занимал должность помощника делопроизводителя Канцелярии Думы. Коллежский секретарь (1911). Уволен по прошению с 1 ноября 1913. После ухода с государственной службы занимался юридической практикой в столице — помощник присяжного поверенного, затем присяжный поверенный и присяжный стряпчий. После Октябрьской революции оставался в Петрограде. В 1921 — юрист Дорпрофсожа Мурманской железной дороги. Был арестован по т.н. «делу Таганцева» как участник подпольной петроградской боевой организации и расстрелян.

Беляев Михаил Алексеевич (23 декабря 1863 — 1918). Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны (штаб-офицер для особых поручений при начальнике полевого штаба наместника на Дальнем Востоке, затем начальник канцелярии полевого штаба 1-й Маньчжурской армии). С 1906 в Главном штабе: начальник отделения, с 1909 генерал-квартирмейстер. Постоянный член Главного крепостного комитета (1909—1914). С 1910 начальник отдела по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба. Генерал от инфантерии (1914). 2 августа 1914 возглавил Главное управление Генерального штаба, одновременно с июня 1915 занимал должность помощника военного министра. С августа 1916 член Военного совета, с сентября 1916 представитель русской армии при румынском командовании. Последний военный министр императорской России (назначен 3 января 1917), по этой должности — председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. В дни Февральской революции арестован и доставлен в Таврический дворец; с 1 марта по июнь 1917 содержался в Петропавловской крепости. Расстрелян в сентябре 1918 г.

Беннигсен Эммануил Павлович, граф (17 ноября 1875 — не ранее 1962). Землевладелец (ок. 600 дес.). Окончил Училище правоведения; некоторое время служил в русской администрации в Финляндии. В 1897—1903 уездный предводитель дворянства Старорусского уезда Новгородской губ. В Русско-японскую войну был уполномоченным Красного Креста, затем членом его Главного управления. Чиновник особых поручений при Главном управлении землеустройства и земледелия. Почетный мировой судья Старорусского уезда, гласный Петербургской городской думы, старорусского уездного и новгородского губернского земств. Член III и IV Дум от Новгородской губ., октябрист, после раскола фракции — во фракции земцев-октябристов. Состоял в звании камергера Двора. С августа 1916 член Комитета попечительства о трудовой помощи. С 12 марта 1917 член Главного управления Красного Креста. С 29 марта 1917 комиссар Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по Попечительству о трудовой помощи. Эмигрировал, жил во Франции. Член Комитета помощи русским беженцам, организованного при Красном Кресте. Оставил воспоминания: Первые дни революции 1917 года // Возрождение. (Париж). 1954. № 33.

Бобринский Алексей Александрович, граф (19 мая, по др. сведениям 15 июня 1852 — 2 сентября 1927). Крупный землевладелец (на 1912 — 30 600 дес. в Киевской губ., 15 300 дес. — в Тульской, 3600 дес. — в Симбирской, 2900 дес. — в Курской, 300 дес. в Орловской, 2 дес. в Таврической), видный деятель финансового и торгово-промышленного мира. Зять бывшего государ-

ственного секретаря А.А. Половцова. Учился в С.-Петербургском университете, но, не окончив курса, поступил на службу в Канцелярию Комитета министров. В 1878—1898 предводитель дворянства С.-Петербургской губ. Известный коллекционер и археолог, с 1886 председатель Императорской Археологической комиссии. С 1892 занимал видные посты по Ведомству учреждений имп. Марии (почетный опекун). Сенатор (1896). В 1906—1912 председатель Постоянного совета объединенного дворянства. Депутат III Думы от Киевской губ., товарищ председателя фракции правых. Думские впечатления Бобринского нашли отражение в его дневнике за 1910—1911 гг. (Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 127—150). 1 января 1912 назначен членом Государственного совета, в связи с чем сложил звание члена Думы; принадлежал к группе правых Государственного совета (с 1915 председатель группы). С 28 января по 8 апреля 1916 председатель Особого совещания, образованного для объединения мероприятий, направленных к укреплению народной трезвости при Министерстве внутренних дел. С 25 марта по 21 июля 1916 товарищ министра внутренних дел, с 21 июля по 14 ноября 1916 — министр земледелия. Обер-гофмейстер Двора (с 14 ноября 1916). После Октябрьской революции жил в эмиграции. Скончался в Ницце.

Бобринский Владимир Алексеевич, граф (28 декабря 1867 — 1927). Землевладелец (на 1912 — 3000 дес.), владелец сахарного завода. Сын министра путей сообщения гр. А.П. Бобринского. Учился на первом курсе Московского университета, который покинул после участия в студенческих выступлениях; вступил вольноопределяющимся в л.-гв. Гусарский полк; затем сдал экзамены при Михайловском артиллерийском училище. Выйдя в запас, учился за границей (в Париже и Эдинбурге). Председатель Богородицкой уездной управы (1895—1898), уездный предводитель дворянства (с 1904). Избирался от Тульской губ. в Думы 2-го (октябрист, затем умеренный правый), 3-го (фракция умеренно-правых, в 1909 слившаяся с националистами) и 4-го (член фракции умеренно-правых и националистов) созывов. В июле 1914 вновь вступил в военную службу корнетом в л.-гв. Гусарский полк, стал ординарцем командующего VIII корпусом генерала Р.Д. Радко-Дмитриева; 8 июня 1915 уволен от военной службы. Возвратившись к думской деятельности, стал лидером группы прогрессивных националистов, вошедшей в состав Прогрессивного блока. 5 ноября 1916 избран товарищем председателя Думы. В 1918 возглавлял монархический союз «Наша родина» в Киеве. Затем эмигрировал; скончался в Париже.

Богров Дмитрий Григорьевич (29 января 1887 — 12 сентября 1911). Из еврейской семьи, внук писателя Г.И. Богрова, сын богатого киевского домовладельца. С 1905 учился на юридическом факультете Киевского университета. Примыкал к различным левым радикальным группировкам (эсерам-максималистам, затем анархо-коммунистам). С 1906 сотрудничал с Киевским охран-

ным отделением. По окончании университета в 1910 — помощник присяжного поверенного. 1 сентября 1911 смертельно ранил премьер-министра П.А. Столыпина в Киевском оперном театре. Приговорен Киевским военно-окружным судом к смертной казни и повешен.

Булат (Болота) Андрей Андреевич (1872, по др. сведениям 1873—1941). Из литовских крестьян. Выпускник юридического факультета Петербургского университета. Участник революционного движения 1905—1907, видный деятель литовского национального и культурно-просветительского движения, депутат II и III Дум от Сувалкской губ. Один из защитников трудовиков на проходившем в декабре 1907 процессе над подписавшими Выборгское воззвание депутатами. По сведениям А.И. Серкова, был масоном, однако эта версия опровергается записанным Б.И. Николаевским рассказом Е.П. Гегечкори. В 1917 избран членом ВЦИК 1-го созыва от народных социалистов. В октябре 1917 вступил в партию эсеров, избран членом Учредительного собрания. С 1918 жил в Литве. После присоединения в 1940 Литвы к СССР работал в аппарате Верховного совета Литовской ССР; расстрелян в ходе репрессий, последовавших за оккупацией Литвы гитлеровской Германией.

Булыгин Александр Григорьевич (1851 — 5 сентября 1919). Из старинного дворянского рода, крупный землевладелец (на 1917 у него и жены в общей сложности 3360 дес. в Рязанской и Саратовской губ.). Окончил Училище правоведения (1871). С 1871 служил по судебному ведомству. В 1881—1889 зарайский уездный предводитель дворянства (Рязанская губ.). С 1886 тамбовский, с 1887 калужский вице-губернатор. 3 июня 1893 назначен московским губернатором. Гофмейстер Двора (1895). В 1902 стал помощником московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. 1 января 1905 назначен членом Государственного совета. С 20 января по 22 октября 1905 — министр внутренних дел. По повелению Николая II возглавлял подготовку законодательных предположений об учреждении законосовещательного органа народного представительства, получившего в обществе название «Булыгинской Думы». Статс-секретарь е.в. (1913). С 14 ноября 1913 по 1 марта 1917 главноуправляющий Собственной е.и.в. канцелярии по учреждениям имп. Марии. Обер-шенк Двора (с 14 ноября 1916). Расстрелян по приговору рязанской ЧК.

Варун-Секрет Сергей Тимофеевич (1 сентября 1866 — 30 апреля 1962). Из дворян Херсонской губ. Обучался в Петровском кадетском корпус в Полтаве, затем Николаевском кавалерийском училище. В 1888 произведен в корнеты в 21-й драгунский Белорусский полк. В 1890 вышел в отставку и жил в своем имении в Елизаветградском уезде (на 1913 в его формуляре значилось 1870 дес. земли родового имения и 1004 дес. благоприобретенного); с 1898 избирался

уездным гласным земского собрания и почетным мировым судьей. С 1899 — земский начальник в том же уезде. С 1904 — председатель Елизаветградской земской управы. В апреле 1906 избран в I Думу, что послужило предлогом для его увольнения от службы в земстве. В Думе примкнул к мирнообновленцам. Затем избирался членом II Думы, где примыкал к октябристам. В 1907—1910 — предводитель дворянства Елизаветградского уезда, а с 1911 — вновь председатель уездной земской управы. Титулярный советник (1911). В 1912 избран членом IV Думы, где становится одним из лидеров октябристов. После раскола фракции — во фракции земцев-октябристов. С 26 ноября 1913 — товарищ председателя Думы; отказался от этой должности 3 ноября 1916. 10 марта 1917 назначен уездным комиссаром Временного правительства и Временного комитета Государственной думы по своей должности председателя уездной земской управы. В 1919 некоторое время занимал должность товарища министра внутренних дел в администрации гетмана П.П. Скоропадского. Затем в эмиграции; в 1921 — один из основателей Русской национально-демократической партии. Похоронен в пригороде Парижа Кормей-ан-Паризи.

Васильев Алексей Тихонович (21 марта 1869 — 31 декабря 1928). Сын чиновника. Окончил Киевский университет. С 1891 служил по судебному ведомству. С 1901 товарищ прокурора Киевского, с 1904 — Петербургского окружного суда. В 1906—1909 чиновник особых поручений при Департаменте полиции, затем вновь служит товарищем прокурора Петербургского окружного суда, а 7 июля 1913 назначен чиновником особых поручений при министре внутренних дел, исполняющим обязанности вице-директора Департамента полиции. С 3 ноября 1915 член совета Главного управления по делам печати. Последний директор Департамента полиции (назначен 28 октября 1916). В ходе Февральской революции арестован, доставлен в Министерский павильон Таврического дворца. С 4 марта по сентябрь 1917 содержался в Петропавловской крепости. После Октябрьской революции на Украине, затем в эмиграции. Скончался во Франции. Мемуары: Vasiljev A.T. The Okhrana: The Russian Secret Police. Philadelphia, 1930.

Васильчикова Мария Александровна, княгиня (1859 — 2 июня 1934). Дочь гофмейстера, с 1880 фрейлина. После начала мировой войны задержана в своем имении в Австро-Венгрии. В конце 1915 возвратилась в Россию с письмами великого герцога Гессенского своим сестрам — императрице Александре Федоровне и вел кн. Елизавете Федоровне; выслана под надзор полиции в Черниговскую губернию. После революции — в эмиграции.

Веревкин Александр Николаевич (20 августа 1864 — ?). Из дворян. Окончил Училище правоведения, с 1885 служил по Министерству юстиции. С 10 фев-

раля 1906 директор Первого департамента этого министерства. Тайный советник (1908). С 1 января 1910 по 1 января 1917 — товарищ министра юстиции. Гофмейстер Двора (1912). Сенатор (с 22 марта 1915). 1 января 1917 назначен членом Государственного совета; в мае 1917 оставлен за штатом.

Витте Сергей Юльевич, граф (17 июня 1849 — 28 февраля 1915). Сын чиновника, происходившего из голландских выходцев, в 1856 получивших российское дворянство, мать из российского дворянского рода Фадеевых. Получил физико-математическое образование в Новороссийском университете, по окончании которого служил на железных дорогах. С 1886 управляющий Юго-Западной железной дорогой. В 1889 приглашен на государственную службу, где занимал должности сначала директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, затем управляющего Министерством путей сообщения (с 15 февраля по 30 августа 1892). С августа 1892 по 1903 – министр финансов, сыграл огромную роль в индустриализации России, укреплении российских финансов, развитии высшего и специального технического образования. Статс-секретарь е. в. (1896). Действительный тайный советник (1899). 16 августа 1903 назначен председателем Комитета министров. С 17 августа 1903 член Государственного совета. Возглавлял российскую делегацию на мирных переговорах с Японией в Портсмуте; за успешное завершение этих переговоров 18 сентября 1905 возведен в графское достоинство. В начале октября 1905 выдвинул программу выхода власти из созданного всеобщей политической стачкой кризиса и добился ее одобрения Николаем II; основные положения этой программы были провозглашены манифестом 17 октября 1905. С 24 апреля 1906 председатель Совета министров (в то же время оставался во главе подлежавшего упразднению Комитета министров). 22 апреля 1906 уволен от должностей председателя Совета министров и председателя Комитета министров. После отставки с поста премьера оставался членом Государственного совета и председателем Комитета финансов. Скончался в Петрограде. Посмертно были опубликованы его мемуары: Воспоминания. М., 1960. Т. 1—3.

Воеводский Степан Аркадьевич (22 марта 1859 — 18 августа 1937). Из дворян Смоленской губ. Окончил Морской кадетский корпус и Николаевскую морскую академию. С 1906 возглавлял Николаевскую морскую академию и Морской кадетский корпус. С 7 июля 1908 товарищ морского министра, с 8 января 1909 — морской министр. 18 марта 1911 уволен от должности министра с назначением членом Государственного совета. Адмирал (1913). 5 мая 1917 оставлен за штатом. После Октябрьской революции в эмиграции. Скончался в Ницце.

Воейков Владимир Николаевич (2 августа 1868 — 26 февраля 1942). Воспитанник Пажеского корпуса. Службу начал в л.-гв. Кавалергардском полку. Же-

нат на дочери министра императорского Двора В.Б. Фредерикса. С 1907 командир л.-гв. Гусарского полка. Генерал-майор Свиты е.и.в. 7 июня 1913 занял вновь учрежденную должность главнонаблюдающего за физическим развитием населения Российской империи. 24 декабря 1913 назначен дворцовым комендантом и в этом качестве являлся одним из ближайших к императору лиц. Присутствовал при отречении Николая II 2 марта 1917; 7 марта арестован в Москве, доставлен в Петроград в Министерский павильон Таврического дворца. До сентября 1917 содержался в Петропавловской крепости, затем переведен в больницу, откуда в дни Октябрьской революции бежал. Умер в эмиграции во Франции. Оставил воспоминания: С царем и без царя. М., 1994.

Волконский Владимир Михайлович, князь (1868—1953). Внук декабриста кн. С.Г. Волконского; мать — кн. Е.Г. Волконская — автор богословских книг, перешедшая в конце жизни из православия в католичество. Один из его братьев, кн. С.М. Волконский, — известный писатель и театральный деятель, в 1899—1901 директор императорских театров. Окончил Тверское юнкерское кавалерийское училище, служил в л.-гв. Драгунском полку; вышел в отставку корнетом в 1891; с 1892 на службе по Министерству внутренних дел, откомандирован в распоряжение тамбовского губернатора. В 1896 пожалован в камер-юнкеры. С 1897 предводитель дворянства Шацкого уезда Тамбовской губ., где находилось его имение (на 1916 — 300 дес. земли; у его жены, дочери гофмейстера Анны Николаевны Звегинцевой, ок. 1300 дес.). Активно участвовал в консолидации правых сил. В 1905 вступил в Союз русского народа, но в дальнейшем, оставаясь формально членом союза, участия в его деятельности фактически не принимал. В 1906—1910 член Постоянного совета объединенного дворянства. Депутат III и IV Дум, примыкал к умеренным правым, затем к независимым правым и формально являлся беспартийным; при этом деятельность Волконского в Думе постоянно вызывала нарекания Союза русского народа. Избранный 5 ноября 1907 старшим товарищем председателя III Думы, занимал этот пост все пять лет ее деятельности, в это время фактически был вторым по значению в Думе лицом после председателей Н.А. Хомякова, А.И. Гучкова и М.В. Родзянко. В 1907 пожалован в звание камергера Двора, в 1909 назначен в должность егермейстера Двора. Действительный статский советник (1912). В IV Думе старший товарищ председателя палаты с 1 декабря 1912 по 15 ноября 1913. С августа 1914 член от Государственной думы Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 27 июля 1915 назначен товарищем министра внутренних дел, в связи с чем 1 августа сложил звание члена Думы. 3 января 1917 оставил пост товарища министра из-за разногласий с министром А.Д. Протопоповым; затем баллотировался на должность предводителя дворянства С.-Петербургской губернии, получил большинство голосов и 12 февраля был утвер-

жден Николаем II в этой должности. После Октябрьской революции видный деятель белого движения. С осени 1918 входил в состав Особого комитета по делам русских в Финляндии, с января 1919 – особого (Русского) комитета, готовившего наступление на Петроград, в дальнейшем играл значительную роль в окружении Н.Н. Юденича. В эмиграции являлся видным деятелем Монархического союза в Берлине.

Вырубова Анна Александровна (1884–1964). Дочь главноуправляющего Собственной е.и.в. канцелярии А.С. Танеева. С 1903 фрейлина императрицы. С 1907 замужем за старшим лейтенантом А.В. Вырубовым, вскоре развелась, вернулась ко Двору. Входила в ближайшее окружение императорской семьи; выполняла наиболее конфиденциальные поручения Николая II и Александры Федоровны, в т.ч. и связанные с особой ролью при дворе Г.Е. Распутина. После Февральской революции была арестована; в марте–июне 1917 находилась в заключении в Петропавловской крепости, затем в Свеаборге. Освобождена по требованию Петросовета. После нового ареста в октябре 1918 бежала, скрывалась в Петрограде. В 1920 нелегально выехала в Финляндию. Оставила воспоминания; А.А. Вырубовой приписывалось также авторство опубликованного в 1927 в Ленинграде дневника, признанного затем научной экспертизой поддельным; см.: Фрейлина Ее Величества: «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1991; Неопубликованные воспоминания А.А. Вырубовой // Новый журнал (Нью-Йорк), № 130, 131; *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания и дневники. СПб., 1994. С. 173–232.

Гегечкори Евгений Петрович (1879 – 5 июня 1954). Из крестьян. Окончил юридический факультет Московского университета, работал помощником присяжного поверенного. Член III Думы от Кутаисской губ., социал-демократ, меньшевик. Был введен Н.С. Чхеидзе в думскую масонскую ложу, затем посвящен в степень мастера; был одним из основателей кавказской масонской ложи. После Февральской революции член президиума Петроградского совета. После Октябрьской революции вернулся в Грузию, был председателем Транскавказского правительства, затем министром иностранных дел. С 1921 – в эмиграции. Похоронен в Париже.

Гейден Петр Александрович, граф (1840 – 15 июня 1907). Крупный землевладелец (ок. 6400 дес.). Воспитанник Пажеского корпуса, окончил Михайловскую артиллерийскую академию. Выйдя в отставку в 1860, поступил затем на гражданскую службу. С 1866 служил в Воронеже, с 1868 становится там членом окружного суда. С 1870 – в столичных судебных установлениях (с 1883 товарищ председателя Петербургской судебной палаты). В 1886–1890 управляющий делами (начальник Канцелярии) Комиссии по принятию прошений на

высочайшее имя, находившейся при Императорской Главной квартире. Выйдя в отставку, занялся земской деятельностью в Опочецком уезде Псковской губернии; избирался уездным предводителем дворянства. В 1895—1906 президент Вольного экономического общества. Один из основателей «Союза 17 октября». Избран депутатом I Думы от Псковской губ.; в Думе выступал за поиск компромисса с властью, был противником Выборгского воззвания. В июле 1906 покинул партию октябристов и создал партию мирного обновления. Баллотировался во II Думу, но не был избран.

Герценвиц Дмитрий Иванович (21 сентября 1874 — не ранее 1917). Из дворян Полтавской губ., землевладелец (на 1912 — ок. 500 дес.). В 1897 окончил Институт инженеров путей сообщения, служил инженером на строительстве железных дорог. С октября 1900 причислен к министерству «за окончанием работ». С 1902— начальник дистанции на строительстве линии Бологое—Полоцк. Надворный советник. Член III и IV Дум от Полтавской губ., октябрист, после раскола фракции входил во фракцию земцев-октябристов. В августе 1915 избран от Государственной думы членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов.

Годнев Иван Васильевич (25 сентября 1854 — 1919). Из обер-офицерских детей. Землевладелец: на 1913 в его собственности значилось 2000 дес. в Уфимской губ. и 10 1/2 дес. — в Казанской губ. (где имел также два дома — каменный и деревянный). В 1878 окончил медицинский факультет Казанского университета, затем ординатор клиники этого университета. В 1882 после защиты в Военно-медицинской академии диссертации («О влиянии солнечного света на животных») получил степень доктора медицины. С 1886 приват-доцент Казанского университета. С 1891 гласный Казанской городской думы, с 1892 почетный мировой судья. С 1900 председатель Казанского сиротского суда (до 1908), с 1901 гласный Казанского губ. по земским и городским делам присутствия, с 1905 — городской думы. Статский советник (1903). Депутат III и IV Дум, октябрист; после раскола партии входил в думскую группу «Союза 17 октября». По данным Н.Н. Берберовой, ссылающейся на архив В.А. Маклакова, был масоном, однако в других источниках по истории российского масонства его имя не упоминается. С августа 1915 — член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов. 27 февраля 1917 избран членом Временного комитета Государственной думы, был назначен его комиссаром над Сенатом. 2 марта вошел в первый состав Временного правительства в качестве государственного контролера; вышел в отставку 21 июля 1917. Умер в Омске.

Голицын Николай Владимирович, князь (18 октября 1874 — 24 февраля 1942). Сын кн. В.М. Голицына, московского городского головы в 1897—1905.

21 Зак. 2660.

Окончил историко-филологический факультет Московского университета, автор ряда исторических работ. В 1897 поступил на службу в Московский Главный архив Министерства иностранных дел, в 1903 был причислен к архивам министерства в Петербурге. Во время Русско-японской войны работал в учреждениях Красного Креста. С мая 1906 по приглашению секретаря I Думы кн. Д.И. Шаховского поступил на службу в Канцелярию Думы. С 1908 старший делопроизводитель Отдела Общего собрания и общих дел; в его ведении находился, в частности, архив Думы. Статский советник (1913). 18 января 1916 назначен директором Государственного и Петроградского Главного архивов Министерства иностранных дел. После Октябрьской революции был одним из организаторов бойкота чиновниками советской власти; неоднократно арестовывался. В начале 1920-х гг. жил в Петрограде; в 1923—1926 отбывал 3-летний срок заключения в Бутырской тюрьме вместе с сыном Кириллом (осужденным на 5 лет). Затем служил переводчиком в советских учреждениях в Москве, где и скончался.

Голицын Николай Дмитриевич, князь (31 марта 1850 — 2 июля 1925). Воспитывался в Александровском лицее. С 1871 служил по Министерству внутренних дел, занимал различные должности в Царстве Польском. С 1879 архангельский вице-губернатор, в 1884—1885 вице-директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. С 1885 архангельский губернатор; в 1893 переведен на тот же пост в Калугу, в 1897 — в Тверь. С 1903 сенатор, с 1904 присутствовал в Первом департаменте Сената. Действительный тайный советник (1914). С мая 1915 председатель Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным. 24 ноября 1915 назначен членом Государственного совета, а 1 января 1916 определен к присутствованию в нем. С 27 декабря 1916 — председатель Совета министров. 4 марта заключен в Петропавловскую крепость; 13 марта 1917 освобожден. После Октябрьской революции жил с семьей в Петрограде, занимался сапожным делом. Арестован по т.н. «делу лицеистов»; по постановлению Коллегии ОГПУ расстрелян вместе с большой группой бывших выпускников лицея.

Головин Федор Александрович (21 декабря 1867, по др. сведениям 2 января 1868 — 10 октября 1937). Из потомственных дворян. Землевладелец (на 1898 имел в общей сложности 1126 дес. земли в Московской, Рязанской, Владимирской и Тульской губ.). Учился в Лицее цесаревича Николая в Москве; «по выдержании испытания» при Московском университете в 1891 получил университетский диплом. С 1893 — почетный мировой судья в Дмитровском уезде Московской губ., в 1898—1907 — член Московской губернской земской управы, а с 1904 — ее председатель. В 1904—1905 возглавлял бюро земских и городских съездов. Один из основателей партии кадетов в 1905, член ЦК партии. Избранный от Московской губернии членом II Думы, был председателем па-

латы все 102 дня ее работы. Оставил ряд воспоминаний о деятельности II Думы: Записки Ф.А. Головина: Николай II, Столыпин // Красный архив. 1926. № 6; Из записок председателя II Государственной думы // Красный архив. 1930. № 6; Воспоминания о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4, 5, 6. Осенью 1907 избран членом III Думы (от Москвы); в октябре 1910 сложил свои депутатские полномочия в связи с получением железнодорожной концессии. Видный масон, в 1908 избран в Верховный совет русского масонства, затем член Верховного совета «Великого Востока народов России», в 1912, 1913 и 1916 участник конвентов вольных каменщиков. В годы мировой войны участвовал в деятельности Всероссийского союза городов, председатель Общества помощи жертвам войны. 8 марта 1917 назначен комиссаром Временного правительства над б. Министерством императорского двора и уделов; в его ведении находились, в частности, б. императорские театры, музеи и др. учреждения культуры. Занимал эту должность вплоть до Октябрьской революции, после которой был отстранен от нее новой властью. В июле—августе 1921 член ВСЕРПОМГОЛа (Всероссийского комитета помощи голодающим). Затем работал в советских учреждениях. Расстрелян в ходе проводившихся органами НКВД массовых репрессий.

Голубев Иван Яковлевич (28 декабря 1841 — 1918). Из дворян Тверской губернии. Окончил Училище правоведения (1860). Службу начал в 1860 в Сенате. В 1866—1872 товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда, затем служил в Сенате и Министерстве юстиции. С 1878 — обер-прокурор Гражданского кассационного департамента Сената, с 8 сентября 1880 директор Департамента Министерства юстиции. Сенатор (1881). 1 января 1895 назначен членом Государственного совета. Действительный тайный советник (с 1 января 1901). С 12 ноября 1905 возглавлял Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. 20 мая 1906 назначен вице-председателем преобразованного Государственного совета (с 11 августа 1914 по 15 июля 1915 — и.о. председателя). Статс-секретарь е.в. (1910). В связи с «высочайшим неудовольствием», выраженным ему в начале декабря 1916, подал в отставку с поста вице-председателя; 1 января 1917 он был заменен на этом посту В.Ф. Дейтрихом. Кроме того, Голубев не был включен императором в число присутствующих членов верхней палаты на 1917 год, в связи с чем подал прошение об увольнении от должности члена Государственного совета. Уволен от этой должности 4 января 1917 с оставлением статс-секретарем и сенатором.

Горемыкин Иван Логгинович (27 октября 1839 — 11 декабря 1917). Из дворян Новгородской губ., где ему принадлежало имение в Боровичском уезде (на 1899 — 4700 дес.). Окончил Училище правоведения, с 1860 служил в Сенате и по Министерству юстиции. С 1864 на различных должностях в Царстве

Польском. С 1879 член Временной комиссии по крестьянским делам губерний Царства Польского при Министерстве внутренних дел. С 1882 член консультации при Министерстве юстиции, исполняет обязанности товарища обер-прокурора при Отделении по крестьянским делам в Первом департаменте Сената, в 1884—1891 обер-прокурор Второго (крестьянского) департамента Сената. С ноября 1891 товарищ министра юстиции. Сенатор (1894). 2 апреля 1895 назначается товарищем министра внутренних дел, 15 октября того же года возглавил это министерство. Уволен от должности министра 20 октября 1899 с назначением членом Государственного совета. С марта 1905 председатель Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения. Постоянный оппонент С.Ю. Витте по важнейшим вопросам внутренней политики, Горемыкин 22 апреля 1906 стал его преемником на посту председателя Совета министров. Один из инициаторов роспуска I Думы; одновременно с роспуском нижней палаты, 8 июля 1906, уволен от должности главы кабинета. Статс-секретарь (1910). Вновь назначен председателем Совета министров 30 января 1914; уволен от этой должности 20 января 1916; при отставке произведен в чин действительного тайного советника I класса (единственный случай пожалования этого чина в XX в.). В ходе Февральской революции арестован, с 1 по 13 марта 1917 содержался в Петропавловской крепости. Давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Затем уехал на юг; жил с семьей близ Сочи, где и был убит вместе с женой и зятем при остающихся до сих пор не вполне выясненными обстоятельствах.

Григорович Иван Константинович (26 января 1853 — 3 марта 1930). Из дворян Полтавской губ., сын капитана 1-го ранга. В 1874 окончил Морской корпус. В 1883 становится командиром своего первого корабля — парохода «Колдунчик». В 1896—1898 морской агент во Франции. В 1899 назначен командиром строившегося в то время во Франции броненосца «Цесаревич». Участник Русско-японской войны. С апреля 1904 командир Порт-Артурского порта. С 1905 начальник штаба Черноморского флота и портов Черного моря, в 1906—1908 командир порта имени Александра III в Либаве. С октября 1908 командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. 9 февраля 1909 назначен товарищем морского министра, 19 марта 1911 возглавил Морское министерство. Адмирал (1911). 1 января 1914 назначен членом Государственного совета с оставлением в должности министра. В кабинете Горемыкина принадлежал к либеральному крылу, в связи с чем рассматривался Прогрессивным блоком как один из возможных кандидатов в премьеры. В ходе Февральской революции отстранен от управления морским ведомством. 31 марта 1917 уволен от службы «с мундиром и пенсией». После отставки работал сотрудником Морской истори-

ческой комиссии, затем старшим архивариусом Морского архива. В 1924 выехал для лечения во Францию и в Россию не вернулся. Скончался в Ментоне. Автор мемуаров: Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993.

Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (8 мая 1864 — 11 февраля 1937). Сын генерал-фельдмаршала И.В. Гурко. Воспитывался в Пажеском корпусе; впоследствии окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Службу начал в л.-гв. Гродненском гусарском полку, затем состоял офицером для поручений, обер-офицером при командующем Варшавским военным округом. В 1900—1901 служил в канцелярии Военно-ученого комитета; в апреле—ноябре 1901 был военным агентом в Берлине. Затем находился в распоряжении начальника Главного штаба. С февраля 1904 штаб-офицер для поручений при генерал-квартирмейстере Маньчжурской армии, с марта 1905 командир 2-й бригады Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии, с апреля 1906 — 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии. В 1906—1911 председатель Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. В 1908—1910 активно сотрудничал с тогдашним председателем думской комиссии государственной обороны А.И. Гучковым. С марта 1911 начальник 1-й кавалерийской дивизии. С ноября 1914 командовал 6-м армейским корпусом, затем 5-й (с августа 1916 Особой) армией. Во время отпуска по болезни М.В. Алексеева с 11 ноября 1916 до 17 февраля 1917 исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего. После Февральской революции командующий войсками Западного фронта (до мая 1917); отставлен от этой должности и понижен до командира дивизии. В сентябре 1917 выслан за границу. В белом движении участия не принимал. Скончался в Риме.

Гучков Александр Иванович (14 октября 1862 — 14 февраля 1936). Из московской купеческой семьи. Получил образование на историко-филологическом факультете Московского университета (1886). Недолгое время служил в Нижнем Новгороде, московских городских учреждениях. Член Московской городской управы, затем гласный городской думы. Много путешествовал, служил младшим офицером в казачьей сотне в охране КВЖД (1897—1899), вступил добровольцем в вооруженные силы буров в 1900 и попал в плен к англичанам, в 1903 был в Македонии во время восстания против турок. С 1903 женат на Марии Ильиничне Зилоти, принадлежавшей к одной из самых известных семей московской интеллигенции, сестре знаменитого пианиста и дирижера А.И. Зилоти. Во время Русско-японской войны — главноуполномоченный Красного Креста в действующей армии. В 1902—1908 директор Московского учетного банка, в дальнейшем занимался предпринимательской деятельностью (к 1917

имел состояние порядка 600—700 тыс. руб.). Действительный статский советник. Один из создателей и с 1906 председатель ЦК партии «Союз 17 октября». В 1907 избран в Государственный совет; затем — в III Думу, в связи с чем сложил полномочия члена верхней палаты. В Думе возглавлял фракцию октябристов — опору реформаторского курса кабинета П.А. Столыпина, а также Комиссию по государственной обороне, которую, несмотря на ограниченность компетенции Думы в отношении военного и морского ведомств, сумел превратить в одну из наиболее влиятельных парламентских комиссий. С 8 марта 1910 по 14 марта 1911 председатель Думы (в июне 1910 сложил полномочия для отбытия наказания за дуэль с депутатом Думы гр. А.А. Уваровым, состоявшуюся 17 ноября 1909; вновь избран главой палаты 29 октября 1910). Оставил председательское кресло в знак протеста против оскорбительного для достоинства народного представительства перерыва в заседаниях Думы, осуществленного Николаем II по настоянию Столыпина для проведения помимо законодательных учреждений закона о земстве в западных губерниях. Выборы в IV Думу по Москве проиграл. После начала мировой войны работал в учреждениях Красного Креста. Организатор военно-промышленных комитетов и с июля 1915 председатель Центрального военно-промышленного комитета. С лета 1915 один из лидеров Прогрессивного блока; рассматривался наряду с М.В. Родзянко и кн. Г.Е. Львовым в качестве возможного кандидата оппозиции на пост премьера. 16 сентября 1915 избран по торгово-промышленной курии в Государственный совет, в качестве представителя которого вошел в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства; в совещании возглавлял Комиссию по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения армии. В 1916 — начале 1917 сторонник радикального пути разрешения внутренних проблем страны, один из организаторов заговора, целью которого было осуществление дворцового переворота. 28 февраля 1917 Гучков был избран членом Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, затем становится председателем этой комиссии. В дни революции был комиссаром Временного комитета по Военному министерству. 2 марта вместе с В.В. Шульгиным принял в Пскове отречение Николая II от престола. Со 2 марта по 2 мая 1917 военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Один из организаторов так называемого «корниловского мятежа». После Октябрьской революции участник белого движения. С 1919 в эмиграции. Скончался в Париже. После его смерти в августе—сентябре 1936 в газете «Последние новости» (Париж) публиковались записи его устных рассказов-воспоминаний. Полный вариант стенограмм этих рассказов был опубликован более чем полвека спустя: Александр Иванович Гучков рассказывает..: Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

Даманский Петр Степанович (1860—1916). Сын священника. Обучался в Петербургской духовной академии, по окончании которой в 1886 поступил на службу в Канцелярию обер-прокурора Синода. С 1901 управлял Контролем ведомства православного исповедания, с 10 декабря 1909 — директор его Хозяйственного управления. С 1 января 1912 по 10 августа 1915 товарищ обер-прокурора Синода. Тайный советник (1912). Сенатор (1915).

Дашков Дмитрий Яковлевич (28 июня 1853 — не ранее 1917). Из дворян. Окончил Александровский лицей и Николаевское кавалерийское училище. Служил в Кавалергардском полку (с 1895 — полковник). В 1897—1909 состоял при вел. кн. Михаиле Александровиче. Генерал-майор (1904), с 1909 в Свите е. и. в.

Дедюлин Владимир Александрович (12 июля 1858 — 1913). Из дворян. Воспитанник Пажеского корпуса. В службу вступил в л.-гв. Уланский полк. С 1903 начальник штаба Отдельного корпуса жандармов, с 17 января 1905 столичный градоначальник, с 31 декабря 1905 командующий Отдельным корпусом жандармов. 3 сентября 1906 назначен дворцовым комендантом. Один из инициаторов создания Союза русского народа. Генерал-адъютант (1909), генерал от кавалерии (1912).

Дейтрих Владимир Федорович (29 июля 1850 — 1920). Из дворян. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Служил в Сенате, затем на судебных должностях в провинции. С 1888 прокурор, с 1889 председатель С.-Петербургского окружного суда; с 1894 — прокурор, с 1898 старший председатель С.-Петербургской судебной палаты. С 1902 помощник финляндского генерал-губернатора. 21 сентября 1905, после направленного против него террористического акта, назначен членом Государственного совета. Действительный тайный советник (1914). С 1 января 1917 вице-председатель Государственного совета. В дни Февральской революции арестован, содержался в Петропавловской крепости с 4 марта по 1 апреля 1917. С 1 мая 1917 оставлен за штатом, уволен с 25 октября 1917.

Демченко Всеволод Яковлевич (1 марта 1875 — 20 сентября 1933). Сын статского советника. Землевладелец и домовладелец (на 1912 имел 2650 дес. и 6 домов). В 1898 окончил Институт инженеров путей сообщения. В 1899—1903 служил в Обществе Московско-Киево-Воронежской железной дороги, затем причислен к Министерству путей сообщения. С 1911 — председатель Киевской уездной земской управы. Коллежский советник (1913). В 1912 избран в IV Думу от Киева. Входил во фракцию националистов; с августа 1915 вошел в группу прогрессивных националистов. В августе 1915 избран членом Особого совеща-

ния для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов. После Октябрьской революции жил в Киеве; в 1918 сотрудничал с администрацией гетмана Скоропадского. Участвовал (с совещательным голосом) в русской делегации в совещании с представителями союзников в Яссах в ноябре 1918. С 20-х гг. — в эмиграции (в 1924 — в Висбадене). Скончался в Италии.

Джунковский Владимир Федорович (7 сентября 1865 — 21 февраля 1938). Из дворян Полтавской губ. Воспитанник Пажеского корпуса, военную службу начал в гв. Преображенском полку. С 1891 адъютант московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. С 12 августа 1905 московский вице-губернатор, с 11 ноября 1905 московский губернатор. По сведениям Б.И. Николаевского, был связан с масонами. 25 января 1913 назначен товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов. 19 августа 1915, после неудачной попытки разоблачить в глазах императора пагубное влияние Распутина, уволен от этих должностей. С осени 1915 в действующей армии на командных должностях. Генерал-лейтенант (апрель 1917). После Октябрьской революции неоднократно арестовывался: в мае 1919 ревтрибуналом приговорен к 5 годам лишения свободы по обвинению в участии в подавлении Московского вооруженного восстания, но вскоре был переведен в больницу; в 1921 провел около 10 месяцев в Таганской тюрьме. В 20-е гг. консультировал органы советской власти по вопросам, связанным с обеспечением безопасности. В последний раз арестован в конце 1937, расстрелян по приговору судебной тройки при Управлении НКВД по Московской области 21 февраля 1938. Оставил мемуары: Воспоминания. М., 1997. Т. 1—2.

Дистерло Роман Александрович, барон (20 сентября 1859 — 26 июня 1919). Из дворян. По окончании С.-Петербургского университета со степенью кандидата с 1886 служил по Министерству юстиции и на судебных должностях. С 1897 — в Государственной канцелярии: помощник статс-секретаря, и.д. статс-секретаря Государственного совета (с 1902). С 1 января 1903 статс-секретарь Департамента законов. В мае 1906 утвержден в должности статс-секретаря реформированного Государственного совета; управлял Вторым отделением по делам законодательным Государственной канцелярии. 7 сентября 1912 назначен сенатором с производством в чин тайного советника. С 1 мая 1914 назначен присутствующим членом Государственного совета с оставлением в звании сенатора; в верхней палате принадлежал к группе правых. В августе 1915 избран от Государственного совета членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов. 5 мая 1917 оставлен за штатом.

Дмитрий Павлович, вел. кн. (6 сентября 1891 – 5 марта 1942). Внук Александра II, сын вел. кн. Павла Александровича. Окончил офицерскую кавалерийскую школу, службу начал корнетом в л.-гв. Конном полку. Флигель-адъютант. Участник убийства Г.Е. Распутина в ночь на 17 декабря 1916, после которого выслан в Персию в отряд генерала Баратова.

Дмитрюков Иван Иванович (20 декабря 1871 – ноябрь/декабрь 1917?). Из дворян, землевладелец: на 1912–307 дес. в Калужской губ., у жены Александры Петровны (урожд. Писаревой) 250 дес. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. В 1904 назначен земским начальником 2-го участка Лихвинского уезда Калужской губ., с апреля 1907 непременный член Калужского губ. присутствия. Член III и IV Думы от Калужской губ. (избирался по курии землевладельцев), октябрист; после раскола фракции входил в фракцию земцев-октябристов. 20 ноября 1912 избран секретарем IV Думы. По сведениям Н.Н. Берберовой, не находящим пока подтверждения в других источниках, принадлежал к масонскому «арьергарду». В августе 1915 избран Думой в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 27 февраля 1917 избран в состав Временного комитета Государственной думы. Участник переговоров лидеров Думы 3 марта 1917 с вел. кн. Михаилом Александровичем об условиях его отречения. После революции продолжал исполнять обязанности секретаря Думы вплоть до ее роспуска 6 октября 1917. Вскоре после Октябрьской революции покончил, по свидетельству М.В. Родзянко в книге «Крушение империи», жизнь самоубийством.

Добровольский Николай Александрович (10 марта 1854 – 21 октября 1918). Из дворян, землевладелец (на 1900 за ним и его женой числились имения в Смоленской губ. в 1245 дес.). В 1876 после окончания юридического факультета С.-Петербургского университета поступил вольноопределяющимся в л.-гв. Кавалергардский полк; по увольнении в запас в 1878 служил по судебному ведомству. С 1897 вице-губернатор, с 1899 губернатор Гродненской губ. Пожалован в звание камергера Двора (1900). 19 октября 1900 назначен обер-прокурором Первого департамента Сената. Сенатор (1906). Последний министр юстиции императорской России (назначен 20 декабря 1916). В дни Февральской революции арестован, с 3 марта по 4 апреля 1917 содержался в Петропавловской крепости. Казнен в Пятигорске местной ЧК в составе большой группы заложников.

Дурново Петр Николаевич (24 марта 1843 – 11 сентября 1915). Из дворян Московской губ.; за женой (Е.Г. Дурново, урожденной Акимовой) значилось благоприобретенное имение в Саратовской губ. в 1400 дес. В 1860 окончил Морской кадетский корпус, затем служил на флоте; совершил ряд дальних

плаваний, в том числе у берегов Китая и Японии, Северной и Южной Америки. В 1870 выдержал выпускной экзамен в Военно-юридической академии и был назначен помощником прокурора при Кронштадтском военно-морском суде; в 1872 уволен от этой должности «с награждением чином коллежского асессора для определения к статским делам». В 1872—1881 служил по судебному ведомству. В октябре 1881 назначен управляющим Судебным отделом Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел. С 18 февраля 1883 — вице-директор, с 23 августа 1884 — директор Департамента полиции; уволен от должности 3 февраля 1893 с назначением сенатором. С 25 февраля 1900 назначен товарищем министра внутренних дел с оставлением в звании сенатора. 23 октября 1905 занял пост министра внутренних дел в кабинете С.Ю. Витте; 30 октября 1905 назначен членом Государственного совета, а 1 января 1906 произведен в действительные тайные советники. Длительный конфликт Дурново с премьером (которого он обвинял в потворстве революционной деятельности) стал одной из причин отставки и Витте 22 апреля 1906, и вслед за ним и всего кабинета, включая и самого министра внутренних дел. При отставке Дурново получил звание статс-секретаря е.и.в., а 25 апреля 1906 был назначен к присутствию в реформированном Государственном совете. В верхней палате в 1906—1915 был лидером группы правых; известен как один из наиболее активных противников реформистского курса П.А. Столыпина.

Ермолов Александр Сергеевич (12 ноября 1847 — 4 января 1917). Из дворян, землевладелец (на 1917 — имения в 1248 дес. в Воронежской губ. и в 1325 дес. в Рязанской губ.). Окончил Александровский лицей (в 1866), а затем, уже поступив на службу в Министерство государственных имуществ, С.-Петербургский земледельческий институт. С 1872 служил в Министерстве финансов; с 1883 — директор Департамента неокладных сборов. С 1893 — министр государственных имуществ, с 1894, после преобразования министерства, — министр земледелия и государственных имуществ. Действительный тайный советник (1896), статс-секретарь (1903). 6 мая 1905 назначен членом Государственного совета, в котором после его преобразования принадлежал к группе центра, был председателем ее Бюро. Ученый-аграрник, автор ряда научных трудов. Скончался в Петрограде.

Жоффр, Жозеф (12 января 1852 — 3 января 1931). Французский военачальник, в 1914—1916 главнокомандующий французскими армиями. Маршал Франции.

Замысловский Георгий Георгиевич (13 мая 1872 — 1920). Из дворян, землевладелец (в 1911 приобрел имение Богданишки в 283 дес. в Виленском уезде). Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. С 1894 слу-

жил помощником секретаря Комиссии по составлению местных запретительных книг при Министерстве юстиции. С 1899 мировой судья по Курляндской губ. С 18 января 1903 — товарищ прокурора Гродненского, с 29 мая 1904 — Виленского окружных судов, в июне 1906 — ноябре 1907 исполнял обязанности товарища прокурора Виленской судебной палаты; 10 ноября 1907 уволен от службы в связи с избранием в III Думу. Надворный советник (1905). Видный деятель ультраправых организаций — Союза русского народа, с 1908 Русского народного союза имени Михаила Архангела. Избирался в III и IV Думы от русского населения Виленской губ., состоял во фракции правых и был ее ведущим оратором. В ноябре 1907 — октябре 1910 старший товарищ секретаря Думы. Участвовал в рассмотрении в 1913 в Киевском суде дела Бейлиса как представитель матери погибшего А. Ющинского и добивался обвинительного приговора. В августе 1915 избран Думой членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа). После Февральской революции Совещание Думы потребовало от Замысловского объяснений в связи с появившимися в прессе обвинениями в получении денег из секретного фонда Департамента полиции. Участник белого движения. Умер во Владикавказе.

Захаров Михаил Васильевич (1881 — ?). Крестьянин Московской губ., от которой был в 1907 избран членом III Думы, социал-демократ.

Захарьев Николай Александрович (25 декабря 1868 — ?). Из потомственных почетных граждан. Окончил юридический факультет Московского университета. Присяжный поверенный. Член III Думы от области Войска Донского, входил в кадетскую фракцию.

Иванов Николай Иудович (22 июля 1851 — 11 февраля 1919). Сын штабс-капитана. Окончил Михайловское артиллерийское училище, службу начал в 3-й гв. гренадерской артиллерийской бригаде. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. В Русско-японскую войну в сентябре—декабре 1905 командовал 3-м Сибирским корпусом, затем 1-м армейским корпусом. С ноября 1906 — временный генерал-губернатор Кронштадта, с апреля 1907 главный начальник Кронштадта. Член Совета государственной обороны (1906—1907). С декабря 1908 — командующий Киевским военным округом. С начала мировой войны до марта 1916 — главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, затем состоял при императоре. Член Государственного совета (с 17 марта 1916). 27 февраля 1917 назначен командующим Петроградским военным округом и направлен с отрядом георгиевских кавалеров в Петроград для подавления революции, но поставленной задачи выполнить не смог. Участвовал в белом движении, с ноября 1918 командовал Особой Южной армией. Умер от тифа в Одессе.

Игнатьев Алексей Алексеевич, граф (2 марта 1877 – 20 ноября 1954). Сын члена Государственного совета гр. А.П. Игнатьева. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Службу начал в Кавалергардском полку. Участник Русско-японской войны. С 1907 военный агент в Дании, Швеции и Норвегии; с 1912 военный агент во Франции. Генерал-майор (1917). После Октябрьской революции оставался во Франции; в 1925 передал советскому правительству находившиеся в его распоряжении российские денежные средства; работал в советском торгпредстве. С 1937 – в СССР; преподавал в высших военных учебных заведениях. Генерал-лейтенант Советской армии. Автор воспоминаний: Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1–2.

Игнатьев Павел Николаевич, граф (1870 — 12 августа 1945). Сын бывшего министра внутренних дел гр. Н.П. Игнатьева, крупный землевладелец (у семьи в общей сложности 13 000 дес.), владелец хрустального завода. Окончил Киевский университет, с 1892 служил по Министерству внутренних дел. С 1895 липовецкий уездный предводитель дворянства. С 1904 председатель Киевской губ. земской управы. 17 февраля 1907 назначен киевским губернатором. Действительный статский советник (1908). С 13 апреля 1909 директор Департамента земледелия, с 1 января 1912 товарищ главноуправляющего земледелием и землеустройством. С 9 января 1915 по 27 декабря 1916 возглавлял Министерство народного просвещения; в Совете министров придерживался либеральных позиций. Шталмейстер Двора (с 1 января 1917). Умер в эмиграции в Канаде.

Икскуль фон Гильденбанд Юлий Александрович, барон (16 декабря 1852 – 1918). Из дворянского рода шведского происхождения. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета, с 1875 служил по Министерству юстиции, с 1878 в Государственной канцелярии. С 1893 и.д. статс-секретаря, с 1895 статс-секретарь Департамента законов Государственного совета. 1 января 1899 назначен товарищем министра земледелия и государственных имуществ, 19 ноября 1899 – товарищем государственного секретаря. Сенатор (1903, с оставлением в должности). С 8 февраля 1904 по 1 января 1909 государственный секретарь; в этой должности руководил организацией деятельности аппарата Государственной думы и реорганизацией работы Государственной канцелярии как аппарата преобразованного в верхнюю законодательную палату Государственного совета. Статс-секретарь е.в. (1905). 1 января 1909 назначен членом Государственного совета. Действительный тайный советник (1912). С 7 января 1914 президент Евангелическо-лютеранской консистории. 16 июля 1917 назначен членом и первоприсутствующим образованного при Сенате Особого совещания по отчуждению недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы.

Казарова Надежда Ильинична (2 августа 1885 – после 1917). Дочь полковника. Окончила Петербургское училище ордена св. Екатерины. В 1906–1908 стенографистка С.-Петербургского телеграфного агентства в его отделении при Думе. С июля 1908 зачислена в Канцелярию Думы вольнонаемным стенографом. Уволена 24 октября 1913, вновь принята на службу 2 января 1914. В июне 1917 уволена от службы по прошению.

Капнист (2-й) Дмитрий Павлович (5 июня 1879 – 6 июля 1926). Из дворян Полтавской губ., землевладелец (на 1912 – 200 дес. земли); владел также домом с усадьбой в Ялте. По окончании юридического факультета С.-Петербургского университета с 1903 служил по Министерству юстиции. В 1907–1908 товарищ прокурора Тамбовского окружного суда. С 1910 – предводитель дворянства Золотоношского уезда Полтавской губ. Титулярный советник. Член IV Думы, октябрист, после раскола фракции вошел во фракцию земцев-октябристов. 1 марта 1917 назначен Временным комитетом Государственной думы комиссаром над Министерством внутренних дел. С 8 марта – председатель Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати (комиссар Временного правительства по делам печати). Умер в Париже.

Капнист Ольга Васильевна, графиня (4 октября 1868 – ?). Дочь статского советника и камергера, в 1885 окончила Московское училище св. Екатерины. В 1887–1892 хористка в оперной труппе Большого театра (под сценическим псевдонимом Ермолова). В 1900–1905 классная дама столичного Училища св. Екатерины. С 1907 служила стенографом в Государственной канцелярии, а с августа 1908 – стенографом в Канцелярии Государственной думы. В конце марта 1917 уволена от службы по прошению.

Капустин Михаил Яковлевич (23 декабря 1847 – ?). Из дворян. Уроженец Омска, обучался в гимназии в Томске. В 1870 окончил Медико-хирургическую академию, работал земским врачом. С 1873 – врач в 67-м пехотном Тарутинском, затем 68-м Бородинском полку. В 1877–1878 работал в военно-походных госпиталях на Кавказе. В 1879 получил степень доктора медицины (за работу «Определение углекислоты в воздухе посредством спиртного раствора едкого натра и титрования водой»). В 1879–1882 санитарный врач при воронежском городском общественном управлении, в 1882–1884 губ. санитарный врач курского земства. С 1884 приват-доцент Военно-медицинской академии. С 1885 профессор Варшавского университета, в 1887–1908 профессор Казанского университета по кафедре гигиены. Участвовал в оказании помощи пострадавшим от неурожаев начала 1890-х гг. (ему принадлежит опубликованная в 1892 статья «О задачах гигиены при бедствиях урожая»), организатор съездов врачей Казанской губ. В 1907 избран деканом медицинского факультета. Автор

многочисленных научных работ в области санитарии и гигиены. Действительный статский советник (1898). Член ЦК «Союза 17 октября» и руководитель его Казанского губ. отдела. Член II и III Дум от Казанской губ.; после избрания в III Думу оставил службу в университете. В октябре 1910 — июне 1912 товарищ председателя Думы. Затем преподавал в различных учебных заведениях — в Екатерининском женском педагогическом институте, Казанском университете (сверхштатный профессор). В годы мировой войны член Медицинского совета Министерства внутренних дел.

Карпов Виктор Иванович (20 июня 1859 — 23 апреля 1936). Из дворян, землевладелец (всего 2841 дес., включая имение София в Бахмутском уезде Екатеринославской губ.). Выпускник Училища правоведения. С 1881 служил по Министерству юстиции, с 1885 — в Государственной канцелярии. С 1893 — помощник статс-секретаря Государственного совета, с назначением в Отделение Свода законов. В 1896 уволен от службы в чине действительного статского советника. В 1907 избран членом Государственного совета по выборам от дворянства Екатеринославской губ.; выбыв из его состава по жребию в 1912, тут же был вновь избран в его состав. Давний знакомый М.В. Родзянко по Екатеринославу, Карпов постоянно привлекался председателем IV Думы в качестве консультанта по сложным юридическим и политическим вопросам. Тайный советник (1 января 1914). В августе 1915 избран Государственным советом членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа), в 1916 — членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Умер во Франции, в Ницце.

Кассо Лев Аристидович (6 июня 1865 — 26 ноября 1914). Из дворян Бессарабской губ., землевладелец (имение в 1000 дес.). Юридическое образование получил в Париже, Берлине и Гейдельберге. Доктор прав (1892). Приват-доцент Дерптского университета по кафедре церковного права, затем экстраординарный профессор по кафедре местного права. Доктор гражданского права (1899, докторская диссертация «Понятие о залоге в современном праве»). С 1895 — профессор Харьковского, с 1899 — Московского университетов. С 1908 директор Московского лицея цесаревича Николая. С 26 сентября 1910 возглавлял Министерство народного просвещения. Находился в постоянной конфронтации с либеральными и демократическими фракциями Думы; при нем была ликвидирована университетская автономия, ряд видных ученых вынуждены были в знак протеста покинуть высшие учебные заведения. Тайный советник (1911).

Керенский Александр Федорович (22 апреля 1881 — 11 июня 1970). Из дворян, сын директора Симбирской гимназии Ф.М. Керенского. В 1904 окончил юридический факультет С.-Петербургского университета и стал адвокатом.

В 1905 печатался в радикальном журнале «Буревестник»; по политическим взглядам был близок к эсерам и пытался вступить в их боевую организацию, но это предложение было отклонено. В декабре 1905 арестован по подозрению в причастности к террору, провел несколько месяцев в Крестах. В дальнейшем выступал в качестве защитника на громких политических процессах, став популярнейшей в кругах демократической интеллигенции фигурой. В 1912 избран депутатом IV Думы от Саратовской губ. В Думе входил во фракцию Трудовой группы, с 1915 — ее председатель. С 1912 принадлежал к масонскому союзу «Великий Восток народов России», в 1915—1916 был секретарем его Верховного совета. В дни Февральской революции сыграл важнейшую роль в качестве члена Временного комитета Государственной думы и одновременно товарища председателя Петроградского совета. В первом составе Временного правительства — министр юстиции. С 5 мая 1917 военный и морской министр; 8 июля стал министром-председателем Временного правительства, сохранив за собой прежний пост. С 30 августа — Верховный главнокомандующий. 1 сентября 1917 возглавил Директорию; с 25 сентября вновь министр-председатель и Верховный главнокомандующий. Покинув Петроград накануне захвата Зимнего дворца большевиками, безуспешно пытался организовать сопротивление. Находился на нелегальном положении, в июне 1918 покинул Россию. Жил в Париже и Берлине, с 1940 — в США. Скончался в Нью-Йорке. Оставил воспоминания: Россия на историческом переломе. М., 1993.

Кистяковский Игорь Александрович (4 января 1876 — июнь 1940). Сын известного юриста, профессора Киевского университета, видного деятеля украинского национального движения А.Ф. Кистяковского (1833—1885), брат юриста и социолога, одного из авторов «Вех» Б.А. Кистяковского (1868—1920). Окончил юридический факультет Киевского университета, где затем некоторое время был приват-доцентом. С 1903 жил в Москве, занимался адвокатской практикой, одновременно был приват-доцентом Московского университета. После Октябрьской революции вернулся в Киев. Во время правления гетмана П.П. Скоропадского с 3 мая 1918 занимал должность державного секретаря в правительстве Украины. 3 июля 1918 был назначен министром внутренних дел; на этом посту проводил репрессии против умеренно-оппозиционных власти сил. При формировании нового кабинета министров в октябре 1918 лишился своего поста. После краха режима Скоропадского эмигрировал. С 1921 жил в Париже; входил в Союз русских адвокатов за границей, был членом главного совета правления Российского национального объединения. Видный деятель русского зарубежного масонства.

Клопов Анатолий Алексеевич (13 марта 1841 — 1927). Сын купца. Окончил физико-математический факультет Московского университета. С 1865 служил учителем, затем был домашним воспитателем. С 1872 — в Министерстве путей

сообщения, где занимался железнодорожной статистикой. Титулярный советник (1876). В 1881 покинул службу, оставаясь причисленным к министерству, и занимался статистическими исследованиями хлебной торговли и др. в различных местностях России. С 1898 исполнял статистические исследования причин неурожаев по поручению Николая II, которому был рекомендован вел. кн. Александром Михайловичем. С этого времени вплоть до февраля 1917 посылал письма и записки по различным вопросам непосредственно императору, выступая, таким образом, в качестве его негласного советника. После Февральской революции жил в своем имении в Новгородской губ.; с 1920 — в Петрограде.

Ковзан Александр Иванович (18 августа 1862 — 3 января 1917). Из дворян. Землевладелец (на 1900 за ним числилось родовое имение в 1063 дес., за женою родовое имение в 800 дес.). Окончил Симбирскую военную гимназию, затем 3-е военное Александровское училище, военную службу начал в 1883 в 72-м пехотном Тульском полку; в 1887 уволен в запас. С 1888 мировой судья в Бузулукском уезде Самарской губ., в 1891—1906 земский начальник в этом же уезде. Депутат III и IV Дум, октябрист, с 1914 входил во фракцию земцев-октябристов. Статский советник. Председатель распорядительной комиссии Думы. Во время мировой войны — уполномоченный 2-го подвижного лазарета имени Государственной думы. Заболел на фронте и в тяжелом состоянии был доставлен в Петроград, где и скончался.

Козак Михаил Ильич (10 января 1882 — 24 декабря 1915). Из крестьян Подольской губ. Окончил городское училище и курсы, соответствующие шести классам среднего учебного заведения. С 1908 вольнонаемный стенограф в Канцелярии Думы. Уволен от службы 24 октября 1913; 31 октября вновь зачислен на службу стенографом.

Коковцов (Коковцев) Владимир Николаевич, граф (6 апреля 1853 — 29 января 1943). Из дворян, землевладелец (благоприобретенное имение в Новгородской губ. в 212 дес.). Окончил Александровский лицей; продолжил образование в С.-Петербургском университете. В 1873—1890 служил по Министерству юстиции (с 1880 инспектор, с 1882 помощник начальника Главного тюремного управления). С 1890 — в Государственной канцелярии: помощник статс-секретаря, статс-секретарь Департамента государственной экономии (с 1891), помощник государственного секретаря (с 1895). С 1 марта 1896 — товарищ министра финансов. В 1900 назначен сенатором (с оставлением в занимаемой должности). С 14 апреля 1904 — государственный секретарь. Статс-секретарь е. в. (1904). С 5 февраля 1904 министр финансов; 25 октября 1905 при формировании кабинета С.Ю. Витте уволен от должности министра с назначением членом Государственного совета и производством в действительные

тайные советники. При сменившем Витте на посту премьера И.Л. Горемыкине 26 апреля 1906 вновь занял пост министра финансов. После смертельного ранения в Киеве премьера П.А. Столыпина 1 сентября 1911 Коковцов в качестве заместителя председателя Совета министров вступил в исполнение обязанностей председателя. После кончины Столыпина Коковцов был 11 сентября назначен председателем Совета министров, сохранив за собой портфель министра финансов. Уволен от обеих этих должностей 30 января 1914; при отставке возведен в графское достоинство. В Государственном совете с июля 1915 возглавил кружок внепартийного объединения. С 30 декабря 1915 председатель Второго департамента Государственного совета. В конце июня 1918 был арестован и несколько дней находился под арестом в Петроградской ЧК. В ноябре 1918 вместе с женой нелегально перебрался через финскую границу, а затем переехал во Францию. Скончался в Париже. Оставил мемуары: Из моего прошлого: Воспоминания 1903—1919 гг. М., 1992. Кн. 1—2.

Кондзеровский (Кондырев-Кондзеровский) Петр Константинович (22 июня 1869 — 16 августа 1929). Окончил 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В службу вступил в 1887; с 1899 служил в Главном штабе, где с 1907 был и.д. помощника дежурного генерала. С 1908 — дежурный генерал Главного штаба. Генерал-майор (1910). С начала мировой войны находился в Ставке в должности дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. В 1918—1919 видный деятель белого движения на Северо-Западе России: член военно-политического центра при генерале Н.Н. Юдениче, затем помощник военного министра Северо-Западного правительства. Умер в Париже. Автор воспоминаний: В Ставке Верховного. Париж, 1967.

Коновалов Александр Иванович (17 сентября 1875 — 28 января 1949). Из семьи крупных фабрикантов Костромской губ. В 1894—1895 учился на физико-математическом факультете Московского университета, потом в профессионально-технической школе прядения и ткачества в Мюльгаузене (Германия). С 1897 председатель правления товарищества «Иван Коновалов с сыном». Принадлежал к числу богатейших людей России: владел фабрикой оценочной стоимостью ок. 1 400 000 руб., домами, а также 6830 дес. земли. Один из создателей торгово-промышленной партии (1905). С 1908 товарищ председателя Московского биржевого комитета. Член ЦК партии прогрессистов (1912). Избран в IV Думу от Костромской губернии. Масон, входил в так называемую думскую ложу, член Верховного совета «Великого Востока народов России». В октябре 1913 — мае 1914 товарищ председателя Думы. С июля 1915 товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. В Прогрессивном блоке принадлежал к левому крылу, пытался обеспечить поддержку блоку

22 Зак. 2660.

со стороны рабочего движения в форме «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах. 27 февраля 1917 избран членом Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 18 мая 1917 министр торговли и промышленности в первом составе Временного правительства. 25 сентября 1917 назначен заместителем министра-председателя и министром торговли и промышленности Временного правительства. Арестован при взятии Зимнего дворца и заключен в Петропавловскую крепость; освобожден в январе 1918. Затем — в эмиграции во Франции, руководил Русским коммерческим институтом. После оккупации Парижа фашистами бежал в Португалию. С июня 1941 жил в Нью-Йорке; скончался в Париже.

Корф Павел Павлович, барон (1845 — не ранее 1917). Крупный землевладелец (на 1915 — 6000 дес. в Ямбургском уезде С.-Петербургской губ.). Учился в С.-Петербургском, затем в Берлинском университетах, где получил степень доктора прав. В 1866 причислен к канцелярии Учредительного комитета в Царстве Польском. С 1871 — и.д. помощника юридического советника Плоцкого губ. правления. В 1872 причислен к Министерству внутренних дел, с 1873 чиновник особых поручений при Министерстве государственных имуществ. С 1877 в должности церемониймейстера Двора, с 1883 церемониймейстер Двора. 12 января 1900 пожалован вторым обер-церемониймейстером Двора с производством в тайные советники. 6 декабря 1912 назначен обер-церемониймейстером Двора с производством в действительные тайные советники.

Кривошеин Александр Васильевич (19 июля 1857 — 28 октября 1921). Сын подполковника, выслужившегося из рядовых. Окончил С.-Петербургский университет со степенью кандидата прав. Службу начал по Министерству юстиции, с 1887 — в Земском отделе Министерства внутренних дел. С 23 декабря 1904 — начальник Переселенческого управления. 8 июня 1905 назначен товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием; с 8 июня 1906 по 27 июля 1907 и.д. главноуправляющего этим ведомством. 6 мая 1906 назначен членом Государственного совета. С 6 октября 1906 товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским поземельным банками. С 21 мая 1908 главноуправляющий землеустройством и земледелием; в этой должности играл ведущую роль в проведении в жизнь столыпинской крестьянской реформы. Гофмейстер Двора (1909). Статс-секретарь (1910). В годы мировой войны возглавлял группу либеральных министров, считавших необходимым опираться на поддержку либеральной общественности и учитывать в правительственной политике требования Прогрессивного блока. С 17 августа 1915 как главноуправляющий возглавлял Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 26 октября 1915 уволен от должности главноуправляющего. После отставки с этого поста — главноуполномочен-

ный Российского общества Красного Креста. После Октябрьской революции видный деятель антибольшевистского движения. В 1920 возглавлял правительство Юга России при П.Н. Врангеле в Крыму, которое попыталось провести аграрную и земскую реформы. После разгрома Врангеля — в эмиграции. Скончался в Берлине.

Крупенский (2-й) Николай Дмитриевич (10 августа 1877 — ?). Из дворян Бессарабской губ., землевладелец (на 1912 ок. 7700 дес. в Бендерском уезде). По окончании Александровского лицея причислен к Канцелярии Комитета министров; с 1906 — в Канцелярии Совета министров (с перерывом в январе 1909 — апреле 1910, когда состоял старшим сверхштатным чиновником особых поручений при бессарабском губернаторе). Коллежский советник (1909). Депутат IV Думы от Бессарабской губ., секретарь фракции центра. В годы Первой мировой войны уполномоченный санитарного поезда Общедворянской организации.

Крупенский (1-й) Павел Николаевич (19 февраля 1863 — после 1927). Из дворян, землевладелец (692 дес., по др. сведениям 800 дес. в Бессарабской губ.). Окончил Николаевское кавалерийское училище. Службу начал в л.-гв. Гродненском гусарском полку; вышел в отставку в чине полковника. С 1899 хотинский уездный предводитель дворянства. Действительный статский советник, камергер. Представлял Бессарабскую губ. во II, III и IV Думах. Один из лидеров националистов, с 1910 член Совета Всероссийского национального союза. В IV Думе лидер фракции центра. Входил в Прогрессивный блок; в то же время тайно информировал правительство о парламентских настроениях, получал деньги из секретного правительственного фонда. 3 ноября 1916 оставил пост лидера фракции и вышел из блока. В марте 1917 в связи с разоблачением его тайных связей с низложенным правительством сложил полномочия члена Думы. После Октябрьской революции — в эмиграции.

Куломзин Анатолий Николаевич (3 января 1838 — 13 сентября 1923). Из дворян, землевладелец (имение в 2557 дес. в Костромской губ.). Зять бывшего министра юстиции Д.Н. Замятнина. Получил юридическое образование в Московском университете. С 1861 был мировым посредником в Костромской губ. В 1864 поступил на службу в Государственную канцелярию. С 1868 служил в Канцелярии Комитета министров. В 1880—1883 — товарищ министра государственных имуществ. В 1883—1902 занимал пост управляющего делами Комитета министров; одновременно с 1893 был управляющим делами Комитета Сибирской железной дороги, фактически возглавляя строительство этой крупнейшей в мире железнодорожной магистрали. Действительный тайный советник (1892), статс-секретарь. 23 декабря 1902 назначен членом Государствен-

ного совета. С 1914 — председатель Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния. С 15 июля 1915 по 1 января 1917 — председатель Государственного совета. В августе 1915 избран председателем Наблюдательной комиссии Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Занимался научной деятельностью, автор ряда научных трудов, в том числе по истории финансов в России. Эмигрировал; скончался в Марселе.

Кульчицкий Николай Константинович (16 января 1856 — 30 января 1925). Из обер-офицерских детей С.-Петербургской губ. В 1880 окончил медицинский факультет Харьковского университета, оставлен при университете для получения профессорского звания, где с 1883 стал приват-доцентом; с 1885 — прозектором при кафедре гистологии. С 1889 профессор по кафедре гистологии и эмбриологии Харьковского университета. В 1897—1901 декан медицинского факультета. С 1908 заведовал кафедрой описательной анатомии; утвержден в звании заслуженного профессора. 27 февраля 1912 назначен попечителем Казанского, 30 июня 1914 С.-Петербургского учебного округа. Тайный советник (1914). 20 января 1916 назначен сенатором Второго департамента. Последний министр народного просвещения царского правительства (назначен 28 декабря 1916). В дни Февральской революции арестован, 3 марта доставлен в Таврический дворец; с 4 по 12 марта 1917 содержался в Петропавловской крепости. После Октябрьской революции в эмиграции в Великобритании; преподавал в Оксфорде.

Куракин Александр Борисович, князь (17 января 1875 — 1941). Окончил Харьковский университет. В 1896 вступил вольноопределяющимся в л.-гв. Преображенский полк; в 1902 в чине поручика зачислен в запас и был избран предводителем дворянства Малоархангельского уезда Орловской губ. (на 1913 за его отцом здесь числилось имение в 2365 дес.). Камер-юнкер (1904), церемониймейстер Двора (1911). Октябрист, участник второго всероссийского съезда «Союза 17 октября» в мае 1907. Депутат II Думы от Орловской губ. В декабре 1913 избран и в январе 1914 утвержден орловским губернским предводителем дворянства. Действительный статский советник (1916).

Лелюхин Александр Георгиевич (11 марта 1862 — ?). Из дворян. Землевладелец (на 1912 — имение в 1870 дес.). Окончил Московский лицей цесаревича Николая и юридический факультет Московского университета. Многолетний юхновский уездный предводитель дворянства Смоленской губ., земский гласный. Видный деятель народного образования, участвовал в разработке программ для народных школ. Избран в IV Думу от Смоленской губ., октябрист; после раскола фракции, в котором принимал активное участие, оказался в итоге не

у дел и вошел в группу беспартийных. С 17 марта 1917 — комиссар Временного комитета Государственной думы и Временного правительства в 5-й армии Северного фронта, с 1 апреля — в 7-й Уральской дивизии в Минске. С 3 мая заместитель члена Думы В.П. Басакова в Особом совещании для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание (от партии центра). С августа 1917 член Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии.

Лерхе Герман Германович (16 декабря 1868, по др. сведениям 1869 — 13 октября 1963). Сын Германа Густавовича Лерхе (ум. 1903), видного чиновника Министерства финансов, к концу его служебной карьеры тайного советника и члена Совета Государственного банка. После окончания Александровского лицея с золотой медалью в 1890 причислен к Министерству юстиции, с 1891 служил в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Неоднократно командировался по служебным делам в европейские столицы; в 1894—1895 сопровождал Д.Ф. Кобеко в поездке в Закаспийскую область, Туркестан, Бухару. С 1895 — в Государственном банке (помощник правителя канцелярии, с 1897 помощник директора столичной конторы). В 1901 переведен в Собственную е.и.в. канцелярию по делам учреждений имп. Марии (чиновник особых поручений сверх штата). После начала Русско-японской войны направлен на Дальний Восток: с апреля 1904 начальник 6-го летучего отряда Красного Креста, уполномоченный Красного Креста при войсках 1-го Сибирского корпуса; награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. «за отличия в делах против японцев». В марте 1905 возвратился на службу в Государственный банк, где занял должность старшего инспектора. Статский советник (1905). Пожалован в звание камергера Двора (1906). Гласный столичной городской думы. Один из основателей октябристской партии, член ее ЦК с ноября 1905, казначей партии. Избран в III Думу от Петербурга; после избрания с 1 ноября 1907 переведен из Государственного банка на должность попечителя детских приютов при Главном комитете для сбора пожертвований в пользу приютов Ведомства учреждений имп. Марии. Был видной фигурой финансового и промышленного мира: занимал посты директора Русско-Персидского горнопромышленного общества, председателя правления Общества либавских железоделательных и сталелитейных заводов, члена правления Товарищества Петербургского вагоностроительного завода. В III Думе возглавлял финансовую комиссию. В эмиграции жил во Франции.

Литвинов-Фалинский Владимир Петрович (1868 — 29 октября 1929). Из мещан. Окончил Петербургский технологический институт. С 1895 служил по Министерству финансов (фабричный инспектор С.-Петербургской губ.). С декабря 1905 до 16 марта 1915 управляющий Отделом промышленности Министер-

ства торговли и промышленности; затем причислен к этому министерству. Действительный статский советник. Скончался в Лондоне.

Лодыженский Александр Александрович (13 апреля 1886 — 3 августа 1976). Из тверских дворян. Сын депутата III и IV Дум, октябриста А.А. Лодыженского (р. 1854). Выпускник Училища правоведения. В 1908 причислен к Министерству юстиции. В 1910 переведен в Государственную канцелярию. С мая 1914 занимал должность младшего делопроизводителя VIII класса. В августе 1914 командирован в распоряжение главноуполномоченного Красного Креста по Северо-Западному району. В октябре 1914, при образовании при Штабе Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича Канцелярии по гражданскому управлению, командирован в Ставку и занял в канцелярии должность делопроизводителя VI класса. С 6 ноября 1915 вплоть до сентября 1917 возглавлял эту канцелярию. Надворный советник (с 6 декабря 1915). В марте 1916, оставаясь в своей должности в Ставке, назначен старшим делопроизводителем Государственной канцелярии сверх штата. Участвовал в подготовке «корниловского мятежа»; накануне Всероссийского государственного совещания в августе 1917 приезжал в Москву для ведения переговоров от имени Л.Г. Корнилова с М.В. Родзянко и др. политическими лидерами. 20 сентября 1917 по просьбе Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева в связи с желанием Лодыженского поступить в действующую армию он был вновь формально зачислен в штат Государственной канцелярии. В 1919 работал в аппарате Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России. В эмиграции жил во Франции. Оставил мемуары: Воспоминания. Париж, 1984.

Лопухин Алексей Александрович (1864 — 1 марта 1928). Из старинного дворянского рода. Окончил Московский университет со степенью кандидата прав. С 1886 служил на судебных должностях при Тульском, с 1887 — Ярославском окружном суде. С 1890 товарищ прокурора Рязанского, с 1893 — Московского окружного суда. В 1896 назначен прокурором Тверского, в 1899 — Московского, в 1900 — С.-Петербургского окружного суда. 1 февраля 1902 получил назначение и. д. прокурора Харьковской судебной палаты, но уже в мае того же года становится и.д. директора Департамента полиции; 6 мая 1903 утвержден в этой должности с производством в действительные статские советники. С 4 марта 1905 — эстляндский губернатор, однако уже 27 октября 1905 Лопухин, обвиненный в попустительстве революционному движению, был уволен от этой должности с причислением к Министерству внутренних дел. В дальнейшем примкнул к оппозиционному лагерю и в 1906 выступил с разоблачениями Департамента полиции, причастного к выпуску призывавших к еврейским погромам прокламаций. В 1908 оказал содействие В.Л. Бурцеву в

разоблачении провокатора Е.А. Азефа, за что в 1909 был предан суду и приговорен к лишению прав и ссылке на каторжные работы, затем замененные ссылкой на поселение в Сибирь. Ссылку отбывал в Красноярске. В 1912 был помилован, после чего служил в Москве вице-директором Сибирского торгового банка. После Октябрьской революции некоторое время оставался в Советской России, затем уехал во Францию; жил в Париже, служил членом правления Петроградского международного коммерческого банка. Скончался в Париже. Автор мемуаров: Отрывки из воспоминаний: (По поводу воспоминаний гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923.

Львов (2-й) Владимир Николаевич (2 апреля 1872 — 1934). Из дворян, землевладелец Бугурусланского уезда Самарской губ. (на 1912 — 4608 дес.). Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1906 октябрист. Депутат Думы 3-го (октябрист, в апреле 1910 вышел из фракции, затем независимый националист) и 4-го созывов (фракция центра, товарищ председателя) от Самарской губ. 27 февраля 1917 избран членом Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 21 июля обер-прокурор Синода. После Октябрьской революции в эмиграции. В 1922 возвратился в Советскую Россию и работал в обновленческом Высшем церковном управлении. В 1927 арестован и выслан в Томск.

Львов Георгий Евгеньевич, князь (21 октября 1861 — 6 марта 1925). Вырос в имении матери Поповка в Тульской губ. В 1885 после окончания юридического факультета Московского университета вернулся в Тулу; до 1893 член Тульского губернского присутствия. Выйдя в отставку в знак протеста против произвола властей, работал в земстве. С 1900 председатель Тульской губернской земской управы. В 1904—1905 возглавлял отряд Красного Креста в Маньчжурии. В 1906 избран в Туле депутатом I Думы от кадетов и октябристов. В Думе формально входил в кадетскую фракцию, но держался особняком, примыкая к группе умеренных либералов вокруг гр. П.А. Гейдена. Не подписав Выборгского воззвания, затем отошел от кадетской партии. Занимался благотворительностью, проблемами переселенцев на Дальний Восток и т.д. В 1913 избран московским городским головой, но кандидатура Львова была отклонена министром внутренних дел Н.А. Маклаковым. С 30 июня 1914 главноуполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, с 1915 возглавлял Главный комитет Земского и Городского союзов по снабжению армии (Земгор). С августа 1914 член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Представляя общественные организации на совещаниях Прогрессивного блока, занимал радикально-демократические позиции. После победы Февральской революции

2 марта 1917 возглавил в качестве министра-председателя Временное правительство, в котором занял также пост министра внутренних дел. 7 июля 1917 вышел в отставку. После Октябрьской революции уехал в Сибирь, затем жил за границей. Скончался в Париже. В 1998 были впервые опубликованы его неоконченные мемуары: Воспоминания. М., 1998.

Львов Николай Николаевич (1867—1944). Из дворян, землевладелец (на 1912 — ок. 5000 дес., по др. сведениям 28 000 дес. в Саратовской губ.). Учился в Швейцарии, затем в 1891 окончил юридический факультет Московского университета. С 1891 предводитель дворянства Балашовского уезда Саратовской губ., с 1899 председатель губернской земской управы. Участвовал в создании либерального «Союза освобождения». С октября 1905 в кадетской партии, вошел в состав ее ЦК. Избранный в I Думу от Саратовской губ., занял в ней особую позицию, отказываясь поддержать радикальные требования своей партии, и вышел из ее думской фракции. Приехав после роспуска Думы в Выборг, в кулуарах заседания членов разогнанной Думы пытался удержать их от разрыва с властью. В июле 1906 стал одним из основателей партии мирного обновления, участвовал в переговорах со Столыпиным о создании кабинета с участием общественных деятелей. Депутат III и IV Дум от Саратовской губ. В 1912 был одним из создателей партии прогрессистов, вошел в ее фракцию в Думе. В IV Думе в декабре 1912 — июне 1913 старший товарищ секретаря, с 1 июня по 15 ноября 1913 товарищ председателя Думы; входил в думскую группу «Союза 17 октября». 2 марта 1917 назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы над Дирекцией императорских театров. В 1918—1920 участник белого движения, с 1920 в эмиграции.

Люц (Лютц) Людвиг Готлибович (1 ноября, по др. сведениям 30 ноября 1880 — 18 ноября 1941). Личный дворянин, землевладелец (700 дес.). Окончил юридический факультет Новороссийского университета, служил по судебному ведомству (в 1907 товарищ прокурора Одесского окружного суда). Депутат II, III и IV Дум от Херсонской губ., октябрист, после раскола фракции — во фракции земцев-октябристов. В 1915 особоуполномоченный Красного Креста в 9-й армии. В дни Февральской революции член Комиссии Временного комитета Государственной думы по принятию высших военных и гражданских чинов. С апреля 1917 представитель Думы в Особой следственной комиссии для расследования злоупотреблений по военному ведомству.

Маиевский Владимир Николаевич (31 января 1871 — не ранее 1930). Из дворян Тверской губ. (у отца — имение в Тверской губ. в 300 дес.). Окончил курс физико-математических наук в С.-Петербургском университете (1893), служил в Государственной канцелярии; в 1901—1903 в Главном управлении

неокладных сборов и казенной продажи питей, с 1903 — вновь в Государственной канцелярии. В апреле—июне 1906 командирован в Государственную думу; по окончании командировки назначен в Отделение финансов Государственной канцелярии. В октябре 1907 г. вновь командирован в Таврический дворец. С 5 июля 1908 — начальник Финансового отдела Канцелярии Думы; занимал эту должность вплоть до октября 1917. Действительный статский советник (1912). После Октябрьской революции остался в Петрограде. В 1920-х гг. служил в Ленинградтекстиле (заведующий налого-страховым подотделом финансово-сметного отдела, затем старший инструктор-бухгалтер в инструкторском отделе).

Макаров Александр Александрович (7 июля 1857 — 1919). Из купеческого звания. В 1878 окончил С.-Петербургский университет со степенью кандидата прав, затем служил по судебному ведомству. С 18 мая 1906 товарищ министра внутренних дел. 1 января 1909 занял пост государственного секретаря. С 20 сентября 1911 по 16 декабря 1912 — министр внутренних дел. 1 января 1912 назначен членом Государственного совета, примыкал к группе правых. В августе 1915 избран верхней палатой членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа). В январе—июле 1916 и затем с 4 января 1917 — председатель Особого совещания при Государственном совете для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на определения департаментов Сената. С 7 июля по 20 декабря 1916 занимал пост министра юстиции. Действительный тайный советник (1917). В дни Февральской революции арестован и доставлен в Таврический дворец, с 1 марта по 31 июля 1917 содержался в Петропавловской крепости. После Октябрьской революции содержался в Москве в Бутырской тюрьме; расстрелян в Москве.

Маклаков Василий Алексеевич (8 мая 1870, по др. сведениям 10 мая 1869 — 15 июня 1957). Из дворян, землевладелец (на 1908 вместе с братьями и сестрами владел в Дмитровском уезде Московской губ. при с. Ярцеве 228 дес., в Звенигородском уезде при с. Спасском 300 дес. и при с. Дергайкове 120 дес.). Сын профессора-окулиста А.Н. Маклакова, брат министра внутренних дел в 1912—1915 Н.А. Маклакова. Учился на естественном и историко-филологическом факультетах Московского университета. Преследовался властями за участие в студенческих беспорядках в 1890. В 1895, сдав экстерном экзамен по курсу юридического факультета, начал карьеру адвоката. Получил громкую известность как защитник на политических процессах (в том числе на Выборгском процессе). С января 1906 член ЦК кадетской партии, в которой занимал позиции на правом фланге; пользовался репутацией одного из наименее склонных к радикализму кадетов. Депутат II, III и IV Дум от Москвы, один из популярнейших думских ораторов. Видный деятель российского масонства: вступив в 1905 в парижскую ложу «Масонский авангард», затем состоял в российских

ложах, в 1908 был возведен в Париже в так называемую 18-ю степень, но впоследствии в думскую масонскую ложу из-за своих связей с французским масонством не входил. В 1913 один из защитников Бейлиса на знаменитом киевском процессе. В годы мировой войны принадлежал к числу лидеров Прогрессивного блока. В ходе Февральской революции назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерство юстиции. С 8 по 20 марта председатель Юридического совещания при Временном правительстве. С мая 1917 член Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. С августа 1917 член Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Назначенный Временным правительством послом во Франции, приказом наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого в ноябре 1917 был уволен. Активный участник белого движения, которое представлял за рубежами России. С 1924 возглавлял Эмигрантский комитет, взявший на себя представительство интересов русских эмигрантов во Франции. Скончался в Бадене (Швейцария). Автор воспоминаний: Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания. Париж, 1930. Т. 1—3; Первая Государственная Дума: Воспоминания современника. Париж, 1939; Вторая Государственная Дума: Воспоминания современника. Париж, б.г.; Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

Маклаков Николай Алексеевич (9 сентября 1871 — 5 сентября 1918). Из потомственных дворян, землевладелец (нераздельно с братьями имение в 648 дес. в Московской губ.). Родной брат В.А. Маклакова. Окончив историко-филологический факультет Московского университета, служил по Министерству финансов: с 1894 податной инспектор в Суздале, с 1898 — во Владимире, с 1900 — начальник отделения Тамбовской казенной палаты, с 1906 — управляющий Полтавской казенной палатой. 7 июня 1909 назначен черниговским губернатором. В 1909 пожалован в звание камергера Двора. Действительный статский советник (1911). 16 декабря 1912 возглавил Министерство внутренних дел. Придерживался крайне консервативных взглядов и пользовался особым доверием императора. Гофмейстер Двора (1913). 21 января 1915 назначен членом Государственного совета. 5 июля 1915 уволен от должности министра, что было вынужденной уступкой Николая II оппозиции. В конце 1916 — начале 1917 выступал в роли негласного политического советника императора, был сторонником роспуска Думы. В дни Февральской революции задержан и доставлен в Таврический дворец, затем содержался в Петропавловской крепости. 11 октября 1917 переведен в больницу Конасевича, где содержался под охраной. Расстрелян в дни красного террора в Москве.

Малиновский Роман Вацлавович (18 марта 1877 — 5 ноября 1918). Настоящая фамилия неизвестна, происходил из польской дворянской семьи. Рабо-

тал токарем; в 1899 осужден за воровство. В 1901—1905 служил рядовым в л.-гв. Измайловском полку. В 1906 вступил в РСДРП, работал в петербургском профсоюзе металлистов. С 1910 жил в Москве; после ареста в мае 1910 стал секретным сотрудником Московского охранного отделения под кличкой Портной. В 1912 на 6-й Всероссийской конференции партии в Праге избран членом ЦК РСДРП. Осенью 1912 избран депутатом IV Думы от Московской губ. (по рабочей курии). После избрания в Думу становится секретным личным сотрудником директора департамента полиции С.П. Белецкого; получал из сумм департамента по 500 руб. в месяц. В мае 1914 по инициативе товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского вынужден был отказаться от депутатского мандата и покинул Россию; исключен из партии за дезертирство. После начала мировой войны призван в действующую армию; вскоре попал в плен. После освобождения в октябре 1918 вернулся в Петроград. Расстрелян по приговору Верховного трибунала при ВЦИК.

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (25 июля 1871, по др. сведениям 1869 — 1918). Из еврейской мещанской семьи. В малолетнем возрасте с семьей, высланной из-за уголовного преступления отца, оказался в Сибири; был усыновлен купцом Мануйловым. Окончил реальное училище в Петербурге. С 1888 агент столичного охранного отделения; в 1889—1890 служил в Главном дворцовом управлении. С 1890 — сверхштатный чиновник X класса Имп. Человеколюбивого общества. С 1897 состоял на службе в Министерстве внутренних дел; откомандирован в Департамент духовных дел иностранных исповеданий; одновременно выполнял поручения столичного охранного отделения. Занимался журналистикой (печатался в «Новостях», с 1906 в «Новом времени» и др.), писал пьесы. С 1900 исполнял обязанности агента по римско-католическим делам в Риме. С 1902 служил в Париже; получил должность чиновника особых поручений VIII класса при министре внутренних дел. Коллежский асессор (1903). В 1904—1905 занимался контрразведывательной деятельностью против Японии. Во время премьерства С.Ю. Витте состоял в его распоряжении. 1 сентября 1906 уволен от службы. В годы мировой войны входил в ближайшее окружение Г.Е. Распутина. После назначения Б.В. Штюрмера премьером с 24 января 1916 причислен к Министерству внутренних дел и откомандирован в его распоряжение. В августе 1916 арестован по обвинению в шантаже, в связи с чем задним числом уволен от службы. Несмотря на безуспешные попытки покровителей Манасевича-Мануйлова, включая и императрицу Александру Федоровну, прекратить дело, в феврале 1917 приговорен к полутора годам заключения. После Октябрьской революции арестован при попытке бежать в Финляндию; расстрелян.

Манухин Сергей Сергеевич (27 сентября 1856 — 17 апреля 1922). Сын личного дворянина. Окончив С.-Петербургский университет со степенью канди-

дата прав, поступил на службу в Министерство юстиции. В 1895—1901 директор Первого департамента Министерства юстиции. С 1 января 1901 товарищ министра юстиции. Сенатор (с оставлением в должности, 1902). С 21 января по 16 декабря 1905 — министр юстиции; при увольнении от этой должности назначен членом Государственного совета с оставлением в звании сенатора. В 1912 по повелению Николая II расследовал обстоятельства, при которых произошел расстрел рабочих на Ленских золотых приисках. С 15 июня 1914 по 15 июля 1915 временно исполнял обязанности вице-председателя Государственного совета. Действительный тайный советник (1915). 3 мая 1917 Временным правительством назначен сенатором Первого департамента Сената. В советское время юрисконсульт Наркомата финансов, делопроизводитель Сапропелевого комитета Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук. По так называемому делу Таганцева в 1921 приговорен к двум годам принудительных работ, но был амнистирован ВЦИК ввиду тяжелой болезни, от которой вскоре скончался.

Мария Павловна, великая княгиня (2 мая 1854 — 6 сентября 1920). Супруга вел. кн. Владимира Александровича (1847—1909). С 1909 — президент Академии художеств; в годы мировой войны возглавляла Комитет по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину из всех лечебных заведений империи.

Марков (2-й) Николай Евгеньевич (2 апреля 1866 — 1945). Из дворян, землевладелец (245 дес.). В 1888 закончил Институт гражданских инженеров. Коллежский советник. Один из основателей и лидеров Союза русского народа, с 1911, после отделения сторонников А.И. Дубровина, лидер так называемого марковского Союза русского народа. Избирался от Курской губ. в III и IV Думы, где был ведущим оратором фракции правых; экстремистские националистические взгляды Маркова 2-го и провоцировавшиеся им скандалы в Думе сделали его символом реакции для всей России, а его имя нарицательным. Вел активную издательскую и пропагандистскую деятельность, частично субсидировавшуюся правительством. С августа 1915 член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. В 1915—1916 предпринимал усилия для объединения монархических организаций ультраправого толка, выступал как ярый противник Прогрессивного блока. В 1918—1920 участвовал в белом движении на Северо-Западе России, затем жил в эмиграции. С 1921 председатель Высшего монархического совета. Автор воспоминаний: Отреченные дни Февральской революции. Харбин, б.г.

Меллер-Закомельский Владимир Владимирович, барон (31 марта 1863 — 1920). Землевладелец (на 1912 — 3400 дес. в Ямбургском уезде С.-Петербург-

ской губ.). Воспитывался в Пажеском корпусе, служил в л.-гв. Конном полку, в 1886 вышел в запас гвардейской кавалерии. Жил в своем имении, в 1899—1903 уездный предводитель дворянства Ямбургского уезда. В 1904—1906 начальник Алтайского округа Кабинета е.и.в. В декабре 1905 избран председателем С.-Петербургской губернской земской управы. В 1912 избран от земства членом Государственного совета (переизбран в 1915), где принадлежал к группе центра. Статский советник (1912). В 1915 один из инициаторов создания Прогрессивного блока и лидер его сторонников в Государственном совете. С августа 1915 — член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа). В годы Гражданской войны видный деятель белого движения, возглавлял на Ясском совещании 1918 русскую делегацию, призвавшую страны Антанты к интервенции в Россию.

Милюков Павел Николаевич (15 января 1859 — 31 марта 1943). Из дворян. В Русско-турецкую войну 1877—1878 доброволец в санитарном отряде в Закавказье. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (ученик В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова), с 1886 приват-доцент. Крупнейший русский историк начала XX в., автор многотомных «Очерков по истории русской культуры» и др. работ. В 1895 уволен из Московского университета и выслан в Рязань. С 1897 преподавал в Софии. Один из лидеров демократического крыла российского либерализма, создателей кадетской партии в 1905, лидером которой оставался на всем протяжении ее существования. Депутат III и IV Дум от Петербурга, бессменный председатель кадетской фракции. Ведущий публицист партии, редактор ее газеты «Речь». Летом 1915 сыграл значительную роль в создании Прогрессивного блока, стратегию и тактику которого впоследствии во многом определял. 1 ноября 1916 выступил в Думе с громкими обвинениями (так и оставшимися недоказанными) в измене премьер-министра Б.В. Штюрмера и окружения императрицы Александры Федоровны. 27 февраля 1917 Милюков был избран членом Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 1 мая 1917 — министр иностранных дел Временного правительства; после выхода в отставку перешел в оппозицию к правительству. После Октябрьской революции уехал на юг, участвовал в антибольшевистском движении. В 1918 сторонник германской ориентации. С ноября 1918 жил на Западе. В 1921—1940 редактор парижской газеты «Последние новости». Один из влиятельнейших деятелей русской эмиграции, входил в Парижскую демократическую группу партии народной свободы. Скончался в Экс-ле Бен (Франция). Оставил «Воспоминания» (М., 1990. Т. 1—2).

Михаил Александрович, великий князь (22 ноября 1878 — 12 июня 1918). Второй сын императора Александра III, младший брат Николая II. С 1884 числился на военной службе, с 1900 служил в 5-й батарее гв. Конно-артиллерий-

ской бригады. С 7 мая 1901 член Государственного совета, с 1902 — Комитета министров. В 1902—1904 служил в л.-гв. Преображенском полку, с 1904 — в л.-гв. Кирасирском полку. В 1909—1911 командир 17-го гусарского Черниговского полка. В апреле 1911 назначен командиром л.-гв. Кавалергардского полка. В 1912 в Вене вступил в брак с Н.С. Вульферт, разведенной женой офицера Кирасирского полка, не получив на то согласия императора; был лишен прав престолонаследия и въезда в Россию, одновременно учреждалась опека над ним и его имуществом. С августа 1914 генерал-майор, командующий Кавказской туземной конной дивизией, затем 2-м кавалерийским корпусом. В марте 1915 награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и георгиевским оружием. Генерал-лейтенант, генерал-адъютант (1916). 19 января 1917 назначен генерал-инспектором кавалерии. После отречения Николая II 2 марта 1917 от престола в его пользу, обсудив сложившуюся в стране ситуацию в совещании с лидерами Думы и министрами Временного правительства 3 марта 1917, также отказался от верховной власти. В конце марта 1917 уволен от службы «согласно прошению с мундиром». После Октябрьской революции находился в Гатчине под домашним арестом. В марте 1918 был выслан в Пермь. Похищен группой чекистов и милиционеров во главе с Г.И. Мясниковым и расстрелян вблизи Мотовилихи.

Михайлов Петр Михайлович (12 мая 1865 — ?). Из дворян, сын действительного статского советника. Окончил С.-Петербургское пехотное юнкерское училище. Службу начал в 148-м Казанском полку. С 1894 — в Главном штабе. В 1897—1899 — в Николаевской академии Генерального штаба; по окончании двух курсов отчислен в Александро-Невский резервный батальон. В 1905 в действующей армии — в 12-м Восточно-Сибирском стрелковом полку, затем в Управлении генерал-квартирмейстера при главнокомандующем А.Н. Куропаткине. В августе 1908 по рекомендации А.И. Гучкова приглашен на службу в Канцелярию Государственной думы как специалист по военным вопросам. В ноябре 1908 уволен от военной службы в чине капитана и зачислен в думский штат на должность делопроизводителя. Вел делопроизводство комиссии по государственной обороне. Коллежский советник (1909). В результате длительного конфликта с руководством Думы уволен от службы с 28 февраля 1911. После начала Первой мировой войны служил офицером в действующей армии.

Муромцев Сергей Андреевич (23 сентября 1850 — 5 октября 1910). Из дворян, землевладелец Тульской губ. (ок. 500 дес.). В 1871 окончил юридический факультет Московского университета. После защиты докторской диссертации («Очерки общей истории гражданского права», 1877) профессор Московского университета по кафедре римского права; в 1880—1881 проректор университета. С конца 1870-х гг. участвовал в земском движении. Председатель Московского юридического общества; один из редакторов «Юридического вестника». В 1882 женился на оперной певице, солистке Большого театра М.Н. Климентовой

(1857—1946). Обвиненный Департаментом полиции в политической неблагонадежности, в июле 1884 по распоряжению министра народного просвещения уволен из Московского университета. После увольнения от службы становится присяжным поверенным; одновременно занимается литературной и общественной деятельностью, был избран гласным Московской городской думы. С 1898 преподавал в Александровском лицее в Петербурге. Один из видных деятелей либерального движения начала XX в. В 1904—1906 становится признанным авторитетом в области конституционного и парламентского законодательства, занимается популяризацией западноевропейского парламентского опыта. Принадлежал к числу основателей кадетской партии, избран членом ЦК. Депутат I Думы от Москвы. В первый же день работы Думы избран ее председателем. После роспуска Думы возглавил работу заседания ее депутатов в Выборге, проходившего 9—10 июля 1906. За подписание Выборгского воззвания приговорен к трем месяцам тюрьмы; отбывал заключение в Таганской тюрьме. В последние годы жизни — профессор Московского университета. Скончался в Москве; похороны Муромцева стали общественным событием и вылились в стихийную демонстрацию демократических и либеральных сил страны.

Набоков Владимир Дмитриевич (8 июля 1870 — 28 марта 1922). Из потомственных дворян, сын министра юстиции Д.Н. Набокова, отец писателя В.В. Набокова. Окончил 3-ю классическую гимназию и юридический факультет Петербургского университета. В 1891—1892 проходил военную службу рядовым в л.-гв. Конном полку, сдал экзамен на чин прапорщика запаса. В 1892—1899 служил в Государственной канцелярии; коллежский секретарь (1892). В 1895 получил придворное звание камер-юнкера. В 1897—1904 преподавал в Училище правоведения. Автор ряда научных работ в области уголовного права. С 1898 печатался в журнале «Право» и др. либеральных изданиях (в том числе нелегальном журнале «Освобождение»), подвергая резкой критике политику властей. С 1901 числился на службе по ведомству имп. Марии (член Попечительного комитета Елизаветинской клинической больницы). 20 января 1905 высочайшим приказом по Министерству императорского двора исключен из придворных списков, а в марте 1905 уволен и от службы по Мариинскому ведомству. Один из основателей кадетской партии в октябре 1905, член ЦК партии. Депутат I Думы от Петербурга; в Думе был ведущим оратором партии. После подписания Выборгского воззвания был приговорен к трем месяцам тюрьмы и лишен, таким образом, избирательных прав. После начала мировой войны — адъютант в 318-й пешей новгородской дружине. В апреле 1915 награжден орденом Св. Анны 2-й ст. Затем был полковым адъютантом в 431-м пехотном полку; переименован из зауряд-поручиков в прапорщики. 8 сентября 1915 командирован в особое отделение Главного штаба, с марта 1916 служил в Азиатской части Главного штаба. С марта 1917 — управляющий делами Временного правительства; зани-

мал этот пост до 5 мая 1917. 6 мая 1917 назначен сенатором Уголовного кассационного департамента. С 15 мая 1917 — член Юридического совещания при Временном правительстве, с августа 1917 товарищ председателя Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Избран депутатом Учредительного собрания от кадетской партии. После Октябрьской революции был арестован; после освобождения уехал с семьей в Крым, где в ноябре 1918 стал министром Крымского правительства. С 1919 в эмиграции. Убит в Берлине при покушении на лидера кадетской партии П.Н. Милюкова. Автор воспоминаний: Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 9—96.

Нарышкин Кирилл Анатольевич (28 апреля 1868 — ?). Окончил Училище правоведения; в 1889, выдержав экзамен, вступил в военную службу в л-гв. Преображенский полк. В 1906—1909 штаб-офицер для поручений при Императорской Главной квартире, в 1909—1917 помощник начальника Военно-походной канцелярии е.и.в. Полковник (1910), флигель-адъютант е.и.в. С 1916 г. — генерал-майор Свиты.

Наумов Александр Николаевич (20 сентября 1868 — 3 августа 1950). Из потомственных дворян, землевладелец Самарской губ. (на 1917 — 5207 дес.). Учился на юридическом факультете Московского университета, служил земским начальником. С 1902 ставропольский (Самарской губ.) уездный предводитель дворянства. С 1908 самарский губернский предводитель дворянства; назначен в должность егермейстера Двора (1908). С 1909 член Государственного совета по выборам от земства (переизбран в 1912 и 1915); в палате принадлежал к группе правых, затем группе правого центра. Действительный статский советник (1911). С 10 ноября 1915 по 21 июля 1916 министр земледелия; в кабинете принадлежал к либеральной группе министров. При отставке с поста министра назначен членом Государственного совета, но к присутствию в нем определен не был; 5 мая 1917 оставлен за штатом. После Октябрьской революции в эмиграции. Автор мемуаров: Из уцелевших воспоминаний: 1867—1917. Нью-Йорк, 1955.

Некрасов Николай Виссарионович (20 октября, по др. сведениям 21 октября 1879 — 7 мая 1940). Сын протоиерея. В 1902 окончил Институт инженеров путей сообщения, затем для подготовки к профессорскому званию стажировался за границей, по возвращении — профессор кафедры статики мостов Томского технологического института. Делегат I съезда кадетской партии, председатель ее отделения в Ялте (где временно проживал в конце 1905 — начале 1906). Был избран в III и IV Думы от Томской губ. Член ЦК партии кадетов с 1909, возглавлял левое крыло партии. Один из видных деятелей российского политиче-

ского масонства, член Верховного совета «Великого Востока народов России», до конвента 1912, а затем в 1915 — первой половине 1916 секретарь Верховного совета. После начала мировой войны возглавлял санитарный отряд. 11 июня 1915 сложил с себя звание члена кадетского ЦК, потребовав от руководства партии занять более радикальную позицию. В 1916 — начале 1917 вместе с А.И. Гучковым и М.И. Терещенко участвовал в попытке организации дворцового переворота. 5 ноября 1916 избран товарищем председателя Думы. 27 февраля 1917 избран членом Временного комитета Государственной думы. 2 марта назначен министром путей сообщения Временного правительства. В ходе июльского кризиса вышел из кадетской партии. С 8 июля 1917 — заместитель министра-председателя, с 24 июля в новом составе правительства — заместитель председателя и министр финансов. С сентября 1917 занимал пост генерал-губернатора Финляндии. После Октябрьской революции жил и работал в Уфе под фамилией Голгофский. Затем арестован, после освобождения работал в кооперации и преподавал. В 1930 приговорен к 10 годам, освобожден в 1933. Вновь арестован в 1939; расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда.

Николай II (6 мая 1868 — 17 июля 1918). Старший сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. С 1881 атаман казачьих войск. Член Государственного совета и Комитета министров (1889). Председатель Комитета Сибирской железной дороги (1892). Император всероссийский с 20 октября 1894. С 23 августа 1915 — Верховный главнокомандующий российской армией и флотом. В результате Февральской революции 2 марта 1917 отрекся от престола в пользу своего брата вел. кн. Михаила Александровича. Расстрелян вместе с семьей в Екатеринбурге. Оставил дневники, частично (за 1894—1896, 1904—1907 и 1913—1918) опубликованные: Дневники императора Николая II. М., 1991.

Николай Михайлович, великий князь (14 апреля 1859 — 24 января 1919). Внук Николая I, сын вел. кн. Михаила Николаевича. Крупнейший землевладелец (на 1912 имения Грушевское в 75 066 дес. и Боржомское в 69 513 дес.). Получил домашнее образование; выдержал экзамен за полный курс классической гимназии. Первый офицерский чин получил в 1875. С 1877 в чине штабс-капитана прикомандирован к переменному составу Кавказской учебной роты, с 1879 — ко 2-му Кавказскому стрелковому батальону. С 1881 в л.-гв. Гренадерском полку. В 1882—1885 учился в Николаевской академии Генерального штаба. С 1885 — в Кавалергардском Ее Величества полку. С 13 февраля 1892 председатель Русского географического общества. В 1897—1903 командующий Кавказской гренадерской дивизией. Генерал-адъютант (1903). После 1903 фактически оставил военную службу (состоя на ней формально; с 1913 — генерал от инфантерии), сосредоточившись на научной деятельности. Автор научных тру-

23 Зак. 2660.

дов по истории России начала XIX в., инициатор издания серии некрополей (Московский некрополь. М., 1907—1908. Т. 1—3; Петербургский некрополь. М., 1912—1913. Т. 1—4; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1), исторических портретов (Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905—1909. Т. 1—5). Председатель Русского исторического общества (с 18 января 1910). В 1915 по решению Совета Московского университета получил степень доктора русской истории honoris causa. В годы мировой войны — генерал-инспектор кавалерии. Разделял взгляды оппозиционного думского большинства на положение в стране. Как активный участник так называемой великокняжеской фронды 31 декабря 1916 получил приказание Николая II выехать в свое имение Грушевку, которое исполнил 1 января 1917. Возвратившись в столицу 1 марта, немедленно признал власть Временного правительства. После Октябрьской революции выслан в Вологду; 1 июля 1918 был арестован, перевезен в Петроград и содержался в Доме предварительного заключения. Расстрелян в «порядке красного террора» в качестве «ответа» на убийство в Германии Р. Люксембург и К. Либкнехта. Оставил отрывочные воспоминания: Записки // Гибель монархии / Сост. А. Либерман, С. Шокарев. М., 2000. С. 9—80.

Нисселович Лазарь Ниссенович (Леопольд Николаевич) (1858—1914). Из курляндских евреев, уроженец г. Бауска, домовладелец и садовладелец (оценочная стоимость ок. 150 тыс. руб.). Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. В 1880 приглашен на службу в Министерство финансов, где по поручению министра Н.Х. Бунге составил «Историю заводско-фабричного законодательства Российской империи» (СПб., 1883—1884. Ч. 1—2). С 1882 — присяжный поверенный. Автор многочисленных работ по торговому праву. В 1907 избран в III Думу от Курляндской губ. В Думе примыкал к кадетам, занимая самостоятельную позицию по еврейскому вопросу. Инициатор законопроекта об отмене черты еврейской оседлости, внесенного в Думу в 1910.

Новицкий Иосиф Иосифович (1848 — 4 февраля 1917). Из дворян Орловской губ. Обучался в С.-Петербургском практическом технологическом институте. С 1870 служил в Министерстве финансов. Тайный советник (1901). С 1902 помощник начальника, с 7 марта 1905 начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. Сенатор (с оставлением в должности, 1906). С 6 декабря 1908 по 19 мая 1914 товарищ министра финансов. 1 февраля 1914 назначен членом Государственного совета.

Новицкий Петр Васильевич (6 апреля 1867 — не ранее 1917). Из дворян Херсонской губ., землевладелец (на 1916 — ок. 1300 дес.). Окончил курс юридических наук в Новороссийском университете. В 1892—1906 земский начальник в Ананьевском уезде Херсонской губ., где находились его имения. С 1906 —

ананьевский уездный предводитель дворянства. Депутат III и IV Дум, принадлежал к фракции правых. Статский советник (1915).

Образцов Василий Афиногенович (1857, по др. сведениям 1859 — ?). Из крестьян. Обучался в Вологодской духовной семинарии, затем в Московской духовной академии. Преподавал в духовной семинарии и епархиальном женском училище. Видный деятель Союза русского народа; возглавлял его екатеринославское отделение. Избран в III Думу от Екатеринославской губ. В Думе принадлежал к крайним правым; специализировался на вопросах образования. С 1908 — в Союзе Михаила Архангела. В годы Первой мировой войны стоял во главе Союза русских людей в Екатеринославе. После Гражданской войны эмигрировал.

Ольденбургский Александр Петрович, принц (21 мая 1844 — 6 сентября 1932). Правнук Павла I, сын принца П.Г. Ольденбургского. В 1870—1876 служил в л.-гв. Преображенском полку. В 1876—1880 командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской дивизии, в 1885—1889 — гвардейским корпусом. Генерал от инфантерии (1895). Член Государственного совета (1896). Вел обширную научно-просветительскую деятельность, сыграл значительную роль в развитии медицинской науки, здравоохранения и курортов России. С 3 сентября 1914 верховный начальник санитарной и эвакуационной части. 22 марта 1917 уволен Временным правительством от службы. Умер в эмиграции во Франции.

Опочинин Николай Николаевич (7 октября 1853 — 4 февраля 1916). Из дворян Смоленской губ. По окончании юридического факультета С.-Петербургского университета вступил рядовым в л.-гв. Стрелковый императорской фамилии батальон. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878, награжден знаком отличия военного ордена 4-й ст. Уволен от службы прапорщиком в 1878. Затем проживал в своих имениях в Ельнинском уезде Смоленской губернии (на 1907 — 2245 дес.). С 1880 мировой судья. С 1900 — предводитель дворянства своего уезда. Коллежский советник. Депутат II, III и IV Дум, октябрист; после раскола фракции — в думской группе «Союза 17 октября».

Павел Александрович, великий князь (21 сентября 1860 — 24 января 1919). Сын императора Александра II. Генерал от кавалерии (1913), в ноябре 1916 назначен генерал-инспектором гвардейской кавалерии. После февральской революции уволен от службы. Расстрелян.

Панчулидзев Сергей Алексеевич (7 ноября 1855 — 30 июля 1917). Из дворян Пензенской губернии, землевладелец (на 1891 у семьи имелось 3375 дес.). Окончил Николаевское кавалерийское училище, в службу вступил в 1874 корнетом

в Кавалергардский полк. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. В 1881 окончил Николаевскую академию Генерального штаба, после чего вернулся в полк. В 1884 уволен в отставку ротмистром с мундиром. В 1889 причислен к Министерству двора, при этом испросил и получил соизволение императора на сохранение военного чина и мундира, в связи с чем в дальнейшем, состоя на гражданской службе, именовался до конца своих дней отставным гвардии ротмистром. В 1903 переведен в Государственную канцелярию, где вплоть до 1917 возглавлял Архив Государственного совета. Известный военный историк, автор многотомной «Истории кавалергардов» (СПб., 1899—1912. Т. 1—4).

Паукер Герман Оттович (28 ноября 1872 — 1919). Из дворян. В 1897 окончил Институт инженеров путей сообщения. Служил в Обществе Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, с 1907 — начальник службы пути и первый заместитель управляющего, с 1909 управляющий московской сетью этой железной дороги. С 1912 начальник Варшавско-Венской железной дороги. Коллежский советник (1914). С 1914 начальник Управления по сооружению железных дорог Министерства путей сообщения. В годы мировой войны возглавлял управление путей сообщения в Главном управлении военных сообщений, в этом качестве постоянно находился в Ставке Верховного главнокомандующего. С мая 1916 — член Совета министра путей сообщения. Расстрелян в Киеве местной ЧК.

Петлюра Симон Васильевич (5 мая 1879 — 26 мая 1926). Из полтавских мещан. Учился в духовной семинарии. Состоял в Украинской социал-демократической рабочей партии. После Февральской революции видный деятель украинской Центральной рады. В ноябре 1918 — феврале 1919 головной атаман Украинской народной республики, затем председатель Украинской директории. После поражения вооруженных сил Директории бежал в Варшаву. В мае 1920 вслед за польской армией вернулся в Киев, но вскоре вынужден был вновь его оставить. Жил в эмиграции в Париже; убит Ш. Шварцбардом, мстившим за еврейские погромы на Украине в годы Гражданской войны.

Петражицкий Лев Иосифович (13 апреля 1867—15 мая 1931). Из дворян Витебской губ. Учился на медицинском факультете Киевского университета Св. Владимира, затем перешел на юридический факультет; по окончании продолжил обучение в Германии. С 1896 преподавал в Киевском, с 1897 — в Петербургском университете, где заведовал кафедрой энциклопедии права. Один из основателей кадетской партии, член ее ЦК. Депутат I Думы от Петербурга; в Думе был главным экспертом кадетов по земельным вопросам и докладчиком по закону о земельной реформе. После роспуска Думы подписал Выборгское воззвание. В 1906—1917 продолжал научную деятельность; создатель так

называемой психологической теории права, оказавшей большое влияние на научную и общественную мысль своего времени. 29 апреля 1917 Временным правительством назначен сенатором Первого департамента Сената. В 1921 принял польское гражданство; преподавал в польских учебных заведениях. Покончил жизнь самоубийством в Варшаве.

Пиленко Александр Александрович (1873—1948). Окончил 8-ю петербургскую гимназию и юридический факультет столичного университета; затем два года стажировался в Берлинском, Парижском и Гейдельбергском университетах, а также двух бюро в Берне, занимавшихся вопросами промышленной и литературной собственности. Доктор международного права (1911). Профессор Петербургского университета, Александровского лицея и Высших женских курсов. Статский советник. В 1906 участвовал в организации деятельности «Союза 17 октября», был членом его Литейного участкового комитета в столице. Всероссийскую известность снискал в качестве ведущего журналиста газеты «Новое время», парламентским корреспондентом которой состоял при Государственной думе; председатель Общества думских журналистов. Автор одного из первых юридических исследований деятельности российского парламента (Русские парламентские прецеденты. М., 1907). После Октябрьской революции уехал на Украину, затем жил во Франции, где преподавал международное право на русском отделении юридического факультета Парижского университета, продолжал свою журналистскую карьеру в изданиях русской эмиграции.

Питирим, митрополит, в миру Павел Окнов (1858 — 21 февраля 1919). Сын протоиерея. Окончил Киевскую духовную академию, в 1883 постригся в монахи. Преподавал в духовных учебных заведениях. С 1891 ректор Петербургской духовной семинарии. С 1896 епископ Новгород-Северский, с 1896 — Тульский, с 1904 — Курский (с 1909 архиепископ). В 1911—1913 епископ Владикавказский, с 1913 архиепископ Самарский, с 1914 экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский, член Синода. В ноябре 1915 по настоянию императрицы Александры Федоровны и Г.Е. Распутина назначен митрополитом Петроградским и Ладожским и архиепископом Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. Активно участвовал в придворных интригах вокруг назначения Б.В. Штюрмера на пост председателя Совета министров. 28 февраля 1917 задержан и препровожден в Министерский павильон Таврического дворца. После заявления Питирима о намерении сложить с себя сан митрополита был отпущен в Александро-Невскую лавру «на покой». Через несколько дней уехал в Пятигорск, где оставался вплоть до декабря 1918, благополучно пережив дни красного террора. Затем перебрался в Екатеринодар, где вскоре скончался; похоронен в Екатеринодарском соборе.

Покровский (2-й) Иван Петрович (1872—1963). Окончил медицинский факультет Казанского университета, служил врачом в Мариинской больнице в Петербурге. В 1902 арестован и после двух лет тюрьмы выслан в Восточную Сибирь на поселение. Во время Русско-японской войны — врач на театре военных действий в Маньчжурии. Депутат III Думы от Кубанской и Терской областей и Черноморской губ., социал-демократ.

Покровский Николай Николаевич (27 января 1865 — 12 декабря 1930). Сын действительного статского советника, землевладелец (300 дес. в Ковенском и Паневежском уездах Ковенской губ.). Выпускник юридического факультета С.-Петербургского университета. Службу начал в Министерстве финансов. С 1893 — в Канцелярии Комитета министров. В 1904 статс-секретарь Департамента экономии Государственного совета. В 1904—1906 директор Департамента окладных сборов Министерства финансов. С 9 июля 1906 по 27 июня 1914 товарищ министра финансов. Тайный советник (1913). 1 февраля 1914 назначен членом Государственного совета. С августа 1915 член от Государственного совета Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, где возглавил Комиссию о мерах борьбы с дороговизною предметов первой необходимости. С 25 января по 30 ноября 1916 государственный контролер. 30 ноября 1916 назначен министром иностранных дел. В кабинете министров был сторонником сотрудничества с либеральной общественностью. После Октябрьской революции эмигрировал, умер в Ковно.

Поливанов Алексей Андреевич (4 марта 1855 — 25 сентября 1920). Из потомственных дворян Костромской губернии. Окончил Николаевское инженерное училище. В службу вступил подпоручиком во 2-й саперный батальон; с 1875 — прапорщик в л.-гв. Гренадерском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878; награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й ст. По окончании Николаевской инженерной академии (1880) вернулся в полк. С 1885 в Академии Генерального штаба; по окончании — в Киевском военном округе. С 1890 служил в Главном штабе. В феврале 1899 назначен помощником главного редактора, а в августе того же года главным редактором журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид». С 1904 управляющий делами Главного крепостного комитета, с 1905 второй генерал-квартирмейстер Главного штаба. 28 июня 1905 назначен и. д. начальника Главного штаба. 14 апреля 1906 занял пост помощника военного министра. В 1907—1911 поддерживал весьма тесные отношения с А.И. Гучковым, что вызвало недовольство императора и предопределило увольнение Поливанова от должности 24 апреля 1912. Генерал от инфантерии (1911). 1 января 1912 назначен членом Государственного совета. В начале мировой войны состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части принце А.П. Ольденбургском.

13 июня 1915 возглавил Военное министерство, с 17 августа 1915 стал по этой должности председателем Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. В кабинете И.Л. Горемыкина принадлежал к сторонникам сотрудничества с Прогрессивным блоком, считался кандидатом на пост премьера. 15 марта 1916 уволен от должности военного министра. После Февральской революции руководил работой Комиссии по реформированию и демократизации армии; при упразднении Государственного совета оставлен за штатом. В 1920 в ходе войны Советской России с Польшей становится членом Особого совещания при Главкоме. Как военный эксперт был включен в советскую делегацию на переговорах с Польшей, в ходе которых скончался от тифа. Автор воспоминаний и дневников: Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника: 1906—1916 гг. М., 1924. Т. 1; Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2, 3, 5, 7—11.

Протопопов Александр Дмитриевич (18 декабря 1866 — 27 октября 1918). Из дворян, землевладелец (ок. 4657 дес. в Корсунском уезде Симбирской губ.) и промышленник (владелец Селиверстовской суконной фабрики и лесопильного завода; в годы войны состояние оценивалось не менее чем в 2 млн руб.). Воспитанник Первого кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища. Службу начал в 1885 корнетом в л.-гв. Конно-гренадерском полку. В 1890 вышел в отставку штабс-ротмистром. В 1891 причислен к Собственной е.и.в. канцелярии по учреждениям имп. Марии (сверх штата), с 1892 почетный член Демидовского дома призрения трудящихся. Один из видных деятелей торгово-промышленного мира, председатель Союза суконных фабрикантов. С 1905 предводитель дворянства Корсунского уезда. Депутат III и IV Дум от Симбирской губ., октябрист (после раскола фракции вошел во фракцию земцев-октябристов). В 1908 пожалован в звание камер-юнкера. Действительный статский советник (1909). С 20 мая 1914 — товарищ председателя IV Думы. С августа 1915 член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа). С февраля 1916 — предводитель дворянства Симбирской губ. В 1916 избран председателем Совета съездов представителей металлургической промышленности. 16 сентября 1916 назначен управляющим Министерством внутренних дел, с 20 декабря 1916 — министр внутренних дел. Вечером 28 февраля добровольно явился в Таврический дворец и был препровожден в Министерский павильон; с 1 марта по сентябрь 1917 находился в заключении в Петропавловской крепости, затем некоторое время под охраной в лечебнице. Расстрелян в Москве.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (12 августа 1870 — 11 января 1920). Из дворян Бессарабской губ., землевладелец (на 1905 у матери 1402 дес. зем-

ли, у жены, А.Н. Албранд, — 2400 дес. в общем владении с братьями и сестрами). Выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета. В 1897 избран председателем Аккерманской уездной земской управы; был переизбран в 1900, но отказался от должности. В 1901 причислен к Министерству внутренних дел и назначен младшим ревизором Страхового отделения Хозяйственного департамента. С 1903 чиновник особых поручений при министре сверх штата. В мае—декабре 1905 прикомандирован к Главному управлению по делам печати. В августе 1907 уволен от службы. Действительный статский советник. Один из создателей и лидеров праворадикальных организаций — Союза русского народа (1905), выделившегося из него Русского народного союза имени Михаила Архангела (1908). Депутат II и III Дум от Бессарабской губ., IV Думы от Курской губ. В нижней палате снискал скандальную славу своими постоянными хулиганскими выходками и вызывающим поведением. Известен также как плодовитый поэт-дилетант, автор преимущественно сатирических стихов на актуальные политические темы. В годы мировой войны начальник санитарного поезда. Инициатор создания и председатель Общества «Русской государственной карты», ставившего своей целью обосновать будущие, после заключения мира, границы империи. В годы войны активно выступал против правительственной политики, которую считал губительной для монархии; в ноябре 1916 фактически солидаризировался с Прогрессивным блоком в его штурме власти и в связи с этим вошел в конфликт с монархическими организациями. В декабре 1916 участвовал в убийстве Г.Е. Распутина, которого считал главной причиной дискредитации самодержавия в глазах всех слоев общества. В марте—октябре 1917 один из немногих правых лидеров, остававшихся на политической сцене. В ноябре 1917 арестован ЧК в Петрограде; 3 января 1918 приговорен к четырем годам общественных работ; освобожден по амнистии в мае 1918. После освобождения уехал на юг, где принимал участие в организации идеологической и пропагандистской поддержки белого движения. Скончался в Новороссийске от сыпного тифа. В 1918 в Киеве был опубликован его дневник (вып. 2 был переиздан с дополнениями в Риге в 1924; репринт этого издания см.: *Пуришкевич В.М.* Дневник: «Как я убил Распутина». М., 1990).

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1869 — 17 декабря 1916). Из крестьян Тобольской губ. С 1903 в Петербурге, с 1905 оказывал значительное влияние на императорскую чету, которой был рекомендован как народный целитель и «святой старец». Роль Распутина при Дворе вызывала резкое недовольство либеральной оппозиции, а в годы войны — и монархических кругов, вплоть до членов императорской фамилии. Убит в ночь на 17 декабря 1916 в Петрограде во дворце кн. Ф.Ф. Юсупова, который вместе с членом Думы В.М. Пуришкевичем и вел. кн. Дмитрием Павловичем организовал и исполнил это убийство.

Рехенберг Николай Александрович, фон (23 октября 1846 – ?). По окончании Пажеского корпуса более 30 лет прослужил по армейской пехоте, генерал-майор (1898). В 1900—1902 – выборгский губернатор; вышел в отставку с чином генерал-лейтенанта. 1 февраля 1906 вновь назначен выборгским губернатором; в 1907 уволен в отставку по прошению.

Ржевский Владимир Алексеевич (10 марта 1865 – после 1917). Из дворян, дачевладелец (при платформе Томилино Московско-Казанской железной дороги). Окончил Московский университет со степенью кандидата математических наук. Пять лет работал ассистентом при Московской обсерватории, затем был рабочим на заводе фирмы «Сименс и Гальске» в Берлине и Москве. Учредил контору для рассмотрения электротехнических проектов. С 1906 гласный московского уездного земского собрания, с 1911 председатель московской уездной земской управы. Депутат IV Думы от Московской губ., прогрессист; с ноября 1913 старший товарищ секретаря Думы. По свидетельству Н.С. Чхеидзе, записанному Б.И. Николаевским, был масоном. В августе 1915 избран Думой членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов. 27 февраля 1917 избран членом Временного комитета Государственной думы. С конца марта – комиссар Временного комитета в Москве. 15 июня 1917 сложил полномочия члена Временного комитета.

Риттих Александр Александрович (21 сентября 1868 – 15 июня 1930). Из дворян Харьковской губ. Воспитанник Александровского лицея. Службу начал в 1888 в Земском отделе Министерства внутренних дел. С 1901 чиновник особых поручений Переселенческого управления. С 1903 – в Министерстве финансов (чиновник особых поручений); подготовил ряд обзорных работ для Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в том числе «Крестьянское землепользование», «Крестьянское дело», «Крестьянский правопорядок». С 27 июня 1905 директор Департамента государственных земельных имуществ, с 25 марта 1912 товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. Действительный статский советник (1906). В 1907 назначен в должность, а в 1913 пожалован в гофмейстеры Двора. 16 ноября 1916 возглавил Министерство земледелия и Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Сенатор (с оставлением в должности, 1916). После Октябрьской революции в эмиграции, умер в Лондоне.

Родзянко Михаил Владимирович (31 марта 1859 – 24 января 1924). Из потомственных дворян Екатеринославской губ., сын полковника гвардии (вышедшего в запас в чине генерал-лейтенанта) Владимира Михайловича Родзянко (1828—1893); впоследствии в анкетах в графе «народность (по родному языку)»

писал «малоросс». Крупный землевладелец: в 1910 за ним и его женой значилось в общей сложности 2653 дес.; однако указываемые в формулярах данные были сильно занижены, т.к. по др. данным на начало 1916 только в Боровичском уезде Новгородской губ. он владел 4822 дес. Окончил Пажеский корпус, после чего в 1877 вступил корнетом в л.-гв. Кавалергардский е.в. полк. В 1882 вышел в запас в чине поручика. Жил в Екатеринославской губ., где в 1883 был избран почетным мировым судьей, в 1886—1891 был предводителем дворянства Новомосковского уезда. В 1884 женился на кн. Анне Николаевне Голицыной, дочери сенатора и обер-гофмейстера Двора. У них было трое сыновей — Михаил (1884—1956), Николай (1887 — ?) и Георгий (1890—1918). В 1891 М.В. Родзянко вышел в отставку «по домашним обстоятельствам» и несколько лет провел в имении в Новоторжковском уезде Новгородской губ., где был избран земским гласным. В 1892 пожалован в звание камер-юнкера, в 1899 — в звание камергера. С 1901 председатель Екатеринославской губернской земской управы. Действительный статский советник (1906). Являлся одним из организаторов «Союза 17 октября» и членом его ЦК. В 1906—1907 член Государственного совета по выборам от екатеринославского земства. В связи с избранием от Екатеринославской губ. в III Думу 31 ноября 1907 сложил звание члена верхней палаты. В Думе с 1910 возглавил фракцию октябристов, а 22 марта 1911 сменил А.И. Гучкова на посту председателя Думы. После раскола партии октябристов на рубеже 1913—1914 входил во фракцию земцев-октябристов. Переизбранный в IV Думу, Родзянко, умело лавируя между фракциями и группировками палаты, стал ее председателем и в дальнейшем ежегодно переизбирался на эту должность. Значительную роль сыграл в годы мировой войны. Начав с почти безоговорочной поддержки власти в первые месяцы военных действий, под влиянием поражений на фронте перешел в оппозицию. С июля 1915 один из лидеров Прогрессивного блока; принадлежал, наряду с А.И. Гучковым и Г.Е. Львовым, к числу наиболее вероятных кандидатов блока на пост премьер-министра. Был одним из инициаторов учреждения 17 августа 1915 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства; с 26 августа 1915 возглавлял образованную Особым совещанием Эвакуационную комиссию. 27 февраля 1917 избран председателем Временного комитета Государственной думы. От имени комитета вел по телеграфу переговоры со Ставкой, завершившиеся отречением Николая II и созданием Временного правительства, в которое, однако, Родзянко не вошел. Затем оставался во главе быстро утрачивавшего влияние Временного комитета; под руководством Родзянко в апреле—августе 1917 проходили так называемые частные совещания членов Думы, обсуждавшие политическую и экономическую ситуацию в стране. Находился на посту председателя Думы вплоть до ее роспуска 6 октября 1917. После Октябрьской революции уехал на Дон, участвовал в создании белого движения. Скончался в эмиграции в Югославии. Автор воспоминаний: Госу-

дарственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. М., 1991. Т. 6. С. 5—80; Крушение империи: (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Архив русской революции. М., 1993. Т. 17. С. 5—169.

Рухлов Сергей Васильевич (24 июня 1852 — 21 октября 1918). Сын губернского секретаря, происходившего из крестьян, землевладелец (имение в 636 дес. в Вологодской губернии). Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. В 1873—1879 служил в Департаменте полиции исполнительной, затем в Главном тюремном управлении Министерства внутренних дел. С 1892 помощник статс-секретаря, с 1895 статс-секретарь Департамента государственной экономии Государственного совета. С 20 января 1903 товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием и портами; по упразднении этого ведомства 6 ноября 1905 назначен членом Государственного совета. С 29 января 1909 по 27 октября 1915 министр путей сообщения. Статс-секретарь е.в. (1912), действительный тайный советник (1913). Покровительствовал организациям правого и ультраправого толка, в том числе Союзу русского народа. В ходе Февральской революции арестован, находился под следствием. После освобождения уехал на Северный Кавказ. 29 августа 1918 арестован в Ессентуках ЧК Северного Кавказа, содержался в Пятигорске в составе группы заложников и был казнен.

Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1847—1929). Из дворян. Окончил юридический факультет Московского университета (1868) со степенью магистра, затем некоторое время преподавал там в качестве доцента. В 1873—1883 числился при II отделении Собственной е.и.в. канцелярии. С 1876 состоял при вел. кн. Екатерине Михайловне. Камергер (1880). В 1883—1892 управляющий Канцелярией Синода, в 1892—1905 товарищ обер-прокурора Синода. Сенатор (1896). 6 мая 1905 назначен членом Государственного совета и произведен в действительные тайные советники. Со 2 мая 1911 по 5 июля 1915 обер-прокурор Синода. Статс-секретарь е.в. (1913). В ноябре 1915 с соизволения императора сменил вместе со своими сыновьями фамилию Саблер на Десятовский (часть девичьей фамилии жены, урожденной Заблоцкой-Десятовской).

Савич Никанор Васильевич (22 декабря 1869 — 14 марта 1942). Из дворян Харьковской губ., землевладелец (676 дес.). После окончания физико-математического факультета Новороссийского университета жил в своем имении, был уездным и губернским земским гласным. Депутат III и IV Дум от Харьковской губ., октябрист; после раскола фракции вошел в думскую фракцию земцев-октябристов. Товарищ председателя комиссии государственной обороны (с 1912 комиссия по военным и морским делам), в Думе считался специалистом по

военным вопросам. С августа 1915 член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 28 февраля 1917 назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы в Военное и Морское министерство. В мае 1918 уехал из Петрограда на Украину. Участник совещания в Яссах в ноябре 1918. В 1919 член Особого совещания при А.И. Деникине. В 1920 в крымском правительстве Н.А. Врангеля занимал пост государственного контролера; после поражения армии Врангеля в ноябре 1920 эвакуировался в Константинополь. С февраля 1921 жил в Париже. Автор «Воспоминаний» (СПб; Дюссельдорф, 1993).

Сазонов Сергей Дмитриевич (29 июня 1860 — 25 декабря 1927). Из дворян, землевладелец. Окончил Александровский лицей. С 1883 служил по Министерству иностранных дел; с 1890 второй секретарь посольства в Лондоне, с 1894 секретарь миссии при Ватикане, с 1904 советник посольства в Лондоне, с марта 1906 — министр-резидент при Папе Римском. Стремительным взлетом своей карьеры обязан своему близкому родственнику П.А. Столыпину (на сестре жены которого Анне Борисовне Нейдгарт был женат): в 1907 назначен посланником в США, 26 мая 1909 — товарищем министра иностранных дел. С 8 ноября 1910 по 7 июля 1916 — министр иностранных дел. Гофмейстер Двора (1910). 1 января 1913 назначен членом Государственного совета. В Совете министров принадлежал к либеральному крылу. Замена Сазонова на посту главы внешнеполитического ведомства Б.В. Штюрмером была воспринята лидерами Прогрессивного блока как вызов общественному мнению. 12 января 1917 назначен послом в Великобритании, но к месту назначения из-за Февральской революции выехать не успел. После Октябрьской революции участник белого движения. В 1918 входил в состав Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине, в 1919 — министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака. Скончался в Ницце. Оставил «Воспоминания» (М., 1991).

Самарин Александр Дмитриевич (30 января 1868 — 1930). Из известной московской дворянской семьи. Землевладелец (имение в 175 дес. в Богородском уезде Московской губ.). Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1893—1899 земский начальник Бронницкого уезда Московской губ. С 1899 уездный предводитель дворянства Богородского уезда. Пожалован в придворные звания камер-юнкера (1900), затем камергера (1906). В 1908—1915 московский губернский предводитель дворянства. Действительный статский советник (1908). В 1910 назначен в должность егермейстера Двора. В 1912 назначен членом Государственного совета, с оставлением губернским предводителем; в верхней палате входил в группу правых. Видный деятель Российского общества Красного Креста. С 5 июля 1915 и.д. обер-прокурора

Синода (об обстоятельствах своего назначения оставил воспоминания: Встреча в Ставке. Николай II и А.Д. Самарин. Июнь 1915 // Исторический архив. 1996. № 2. С. 176—186). В кабинете И.Л. Горемыкина поддерживал либеральную группу министров, составил 21 августа направленное императору коллективное письмо этих министров о разногласиях в правительстве и невозможности для них служить далее под началом Горемыкина. После разрешения политического кризиса роспуском Думы уволен 26 сентября 1915 от должности. С 4 декабря 1916 председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ. В июне 1917 на московском епархиальном съезде, несмотря на то что не имел духовного сана, был выдвинут кандидатом в московские митрополиты; на выборах получил 303 из 800 голосов, но избран не был, уступив первенство архиепископу Тихону (вскоре, в ноябре 1917, ставшему патриархом). В 1917—1918 как представитель мирян был видным участником Поместного Собора Российской православной церкви. 7 марта 1918 (22 февраля по ст. стилю) вступил в исполнение обязанностей второго товарища председателя Поместного Собора от мирян; был включен в состав делегации Собора, принятой в Кремле представителями Совнаркома по поручению его председателя В.И. Ленина. В годы советской власти неоднократно арестовывался. В 1925 после очередного ареста сослан в Сибирь, с 1929 жил в Костроме.

Сергей Михайлович, великий князь (25 сентября 1869 — 18 июля 1918). Внук Николая I, сын вел. кн. Михаила Николаевича. Окончил Михайловское артиллерийское училище. С 1904 инспектор артиллерии, с 2 июля 1905 генерал-инспектор артиллерии. Генерал от артиллерии (1914). В 1915—1917 полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем. В марте 1918 выслан в Вятку, через месяц переведен в Екатеринбург. С мая 1918 содержался в Алапаевске, где и был убит вместе с несколькими другими членами императорской фамилии.

Скоропадский Георгий Васильевич (11 октября 1873—8 декабря 1925). Из потомственных дворян Черниговской губ., землевладелец (на 1912 — 600 дес.). Окончил юридический факультет Киевского университета. Гласный уездного и губернского земств, председатель Сосницкой уездной земской управы, почетный мировой судья. Депутат III и IV Дум от Черниговской губ., октябрист; после фракции октябристов — беспартийный. Эмигрировал, умер в городе Нови Сад (Югославия).

Скоропадский Павел Петрович (3 мая 1873 — 26 апреля 1945). Из известного украинского дворянского рода. Воспитывался в Пажеском корпусе, по окончании которого служил в л.-гв. Кавалергардском полку. Участник Русско-японской войны. С 1910 командир 20-го драгунского полка, с 1911 — коман-

дир л.-гв. Конного полка. В годы мировой войны командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1916 начальник этой дивизии. Генерал-лейтенант (1915). С осени 1917 на Украине, где возглавляет военные силы Центральной рады. 29 апреля 1918 при поддержке оккупировавших Украину немцев избран гетманом. 14 декабря 1918 оставил пост главы украинского государства, передав полномочия своему последнему правительству, и покинул страну. Жил в эмиграции в Германии. Оставил воспоминания: Спомини. Київ, 1992 (на укр. яз.); Украина будет!..: Из воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 17. С. 7—115.

Созонович Иван Петрович (2 декабря 1855 — 28 февраля 1923). Уроженец Могилевской губ., сын чиновника. По окончании историко-филологического факультета С.-Петербургского университета со степенью кандидата служил по Министерству народного просвещения. С 1886 преподавал в Варшавском университете. В 1898 защитил докторскую диссертацию («К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию»). Профессор (1898). Исследователь славянской, византийской и скандинавской поэзии, автор ряда научных трудов. Действительный статский советник (1905). В 1907 избран депутатом III Думы от землевладельцев Могилевской губ. (где у его жены, Ольги Петровны, урожд. Рогович, дочери сенатора, было 1200 дес.), в связи с чем был уволен от службы с 1 ноября 1907. В Думе принадлежал к умеренно-правым. Избранный 5 ноября 1907 секретарем III Думы, возглавлял думскую Канцелярию вплоть до открытия IV Думы 15 ноября 1912. Затем состоял сверхштатным ординарным профессором истории всеобщей литературы Варшавского университета. Умер в Праге.

Соколов Василий Семенович (1845—8 января 1912). Сын священника. Имение на 1908—400 дес. земли и дом в Костроме. Окончил Московский университет со степенью кандидата прав, присяжный поверенный округа Московской судебной палаты. Председатель Костромской уездной земской управы. Избран депутатом III Думы от Костромской губернии, мирнообновленец, затем — прогрессист. С октября 1909 по октябрь 1910 старший товарищ секретаря Думы. Скончался в Костроме.

Сомов Сергей Михайлович (23 июня 1854 — ?). Из потомственных дворян, землевладелец (на 1917 в Воронежской губ. 1716 дес.), домовладелец (три дома в столице, в том числе два в совместном владении с братом). Выпускник Училища правоведения. Службу начал в 1875 по Министерству юстиции, затем служил в Канцелярии Синода. С 1878 — камер-юнкер Двора, в 1896 пожалован в придворное звание камергера. В 1895—1898 воронежский губернский предводитель дворянства. Действительный статский советник (1907). В 1912

избран с.-петербургским уездным предводителем дворянства. С февраля 1914 по январь 1917 — предводитель дворянства С.-Петербургской губ. 1 января 1917 пожалован в гофмейстеры Двора. 11 февраля 1917 назначен членом Государственного совета.

Стемпковский Виктор Иванович (7 января 1859 — ?). Из дворян. Получил медицинское образование в Московском университете. В 1884—1887 сверхштатный ординатор детского отделения факультетской клиники Московского университета. С 1888 проживал в своем имении (на 1912 — 533 дес.) в Воронежской губ. В 1891—1900 земский начальник в Задонском уезде Воронежской губ. Избирался уездным и губернским земским гласным. Надворный советник (1897). Член III и IV Дум от Воронежской губ., октябрист, затем во фракции земцев-октябристов. С 1 марта 1917 — комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве торговли и промышленности. 9 марта командирован комитетом в Совет министра земледелия по продовольствию, 15 марта назначен членом продовольственного комитета. После Октябрьской революции жил в Москве. В августе 1920 был в числе 28 подсудимых, представших перед судом Верховного революционного трибунала по делу антибольшевистского «Тактического центра».

Столыпин Петр Аркадьевич (2 апреля 1862 — 5 сентября 1911). Из старинного дворянского рода, крупный землевладелец (имение на 1911 — 950 дес. в Пензенской губ., 835 дес. в Ковенской, 820 дес. в Нижегородской и два дома в Петербурге, у жены Ольги Борисовны, урожденной Нейдгардт, 4845 дес. в Казанской губ.). Окончил физико-математический факультет Петербургского университета со степенью кандидата. С 1884 причислен к Министерству внутренних дел, с 1886 — к Департаменту земледелия и сельской промышленности. Пожалован в звания камер-юнкера Двора (1888), камергера Двора (1896). С 1889 ковенский уездный предводитель дворянства, с 1899 губернский предводитель дворянства Ковенской губ. 15 февраля 1903 назначен саратовским губернатором. Действительный статский советник (1904). 26 апреля 1906 назначен министром внутренних дел, а в день роспуска I Думы, 8 июля 1906, сменил И.Л. Горемыкина в должности председателя Совета министров, сохранив за собой портфель министра внутренних дел. 6 декабря 1906 пожалован в гофмейстеры Двора, 1 января 1907 назначен членом Государственного совета, с 1 января 1908 статс-секретарь е.и.в. 1 сентября 1911 смертельно ранен бывшим агентом охранки Д. Богровым в Киевском оперном театре.

Струве Петр Бернгардович (26 января 1870 — 26 февраля 1944). Из дворянского рода немецкого происхождения. Учился сначала на естественном, затем юридическом факультете Петербургского университета. Участник марксистских

кружков начала 1890-х гг., один из ведущих деятелей так называемого легального марксизма. В сентябре 1893 поступил на службу в Общую канцелярию Министерства финансов, работал в библиотеке Ученого комитета министерства. В апреле 1894 арестован, после освобождения из-под стражи уволен от службы с 1 июня 1894. В 1895 окончил Петербургский университет экстерном. Автор «Открытого письма Николаю II», составленного по просьбе земских деятелей (1895), и написанного по просьбе члена ЦК РСДРП С.И. Радченко «Манифеста» РСДРП (1898). В 1901 участвовал в демонстрации на Казанской площади, был арестован и выслан в Тверь, откуда нелегально выехал за границу; в эмиграции издавал журнал «Освобождение». В октябре 1905 вернулся в Россию. Был одним из основателей кадетской партии, избран членом ее ЦК. В 1907 избирался депутатом II Думы от Петербурга. С 1906 преподаватель, с 1908 доцент по кафедре политэкономии, с 1914 экстраординарный профессор, заведующий кафедрой политической экономии в Петербургском политехническом институте им. Петра Великого. Статский советник. С 1906 был редактором и ведущим автором либерального журнала «Русская мысль». В начале мировой войны — один из лидеров правого крыла кадетской партии. 8 июня 1915 сложил с себя звание члена ЦК из-за разногласий с руководством партии, после чего выступил в качестве деятельного сторонника сотрудничества «общества» с правительством. С сентября 1915 вплоть до осени 1917 — председатель секретного Особого междуведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при Министерстве торговли и промышленности. С 8 апреля 1917 по 20 мая 1917 — директор Экономического департамента Министерства иностранных дел. В мае 1917 избран академиком Российской академии наук. После Октябрьской революции видный деятель антибольшевистского движения. В 1920 начальник Управления внешних сношений в правительстве П.Н. Врангеля, после поражения которого жил в эмиграции. Скончался в Париже.

Суворин Алексей Сергеевич (11 сентября 1834 — 11 августа 1912). Сын крестьянина-однодворца, дослужившегося из простых солдат до чина капитана. Учился в Воронежском кадетском корпусе и специальных классах Дворянского полка (затем Константиновского артиллерийского училища). С 1863 — журналист столичных газет. В 1876 стал владельцем газеты «Новое время», превратившейся под его руководством в ведущее периодическое издание империи. Оставил дневник: Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999.

Суковкин Николай Иоасафович (1861—1919). Из дворян, землевладелец (на 1915 за его семьей числилось 3765 дес.). Воспитанник Александровского лицея. В 1881 вступил рядовым в л.-гв. Кавалергардский полк; в 1883 вышел в запас корнетом. С 1892 курский уездный предводитель дворянства. В 1903—1905 тамбовский вице-губернатор, с 1905 смоленский губернатор. 17 декабря 1912 назна-

чен киевским губернатором. Тайный советник, шталмейстер Двора (1912). С 19 августа 1915 сенатор. Летом 1919 расстрелян в Киеве киевской ЧК.

Сухомлинов Владимир Александрович (4 августа 1848 — 2 февраля 1926). Из дворян. Воспитанник 1-го кадетского корпуса и Николаевского училища гвардейских юнкеров. В службу вступил в л.-гв. Уланский е.в. полк. В 1874 окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878, награжден боевыми орденами и золотой саблей. С 1884 командир драгунского Павлоградского полка, с 1897 командующий 10-й кавалерийской дивизией. В 1899 назначен начальником штаба Киевского военного округа, в 1902 — помощником командующего войсками округа. С 23 октября 1904 командующий войсками Киевского военного округа, с 19 октября 1905 одновременно киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. Генерал от кавалерии (1906). 2 декабря 1908 назначен начальником Генерального штаба, 11 марта 1909 — военным министром. 6 декабря 1911 назначен членом Государственного совета с оставлением в должности министра. Генерал-адъютант (1912). Поскольку общество считало его главным виновником военных неудач в начале мировой войны, Сухомлинов 13 июня 1915 был уволен от должности министра, а затем обвинен в ряде должностных преступлений вплоть до государственной измены. 8 марта 1916 был уволен от службы, в апреле 1916 арестован; находясь под следствием, содержался в Петропавловской крепости. С октября 1916 под домашним арестом. В дни Февральской революции вновь арестован и в апреле 1917 предан суду. Приговоренный Сенатом к лишению всех прав состояния и к пожизненной каторге, находился в заключении до 1 мая 1918. После освобождения (в связи с преклонным возрастом) эмигрировал. Оставил воспоминания и дневник: Воспоминания. М.; Л., 1926; Дневник генерала Сухомлинова: 9 июля 1914 — 31 декабря 1915 // Дела и дни. 1920. Кн. 1; 1922. Кн. 3.

Таранович Владимир Павлович (16 сентября 1874 — не ранее 1921). Сын священника. В 1898 окончил юридический факультет С.-Петербургского университета (впоследствии прослушал в этом же университете курс естественных наук; в 1907 окончил также Археологический институт). В 1900—1905 служил в канцелярии столичного губернатора. Оставшись за штатом, по прошению был с 25 апреля 1906 командирован государственным секретарем в Канцелярию Думы. С 1908 — делопроизводитель, с августа 1917 — старший делопроизводитель думской Канцелярии. Коллежский советник (1914). В конце 1914, оставаясь в штате думского аппарата, командирован в распоряжение главноуполномоченного Красного Креста по Северному району; за заслуги по Красному Кресту награжден орденом Св. Владимира 4-й ст.

24 Зак. 2660.

Таубе Михаил Александрович, барон (15 мая 1869 — 1963). Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. С 1897 служил в Министерстве иностранных дел; одновременно вел научную и преподавательскую деятельность. Доктор права (в 1899 защитил диссертацию «Принципы мира и права в международных столкновениях средних веков»). Профессор С.-Петербургского университета (с 1903) и Училища правоведения (с 1910). Вице-директор Второго департамента Министерства иностранных дел (с 1905), затем советник (с 1907), непременный член Совета этого министерства. С 22 апреля 1911 товарищ министра просвещения. 11 февраля 1915 назначен присутствующим сенатором с производством в чин тайного советника, 1 января 1917 — членом Государственного совета; в верхней палате примыкал к правым. Осенью 1918 член Особого комитета по делам русских в Финляндии; в сформированном в Финляндии А.Ф. Треповым кабинете занимал пост министра иностранных дел. После Гражданской войны в эмиграции; входил в состав Высшего монархического совета.

Терещенко Михаил Иванович (18 марта 1886 — 1 апреля 1956). Из семьи крупнейших сахарозаводчиков и землевладельцев (личное состояние ок. 70 млн руб.). Учился в Лейпцигском университете, затем сдал экстерном экзамены по курсу юридического факультета Московского университета. С февраля 1911 по август 1912 чиновник особых поручений (без содержания) при Дирекции императорских театров. Камер-юнкер. Владелец издательства «Сирин». После начала мировой войны работал в организациях Красного Креста, с июля 1915 возглавлял Киевский военно-промышленный комитет, был избран товарищем председателя Центрального военно-промышленного комитета. С конца 1916 участвовал в возглавлявшемся А.И. Гучковым заговоре. Со 2 марта 1917 министр финансов в первом составе Временного правительства. 5 мая 1917 назначен министром иностранных дел, 1 сентября — членом Директории, 5 сентября 1917 — заместителем министра-председателя. С 25 сентября 1917 вновь во главе внешнеполитического ведомства. В ходе Октябрьской революции арестован в Зимнем дворце; после освобождения эмигрировал. В эмиграции продолжал свою деятельность финансиста и предпринимателя. Умер в Монако.

Тизенгаузен Евгений Евгеньевич, барон (1 июля 1860 — не ранее 1917). Из дворян С.-Петербургской губ. Воспитанник Пажеского корпуса, службу начал в л.-гв. Казачьем е.в. полку, с 1881 прикомандирован к Главному штабу, в 1883 зачислен в запас. Затем обучался в Институте инженеров путей сообщения, по окончании которого служил в различных казенных и частных железнодорожных учреждениях (инженер в распоряжении начальника Николаевской и др. железных дорог; младший, а затем старший помощник делопроизводителя Департамента железных дорог; инженер Общества Московско-Ярославско-Ар-

хангельской железной дороги; инженер в распоряжении начальника Московско-Курской и Нижегородской железных дорог). Член III Думы, октябрист. С 1913 — в распоряжении начальника Московско-Курской и Нижегородской железных дорог, затем инспектор по постройке линии Новониколаевск—Барнаул—Семипалатинск. С 1914 причислен к Министерству путей сообщения, в 1916 назначен штатным инженером V класса и состоящим при министре для исполнения инспекторских обязанностей. Статский советник (1916).

Тимашев Сергей Иванович (1858—1920). Из дворян. Окончил Александровский лицей. Служил в Сенате, с 1884 — в Министерстве финансов. С 1893 вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части, с 5 сентября 1903 управляющий Государственным банком. С 5 ноября 1909 по 17 февраля 1915 министр торговли и промышленности. 6 декабря 1911 назначен членом Государственного совета. При отставке с поста министра пожалован в статс-секретари е.и.в. В Государственном совете примыкал к группе центра, затем к внепартийному объединению. В августе 1915 избран Государственным советом членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства; с 26 августа 1915 председательствовал в созданной Особым совещанием Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам. Действительный тайный советник (1917). Оставил воспоминания, частично опубликованные: Кабинет Столыпина: Из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6.

Толстой Дмитрий Иванович, граф (30 мая 1860 — 1940). Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. С 1884 служил по Министерству иностранных дел, с 1888 третий секретарь Канцелярии министерства. Камер-юнкер Двора (1887). В 1889 пожалована должность церемониймейстера Двора. С 1898—1901 чиновник особых поручений VI класса при министре иностранных дел. В 1899 пожалован в церемониймейстеры Двора. С 8 мая 1901 товарищ управляющего Русским музеем, с 1 декабря 1909 директор Эрмитажа. 6 декабря 1912 назначен вторым обер-церемониймейстером Двора с оставлением директором Эрмитажа. После Октябрьской революции продолжал возглавлять Эрмитаж (некоторое время оставался и управляющим Русским музеем). В июне 1918 уехал из Петрограда в Киев, а оттуда — в Ялту. В январе 1920 с семьей эвакуировался в Константинополь. Затем жил в эмиграции (с 1924 — в Ницце). Оставил воспоминания: Революционное время в Русском музее и Эрмитаже // Российский архив. М., 1992. Т. II—III. С. 330—361.

Трепов Александр Федорович (18 сентября 1862 — 10 ноября 1928). Из дворян, сын столичного градоначальника Ф.Ф. Трепова, брат дворцового коменданта в 1905—1906 Д.Ф. Трепова. Землевладелец (2922 дес. в Переяславском

уезде и за женой 202 дес. там же). Воспитывался в Пажеском корпусе, в службу вступил в л.-гв. Егерский полк; в 1889 вышел в запас. С 1889 чиновник особых поручений Министерства внутренних дел. В 1892—1896 переяславский уездный предводитель дворянства. С 1896 причислен к Государственной канцелярии. Камергер Двора (1900), егермейстер Двора (1905). С 1906 сенатор Первого департамента Сената. 1 января 1914 назначен членом Государственного совета. С августа 1915 член Особого совещания по обороне. С 30 октября 1915 управлял Министерством путей сообщения. 10 ноября 1916 назначен председателем Совета министров с оставлением в должности министра путей сообщения; 27 декабря 1916 уволен в отставку с обеих этих должностей. После Октябрьской революции — один из лидеров белого движения, с осени 1918 по январь 1919 возглавлял в Гельсингфорсе Особый комитет по делам русских в Финляндии. В 1920-е гг. один из руководителей русской монархической эмиграции. Скончался в Ницце.

Уваров Алексей Алексеевич, граф (12 ноября 1859 — ?). Сын археолога гр. А.С. Уварова, землевладелец (родовые имения в Московской, Пензенской и Саратовской губ. ок. 12 000 дес.). Окончил филологический факультет Московского университета, с 1885 — чиновник особых поручений при варшавском генерал-губернаторе, в 1887—1888 заведовал одним из делопроизводств в канцелярии генерал-губернатора. Камер-юнкер (1886). Почетный мировой судья Вольского уезда (1892), председатель Вольской уездной земской управы (1894—1895). В 1900 награжден французским орденом Почетного легиона за участие в Парижской выставке. В июле—ноябре 1904 чиновник особых поручений V класса при Главном управлении по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. Статский советник (1906). Гласный Саратовской городской думы и саратовского уездного земства. Вступив в партию октябристов, представлял Саратовскую губ. на Втором всероссийском съезде партии в мае 1907. Избран депутатом III Думы от Саратовской губ. В думской фракции октябристов, ссылаясь на свою близость к премьер-министру П.А. Столыпину, пытался занять особое положение и вступил в открытое соперничество с лидером партии А.И. Гучковым, в конце концов приведшее к их дуэли 17 ноября 1909 г., на которой был легко ранен. После дуэли вышел из фракции октябристов и впоследствии примкнул к прогрессистам.

Унгерн-Штернберг Эрнст Павлович (Карл Густав Эрнст Густавов-Павлов-Готлибов), барон (1867 — ?). Из потомственных дворян Лифляндской губ. Окончил Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище, в 1888—1889 служил в 8-м драгунском Смоленском полку; вышел в запас корнетом. В 1890 жил в основном за границей. С 1905 корреспондент Австрийского императорского телеграфного агентства в Петербурге. В октябре 1910 особым присут-

ствием С.-Петербургской судебной палаты был признан виновным в шпионаже в пользу Австро-Венгрии и приговорен к лишению прав состояния и каторге на четыре года. Ходатайство Унгерн-Штернберга о помиловании было отклонено Николаем II.

Урусов Дмитрий Дмитриевич, князь (17 ноября 1873 – ?). Землевладелец (350 дес.). Окончил Московский университет. Председатель Ярославской уездной земской управы. Коллежский асессор. Член IV Думы от Ярославской губ., прогрессист. С 20 ноября 1912 товарищ председателя Думы; 24 мая 1913 сложил депутатские полномочия.

Ферзен Эрик Николаевич (Эрих Бернгард Николай Лоренц Николаевич), барон (3 февраля 1877 – не ранее 1917). Из потомственных дворян Эстляндской губ. Закончил экстерном гимназию в Ревеле, затем выдержал экзамены в Елизаветградском юнкерском училище. В 1897–1898 в 14-м драгунском Литовском полку; уволен в запас прапорщиком. В 1904–1905 участвовал в Русско-японской войне: хорунжий Уссурийского казачьего полка, затем прикомандирован к штабу тыла Маньчжурских армий; награжден орденами Св. Анны 4-й и 3-й ст. и Св. Станислава 3-й ст. В 1905–1906 секретарь Московского ЦК «Союза 17 октября». С 1 декабря 1908 – старший помощник пристава, с 6 апреля 1912 – пристав Государственной думы. Коллежский асессор (1914). После начала мировой войны командирован в распоряжение Российского общества Красного Креста: был заведующим транспортом Евгеньевского лазарета, состоял при Красном Кресте 9-й армии, затем был районным уполномоченным. Награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. и Св. Анны 2-й ст.; в ноябре 1916 получил георгиевскую медаль 4-й ст. за руководство эвакуацией раненых с передовой. На время думских сессий возвращался к своей основной службе. Уволен от службы в Думе 10 марта 1917. После отставки выехал в Финляндию.

Философова (урожденная Дягилева) Анна Павловна (1837 – 16 марта 1912). Из дворян. Супруга видного сановника эпохи либеральных реформ Александра II, главного военного прокурора В.Д. Философова, мать публициста и критика Д.В. Философова. Получила всероссийскую и мировую известность благодаря своей общественной и благотворительной деятельности. Стояла у истоков женского движения в России, основала ряд женских обществ.

Фредерикс Владимир Борисович, барон, с 1913 граф (16 ноября 1838–5, по др. сведениям 8 июля 1927). Из дворян С.-Петербургской губ., крупный домовладелец (имел четыре каменных дома в столице) и землевладелец (имения в Финляндии и под Гатчиной). Получил домашнее образование. В 1856 вступил вольноопределяющимся в л.-гв. Конный полк и прослужил в нем до

1871 (с 1869 полковник). С 1875 командир л.-гв. Конного полка, с 1881 — 1-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии. С 1891 шталмейстер Двора, управляющий Придворной конюшенной частью, с 1 декабря 1893 помощник министра императорского двора и уделов, на правах товарища министра. Генерал-адъютант (1896). С 6 мая 1897 возглавил Министерство двора, одновременно являлся канцлером российских императорских и царских орденов, а с 14 июля 1897 — и командующим Императорской Главной квартирой. Генерал от кавалерии (1900). 4 ноября 1905 назначен членом Государственного совета с оставлением во всех прежних должностях. 21 февраля 1913 возведен в графское достоинство. После Февральской революции был арестован в Гомеле, доставлен в Петроград, но вскоре освобожден. С 1924 проживал в Финляндии, где и скончался.

Харитонов Петр Алексеевич (18 ноября 1852 — 21 апреля 1916). Из дворян; за женой значилось родовое имение в 2316 дес. и благоприобретенное в 1440 дес. в Уфимской губернии. Окончил Училище правоведения. Службу начал по Министерству юстиции. С 1886 старший чиновник Кодификационного отдела, с 1893 помощник статс-секретаря Государственного совета. С 14 февраля 1904 — товарищ государственного секретаря. 1 января 1906 получил звание сенатора. 23 апреля 1906 назначен членом Государственного совета с оставлением в звании сенатора. С 12 сентября 1907 по 25 января 1916 — государственный контролер. Статс-секретарь е.и.в. (1911), действительный тайный советник (1913).

Харламов Василий Акимович (1 января 1875 — 13 марта 1957). Из казаков, учился в Московской духовной академии и на историко-филологическом факультете Московского университета. Депутат всех четырех Дум от области Войска Донского, кадет. В годы мировой войны председатель Доно-Кубанского отделения Земского союза. С 9 марта 1917 член Особого Закавказского комитета, с 11 марта — его председатель. В ноябре 1917 возглавил Объединенное правительство Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (см. его воспоминания: Юго-Восточный Союз в 1917 году // Донская летопись. Прага, 1923. Т. 1). Видный участник белого движения на Дону. С 1920 в эмиграции. Умер в Буэнос-Айресе.

Хвостов Алексей Николаевич (1 июня 1872 — 5 сентября 1918). Из дворян, сын члена Государственного совета. Землевладелец (имения в Вологодской и Орловской губ.). Воспитанник Александровского лицея. С 1893 служил по Министерству юстиции. С марта 1904 минский, с октября 1904 — тульский вице-губернатор. Со 2 июня 1906 вологодский губернатор. В 1907 пожалован в звание камергера Двора. С 23 августа 1910 — нижегородский губернатор; оставил пост в связи с избранием членом IV Думы от Орловской губ. Действительный

статский советник (1914). В Думе председатель фракции правых. С 26 сентября 1915 по 3 марта 1916 возглавлял Министерство внутренних дел; уволен с поста министра в результате его ставшей достоянием гласности неудавшейся попытки устранения Г. Распутина. В ходе Февральской революции арестован. Расстрелян в Москве в дни красного террора.

Хомяков Николай Алексеевич (19 января 1850 — 28 июня 1925). Из потомственных дворян Смоленской губ.; сын славянофила А.С. Хомякова. Землевладелец (на 1913 — 5000 дес. земли; у жены 2000 дес.). Окончил юридический факультет Московского университета (1875). В Русско-турецкую войну 1877—1878 уполномоченный Красного Креста при Кавказской армии; награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. С 1880 — сычевский уездный предводитель дворянства, с 1886 предводитель дворянства Смоленской губ. С 1894 член Сельскохозяйственного совета при Министерстве земледелия и государственных имуществ. Действительный статский советник (1895). 9 февраля 1896 назначен директором Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. В декабре 1900 вновь избран сычевским уездным предводителем дворянства, формально в связи с этим избранием 14 марта 1901 уволен от должности директора департамента. В 1906 избран членом Государственного совета от дворянских обществ Смоленской губ. Один из основателей и лидеров партии октябристов. Избирался во II, III и IV Думы. С 1 ноября 1907 по 4 марта 1910 председатель III Думы. После раскола фракции октябристов состоял в думской группе «Союза 17 октября». В 1918—1920 участник белого движения: член русской делегации на совещании в Яссах в ноябре 1918, затем возглавлял деятельность Общества Красного Креста в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. Умер в Дубровнике.

Челноков Михаил Васильевич (5 января 1863 — 13 августа 1935). Потомственный почетный гражданин, владелец кирпичных заводов под Москвой. Обучался в Лазаревском институте восточных языков. С 1890-х гг. — видный земский деятель Московской губ., гласный Московской городской думы. Один из лидеров кадетской партии, с 1907 член ее ЦК. Депутат II Думы от Московской губ.; избран секретарем и в этой должности возглавлял деятельность аппарата палаты. Затем избирался членом III (также от Московской губ.) и IV (от Москвы) Думы. С сентября 1914 — главноуполномоченный Всероссийского союза городов, в ноябре 1914 — марте 1917 московский городской голова. Со 2 по 6 марта 1917 — комиссар Временного комитета Государственной думы по управлению Москвой. 27 мая 1917 назначен уполномоченным комиссара Временного правительства над б. Министерством двора и уделов по делам Русского музея. После Октябрьской революции участник антибольшевистского подполья, затем в эмиграции. Скончался в Сербии.

Челышев (Челышов) Михаил Дмитриевич (26 сент. 1866 – ?). Из крестьян Владимирской губернии. Предприниматель (подрядчик по малярным работам, владелец различных торговых заведений). Снискал всероссийскую известность как ярый противник пьянства. Самарский городской голова. Октябрист; участвовал в работе II съезда партии в мае 1907. Депутат III Думы от Самарской губ.

Чистяков Петр Степанович (1862 – ?). Из дворян. Присяжный поверенный, отставной надворный советник. Крупный предприниматель, директор правлений Петербургского общества страхования, Общества пароходства по Днепру и его истокам, Русского нефтепромышленного общества и др. Видный деятель «Союза 17 октября» с момента его создания.

Чхеидзе Николай Семенович (1864 – 7 июня 1926). Из дворян. Учился в Новороссийском университете и Харьковском ветеринарном институте; из обоих учебных учреждений был исключен по политическим причинам. Один из основателей социал-демократического движения в Закавказье. С 1903 меньшевик. Депутат III и IV Дум от Тифлисской губ., председатель социал-демократической, с 1913 меньшевистской фракции. Масон, в 1912–1916 член Верховного совета масонского «Великого Востока народов России». 27 февраля 1917 избран членом Временного комитета Государственной думы; одновременно становится председателем исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С июня 1917 председатель ВЦИК первого созыва. В 1918 председатель Закавказского сейма, в 1919 – Учредительного собрания Грузии. С 1921 жил во Франции; покончил жизнь самоубийством.

Шаляпин Федор Иванович (1 февраля 1873 – 12 апреля 1938). Оперный певец, с 1899 – ведущий солист императорских Мариинского и Большого театров. В 1918 стал художественным руководителем Мариинского театра, в 1919 – его директором. Выехав в зарубежную гастрольную поездку в 1922, более в Советскую Россию не возвращался. Скончался в Париже. Автор мемуаров: Страницы моей жизни. М., 1976; Маска и душа. М., 1989.

Шаховской Всеволод Николаевич, князь (12 сентября 1874 – 1954). Окончил Морское училище (1893), в 1894–1896 совершил ряд плаваний в составе экипажей императорских яхт. С 1898 служил по Министерству финансов, в 1902–1905 в Главном управлении торговым мореплаванием и портами (секретарь главноуправляющего вел. кн. Александра Михайловича). С 1905 – в Министерстве промышленности и торговли: чиновник особых поручений, управляющий административной частью Отдела торговых портов, начальник Управления внутренних водных путей (с 1910). В 1910 – в должности гофмей-

стера Двора. Действительный статский советник (1912). С 18 февраля 1915 вплоть до Февральской революции министр торговли и промышленности. С 17 августа 1915 по этой должности председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа). Скончался в эмиграции. Автор воспоминаний: Sic transit gloria mundi. Париж, 1951.

Шаховской Дмитрий Иванович, князь (18 сентября 1861 — 15 апреля 1939). Внук декабриста. Окончил филологический факультет С.-Петербургского университета. Член возникшего в середине 80-х гг. кружка («Братства»), объединившего цвет молодой российской интеллигенции (в него входили, в частности, известные впоследствии ученые В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург, А.А. Корнилов, И.М. Гревс). С 1886 работал в Весьегонском уездном земстве (Тверская губ.). С 1889 проживал в Ярославской губ., где избирался уездным и губернским земским гласным, занимался журналистикой. Видный деятель либеральной оппозиции начала XX в.; принимал участие в издании журнала «Освобождение». В 1905 стал одним из основателей кадетской партии, на учредительном съезде был избран членом ЦК; вел большую организационную работу в секретариате партии. Депутат I Думы от Ярославской губ.; был избран секретарем Думы и возглавил организацию ее аппарата. Как один из подписавших Выборгское воззвание приговорен к трем месяцам заключения и в дальнейшем был лишен права избираться в Думу. В последующие годы видный деятель кооперативного движения. С 5 мая по 2 июля 1917 занимал пост министра государственного призрения во Временном правительстве. После Октябрьской революции работал в кооперации, в последние годы жизни занимался научной деятельностью (автор работ о декабристах, П.Я. Чаадаеве, которому приходился внучатным племянником, и др.). В 1938 арестован; расстрелян по приговору выездной сесии Военной коллегии Верховного суда СССР. Опубликованы его: «Автобиография» (М., [1917]) и обширная переписка (Письма о Братстве // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып 2. С. 174–318).

Шварц Александр Николаевич (4 января 1848 — 5 января 1915). Из дворян, землевладелец (на 1907 — имение в 250 дес. в Тульской губ.). По окончании историко-филологического факультета Московского университета преподавал в Лазаревском институте восточных языков. С 1875 доцент Московского университета по кафедре греческой словесности, с 1884 экстраординарный профессор по кафедре теории и истории искусств, с 1887 профессор по кафедре классической филологии. Доктор греческой словесности (1891). В 1885–1887 директор Московской 1-й прогимназии, в 1887–1897 — 5-й прогимназии, в 1897–1900 директор Константиновского межевого института. С 14 февраля 1900 — попечитель Рижского учебного округа, с 30 мая 1902 — Варшавского учебного округа, с 6 сентября 1905 — Московского учебного округа. Пробыв

в последней своей должности лишь два месяца, 16 ноября 1905 назначен сенатором. С 6 декабря 1907 — член Государственного совета. С 1 января 1908 — министр народного просвещения; 25 сентября 1910 уволен в отставку с производством в чин действительного тайного советника и оставлением членом Государственного совета. Оставил мемуары: Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.

Шечков Георгий Алексеевич (1 августа 1856 — 22 июня 1920). Депутат III и IV Дум от Курской губ., правый. Получил юридическое образование в Московском университете. Активный деятель правого движения, с 1909 член руководства Русского народного союза имени Михаила Архангела, ближайший сподвижник его лидера В.М. Пуришкевича. После Февральской революции уехал в Москву, затем на Украину. Скончался в Одессе.

Шидловский Сергей Илиодорович (16 марта 1861 — 1922). Из дворян Воронежской губ., крупный землевладелец (на 1900 в родовой собственности и нераздельно с братом и сестрами в общей сложности 18 588 дес. в Воронежской и Екатеринославской губ.). Окончил Александровский лицей. Был женат на дочери статс-секретаря сенатора А.А. Сабурова. С 1880 служил по Министерству внутренних дел, с 1891 чиновник особых поручений при министре VI класса сверх штата. 27 января 1900 назначен членом Совета Крестьянского поземельного банка. С 30 сентября 1905 по 22 апреля 1906 директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия. Действительный статский советник. Депутат III и IV Дум от Воронежской губ., октябрист. Товарищ председателя III Думы с 30 октября 1909 по 29 октября 1910. В IV Думе председатель земельной комиссии. После раскола фракции октябристов — в думской группе «Союза 17 октября». Один из лидеров Прогрессивного блока с момента его образования, председатель бюро блока. 27 марта 1917 был избран членом Временного комитета Государственной думы. После революции в эмиграции. Оставил «Воспоминания» (Берлин, 1923, Т. 1—2).

Шингарев Андрей Иванович (19 августа 1869 — 7 января 1918). Из мещан (мать — дворянка). Получил физико-математическое и медицинское образование в Московском университете, работал врачом в Воронежской губ. Земский гласный. Участник либерального движения начала XX в. Один из основателей и виднейший деятель кадетской партии (с 1908 член ЦК партии). Член II (от Воронежа), III (от Воронежской губ.) и IV (от Петербурга) Дум. Масон, член думской масонской ложи. С 1915 председатель военно-морской комиссии Думы. В августе 1915 избран Думой в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. В ходе Февральской революции возглавил продовольственную комиссию, во Временном правительстве

первого состава занял пост министра земледелия; с 5 мая по 2 июля 1917 министр финансов. Арестованный в ноябре 1917, содержался в Петропавловской крепости. В заключении вел дневник, впоследствии опубликованный (Как это было: Дневник А.И. Шингарева. Петропавловская крепость. М., 1918). 6 января 1918 переведен вместе с видным кадетом Ф.Ф. Кокошкиным в Мариинскую больницу, где они оба были на следующий день убиты матросами и красногвардейцами.

Штюрмер Борис Владимирович (15 июля 1848 — 20 августа 1917). Из дворян, землевладелец (602 дес. в Тверской губ.). По окончании С.-Петербургского университета со степенью кандидата прав служил в Сенате, Министерстве юстиции, с 1878 одновременно в придворной Экспедиции церемониальных дел. Камергер Двора (1888). В 1890 избран председателем Тверской губернской земской управы. Действительный статский советник (1891). В 1892 переведен на службу в Министерство внутренних дел, в 1894 г. назначен новгородским, в 1896 — ярославским губернатором. В 1902—1904 директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел. 3 сентября 1904 назначен членом Государственного совета. С 20 января по 10 ноября 1916 — председатель Совета министров, одновременно с 3 марта по 7 июля 1916 — министр внутренних дел, а с 7 июля по 10 ноября — министр иностранных дел. При отставке пожалован придворным чином обер-камергера. В ходе Февральской революции арестован и доставлен в Таврический дворец. С 1 марта 1917 — в Петропавловской крепости; скончался в тюремной больнице.

Шубинской Николай Петрович (30 октября 1853 — 1921). Землевладелец (на 1912 владел 1500 дес. в Тверской и Рязанской губ.), коннозаводчик. Окончил юридический факультет Московского университета. Присяжный поверенный. С 1877 — муж актрисы М.Н. Ермоловой. Член III и IV Дум от Тверской губ. (октябрист, затем беспартийный). С 1911 уездный предводитель дворянства Калязинского уезда Тверской губ. После Октябрьской революции уехал на юг, некоторое время проживал в Ростове, затем покинул Россию.

Шуваев Дмитрий Савельевич (12 октября 1854 — 1937). Из потомственных почетных граждан, уроженец Уфимской губ. Окончил 3-е военное Александровское училище (1872) и Николаевскую академию Генерального штаба (1878). Службу начал во 2-м Туркестанском стрелковом батальоне, участник Хивинской кампании и взятия Коканда; награжден боевыми орденами. С 1885 возглавлял Новочеркасское казачье юнкерское училище, в 1899—1905 — начальник Киевского военного училища. С 1905 командир 5-й пехотной дивизии, участник Русско-японской войны. С 1908 — во главе 2-го Кавказского армейского корпуса. С 8 августа 1909 начальник Главного интендантского управления и

главный интендант Военного министерства. Генерал от инфантерии (1912). С 15 марта 1916 военный министр, одновременно по этой должности председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Принадлежал к либеральному крылу Совета министров. 3 января 1917 уволен от должности министра с назначением членом Государственного совета. С 1918 служил в Красной армии. Репрессирован.

Шульгин Василий Витальевич (1 января 1878 — 13 февраля 1976). Сын профессора истории Киевского университета, пасынок известного консервативного деятеля профессора Д.И. Пихно. В 1900 окончил юридический факультет Киевского университета. Земский гласный. Занимался журналистикой, печатался в основанной его отцом, а затем редактировавшейся его отчимом националистической газете «Киевлянин» (с 1911 ее редактор). Избирался от Волынской губ. во II, III и IV Думы, где был одним из лидеров правых, а затем националистов. В то же время в связи с делом Бейлиса выступил с резкой критикой действий правительства и был приговорен к трехмесячному тюремному заключению. После начала мировой войны пошел на фронт добровольцем. Затем, после ранения, возглавлял перевязочно-питательный отряд. В августе 1915 избран Думой в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Одновременно вошел в состав руководства Прогрессивного блока. 27 февраля избран в состав Временного комитета Государственной думы. 2 марта был вместе с А.И. Гучковым направлен комитетом в Псков для переговоров с императором, присутствовал при подписании манифеста об отречении. В ходе Февральской революции — комиссар Временного комитета Государственной Думы и Временного правительства над Петроградским телеграфным агентством. После Октябрьской революции один из организаторов и ведущий идеолог белого движения. В 1945—1956 находился в СССР в заключении, после освобождения жил во Владимире. Автор нескольких книг воспоминаний: Годы. Дни. 1920 год. М., 1990; 1917—1919 // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5; Пятна // Там же. М.; СПб., 1996. Т. 7.

Щегловитов Иван Григорьевич (13 февраля 1861 — 5 сентября 1918). Из потомственных дворян, землевладелец (2000 дес. в Черниговской губ.). Питомец Училища правоведения, по окончании которого в 1881 с золотой медалью поступил на службу по судебному ведомству. С 1885 товарищ прокурора Нижегородского, с 1887 — С.-Петербургского окружного суда, с 1894 прокурор С.-Петербургского окружного суда, с 1895 товарищ прокурора столичной судебной палаты. В 1898 назначен товарищем обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената, с 1898 — в Первом департаменте Сената. В 1900—1903 вице-директор Первого департамента Министерства юстиции. В

1903—1905 обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената. С 22 апреля 1905 возглавлял Первый департамент Министерства юстиции, с 1 февраля 1906 товарищ министра юстиции. 24 апреля 1906 назначен министром юстиции, 1 января 1907 — членом Государственного совета с оставлением в должности министра. Сенатор (1911). Статс-секретарь е.и.в. (1911), действительный тайный советник (1914). Был причастен к организации дела Бейлиса, покровительствовал правым организациям. 6 июля 1915 был уволен от должности министра, но не потерял при этом расположения императора и 1 января 1917 был назначен председателем Государственного совета. В ходе Февральской революции первым из видных государственных деятелей империи, еще вечером 27 февраля, был арестован и стал пленником Министерского павильона Таврического дворца. С 1 марта 1917 по 26 февраля 1918 находился в заключении в Петропавловской крепости, затем перевезен в Москву; расстрелян в ходе красного террора.

Щепкин Дмитрий Митрофанович (10 января 1879 – после 1926). Принадлежал к одной из известнейших династий потомственной московской интеллигенции, сын видного деятеля московского городского самоуправления М.П. Щепкина (1832—1908). В 1902 окончил юридический факультет Московского университета. Автор ряда научных работ по истории. С 1903 служил в различных московских казенных учреждениях. В 1906 — сверхштатный чиновник особых поручений при московском губернаторе. В начале июля был приглашен председателем I Думы С.А. Муромцевым исполнять обязанности помощника думского пристава; после роспуска Думы был уволен. В феврале 1907 поступил на службу в Государственную канцелярию, откуда теперь уже в качестве командированного чиновника вновь оказался в Канцелярии Думы. С августа 1908 переведен в штат Думы на должность делопроизводителя. Длительное время фактически исполнял обязанности секретаря председателя Думы. С 1911 старший делопроизводитель Отдела Общего собрания и общих дел; возглавлял его 4-е делопроизводство. Коллежский советник (1913). После образования в июле 1914 Всероссийского земского союза с разрешения руководства Думы принимал участие в организации аппарата союза в Москве. Формально оставаясь на службе в Думе, в декабре 1914 был избран членом Главного комитета Земского союза и стал одним из ближайших сотрудников его лидера кн. Г.Е. Львова. С июля 1915 — товарищ председателя Главного комитета Земского и Городского союзов по снабжению армии. Видный деятель Прогрессивного блока. 2 марта 1917 по предложению Г.Е. Львова назначен товарищем министра внутренних дел Временного правительства; занимал эту должность до 2 августа 1917. С ноября 1917 председатель Совета общественных деятелей. В годы Гражданской войны участвовал в московских подпольных антибольшевистских организациях. В 1920 по делу Тактического центра приговорен к 10 годам заключения,

но затем освобожден по амнистии. В 1922 вновь арестован; после освобождения служил в московском синдикате «Сельмаш».

Щербатов Николай Борисович, князь (22 января 1868 — 29 июня 1943). Землевладелец Полтавской губ. (на 1909 г. — 157 дес. в Лохвинском и Лубенском уездах, у отца в Роменском и Лебединском уездах 9700 дес.). Окончил Пажеский корпус, с 1889 служил в 44-м драгунском Нижегородском полку; в 1892 уволен в запас. В 1895—1897 состоял на службе по Министерству государственных имуществ, затем проживал в своем имении. С 1907 — полтавский губернский предводитель дворянства. Пожалован в звание камергера (1909). В 1912 избран членом Государственного совета от полтавского земства; принадлежал к группе правого центра. 1 января 1913 назначен управляющим Государственным коннозаводством с производством в действительные статские советники. С 5 июня по 26 сентября 1915 г. — управляющий Министерством внутренних дел, в Совете министров выступал за сотрудничество с оппозицией. После отставки с поста министра вновь избран членом Государственного совета от полтавского земства. После Октябрьской революции — в эмиграции, умер в Германии.

Юсупов Феликс Феликсович (11 марта 1887 — 27 сентября 1967), князь, граф Сумароков-Эльстон. Принадлежал к одной из наиболее знатных и богатых российских фамилий, сын Ф.Ф. Юсупова (старшего), в 1915 — генерал-адъютанта, главного начальника Московского военного округа. Окончил классическую гимназию и Оксфордский университет. В феврале 1914 с согласия императора вступил в брак с княгиней императорской крови Ириной Александровной, дочерью вел. кн. Александра Михайловича. В 1915—1916 учился на офицерских курсах при Пажеском корпусе. Один из организаторов заговора с целью убийства Г.Е. Распутина. После того как в ночь на 17 декабря 1916 во дворце Юсупова Распутин был убит заговорщиками, выслан в имение отца Ракитное в Курской губ. под негласный надзор полиции. После Октябрьской революции эмигрировал. Оставил воспоминания: Конец Распутина. М., 1990; Мемуары. М., 2000.

Основные источники:

Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998

Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997.

Боиович М.М. Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Созывы 1—4. СПб., 1909—1914.

Бородин А.П. Государственный совет России (1906—1917). Киров, 1999.

Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801—1917. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998.

Записные книжки полковника Г.А. Иванишина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 17. С. 477—572.

Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. London, 1992.

Куликов С.В. Временное правительство: кадровые перестановки (март—октябрь 1917) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 7. С. 27—42.

Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 9. С. 3—22.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917—1977. М., 1999. Т. 1—2.

Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль—март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 46—74.

Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 г.: персональный состав // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 8. С. 26—46.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990.

Островский А.В. Осторожно! Масоны! // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6. С. 163—175.

Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994—2000. Т. 1—3.

Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Именной указатель к I—VII тт. // Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. VII. С. 299—443.

Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. 1.

Правые партии: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1—2.

Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993.

Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.

Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905—1920. М., 1994—1998. Т. 1—3.

Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989—1999. Т. 1—4.

Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 1997.

Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.

Серков А.И. История русского масонства. 1845—1945. СПб., 1997.

Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918—1920 гг.). СПб., 1999.

Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.

Список лиц, принадлежавших или же подозреваемых в принадлежности к российскому масонству начала XX в. // Из глубины времен: Исторический альманах. СПб., 1992. Вып. 1. С. 180—187.

Советская историческая энциклопедия. М., 1961—1976. Т. 1—16.

Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907—1914 гг. М., 1991.

Архивы:

РГИА. Ф. 1162. Оп. 6, 7; Ф. 1276. Оп. 16; Ф. 1278. Оп. 9; Ф. 1282. Оп. 1; Ф. 1284. Оп. 52, 53, 250; Ф. 1341. Оп. 1; Ф. 1349. Оп. 1, 2; Ф. 1405. Оп. 528; Ф. 1409. Оп. 9.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

* Указатель охватывает весь текст настоящего издания за исключением «Биографического словаря».

25 Зак. 2660.

СОДЕРЖАНИЕ

Я. В. Глинка

**ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ**

Редактор
А.И. Рейтблат
Корректор
Л.Н. Морозова
Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

ООО «Новое литературное обозрение»
Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (095) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru
http://www.nlo.magazine.ru

ЛР № 061083 от 6 мая 1997 г.

Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1
Усл. печ. л. 25. Тираж 3000. Зак. 2660.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ППО «Известия»
103798, Москва, Центр, Пушкинская пл., 5.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 1996–1997 гг. вышли:

Серия **«Россия в мемуарах»**

Н.И. Свешников. **ВОСПОМИНАНИЯ ПРОПАЩЕГО ЧЕЛОВЕКА**

Автор, бродячий торговец книгами второй половины XIX в., много видевший и испытавший, рассказывает о своей своеобразной и богатой впечатлениями жизни: общение с уголовным миром (ночлежки, притоны, трактиры, тюрьмы), знакомства с известными литераторами (Н.С. Лесков, Г.И. Успенский, А.П. Чехов) и т.д. Впервые напечатанные в 1896 г. воспоминания Свешникова были переизданы в 1930 г. и давно уже стали библиографической редкостью. В предлагаемое переиздание включены также опубликованные и неопубликованные воспоминания о народной книжности (рыночные букинисты, уличные разносчики).

«ИСТОРИЯ ЖИЗНИ БЛАГОРОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Объединенные под одной обложкой воспоминания А.Е. Лабзиной, В.Н. Головиной и Е.А. Сабанеевой охватывают один из самых ярких периодов русской истории от начала царствования Екатерины II до восстания декабристов — время небывалых событий и характеров, блеска и изящества, пышных дворцов, роскошных парков, прекрасных дам и мужественных кавалеров. Перед читателем проходят бытовые картины придворной и провинциальной жизни: Петербург и Париж, Нерчинск и поместье в Калужской губернии. Среди действующих лиц: Екатерина II, Павел I и Александр I; придворные и простые провинциальные жители. На первом плане — личная жизнь: любовь и измены; истовая религиозность и разврат — все с точки зрения русской женщины конца XVIII — начала XIX в.

Ш. Массон. **СЕКРЕТНЫЕ ЗАПИСКИ О РОССИИ**

Воспоминания француза, который провел ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, содержат закулисную хронику русской придворной жизни того времени. Демонстрируя незаурядную наблюдательность и осведомленность, автор дает яркие характеристики мудрой императрице и ее сумасбродному сыну, их фаворитам и придворным. Независимость суждений и нелицеприятность выводов делают книгу уникальным мемуарным источником. Книга выходила на русском языке в начале XX в. и с тех пор не переиздавалась.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 1997–1998 гг. вышли:

Серия **«Россия в мемуарах»**

Л.Н. Энгельгардт. **МЕМУАРЫ**

Автор, генерал-майор, описывает свое детство, воспитание и обучение, службу у Г.А. Потемкина (своего дальнего родственника), придворный быт 1780-х гг., участие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., подавление польского восстания 1794 г., порядки в армии при Павле I, и т.д. По ходу изложения он создает яркие портреты ряда военных и государственных деятелей, в том числе П.А. Румянцева, А.В. Суворова и др.

Вл. Пяст. **ВСТРЕЧИ**

В книгу Владимира Алексеевича Пяста (1886–1940) – поэта, переводчика, мемуариста – вошли его воспоминания «Встречи» (1929) о петербургском литературном быте эпохи символизма и акмеизма («Среды» Вяч. Иванова, редакция «Аполлона», Цех поэтов, кабаре «Бродячая собака» и т.п.). В книге даны яркие портреты как ключевых фигур литературы того времени (А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, Н. Гумилев, М. Кузмин, В. Розанов, Ф. Сологуб и др.), так и многих литераторов второго и третьего ряда. В качестве приложения помещены статьи Пяста о Блоке, Брюсове, Белом и Вяч. Иванове, а также его автобиографическая «Поэма в нонах». Существенно дополняет книгу обширный комментарий, включающий цитаты из мемуарных и эпистолярных источников, многие из которых публикуются впервые.

М.А. Дмитриев. **ГЛАВЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОЕЙ ЖИЗНИ**

Впервые публикуемая книга не уступает по своим литературным и познавательным достоинствам лучшим образцам русской мемуарной прозы. Пытливый и цепкий взор автора запечатлевает усадьбу сибирского помещика и московский благородный пансион при университете, а затем и сам университет 1810-х гг., московский театр 1820-х гг., суд и уголовные процессы того времени, литературную жизнь 1820–1840-х гг.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 1999–2000 гг. вышли:

Н.А. Варенцов. СЛЫШАННОЕ. ВИДЕННОЕ. ПЕРЕДУМАННОЕ. ПЕРЕЖИТОЕ

Воспоминания видного московского предпринимателя и общественного деятеля Н.А. Варенцова (1862—1947) охватывают период с середины XIX в. по 1905 г., в них описывается история становления и развития крупнейших московских фирм, банков, торговых домов, даны яркие характеристики их владельцев; книга содержит также бытовые зарисовки купеческой жизни Москвы и изложение драматических и анекдотических событий из жизни московских предпринимателей.

В.Н. Харузина. ПРОШЛОЕ. ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСКИХ И ОТРОЧЕСКИХ ЛЕТ

В.Н. Харузина (1866—1931), первая русская женщина, получившая звание профессора этнографии, демонстрирует в своих впервые публикуемых мемуарах не только профессиональную наблюдательность и незаурядную память, но и блестящие литературные способности, которые позволили ей создать выразительную картину быта и нравов московского купечества второй половины XIX века.

А.Д. Галахов. ЗАПИСКИ ЧЕЛОВЕКА

В мемуарах известного литератора и педагога середины XIX в. ярко обрисованы помещичий быт и провинциальная жизнь начала XIX в., Московский университет 1820-х гг., актерская среда Москвы того времени, литературная Москва 1830—1840-х гг. (в т.ч. Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский, М.П. Погодин, М.Н. Катков и многие другие). Благодаря выразительному языку, живости описаний и точности психологических характеристик воспоминания Галахова обладают не только информационной, но и высокой литературной ценностью.

Иванов-Разумник. ПИСАТЕЛЬСКИЕ СУДЬБЫ. ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ

В своих полных горечи и сарказма мемуарных книгах литературный критик, публицист и мыслитель Иванов-Разумник, друг А. Блока и А. Белого, С. Есенина и М. Пришвина, пишет о судьбах «погибших», «задушенных» и «приспособившихся» в 1920–30-е годы русских писателей и о собственной судьбе – судьбе человека, испытавшего тюрьму и ссылку, однако не пошедшего на сделку с совестью и не ставшего «советским писателем».

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В серии
«РОССИЯ В МЕМУАРАХ»
готовятся к изданию:

А. Фет
ЖИЗНЬ СТЕПАНОВКИ,
ИЛИ ЛИРИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Ж.-А. Ансло
ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В РОССИИ

И.Е. Врангель
ВОСПОМИНАНИЯ

Н.П. Гиляров-Платонов
ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

ИНСТИТУТКИ

ДЕЛО СУХОВО-КОБЫЛИНА

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В серии
«РОССИЯ В МЕМУАРАХ»
готовятся к изданию:

А.С. Стурдза

ВОСПОМИНАНИЯ

Ф. Фидлер

ДНЕВНИК

П.П. Перцов

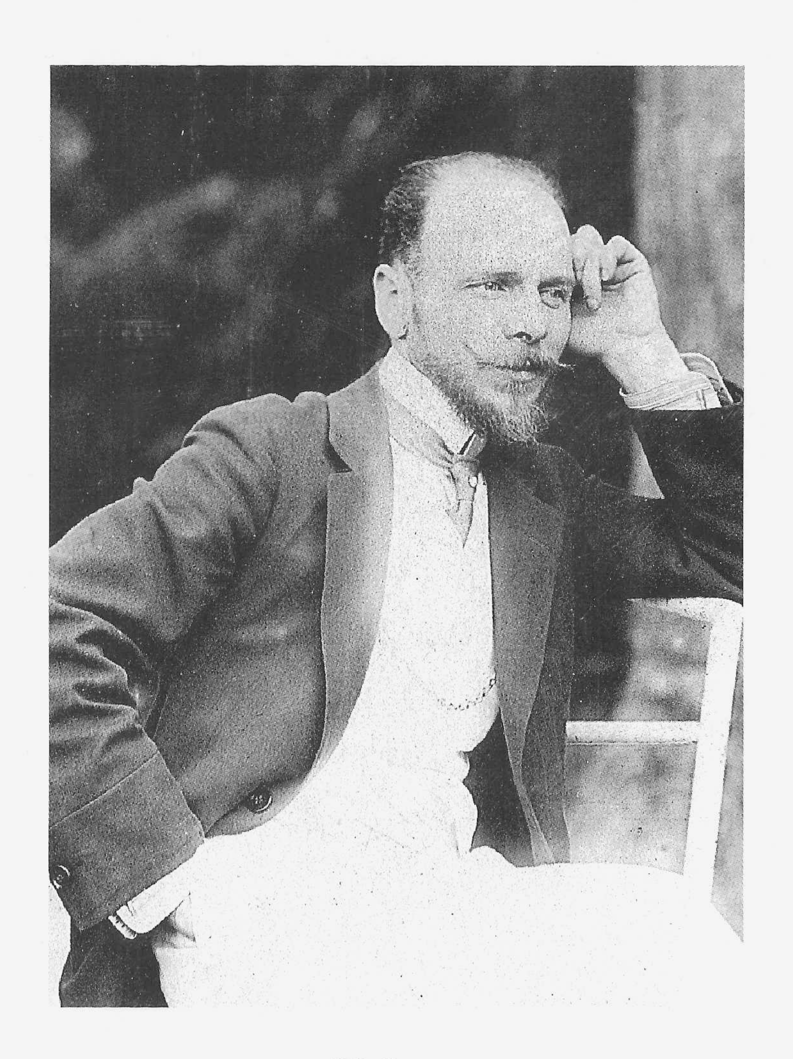
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

А.В. Амфитеатров

ИЗ ДАВНИХ ЛЕТ

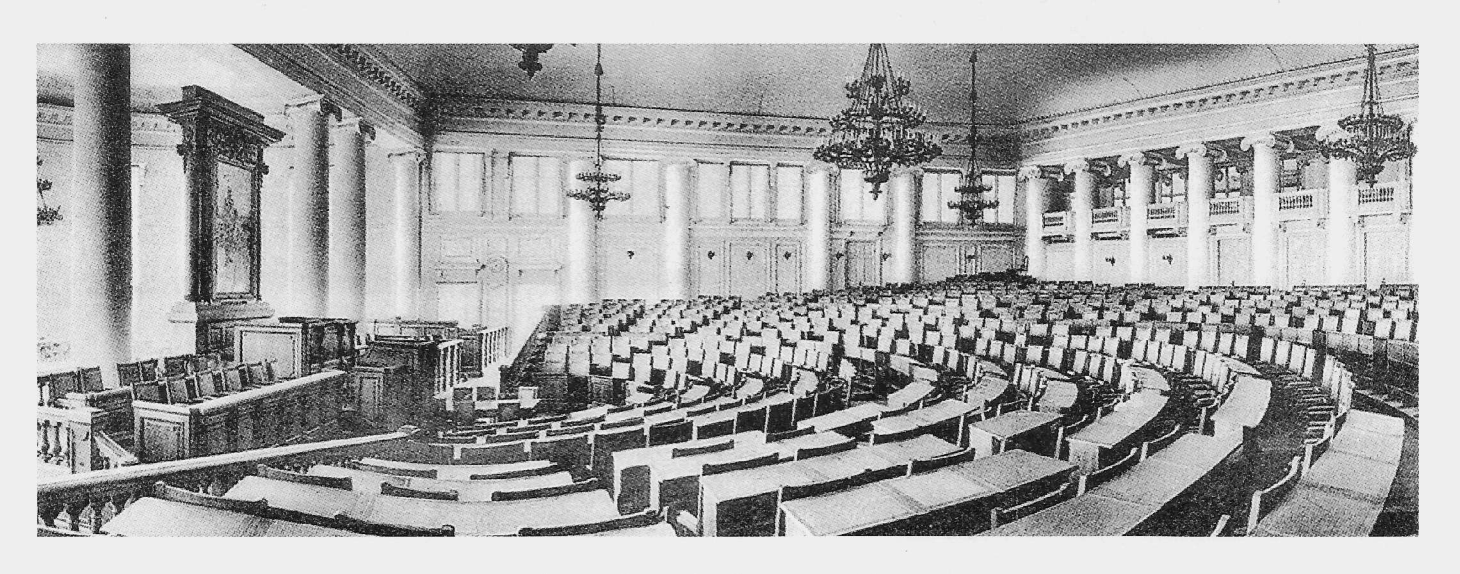
Ф.В. Булгарин

ВОСПОМИНАНИЯ

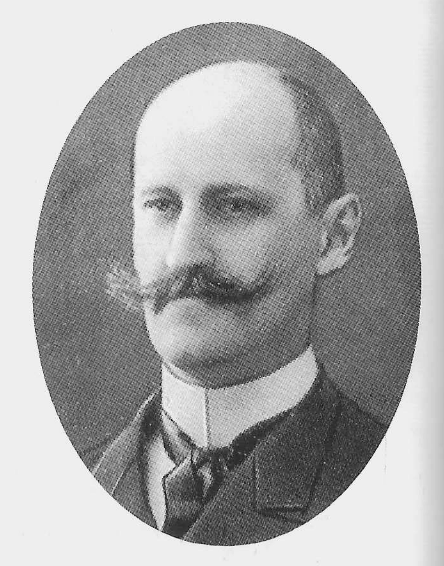
Я.В. Глинка

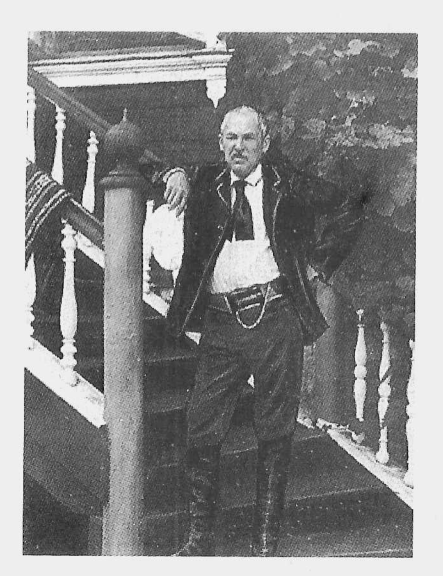
Общий вид здания Государственной думы

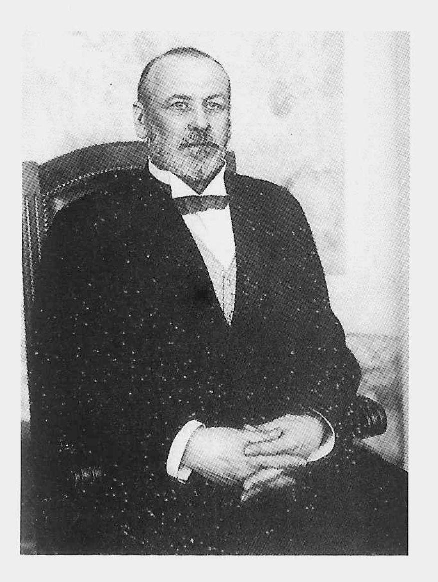
Зал заседаний Государственной думы

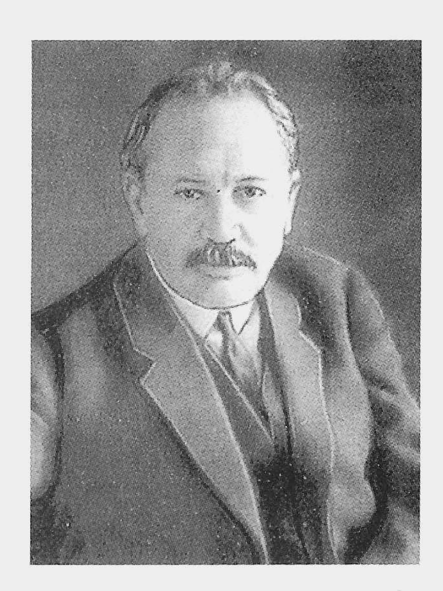

С.А. Муромцев

Ф.А. Головин

Н.А. Хомяков

А.И. Гучков

М.В. Родзянко

В.А. Маклаков

Д.И. Шаховской

А.А. Бобринский

Н.Е. Марков

М.В. Челноков

Н.Н. Львов

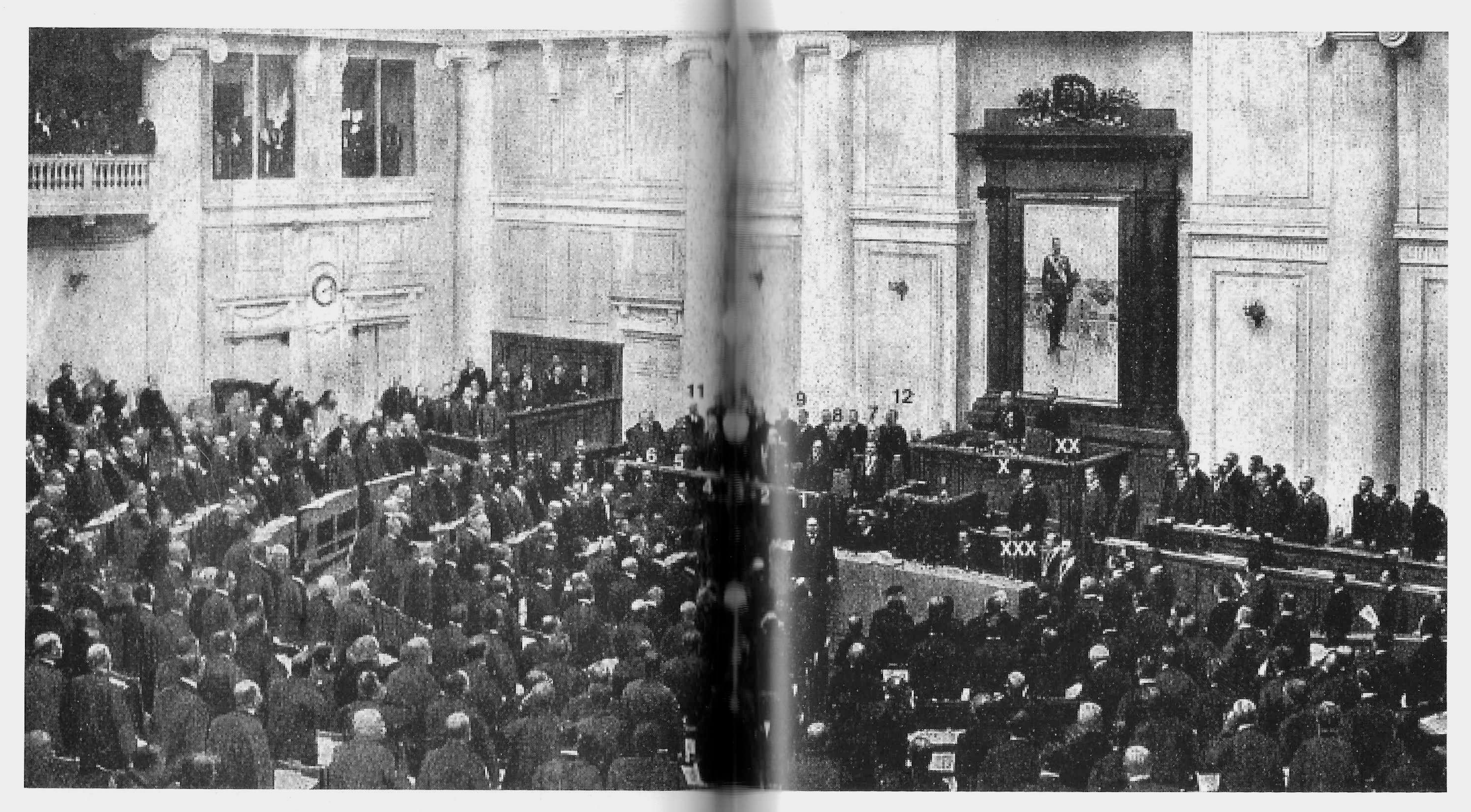
В.М. Пуришкевич

В.В. Шульгин

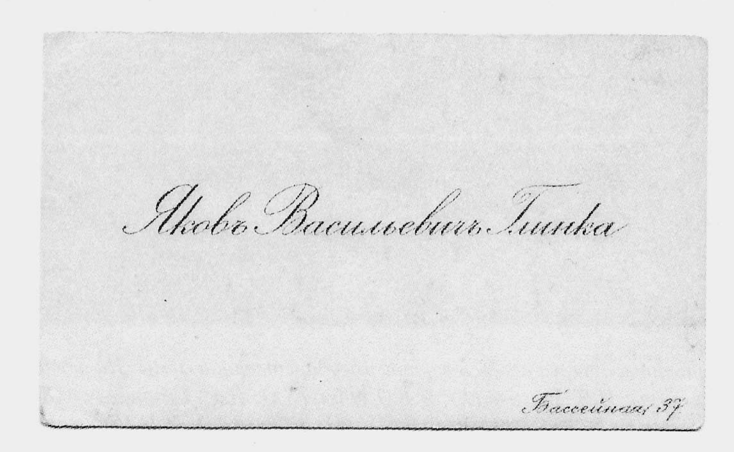
П.Н. Крупенский

Торжественное открытие Четвертой Государственной думы. На фотографии помечены: И.Я. Голубев (X); Я.В. Глинка (XX); И.П. Созонович (XXX); В.Н. Коковцов (1); В.А. Сухомлинов (2); В.К. Саблер (3); И.Г. Щегловитов (4); И.К. Григорович (5); А.В. Кривошеин (6); С.Д. Сазонов (7); П.А. Харитонов (8); А.А. Макаров (9); С.И. Тимашев (10); С.В. Рухлов (11); Л.А. Кассо (12)

Я.В. Глинка в рабочем кабинете

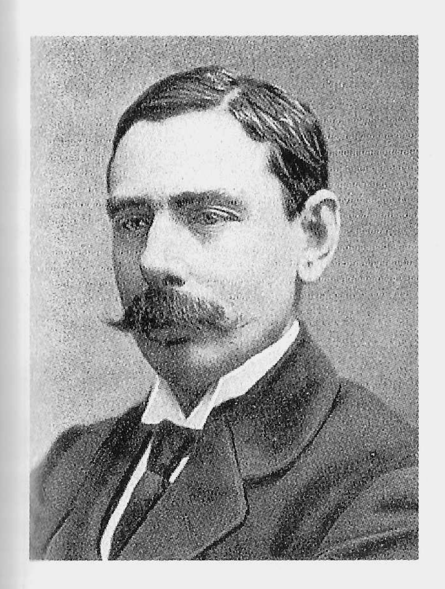
Визитная карточка Я.В. Глинки

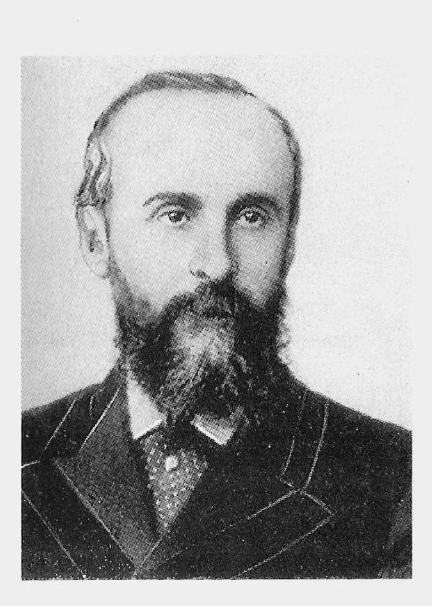
А.Ф. Керенский

А.И. Коновалов

П.Н. Балашев

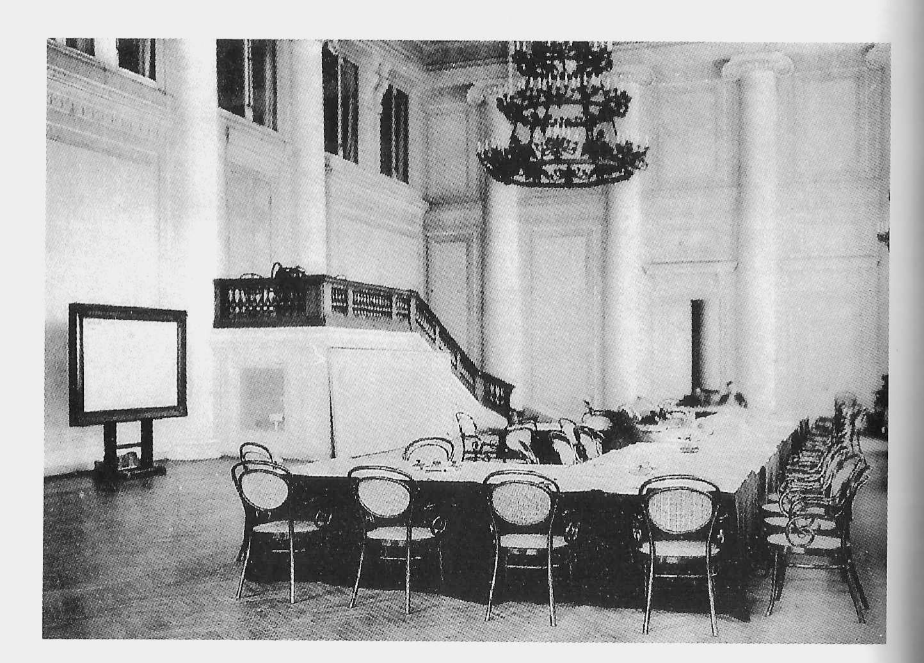
В.А. Бобринский

С.Т. Варун-Секрет

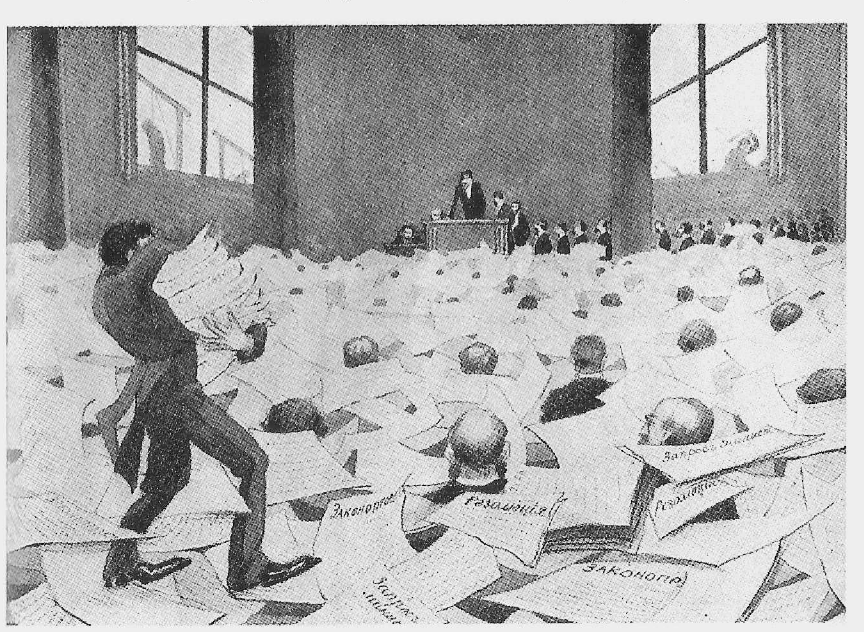
И.П. Созонович

Левый совещательный зал Государственной думы

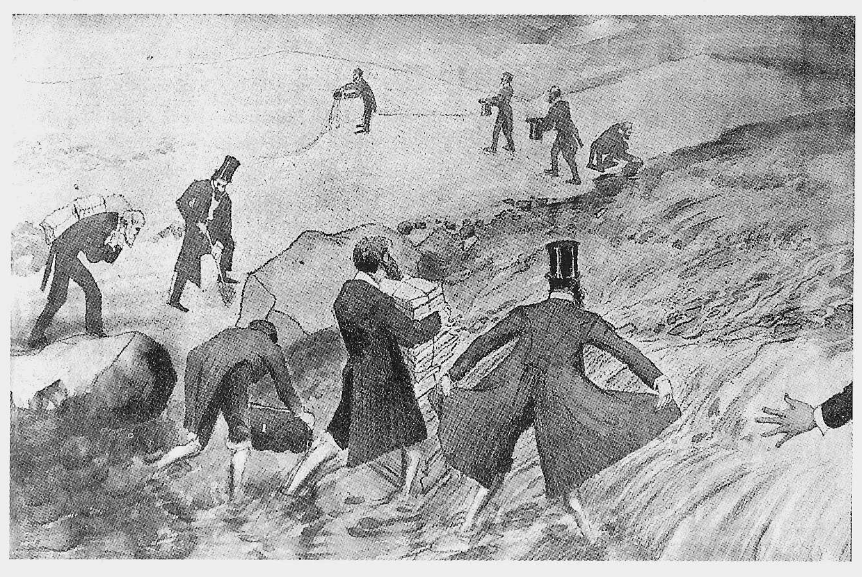

«Крайняя правая думы»
Карикатура из «Думского альманаха» (СПб., 1906)

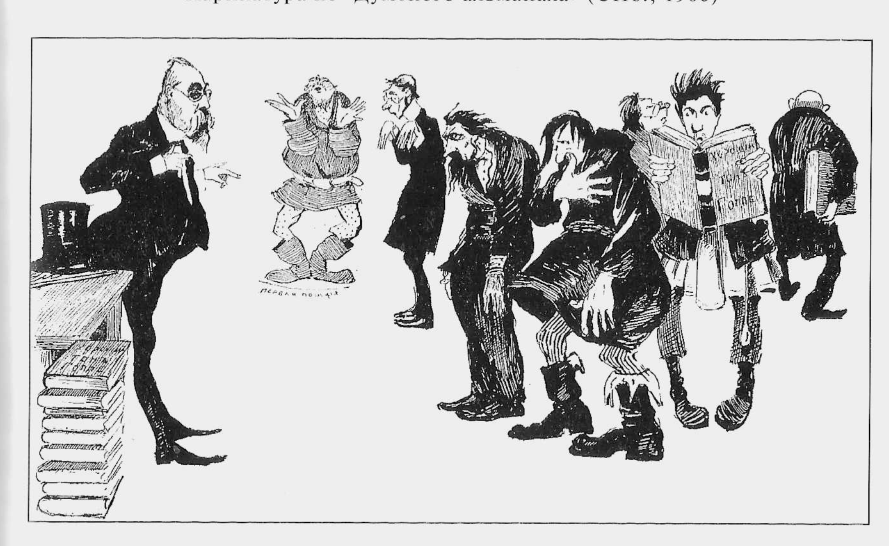

«Тактика большинства»
Карикатура из «Думского альманаха» (СПб., 1906)

«Трепов думой доволен...»
Карикатура из «Думского альманаха» (СПб., 1906)

«Революция и думское большинство»
Карикатура из «Думского альманаха» (СПб., 1906)

«Главная обязанность председателя Думы»
Карикатура из «Думского альманаха» (СПб., 1906)

Вид здания Государственной думы со стороны пруда